

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

**ГЕНОЦИД И
МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ**

**Истребление по
национальным
и религиозным
мотивам.**

ЛИТЕРАТУРА, 1996

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

**ГЕНОЦИД И
МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ**

**Истребление по
национальным
и религиозным
мотивам.**

ЛИТЕРАТУРА, 1996

ББК 63.3(0)
Г34
УДК 930.9

Серия основана в 1996 году

Подготовка текста *Т. И. Ревяко, Н. В. Трус*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Г34 **Геноцид и массовые репрессии: Истребление по национальным и религиозным мотивам.** / Подгот. текста *Т. И. Ревяко, Н. В. Трус.*— Мн.: Литература, 1996.— 576 с.— (Энциклопедия преступлений и катастроф).

ISBN 985-6274-98-2.

От Вавилоских казней до конца XX века в новой книге ЭПК даются данные о всех известнейших массовых репрессиях в истории человечества.

Г 9300900000

ББК 63.3(0)

ISBN 985-6274-98-2

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I	7
ИЗБИЕНИЕ ХРИСТИАН ПРИ НЕРОНЕ.	10
ИЗБИЕНИЯ В СИРИИ И ЕГИПТЕ	
В ПЕРВОМ ВЕКЕ Н. Э.	20
БЕГСТВО ХРИСТИАН ИЗ ИЕРУСАЛИМА.	30
РЕПРЕССИИ ВТОРОГО СТОЛЕТИЯ.	37
ДЕЯНИЯ МУЧЕНИКОВ	44
ПОСЛЕДНИЕ ГОНЕНИЯ	46
АНТИСЕМИТИЗМ В ДРЕВНОСТИ	50
АНТИСЕМИТИЗМ В СРЕДНИЕ ВЕКА	57
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ	66
ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ	70
АНТИСЕМИТИЗМ В ПОЛЬШЕ ДО 1793 Г.	72
ХМЕЛЬНИЧИНА.	77
ГАЙДАМАЧИНА	81
АНТИСЕМИТИЗМ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ.	
АНТИСЕМИТИЗМ ВО ФРАНЦИИ	86
ДЕЛО ТАМПЛИЕРОВ.	102
ИНКВИЗИЦИЯ	115
ИСЛАМИЗАЦИЯ БОЛГАР	145
ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ	152
«ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ АВГУСТА»	166
ИСТРЕБЛЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ.	174
ТРАГЕДИЯ БУШМЕНОВ, ГОТТЕНТОТОВ, КОСА .	178
РАБОТОРГОВЛЯ	192

...О ГЕНОЦИДЕ, КОТОРОМУ ПОДВЕРГАЛИСЬ АЧЕ- ГУЯКИ В ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ПАРАГВАЯ	219
СТАРООБРЯДЧЕСТВО ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКОГО	230
ИРЛАНДИЯ	267
ЧАСТЬ II	270
АРМЕНИЯ, 1915 ГОД	270
УНИЧТОЖЕНИЕ ТУРЦИЕЙ КУЛЬТУРНОГО НАРОДА	270
АРМЯНСКИЙ НАРОД. МЛАДОТУРКИ У ВЛАСТИ	271
«АРМЯНСКИЙ ВОПРОС МОЖНО РЕШИТЬ НАИЛУЧШИМ ОБРАЗОМ, ИСТРЕБИВ ВСЕХ АРМЯН»	280
ЧЕРТОВО УЩЕЛЬЕ	291
ГЕРМАНИЯ	297
РАСОВАЯ ТЕОРИЯ НАЦИЗМА	297
«ОТБОР ФЮРЕРОВ» СРЕДИ НЕМЦЕВ	297
НЕАРИЙЦЫ ВНУТРИ СТРАНЫ	300
ТЕОРИЯ «ВЫСШЕЙ РАСЫ»	307
ПОЛЬША — «ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ» ГЕНОЦИДА	324
ИНДУСТРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ	329
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	343
КОЛЛЕКЦИЯ СКЕЛЕТОВ И ЧЕРЕПОВ	349
АМЕРИКА ПРОТИВ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ	358
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	358

КАНАДА. «БЕЛАЯ КНИГА» ПЬЕРА ТРЮДО	363
«ХОРОШИЙ ИНДЕЕЦ — МЕРТВЫЙ ИНДЕЕЦ»	370
АВСТРАЛИЯ	382
«ГЕНОЦИД ПУТЕМ ЗАБВЕНИЯ НУЖД И ИНТЕРЕСОВ...»	382
«ВЕРНИТЕ НАМ ЗЕМЛЮ»	385
КИТАЙ	395
«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»	395
КАЗАРМА — ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ	398
«КРАСНАЯ ОХРАНА»	412
«НАРОДНЫЕ КОММУНЫ»	435
ЖЕРТВЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»	450
ВЬЕТНАМ.	465
ВОЙНА, ПОХОЖАЯ НА КОШМАР	465
ТРАГЕДИЯ СОНГМИ	479
БОМБЫ, БОМБЫ, БОМБЫ...	483
ОБЛАКА СМЕРТИ	487
КАМПУЧИЯ	496
НАЧАЛО ТРАГЕДИИ	497
«КОММУНЫ» — ЛАГЕРЯ СМЕРТИ.	505
ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ АД	509
ТРАГЕДИЯ НА ПЛАНТАЦИИ ЧУП	514
ТОТАЛЬНЫЙ ГЕНОЦИД	519
ИРАК	526
КУРДЫ ЗАГНАНЫ В УГОЛ	526
ЮАР	537

АПАРТЕИД — «ОБОСОБЛЕНИЕ»,	
«РАЗДЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ»	537
КОСА — ПРОТИВ ЗУЛУСОВ,	
БЕЛЫЕ — ПРОТИВ БЕЛЫХ	545
ПАЛЕСТИНА	549
ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ	549
ТРАГЕДИЯ САБРЫ И ШАТИЛЫ	562
ТРАГЕДИЯ «СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РАЯ»	568

Часть I

ГЕНОЦИД (гр. *genos* род + лат. *caedere* убивать, букв. «уничтожение рода, племени») — истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Геноцид органически связан с фашизмом и расизмом.

/ Словарь иностранных слов. — Москва, 1985. /

Человеку свойственно забывать плохое. В какой-то степени это относится и к человечеству. Его историческая память несовершенна. Существует грустный афоризм, который обычно приписывают Бернарду Шоу: «Единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что из нее не извлекают уроков». Разумеется, этот афоризм не следует понимать буквально. Человечество все же учится на прошлом, хотя и менее успешно, чем этого порой хотелось бы. Поэтому очень полезно время от времени вспоминать о том, что было — и давно, и недавно. Это помогает сохранить опыт, накопленный человечеством за многие годы его существования, а следовательно — избежать ловушек, расставленных теми, кто рассчитывает на незнание, забывчивость или легкомыслие.

Сказанное полностью относится к проблеме, которая рассматривается в предлагаемой книге. Понятие геноцида — поголовного истребления целых народов — как категория международного права существует сравнительно недавно. Оно вошло в обиход после второй мировой войны под воздействием всеобщего шока, кото-

рый поразило цивилизованное человечество, когда оно узнало о миллионах человеческих жизней, уничтоженных немецкими и иными фашистами на контролируемых землях, — в ходе облав, расстрелов, в концентрационных лагерях, на «фабриках смерти». Но геноцид, как реальная политика, существовал еще задолго до того, как его морально клеймило и юридически осудило мировое сообщество.

Чтобы убедиться в этом, не обязательно возвращаться к истокам истории — временам общинно-родовых отношений, каннибализма, охоты за «живым товаром» или к завоевательным походам Александра Македонского, Ганнибала, римских легионов и т. п. Имеются примеры, не отдаленные от нас столь большим временным пространством.

Геноцид практиковался при зарождении Соединенных Штатов Америки. Колонисты, прибывшие в свое время в Новый Свет из Европы, заселяли не пустое пространство. Они его опустошали, методично и последовательно истребляя и изгоняя с родных земель аборигенов-индейцев. Вся история колонизации Северо-американского континента написана кровью, а созданная в результате цивилизация, которой так бахвалятся ее современные апологеты, покоится на костях — не в переносном, а в буквальном смысле слова.

Аналогичным образом осваивали Центральную и Южную Америку испанские завоеватели, осуществлявшие геноцид по отношению к коренному населению.

В самой Европе дела обстояли не лучше. Много раньше приобщение к христианству народов восточной части континента, в первую очередь славянских и балтийских племен, сопровождалось либо их полным истреблением, либо резким сокращением их численности с последующей ассимиляцией. В этой связи достаточно вспомнить о судьбе поморян, пруссов или сорбов.

В пределах Оттоманской империи, распространившей в свое время господство на большую часть Юго-Восточной Европы, шло непрекращающееся истребление болгар, сербов и других народов. То и дело оно достигало таких пароксизмов, как резня греков и армян, осуществлявшаяся и при султанах, и при их преемниках. Печатью геноцида была отмечена вся колониальная политика европейских держав во второй половине XIX века. Сколачивая мировые империи, европейские метрополии, мнившие себя оплотом цивилизации и просвещения, не только прибирали к рукам чужие земли: если жители этих земель не проявляли достаточной готовности смиренно принять чужеземное иго, их уничтожали. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к истории английского господства в Индии, германской колониальной политики в Юго-Западной Африке, французских завоеваний в Магрибе, Индокитае и т. д. /Геноцид. — М., «Прогресс», 1985. /

ИЗБИЕНИЕ ХРИСТИАН ПРИ НЕРОНЕ

Тогда ему пришла в голову адская мысль. Он стал соображать, не найдется ли на свете каких-нибудь презренных людей, к которым римская буржуазия питала бы еще большую ненависть, нежели к нему, и на которых можно было бы свалить это гнусное преступление, поджог города. Он вспомнил о христианах. Отвращение, которое они выказывали к храмам и к наиболее почитаемым римлянами сооружениям, придавало достаточно правдоподобия идее, будто они были виновниками пожара, имевшего своей целью уничтожить святилища. Угрюмый вид, с которым они смотрели на монументы, сам по себе представлялся оскорблением отечества. Рим был весьма религиозным городом и человек, протестующий против национальных культов, был в нем достаточно заметен. Надо припомнить, что некоторые евреи ригористы доходили до того, что не хотели даже прикасаться к монетам с изображением императора и считали таким же крупным преступлением смотреть на такое изображение, или носить его, как и воспроизводить его. Другие отказывались проходить через городские ворота, увенчанные какой-либо статуей. Все это вызывало со стороны народа насмешки и раздражение. Быть может, также речи христиан о великом пожаре при конце света, их зловещие пророчества, их усиленные повторения, что наступает кончина света и что она произойдет через посредство пламени, с своей стороны содействовали тому, что их принимали за поджигателей. Возможно даже допустить, что многие из верующих были неосторожны и своим неблагоприятным поведением давали повод к обвинениям их в

том, будто они хотели во что бы то ни стало оправдать предсказания своих оракулов и разыграть прелюдию к истреблению мира небесным огнем. Какое же искупление, *piaculum*, может быть более действительным, нежели казнь людей, которые враждебно относятся к богам? Видя, что их жестоко истязают, народ заговорит: «А! Вот кто виновен!» Надо припомнить, что общественное мнение считало бесспорными самые гнусные преступления, приписываемые христианам.

Конечно, мы с негодованием отвергаем мысль, чтобы набожные ученики Иисуса могли быть сколько-нибудь повинны в преступлении, в котором их обвиняли; заметим только, что многие данные могли ввести общественное мнение в заблуждение. Они не были виновны в этом пожаре, но, наверное, радовались ему. Христиане желали гибели общества и предсказывали эту гибель. В Апокалипсисе тайные молитвы святых сжигают землю, вызывают землетрясения. Во время самого бедствия отношение к нему верующих должно было представляться двусмысленным; некоторые из них, без сомнения, не обнаруживали ни малейшего сожаления по поводу храмов, уничтоженных огнем, или даже не скрывали при этом некоторого удовлетворения. Можно себе представить какое-нибудь маленькое общежитие, где либо в недрах Транстеверина, в собраниях которого повторяли друг другу: «Разве мы этого не предсказывали?» Но часто бывает опасно оказаться слишком верным предсказателем. «Если бы мы захотели отомстить за себя, говорит Тертуллиан, нам довольно было бы одной ночи, нескольких факелов». Обвинение в поджигательстве часто падало на евреев, благодаря их обособленной жизни. Это же преступление было одним из тех *flagitia cohaerentia nomini*, которые входили в определение христианина.

Таким образом, никаким способом не содействуя катастрофе 19 июля, христиане все же могли прослыть, если можно так выразиться, за поджигателей в мыслях. Спустя 4,5 года Апокалипсис дает нам целую песнь о пожаре Рима, по всей вероятности заимствовавшую не одну черту в событии 64 г. Разрушение Рима было, конечно, мечтой евреев и христиан; но у них это и было только мечтой: благочестивые сектанты, наверное, довольствовались тем, что воображали, как святые и ангелы в небесах рукоплещут зрелищу, которое в их глазах представляется справедливым возмездием.

С трудом можно поверить, чтобы мысль обвинить христиан в июльском пожаре сама собой пришла в голову Нерона. Разумеется, если бы цезарь знал ближе добрых братьев, он бы их ненавидел. Естественно, что христиане не могли понять заслуги, которая заключается в позировании в качестве «первого любовника» на авансцене общества своей эпохи. Нерона же выводило из себя, когда не признавали его артистического таланта и искусной игры. Но, без сомнения, Нерон только слышал толки о христианах и никогда не имел личных отношений с ними. Кто же внушил ему жестокий замысел, о котором идет речь? Прежде всего, возможно, что подозрения возникали в разных пунктах города. В ту эпоху официально миру секта была уже достаточно известна. О ней много толковали. Мы видели, что у Павла были сношения с лицами, состоявшими на службе в императорском дворце. Довольно странно, что в числе предсказаний, сделанных некоторыми лицами Нерону, ему было обещано, что, в случае его низложения с императорского престола, он получит владычество над Иерусалимским царством. Мессианские идеи нередко принимали у римских евреев форму туманных надежд

на образование восточно-римской империи; впоследствии подобными фантазиями воспользовался Веспасиан. Со времени вступления на престол Калигулы и вплоть до смерти Нерона еврейские интриги в Риме не прекращались. Евреи много содействовали вступлению на престол и поддержке семьи Германика. Через посредство ли Иродов, через посредство других интриганов, они наводняли дворец, слишком часто с исключительной целью погубить своих недругов. Агриппа II был очень силен при Калигуле и при Клавдии; когда он находился в Риме, то играл в нем роль весьма влиятельной особы. С другой стороны, Тиверий Александр занимал высшие должности. Наконец, и Иосиф обнаруживает довольно большую благосклонность к Нерону, находит, что его оклеветали, приписывает все его преступления окружающим его дурным людям. Поппею он изображает в виде благочестивой женщины, так как она благоволила к евреям, поддерживала сборы ревнителей, быть может, также усвоила отчасти их обряды. Он знал ее в 62 или 63 г., через ее посредство добился помилования арестованных еврейских священников и сохранил о ней самой благодарное воспоминание. Нам известна трогательная эпитафия еврейки, по имени Эсфири, уроженки Иерусалима и вольноотпущенной Клавдия или Нерона; она поручает своему другу Арескузу наблюдать, чтобы на ее надгробном камне не было высечено чего-либо противного Закону, как, например, буквы D.M. В Риме были актеры и актрисы еврейского происхождения; при Нероне это был простейший способ приблизиться к императору. В частности называют некоего Алитира, еврейского мима, которого очень любил Нерон и Поппея; через его посредство Иосиф получил доступ к императрице. Нерон, полный ненависти ко всему римскому, любил обращаться к Востоку, окружать себя людьми с Востока, завязывать интриги на Востоке.

Достаточно ли всего этого для того, чтобы создать правдоподобную гипотезу? Позволительно ли приписывать ненависти евреев к христианам жестокий каприз, подвергнувший самых безобиднейших людей чудовищнейшим пыткам? Конечно, весьма досадно, что евреи завязали тайне сношения с Нероном и Поппеей в тот момент, когда император замыслил гнусную интригу против учеников Иисуса. В частности в то время Тиверий Александр был в полной силе у императора, а такой человек должен был не терпеть святых людей. Обыкновенно римляне смешивали между собой евреев и христиан. Почему же в данном случае они их так хорошо различали? Почему в этот раз евреев не трогали, хотя римляне чувствовали к ним такую же моральную антипатию и те же религиозные предубеждения, как и к христианам? Казни евреев были бы столь же действительным *riaculum*. Климент Римский, или автор (наверное римлянин) послания, приписываемого ему, в том месте, где он делает намек на избиения христиан, совершенные по велению Нерона, объясняет их весьма для нас непонятным, но очень характерным способом. Все эти бедствия у него являются «результатом ревности», и под словом «ревность» здесь очевидно понимаются внутренние раздоры, вражда между членами одного и того же братства. Отсюда рождается подозрение, поддерживаемое тем несомненным фактом, что до разрушения Иерусалима евреи действительно преследовали христиан и ничем не пренебрегали лишь бы их уничтожить. По весьма распространенному преданию IV века, смерть Павла и даже Петра, которая относилась к гонению христиан 64 г., имела своей причиной обращение в христианство одной из любовниц и фавориток Нерона. Другое предание приписывало эти казни интриге Симона Волхва. Но с таким сумасбродным субъектом, каким был Нерон, всякие предположения

рискованны. Быть может, обстоятельство, что выбор для страшного избиения пал именно на христиан, объясняется лишь прихотью императора или Тигеллина. Нерону не требовалось никакого пособника для того, чтобы задумать план, способный по своей чудовищности сбить с толку все обычные правила исторической индукции.

Сперва было арестовано некоторое число лиц, заподозренных в принадлежности к новой секте; они были скучены в тюрьме, которая уже сама по себе представляла пытку. Все они признали свое вероисповедание, а это могло считаться равносильным признанию в преступлении, так как самая их вера уже была преступлением. За этими первыми арестами последовало огромное количество других. Большая часть обвиняемых была, по-видимому, прозелитами, соблюдавшими заповеди и предписания Иерусалимской Церкви. Недопустимо, чтобы истинные христиане оговаривали своих братьев; но могли быть захвачены бумаги; некоторые неофиты, только что принятые, могли не выдержать пытки. Все были поражены многочисленностью приверженцев этих туманных учений; об этом говорили с некоторым ужасом. Все рассудительные люди находили, что обвинение в поджоге не доказано. «Истинное их преступление это ненависть к роду человеческому», говорили некоторые. Многие серьезные римляне, хотя были убеждены в том, что виновником пожара был Нерон, видели в этой облаве, устроенной полицией, хороший способ избавиться от весьма смертоносной чумы. Тацит был того же мнения, хотя и испытывал некоторую жалость. Что же касается Светония, то он относит к числу похвальных мероприятий Нерона казни, которым он подвергнул приверженцев нового и зловредного суеверия.

Казни эти представляли собой нечто ужасное. Никогда не видано было такой утонченной жестокости. Почти все арестованные христиане были *humiliores*, люди ничтожные. Казнь, предназначенная таким несчастным в случае обвинения их в оскорблении величества или в святотатстве, заключалась в том, что их отдавали на съедение диким зверям или сжигали живыми в цирке, причем это сопровождалось жестокими бичеваниями. Одной из самых отвратительных черт римских нравов было превращение казни в торжество, зрелища избивания — в общественные игры. Персии были знакомы в эпохи господства фанатизма и террора страшные истязания; она не раз вкусила в них нечто вроде мрачного наслаждения; но до римского владычества никогда еще не делали из этих ужасов общественного развлечения, предмета смеха и рукоплесканий. Цирки обратились в лобное место; суды поставляли действующих лиц для арены. Приговоренных к смерти со всех концов света направляли в Рим для пополнения цирка и увеселения народа. Прибавьте к этому свирепую строгость правосудия, благодаря которой самые обыкновенные проступки карались смертью; прибавьте еще многочисленные судебные ошибки, как результат недостатков уголовного судопроизводства, и тогда станет понятным полнейшее извращение идеи. На приговоренных к смерти смотрели скорее как на несчастливцев, нежели как на преступников; в общем их считали почти невиновными, *innocia cogroga*.

На этот раз к варварству мучений присоединили еще и осмеяние. Осужденных приберегали для праздника, которому, без сомнения, был сообщен характер искупительной жертвы. В Риме насчитывалось немного столь необычных дней. Во время *ludus matutinus*, утренних

игр, посвященных травле диких зверей, римлянам представилось неслыханное зрелище. Осужденных вывели зашитыми в шкуры диких животных на арену, и здесь они были растерзаны собаками: других распинали на крестах, третьи, наконец, одетые в туники, пропитанные маслом или смолой, были привязаны к столбам, чтобы служить вместо факелов для освещения праздника ночью. Когда наступила ночь, эти живые факелы были зажжены. Для этого зрелища Нерон предоставил свои великолепные сады по ту сторону Тибра, занимавшие место нынешнего Борго, площади и церкви Св. Петра. Здесь находился цирк, начатый Калигулой, и продолжавший строиться при Клавдии; границу его составлял обелиск, привезенный из Гелиополиса (тот самый, который ныне стоит в центре площади Св. Петра). Это место уже служило однажды ареной для избивения при свете факелов. Калигула устроил себе здесь прогулку, во время которой, при свете факелов, были обезглавлены многие римские консулации, сенаторы и дамы. Мысль заменить факелы человеческими телами, пропитанными воспламеняющими веществами, могла показаться гениальной. Как казнь, это сожжение заживо не было новинкой; это было обычным наказанием для поджигателей, которое носило название *tunica molesta*; но иллюминации из этого способа казни все-таки еще никогда не делали. При свете этих ужасных факелов, Нерон, который ввел в моду вечерние скачки, показывался на арене, то вмешиваясь в толпу зрителей, в костюме жокея, то управляя колесницей и стараясь заслужить аплодисменты. Однако, при этом обнаруживались некоторые признаки сострадания. Даже люди, считавшие христиан виновными и признававшие их заслуживающими подобной казни, ужаснулись от подобных жестоких развлечений. Люди благоразумные хотели бы, чтобы совершалось лишь то, чего требует

общественная польза, чтобы город был очищен от опасных людей, но никак не получалось бы такого впечатления, будто преступники приносятся в жертву жестокосердию одного человека.

Женщины и девушки подвергались страшной участи при этих ужасных зрелищах. Нет имени тем недостойным истязаниям, какие были над ними совершены для общего удовольствия. При Нероне вошло в обычай заставлять осужденных исполнять в цирке мифологические роли, сопряженные с неизбежной смертью их исполнителей. Подобные отвратительные представления, при которых с помощью искусных машин достигались удивительные эффекты, были в то время новинкой; Греция была удивлена, если бы ей вздумали внушить подобную попытку применить зверство в эстетике, сочетать искусство с пытками. Несчастливого выводили на арену в богатом костюме бога или героя, обреченного на смерть, и затем казнь его происходила в виде трагической сцены из мифов, воспетых поэтами или увековеченных скульпторами. Иногда это был Геркулес в неистовстве, сжигаемый на горе Эте, старающийся сорвать со своего тела пылающую смоляную тунику; то изображался Орфей, низвергнутый с неба и преданный на съедение зверям, Пасифая, отданная в добычу быка, умерщвление Аттиса; иногда ставились на сцене ужасные маскарады, в которых мужчины были одеты жрецами Сатурна, а женщины жрицами Цереры с повязками на лбу; наконец, в других случаях ставились целые драматические пьесы, в заключение которых герой действительно был предаваем смерти, подобно Лавреолу, или изображались такие трагические события, как, например, история Муция Сцеволы. В заключение являлся Меркурий с раскаленным железным прутom, ко-

торым он прикасался к каждому телу, чтобы посмотреть не дрогнет ли оно; прислужники, замаскированные Плутоном или Орком, утаскивали трупы за ноги, приканчивая молотами все, что еще трепетало.

Самые почтенные христианские дамы должны были испытать подобные зверства. Одни из них исполняли роль Данаид, другие роль Дирцеи. Трудно себе представить, с какой стороны миф о Данаидах мог служить темой для кровавых представлений. Казнь, которая, судя по всем мифологическим преданиям, была предназначена для этих преступных женщин и которая изображалась в лицах, была бы недостаточной, чтобы удовлетворить Нерона и привычных посетителей его цирка. Быть может, они дефилировали со своими урнами и, в заключение, погибали под смертельными ударами актера, изображающего собой Линцея. Быть может, изображалось в лицах, как Амимона, одна из Данаид, подвергается преследованию сатира и как затем ее насилует Нептун. Быть может, наконец, эти несчастные последовательно переносили перед зрителями ряд мучений Тартара и погибали лишь по прошествии целых часов истязаний. Изображение ада на сцене было тогда в моде. За несколько лет перед тем (в 41 г.) появилась в Риме, имевшая большой успех, труппа египтян и нубийцев, которая давала ночные представления, причем в известном порядке показывались все ужасы подземного царства, согласно живописи, уцелевшей в Фивах, именно в гробнице Сети I. <...>

/Э. Ренан. Антихрист. — С.-Петербург, издание М. В. Пирожкова, 1907. /

ИЗБИЕНИЯ В СИРИИ И ЕГИПТЕ В ПЕРВОМ ВЕКЕ Н. Э.

Действительно, в эту эпоху по всему Востоку распространился как бы общий лозунг, призывающий повсюду к избиению евреев. Несовместимость еврейской жизни с жизнью греко-римской сказывалась все больше и больше. Одна из двух рас должна была истребить другую; по-видимому, между ними не могло быть и речи о пощаде. Для того, чтобы понять эту борьбу, нужно представить себе, до какой степени иудаизм был распространен по всей восточной части римской империи. «Они заполнили все города, пишет об евреях Страбон, и трудно было бы назвать хотя бы один пункт в мире, где бы не было допущено это племя или, вернее, который бы не был занят им. Египет, Киренаика, многие другие страны усвоили их нравы, с точностью соблюдая их заповеди и извлекая большую выгоду из позаимствования их национальных законов. В Египте им разрешено жить легально и для них отведена большая часть города; у них есть здесь свой этнарх, который заведует их делами, творит над ними суд, наблюдает за исполнением договоров и завещаний, как если бы он был главой независимого государства». Такое соседство двух элементов столь же противоположных, как огонь и вода, не могло не вызвать самого страшного взрыва.

Не следует подозревать участия римского правительства в этих происшествиях; такие же избиения имели место у парфян, положение и интересы которых были совершенно иные, чем на Западе. Славу Рима составляет

именно то, что он основал свою империю на мире, на прекращении местных войн, и никогда не прибегал к тому отвратительному способу управления, который сделался политическим секретом турецкой империи, и который заключается в возбуждении друг против друга различных частей населения в странах со смешанным населением. Что касается избиений по религиозным мотивам, то такая идея всегда была слишком чужда римскому духу; далекий от всякого богословия, римлянин не понимал сектантства и не мог допустить мысли о раздоре из-за такого пустяка, как умозрительное предположение. Сверх того, антипатия к евреям в античном мире была до такой степени общим чувством, что ее не было надобности возбуждать. Эта антипатия составляет разделительный ров, который, быть может, никогда не будет засыпан в человеческом роде. Она основана на чем-то большем, нежели расовое различие: это ненависть между различными функциями человечества, между человеком мира, который доволен своей внутренней радостью, и человеком войны, между человеком прилавка и конторы; и крестьянином и дворянином. Не без причины несчастный Израиль провел всю свою жизнь, как нации его постоянно избивали. Если все нации во все века преследуют кого-либо, то, конечно, должна же быть этому какая-либо причина. До нашего времени еврей втирался всюду, требуя себе общего права; но в действительности еврей не подчинялся общему праву; он сохранял свой особый статус; он хотел получить гарантии, какими все пользуются, а, сверх того, изъятия в свою пользу и свои собственные законы. Он хотел пользоваться преимуществами нации, не будучи нацией, не участвуя в тяготах, лежащих на нациях. Ни один народ никогда не мог этого терпеть. Нации представляют собой организации военные, основанные и поддерживаемые мечом: они созданы кресть-

янами и воинами; евреи ничем не участвовали в их учреждении. В этом и заключается великое недоразумение, которое лежит в основе еврейских притязаний. Чужеземец может быть полезен стране, которая его терпит, но при условии, чтобы страна не была им наводняема. Несправедливо требовать себе права члена семьи в доме, который вы не строили; так поступают птицы, которые водворяются в чужих гнездах, или некоторые crustacea, пользующиеся раковинами других пород.

Евреи оказали миру столько добра и причинили ему столько зла, что мир к ним никогда не будет относиться справедливо. Мы слишком в долгу перед ними и в то же время слишком хорошо видим их недостатки, для того, чтобы самый вид их нам не досаждал. Этот вечный Иеремия, этот «человек скорбей», вечно жалующийся, подставляющий под удары свою спину с терпением, которое само по себе нас раздражает; это создание, которому чужды все наши инстинкты чести, гордости, славы, деликатности и искусства; это существо, в котором так мало воинского, так мало рыцарского, которое не любит ни Греции, ни Рима, ни Германии, и которому мы, тем не менее, обязаны своей религией настолько, что еврей вправе сказать христианину: «ты сам еврей, только низшей пробы»; это существо было центральным пунктом противоречий и антипатии, и притом антипатии плодотворной, которая составила одно из условий человеческого прогресса! В первом веке нашей эры мир, по-видимому, неясно понимал, что происходило. Он видел своего учителя в этом чужеземце, неловком, робком, обидчивом, не отличающемся внешним благородством, но честном, нравственном, прилежном, в делах — прямодушном, одаренном скромными

добродетелями, не воинственном, но хорошем коммерсанте веселом и добросовестном работнике. Еврейская семья, исполненная обетований, синагога, в которой протекала общинная жизнь, полная прелести, внушали зависть. Столько смирения, такое спокойное отношение к преследованиям и обидам, способность находить утешение и полное возмездие за свое исключение из большого света в своей семье и в своей Церкви, тихая радость, благодаря которой он видит счастье даже в самом своем подчиненном положении, в этом маленьком мирке, где он тем более счастлив, что всюду вне его он терпит преследования и обиды, — все это внушало аристократической древности припадки дурного расположения духа, которые иногда выливались в виде гнусных жестокостей.

Гроза разразилась прежде всего в Кесарее, почти в тот самый момент, как революция окончательно овладела Иерусалимом. Положение евреев и не евреев (которые носили здесь общее название сирийцев) в Кесарее представлялось особенно сложным. В сирийских городах со смешанным населением евреи составляли богатую часть населения; но богатство это, как уже было сказано, отчасти обуславливалось несправедливостью, освобождением от воинской повинности. Греки и сирийцы, среди которых производился набор в легионы, были обижены сравнительными преимуществами людей, освобожденных от государственных повинностей и создавших себе привилегию из терпимости, с которой к ним относились. Происходили вечные распри, римские власти были завалены жалобами. Жители Востока обыкновенно пользуются религией как предлогом для насмешек; наименее религиозные люди становятся удивительными ревнителями, если речь идет о том,

чтобы досадить соседу; в наши дни турецкие чиновники точно также осаждаются подобными жалобами. Приблизительно с 60 г. шла непримиримая борьба между двумя половинами населения Кесареи. Нерон разрешал все возбуждавшиеся вопросы не в пользу евреев: это еще более обостряло вражду. Невинные шалости, а, быть может, и дерзости со стороны сирийцев превращались в глазах евреев в преступления, в обиды. Молодежь бранилась, вступала в драку; люди серьезные жаловались римской власти, которая обыкновенно присуждала обе стороны к палочным ударам. Гессий Флор оказался более гуманным: он прежде всего заставлял обе стороны заплатить, а затем насмеялся над жалобщиками. Синагога, у которой одна стена была общей с другими владельцами, сосуд и убитая живность, найденные у дверей синагоги и выдаваемые евреями за остатки языческого жертвоприношения, таковы были громкие дела, занимавшие Кесарею в тот момент, когда в нее вступил Флор, взбешенный оскорблением, которое ему нанесли жители Иерусалима.

Когда спустя месяц пришло известие, что этим последним удалось совершенно прогнать римлян из своих стен, волнение значительно усилилось. Между еврейской нацией и римлянами была объявлена война; сирийцы заключили из этого, что они могут безнаказанно убивать евреев. За один час было убито 20 000 евреев; ни один из них не уцелел в Кесарее; Флор распорядился захватить и отправить на галеры тех, кому удалось спастись бегством. Это преступление вызвало страшные репрессии. Евреи образовали из себя банды и со своей стороны начали убивать сирийцев в Филадельфии, Гесевоне, Геразе, Пелле, Скифополисе; они опустошили Декаполис и Гавлонитиду, выжгли Себасту и

Аскалон, разрушили Анфедон и Газу. Они жгли деревни, убивали всех, кто не был евреем. Сирийцы также убивали каждого еврея, который попадал к ним в руки. Южная Сирия обратилась в одно сплошное поле битвы; каждый город разбился на два воюющие лагеря, между которыми шла беспощадная война: все ночи проходили в страхе и тревоге. Происходили необычайные по своей жестокости эпизоды. В Скифополисе евреи дрались вместе с языческим населением против своих единоверцев, напавших на город; но это не помешало затем жителям города Скифополиса перерезать у себя всех евреев.

Еврейские погромы возобновились с новой силой в Аскалоне, Акре, Тире, Гиппосе, Гадаре. Уцелевших от бойни заключали в тюрьму. Благодаря неистовствам, происходившим в Иерусалиме, на каждого еврея смотрели теперь как на опасного сумасшедшего, против припадков бешенства которого надо было принимать меры.

Эпидемия убийств распространилась и на Египет. Здесь вражда между евреями и греками достигла крайних пределов. Александрия была наполовину еврейским городом; евреи составляли в ней настоящую автономную республику. В Египте в течение нескольких месяцев, как раз в это время префектом был еврей Тиверий Александр, но это был еврей ренегат, не особенно расположенный обнаруживать снисходительность к фанатизму своих единоверцев. Возмущение вспыхнуло по поводу одного собрания в амфитеатре. По-видимому, первыми нанесли оскорбление греки евреям; евреи ответили на него со страшной жестокостью. Вооружив-

шись факелами, они угрожали сжечь амфитеатр со всеми находившимися в нем греками. Тиверий Александр тщетно пытался их успокоить. Пришлось вызвать легионы; евреи оказали им сопротивление; началась страшная резня. Еврейский квартал в Александрии, носивший название Дельты, был буквально завален трупами; число убитых определяли в 50 000.

Эти ужасы продолжались почти месяц. К северу они распространились до Тира, ибо дальше еврейские колонии были недостаточно многочисленны для того, чтобы стеснять туземное население. Действительно, причина зла была скорее социальной, нежели религиозной. В каждом городе, где иудаизм добился господства, жизнь для язычников становилась невозможной. Весьма понятно, что успех, достигнутый еврейской революцией летом 66 г., вызвал во всех городах со смешанным населением по соседству с Палестиной и Галилеей состояние ужаса. Мы уже неоднократно отмечали странное свойство, характерное для народа еврейского: совмещать в себе крайности; в нем, если можно так выразиться, постоянно происходит борьба между добром и злом. По части злобы ничто не может равняться с еврейской злобой; а тем не менее иудаизм сумел извлечь из своих недр идеал доброты, самопожертвования и любви. Лучшие из людей были евреи; и самые злобные из людей были также евреи. Странная, по истине отмеченная печатью Бога, раса, которая сумела произвести параллельно, как два отпрыска одной ветви, нарождающуюся Церковь и зверский фанатизм революционеров Иерусалима, Иисуса Христа и Иоанна из Гискалы, апостолов и zelотов сикариев, Евангелие и Талмуд! Что удивительного, если это таинственное родоразрешение сопровождалось разрывами, бредом, горячен-

ным состоянием, какого до тех пор мир не видывал?

Без сомнения, христиане во многих пунктах подверглись также избиению в сентябре 66 г. Однако, возможно, что кротость этих добродетельных сектантов и их безобидный характер не раз спасали их. Большая часть христиан в сирийских городах принадлежала к так называемым «иудействующим», т. е. к жителям стран, обращенных в иудейство, не евреям по происхождению. К ним относились с недоверием, но убивать их не осмеливались; на них смотрели как на род метисов, чуждых своему отечеству. В эти ужасные месяцы своей жизни они обращали взоры свои к небу, думая увидеть при каждом эпизоде этой страшной грозы знамения времени, предвещающие катастрофу: «от смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что Он близко, Он при дверях!».

Между тем римская власть приготовлялась к тому, чтобы войти силой в город, который она так неблагоразумно покинула. Императорский легат в Сирии, Цестий Галл, шел из Антиохии на юг во главе значительной армии. Агриппа присоединился к нему в качестве проводника при экспедиции; города выслали ему вспомогательные войска, у которых застарелая ненависть к евреям заменяла некоторый недостаток в воинской опытности. Цестий без особых затруднений усмирил Галилею и берег; 24 октября он вступил в Гаваон, в десяти километрах от Иерусалима.

Инсургенты с удивительной отвагой атаковали его на этой позиции и нанесли ему поражение. Такой исход сражения покажется непонятым, если представлять себе иерусалимскую армию в виде скопища ханжей, фанатиков, нищих и разбойников; но она обладала более солидными, истинно воинскими элементами: в ней было два князя из царской фамилии Адиабены, Монобаз и Ценедей; некий Сила из Вавилона, военачальник Агриппы II, принявший сторону национальной партии; Нигер из Переи, опытный воин: Симон, сын Гиоры, начавший с этого свою карьеру насилий и героизма. Агриппа счел это событие удобным случаем для того, чтобы вступить в переговоры. Двое его посланных явились к иерусалимлянам с обещанием полной амнистии, если они покорятся. Значительная часть населения желала принять это условие, но экзальтированные убили парламентариев. Некоторые люди, возмущавшиеся такой гнусностью, подверглись насилиям. Этот внутренний раздор на мгновение дал Цестию некоторое преимущество. Он очистил Гаваон и расположился лагерем в местности, называемой Сафа или Скопус, важный пункт к северу от Иерусалима, в расстоянии от него часа пути; отсюда были видны город и храм. Здесь он оставался в течение трех дней, ожидая сведений от разведчиков, которые у него были в городе. На четвертый день (30 октября) он построил свою армию в боевой порядок и двинулся вперед. Партия сопротивления очистила весь новый город и отступила во внутренний (верхний и нижний) и в храм. Цестий беспрепятственно вступил в новый город, занял его, квартал Везефу, Лесной рынок, зажег их, напал на верхний город и расположил свою передовую линию перед дворцом Асмонеев.

Иосиф утверждает, что, если бы Цестий Галл решился

в тот же момент пойти на приступ, то война тогда же и кончилась бы. Еврейский историк объясняет бездействие римского полководца интригами, главным двигателем которых были деньги Флора. По-видимому, на стены города выходили члены аристократической партии с одним из представителей рода Анны во главе, призывали Цестия и предлагали ему открыть ворота. Без сомнения, легат опасался какой-нибудь засады. В течение пяти дней он тщетно пытался взойти на стены силой. На шестой день (5 ноября) он, наконец, напал на ограду храма с северной стороны. Под портиками произошел ужасный бой; мятежниками овладело отчаяние; партия мира уже готовилась к встрече Цестия, когда, вдруг он приказал дать отбой. Если рассказ Иосифа правдив, то поведение Цестия необъяснимо. Быть может, Иосиф, ради тезиса, который он защищает, преувеличивает успехи, достигнутые Цестием, и уменьшает истинную силу сопротивления, оказанного евреями. Несомненно одно, что Цестий возвратился в свой лагерь в Скопусе, а на следующий день начал отступать в Гаваон, преследуемый евреями. Спустя еще два дня (8 ноября) он начал отступать дальше, все также преследуемый евреями до спуска Вефорон, наконец, должен был бросить весь свой обоз, и лишь с трудом добрался до Антипатра.

Неспособность, обнаруженная Цестием в этом походе, поистине изумительна. Правление Нерона должно было очень уронить государственную власть, если оказывались возможными подобные факты. Впрочем Цестий недолго прожил после своего поражения: многие приписывают его смерть огорчению. Судьба Флора осталась неизвестной.

БЕГСТВО ХРИСТИАН ИЗ ИЕРУСАЛИМА

...Веспасиан готовился к трудному походу, который был ему поручен. План его был атаковать инсургентов с севера, подавить восстание сперва в Галилее, потом в Иудее, загнать его или отбросить в Иерусалим, и когда все оно будет сконцентрировано в этом центральном пункте, где скопление людей, голод, партии не замедлят вызвать страшные сцены, взять его измором или, если это не удастся, нанести ему здесь решительный удар...

Необычайные события, театром которых сделался Иерусалим, действительно, в высокой степени поражали христиан. Мирные ученики Иисуса, лишившись своего главы, Иакова, брата Господня, сперва продолжали вести в святом городе свой аскетический образ жизни и, сплотившись вокруг храма, ожидали великого пришествия. С ними оставались последние находившиеся в живых члены семьи Иисуса, сыновья Клеопы, пользовавшиеся большим уважением даже среди евреев. Все, что происходило, представлялось им очевидным подтверждением слов Иисуса... Что могли бы означать все эти потрясения, как не начало так называемых «болезней Мессии», как не прелюдию к народжению Мессии? Все были убеждены, что торжественному пришествию Христа должно предшествовать появление большого

числа лжепророков. В глазах старшин христианской общины вожди zelотов и были именно такими лжепророками. К данному времени относили те страшные речи, которые часто слышали из уст Иисуса по поводу бедствий, возвещающих приближение страшного суда. Быть может, и в недрах Церкви появлялись иллюминаты, имевшие претензию на то, что они говорят от имени Иисуса; старшины давали им резкий отпор; они заверяли, что Иисус предсказывал появление подобных соблазнительей и предостерегал от них. Этого было достаточно: иерархия, которая уже приобрела известную силу в Церкви, дух кротости, наследие Иисуса, прекратили все эти обманы; теперь христианство воспользовалось высоким искусством, с которым оно сумело создавать власть в самом сердце народного движения. Нарождавшийся епископат (или, вернее, пресвитерство) не допустил великих заблуждений, от которых никогда не избавляется сознание толпы, если ею никто не управляет. С той поры уже чувствуется, что дух Церкви в человеческих делах будет играть роль в некотором роде среднего здравого смысла, консервативного и практического инстинкта, недоверия к демократическим химерам, составляющего странный контраст с экзальтированностью ее принципов в области сверхъестественного.

Нельзя не признать известной заслуги за этой политической мудростью представителей иерусалимской Церкви. У zelотов и христиан был общий враг, именно саддукеи, род Бени-Анны. Пламенная вера zelотов не замедлила произвести большой соблазн в не менее экзальтированной душе иудео-христианина. Эти энтузиасты, увлекавшие толпы в пустыню, чтобы там открыть им царство Божие, очень походили на Иоанна Крести-

теля и отчасти на Иисуса. По-видимому, некоторые верующие присоединились к зелотам и дали увлечь себя; во всяком случае, мирный дух, свойственный христианству, одержал верх. Главы Церкви боролись с этими опасными тенденциями при помощи поучений, заимствованных ими будто бы непосредственно от Иисуса: «берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят... Тогда если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там, не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, — не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, — не верьте».

Без сомнения, были случаи отступничества и предательства одних братьев другими; политические распри вызывали охлаждение чувства милосердия и любви; но большинство при всем своем глубоко чутком отношении к кризису, переживаемому Израилем, не поддавалось в сторону анархии, даже подкрашенной патриотическими мотивами. Христианской платформой в этот торжественный момент было одно из поучений, приписываемых Иисусу, нечто вроде апокалипсиса, связанного, быть может, с некоторыми фразами, действительно сказанными Иисусом, и объяснявшими связь между конечной катастрофой, которая отныне считалась уже очень близкой, и переживаемым политическим положением. Только впоследствии, после осады, этот отрывок был написан весь целиком, но некоторые из слов его, которые влагаются в уста Иисуса, относятся именно к тому моменту, до которого мы теперь дошли. «Итак, когда вы увидите мерзость запустения, реченную через пророка

Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тогда не сходит взять что-нибудь из дома своего; кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающимся сосцами в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет».

Ходили по рукам и другие апокалипсисы, как кажется под именем Еноха, странно скрещиваясь с речами, приписываемыми Иисусу. В одном из таких апокалипсисов «Божественная мудрость», олицетворяемая пророком, упрекает народ за его преступления, за убийство пророков, за черствость сердца. Сохранившиеся отрывки этого апокалипсиса, по-видимому, намекают на убийство Захарии, сына Варуха. Здесь тоже говорилось о «высшем соблазне», под которым разумеется высшая степень безобразия, какого может достигнуть человеческая злоба, и, по-видимому, заключающаяся именно в осквернении храма зелотами. Подобные ужасы доказывали, что пришествие возлюбленного близко и что отмщение праведников не замедлит свершиться. В частности верующие иудео-христиане все еще слишком держались храма для того, чтобы подобное святотатство не приводило их в ужас. Ничего подобного не было видно со времени Навуходоносора.

Вся семья Иисуса поняла, что для нее настала пора обратиться в бегство. Убиение Иакова уже значительно ослабило связи иерусалимских христиан с еврейскими ортодоксалистами; разрыв между Церковью и Синаго-

гой все более подготовлялся. Ненависть евреев к благочестивым сектантам уже не сдерживалась римской законностью и, без сомнения, повлекла за собой не один акт насилия. Сверх того, жизнь святых людей, имевших обыкновение пребывать в притворах храма и предаваться здесь своим набожным занятиям, была сильно нарушена с тех пор, как zeloty обратили храм в укрепленный военный лагерь и осквернили его убийствами. Некоторые дошли до того, что говорили, что такому оскверненному месту подобает называться не Сионом, а Содомом, и что положение в нем истинных израильтян похоже на положение их предков в Египетском плену.

По-видимому, решено было уйти из города в первые месяцы 68 г. Для того, чтобы придать больше авторитета этому постановлению, был распущен слух, будто бы старейшины общины имели на этот счет откровение; по словам некоторых, это откровение было им возведено через посредство ангела. Возможно, что все послушались призыва вождей, и никто из братьев не остался в городе, ибо верный инстинкт подсказывал им, что они обречены на полную гибель.

Есть указание на то, что это бегство мирной группы христиан не обошлось без опасностей. По-видимому, евреи преследовали ее. Действительно, террористы учредили строгий надзор на всех дорогах и убивали, как изменников, тех, кто пытался бежать или, по крайней мере, брали с них выкуп. Одно обстоятельство, сообщаемое нам лишь иносказательно, спасло беглецов: «и пустил змий из пасти своей вслед жены (иерусалимская Церковь) воду, как реку, чтобы увлечь ее рекой; но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои и по-

топила реку, которую пустил дракон из пасти своей. И рассвирепел дракон на жену». Быть может, zeloty пытались загнать святых людей в Иордан, но им удалось перейти реку в том месте, где вода была мелкой; быть может, высланная за ними погоня заблудилась и таким образом потеряла след беглецов.

Вожди общины выбрали главным убежищем для бежавшей Церкви Пеллу, один из городов Декаполя, расположенный близ левого берега Иордана; местоположение его восхитительно; с одной стороны — город господствует над всей равниной Гор, с другой, — над ущельями, на дне которых поток катит свои волны. Лучшего выбора нельзя было сделать. Иудея, Идумея, Перея, Галилея были охвачены восстанием; Самария и берега моря были глубоко потрясены войной; таким образом, Скифополис и Пелла были единственными нейтральными городами по соседству с Иерусалимом. Пелла, будучи расположена по ту сторону Иордана, должна была служить большим покоем, нежели Скифополис, обращенный в римский лагерь. Пелла была вольным городом, как все города Декаполя, но, по-видимому, находилась во власти Агриппы II. Бежать сюда было равносильно открытому признанию своего отращения к восстанию. Город этот получил свое значение со времени македонского завоевания. Здесь основалась колония ветеранов Александра Македонского, которые переменили семитское название города на другое, напоминавшее старым воинам их родину. Пелла была взята Александром Ианнаем; жившие здесь греки отказывались от обрезания и сильно терпели от фанатизма евреев. Без сомнения, здесь снова укоренилось языческое население, ибо в эпоху убийств 66 г. Пелла фигурирует в качестве сирийского города и снова подвергается разгро-

му со стороны евреев. В этом анти-еврейском городе и укрывалась иерусалимская Церковь во время ужасов осады. Ей было здесь хорошо, она смотрела на это местопребывание как на вполне надежное, как на пустыню, которую Бог ей уготовал для мирного ожидания часа пришествия Иисуса, вдали от взволнованного человечества. Община жила на счет своих сбережений; все думали, что сам Бог взял на свое попечение прокормить ее, и в этой судьбе, столь отличной от участи остальных евреев, многие видели чудо, предсказанное пророками. Без сомнения, галилейские христиане, со своей стороны, перешли на восточный берег Иордана и озера, в Ватанию и Гавлонитиду. Таким образом, владения Агриппы II стали приемной родиной для палестинских иудеохристиан. Особое значение этому эмигрировавшему христианству придавало то обстоятельство, что оно захватило с собой последние остатки семьи Иисуса. Пользовавшиеся самым глубоким уважением и получившие на греческом языке название деспонсини, т. е. «ближних Господа».

/Э. Ренан. Антихрист. — С.-Петербург, издание М. В. Пирожкова, 1907. /

РЕПРЕССИИ ВТОРОГО СТОЛЕТИЯ

Домициан стоит на втором месте в списке императоров, якобы преследовавших христиан. Против него церковная традиция всегда была настроена очень злобно, вплоть до того, что Домициана именовали «ожившим Нероном».

В действительности, согласно историкам той поры, «свирепствовавшие меры», которые он принял, касались не христиан. Светоний и Дион Кассий вспоминают лишь, что он бушевал против аристократических группировок, обвиненных в «безбожии и подражании иудейским обычаям». Среди обвиняемых был и его двоюродный брат, консул Климент, и вместе с ним его жена Домитилла; они были осуждены: он — на смерть, она — на ссылку на остров Пандатария. Император встретил сопротивление сената из-за политики конфискации имущества крупных землевладельцев. Нельзя исключить, что за оппозицией патрициев скрывались также случаи принятия чужеземных культов.

Домициан выступил в 95 г. и против иудеев или близких к ним, которые отказывались выплачивать императорской казне налоги, введенные после разрушения Иерусалимского храма, причем не только в Риме, но и в Малой Азии. После того как вся Иудея стала собственностью императора, дары иммигрантской общины, которые она регулярно приносила священному городу, превратились в поборы в казну во имя культа Юпитера капитолийского.

Не должно удивлять, что среди арестованных и поднадзорных могли оказаться также элементы, увлеченные христианской идеологией. Власти еще не были в состоянии отличить иудеев от христиан. Как Климент, так и Домитилла впоследствии были признаны обращенными высокого ранга, а катакомба, находившаяся на территории их имения, — одной из первых христианских катакомб. Давало себя знать желание показать, что христианство — религия не только одних убогих и рабов, что оно могло проникнуть в наиболее высокопоставленные круги и в дом самого императора.

В период, когда Плиний Младший был легатом в Вифинии, между 111 и 113 г. в письме Траяну он признавался, что никогда не участвовал в каких-либо оправданных законом действиях против христиан обоюбого пола и всех социальных положений, которых было много в его провинции. И он спрашивал инструкций относительно способа обращения с ними, поскольку чувствовал в их поведении что-то ненормальное, противоречащее римским понятиям о гражданских отношениях («Письма», X, 96—97). С его точки зрения, эти фанатики, которые собираются в определенные дни «петь гимны Христу, как если бы он был бог», заслуживают скорее презрения, чем наказания; но их образ жизни вызывает неприязнь и гнев народа и наносит ущерб местному хозяйству. Храмы пустуют, и рынок от этого страдает, поскольку сокращается продажа жертвенных животных. Что делать?

Ответ Траяна противоречив. Не следует прислушиваться к доносам, особенно анонимным, «поскольку это дает самый дурной пример», и допускать настоящую

охоту на христиан; но если администратор терпит неудачу в попытке призвать христиан публично совершать «обряды почитания наших божеств», они должны понести наказание. Всеобщая и неизменная норма, замечает император, не существует.

Не очень отличается от этих инструкций рескрипт, направленный Адрианом проконсулу Азии Минуцию Фондану в 125 г. по поводу судов над христианами, согласно тексту, сохраненному Юстином: не следует давать ход всем доносам, но если получается, что обвиняемые действовали против закона, следует покарать их, как того требует тяжесть преступления (I Апология, 68). Адриан весьма дурного мнения об этих неуравновешенных восточных подданных, которые «никогда не остаются в покое» и легко переходят от одного культа спасения к другому: они чувствительны только к прибыли, замечает он с явным раздражением в одном своем письме к консулу Сервиану, по адресу египетских иудеев и христиан. То была эпоха, отмеченная волной подъема религиозности и мистицизма. В среде этой массы «бунтовщиков, пустословов и наглецов» зрело недовольство, как покажет в 135 г. второе иудейское восстание.

В течение всего II в., и особенно в период так называемых императоров-реформаторов и философов, таких как Антоний Пий и Марк Аврелий, в жестоких гонениях нет недостатка.

О них говорят письмо общины в Смирне, повествующее о муках, которым был подвергнут восьмидесятилетний

епископ Поликарп в 155 г., послание верующих Лиона в 177 г., которое рассказывает о римском легате, осудившем одного гражданина на растерзание зверями, а не на отсечение головы. Верно, что речь идет об эпизодических вмешательствах местных властей и выступлениях грозной и разъяренной толпы. Но в процессе общего объединения провинций в результате концентрации богатств и государственной власти в руках ограниченного числа чиновников и подрядчиков возникали условия для поисков козла отпущения среди малопопулярных элементов, чтобы возложить на них ответственность за все зло, за военные поражения от рук «варваров», за страдания и неустойчивость положения населения.

Репрессии обрушивались не только на христиан, но и на приверженцев любого культа и любого учения, которые возбуждали подозрения в подрыве безопасности государства и общественного порядка.

Идеология древнего мира переживала бурный период кризиса, который не оставил в стороне и привилегированную, сенатскую аристократию и старых латифундистов. Даже удел избранных — философия ориентирована в пессимистическом и упадочном направлении. Бродячие прорицатели, носители идей стоицизма и кинизма, проповедовавшие теории осуждения несправедливостей, способствовали мобилизации беднейшей части трудящихся масс, особенно в провинциях, против имперской системы, и создавали также завесу для оппозиции широких кругов собственников, ущемленных в их интересах.

Уже в 74 г. император Веспасиан изгнал из Рима «философов». Эдиктом от 92 г. Домициан возобновил приговор Веспасиана, принудив Эпиктета, отпущенника, бывшего раба из Фригии, учения которого имело точки соприкосновения с христианской моралью, перебраться в Египет. Есть немало известий о подобных мерах и в последующие эпохи. Ясно, однако, что намерение христиан создать «новый народ», исходя из негативного взгляда на общепринятые политические и моральные ценности, не могло не казаться правящим кругам угрозой обществу.

Язычник, участвующий в диалоге Минуция Феликса, определяет их сборищем невежд, рабов и бабья, которые шушукуются в городских закоулках, бойкотируют храмы, глумятся над святынями, отравляют колодцы, оскорбляют самодержца и отвергают официальную культуру. В таинствах своего культа они погрязают в непристойностях и пороках: почитают бога с ослиной головой, — обвинение это уже известно со времен Помпея, его возводили на иудеев, — практикуют неслыханные обряды и зовутся братьями и сестрами, безудержно похваляются кровосмесительными связями. В наилучшем случае это люди угрюмые и меланхоличные, бледные и не терпящие света. И даже погребениям они отказывают в надлежащем уважении.

История повторяется. На тех, кто ставит под вопрос, хотя бы на религиозной почве, право немногих на привилегии и богатство, имущие слои никогда не колеблются возвести клевету. В огне недородов, эпидемий, войн и военных катастроф всегда остается один выход: приписать вину за них меньшинствам и отступникам:

«Если Тигр выходит из берегов, если Нил не орошает полей, если разыгрываются природные силы и происходят землетрясения, если вспыхивают эпидемии и мор, — скажет однажды Тертуллиан, — один только слышен крик: христиан — львам!»

Апологеты утверждают, что обычаи и учение христиан безупречны и что, несмотря ни на что, они — наиболее преданные подданные империи. Они уточняют также, что во время войны против маркоманнов войско Марка Аврелия якобы было спасено от жажды именно благодаря молитвам солдат-христиан его легиона, который был затем прозван «громобойным». Увидев спасительный дождь, государь якобы стал склоняться к большей благожелательности по отношению к новой религии. И языческий историк Дион Кассий вспоминает это «чудо», но относит его к вмешательству римских богов. Вопреки этим благочестивым вымыслам мнение простых верующих о военной службе было совсем иным. В одном церковном тексте 215 г., автором которого предположительно был Ипполит Римский, говорится: «послушник или верующий, которые хотят стать солдатами, будут отлучены, ибо они оскорбляют бога» («Апостольская традиция», XVI).

Когда империя станет христианской, усилится тенденция изображать преследования II в. как результат взрывов дикой ненависти неуправляемых толп. Но и представители официальной культуры появляются на первом плане антихристианской кампании.

Ритор Элий Аристид (117—189) пламенно обличал «без-

божников, которые являются из Палестины и не признают высших над собой» («Речи», XLVI). Заклятым врагом апологета Юстина, преданного смерти в Риме около 165 г., был кинический философ Кресценций. Для Лукиана из Самосаты основатель христианства не кто иной, как «софист и чародей, распятый в Палестине»; сами христиане пользуются набожностью простых людей и вдов, все они — мошенники, способные на любую проделку («Смерть Перегрин», 11—13). Фронтон яростно атакует их в одном выступлении в сенате при Марке Аврелии, и сам император в своих «Воспоминаниях» (XI, 3) упоминает о христианах с презрительным состраданием, как якобы они того заслуживают своим поведением. Гален относится к ним не лучше. Цельс, который написал между 177 и 180 г. свое «Правдивое слово» против христиан, в заключение призывает их взяться за оружие, чтобы защитить находящиеся в опасности границы, поскольку их неповиновение ослабляет империю. И шедевр всей официальной религиозной литературы II в. — «Житие Аполлония из Тианы» противопоставляет истинный тип языческого проповедника Христу из евангельского предания.

Это была организованная кампания, которую нельзя приписать одному гневу обнищавших и обозленных масс. Она родилась из холодного рассуждения об отношениях между государством и угнетенными, и в моменты сильного напряжения эта кампания вдохновлялась наиболее высокими центрами власти, а также самим самодержцем, который видел в отказе от официального культа угрозу религиозной поддержке своего земного господства. Один из замученных в Сицилии в 180 г. скажет проконсулу Африки Сатурнину: «Я не признаю империю и императора всех людей».

Лишь несколькими годами позже, в эпоху Северов, в лоне римской общины появились первые признаки намерения примирить христианство с государственной властью, которое, как видно, предвосхищало век «константинской политики».

/А. Донини. У истоков христианства. — М., Издательство политической литературы, 1989. /

ДЕЯНИЯ МУЧЕНИКОВ

Преследования христиан Валерианом (253—260) имели некоторые непредвиденные аспекты. Впервые было конфисковано общинное имущество и сделаны предложения о лишении званий сенаторов и военных, ставших христианами, ссылке христианских матрон и низведение в рабское состояние членов имперской администрации («цезарион»), которые примкнули к новой религии. Как видно, социальная ткань империи была поражена уже в жизненных центрах власти. Этот процесс зашел так далеко, что после смерти Валериана (взятого в плен в Эдессе персидским царем Сапором I) Галлиен (260—268), за несколько лет до того уже приобщенный отцом к императорскому правлению, отменил принятые ранее решения и вернул церкви кладбища и другую конфискованную собственность, превратив христианство в почти легальную религию.

Гонения времен Валериана тем не менее превзошли своими масштабами и жестокостью все предыдущие:

множество людей пало их жертвой по всей территории империи. Именно в те времена с нарастающей интенсивностью начала развиваться агиографическая (житийная) литература, которая ставила целью изобразить в наиболее выгодном свете самопожертвование «мучеников».

Слово «мученик» в романских языках происходит из христианской латыни — *martyr* (мартир) от греческого *marturos* (мартюрос), где оно означало «свидетель (бога)». Заимствованное из судебного обихода классической эпохи, слово это получило в языке христиан свое религиозное значение, оформившееся в сборниках «Деяний» («Актов») и «Страстей» («Пассионов»). В первоначальном смысле слово «мартир» («мученик») применено в Новом завете в связи с Иисусом, как самым высоким свидетелем, или гарантом, драмы спасения. Но уже в середине II в. оно стало применяться ко всем, кто пролил кровь за веру, а через несколько десятилетий оно получило свою латинскую форму в общинах Северной Африки в трактате Тертуллиана «К мученикам» («*Ad martyras*»).

/А. Донини. У истоков христианства. — М., Издательство политической литературы, 1989. /

ПОСЛЕДНИЕ ГОНЕНИЯ

В попытке вернуть императорскому абсолютизму былой престиж Диоклетиан вдохновлялся консервативной интерпретацией государственной религии. Клуб императора достиг невиданного размаха. Оба Августа уподоблялись в иерархическом порядке один Юпитеру, другой — Гераклу с общими храмами обоим богам и обоим высшим представителям «тетрархии». Ношение диадемы и нимба, который впоследствии станет в искусстве отличительным признаком святого, придавал особое значение сверхъестественному характеру суверена, подобно тому как это было в восточных монархиях. Подчинение налоговому и военному деспотизму было уравновешено религиозными повинностями: уклоняться от них означало отворачивать от общества покровительство оскорбленных богов. Жертвоприношение гению императора стало нормальным актом проявления лояльности не только для функционеров государственного аппарата, но и для всякого горожанина и особенно для солдат.

Согласно придворному историку Константина Евсевию Кесарийскому, всеобщее недовольство нашло почву именно в рядах армии, в среде воинов христианского вероисповедания, и на этой почве возникали эпизоды неповиновения и отказа от воинской службы, как это имело место с манихеями. Лактанций уточняет, впрочем, что первый эдикт о преследованиях исходил по обоюдному согласию в начале 303 г. от Диоклетиана и Галерия в Никомедии, после пожара в императорском дворце, вина за который была возложена на христиан. С политической точки зрения эдикт был несомненной

ошибкой, которую только Константин смог десять лет спустя умело исправить.

Христианство уже не было маргинальной силой, хотя его распространение было еще неравномерным. Не имеет никакого основания легенда о том, будто супруга Диоклетиана втайне приняла христианскую веру. Но несомненно, что в крупных городах метрополии, в портах и небольших городских центрах христианские общины рекрутировали приверженцев не только в среде бедняков, рабов, эмигрантов и чужеземцев. Отвлечение римского простонародья к христианству, которое подогревало первые преследования, не исчезло, но заметно уменьшилось. Широкие слои ремесленников, бедствующих риторов и интеллектуалов примыкали к новой религии. Христиане проникли в ряды государственной бюрократии и насчитывали многочисленных последователей в патрицианских семьях и при различных императорских дворах. Так, в 40 километрах от Рима, на Фламинской дороге, там, где ныне находится Риньяно, матрона Теодора отдала в распоряжение верующих свое сельское имение. Археологические находки на кладбище в Риньяно послужили тому свидетельством.

В Галлии, где Констанций Хлор открыто поддерживал культ солнца, в поклонении которому он позволил воспитать своего сына Константина, всеобщие меры, направленные против христиан, были просто неосуществимы в следствие близости обеих религий и их символов, которые часто смешивались.

Задуманные в Никомедии преследования осуществля-

лись вначале более или менее осторожно. Но они становились затем все более настойчивыми, порождая жертвы и мучеников, особенно в рядах войска и гражданской администрации. Они продолжались восемь лет, с 303 по 311 г. Этот период известен в церковной истории как «эра мучеников». В некоторых кругах летоисчисление новой христианской эры вели только начиная с этого времени. Впервые места погребений, принадлежавшие общинам или более состоятельным их членам, стали на время прибежищем для преследуемых, где они отправляли свой культ. Но выражение «церковь в катакомбах» чисто риторично. Сам термин «катакомбы» еще не вошел во всеобщее употребление. В Риме говорили «в катакомбах», когда хотели указать на кладбище, простиравшееся под нынешней базиликой св. Себастьяна на древней Аппиевой дороге.

Между 25 февраля 303 г. и декабрем 304 г. было издано не менее четырех антихристианских эдиктов. Иерархия понесла особенно тяжелый ущерб: закрытие мест отправления культа и конфискация церковного имущества, изъятие и уничтожение книг и священной утвари, обращение в рабство плебеев, признанных христианами, сопровождалось заточением епископов и высших членов клира, наконец, смертной казнью тех, кто не покорился приказу отречься, оказав почести богам. Те, кто уступал, быстро выходили на свободу.

Появление множества мартирологов в V и VI вв. и безграничное прославление мучеников, предпринятое средневековыми и современными агиографами, сделали затруднительной точную историческую оценку распространения преследований, а также числа и ранга их

жертв. Они достаточно многочисленны, хотя происхождение их довольно неясно в зонах, где христианство было более распространено (Малая Азия, Египет, Северная Африка, Рим). Значительно меньше их было в западных провинциях — в Испании, в Британии, в Галии. Случаи капитуляции нередки, как и во времена Деция. На этот раз они приняли форму выдачи богослужебных текстов и предметов культа, что называлось по-латински *traditio* (традицию) — «сдача», «выдача». Отсюда значение слова *traditore* (традиторе) — «предатель», которое перешло в народный итальянский язык. Против «выдававших», как было за пятьдесят лет до того, возникло движение протеста более непримиримых верующих, которое впоследствии вылилось в великую схизму донатистов.

В целом, однако, сопротивление преследованиям было достаточно солидарным, что свидетельствовало о том политическом и социальном, а не только религиозном значении, которое приобрела принадлежность к христианству. И нельзя исключить, что добровольное отречение Диоклетиана от престола и вынужденное отречение Максимиана в Милане 1 мая 305 г., через двадцать лет после их вступления на престол, определялось в числе прочих причин также и сознанием того, что авторитарное восстановление государства пошло по неверному пути и без поддержки христианских масс никакая политика консолидации империи была теперь невозможной. Диоклетиан удалился в свою родную Далмацию, где через восемь лет, в 313 г., и закончил дни свои.

/А. Донини. У истоков христианства. — М., Издательство политической литературы, 1989. /

АНТИСЕМИТИЗМ В ДРЕВНОСТИ

Враждебное отношение к еврейскому народу начинается почти с самой колыбели во время его пребывания в Египте, но усиливается со времени рассеяния иудеев среди других народов. После освобождения из вавилонского плена персами создавалась та реформа Эздры и Нехемии, которая укрепила еврейство, как строго теократическую, замкнутую общину, резко обособляющую себя от всего окружающего политического мира. Тем не менее, параллельно с этим обособлением идет тенденция распространения иудаизма в смысле его пропаганды. В период греческого расцвета сношения эллинов с евреями еще очень ограничены. Мы имеем лишь отрывочные свидетельства об евреях у Аристотеля, Мегасфена и Феофраста. С началом эллинизма греки близко сталкиваются с евреями, как в самой Сирии, так и в египетской диаспоре. Уже у Гекатея Абдерского (при Птолемеи I, 305—285), передающего фантастическую генеалогию евреев и историю изгнания их из Египта, звучит отрицательная нота в их характеристике: «в отместку за собственное изгнание (из Египта) он научил своих чуждаться людей и ненавидеть иностранцев», говорит Гекатей о Моисее. Если отбросить это отрывочное замечание, то первым теоретиком антисемитизма придется считать жреца Манефона, жившего при Птолемеи II Филадельфе (285—246). В его полуроманическом повествовании об исходе иудеев из Египта они представлены, как «нечистые»; они были изгнаны фараоном для умиловливания богов; соединенные с пастухами (Гиксами), они вновь завоевывают Египет, грабят его, оскверняют храмы, поедают жертвенных животных. Предводитель их — гелиопольский жрец-рenegат Осарсеф, впоследствии принявший имя Мои-

сея. Вслед за Манефоном выступает Мнасей Патрский, ученик Эратофена, впервые пустивший в ход столь распространенную потом легенду о том, что иудеи почитают в своем храме золотую ослиную голову.

Эти выступления еще единичны и не ведут ни к каким практическим результатам. Наоборот, известно, что в царствование Птолемея II Филадельфа и Птолемея III Эвергета число евреев в Александрии было очень велико; селение Самария близ Фазия указывает на целую иудейско-самарянскую колонию; надписи гласят также о постройках еврейских молитвенных домов; один из них построен в честь Птолемея, Береники и их детей, что указывает на мирные отношения между правительством и евреями. Общая политика Лагидов, клонящаяся к поддержке в Сирии всех элементов, враждебных Селевкидам, сказывается и в еврейском вопросе; особенно резко это отношение определяется во II веке. В это время эллинизирование евреев идет своим путем и все больше приближает их к эллинам; но это течение круто прерывается с царствованием Антиоха IV Епифана (175—164 до хр. эры). Но основная тенденция — резкое нивелирование пестрых азиатских народностей под знаменем единой эллинистической культуры; национально-религиозный конфликт возникает прежде всего на почве еврейства. Воспользовавшись распрями из-за преосвященнического престола, Антиох вторгается в 169 г. в Иерусалим, разоряет храм и оскверняет его; обрызгивая святая святых и книги закона свиной кровью, а через два года (167) обращает весь город в сирийскую крепость, а храм в святилище Зевса Олимпийского. Этим поступком Антиох достиг только взрыва национальной ненависти и героизма: иудеи восстали под предводительством Иуды Маккавея и образовали после

упорной борьбы самостоятельное государство. Изгнанные в 169 г. из Иерусалима, иудеи вместе с первосвященником Онией были приняты в Египте Птолемеем VI Филометором (181—145), и в городе Леонтополе, вблизи Гелиополя, был заложен новый храм. Это время является поворотным пунктом в истории еврейств. Ожесточенная оборонительная война и преследования развивают уже заложенную в нем тенденцию обособленности; с древнейших эпох своей истории иудеи хранят сознание того, что только еврейский народ знает истинного единого Бога и является Его избранником; из этого сознания вытекает гордое презрение к окружающим язычникам. Со времени геройской и мученической эпопеи Маккавеев эта обособленность достигает своего апогея; но не умирает и другая тенденция, на первый взгляд кажущаяся ей противоположной, а на самом деле связанная с нею и издавна идущая параллельно ей — тенденция пропаганды. Возникает специальная литература, имеющая своей целью доказать первичность и превосходство иудейской культуры и зависимость от нее эллинской. Первым философом называется Моисей (с ним же отождествляется Мусей, учитель Орфея, по другой версии египетский Гермес), а от него идут школы финикийская и греческая; астрология выводится от Авраама, агрономия от Иосифа. Создаются подложные книги Сивилл, Гомеровские и Гесиодовские стихи о субботе и т. д.; Аристуль (II в. до Р. X.) выводит всю перипатетическую философию из пророческих книг. Глубокая вражда к эллинизму, полное, активное нежелание ассимиляции чувствуется во всей литературе того времени, в Псалмах, в книге Эсфири.

<...>

Такое настроение еврейства, объяснимое отчасти сирийскими гонениями, объясняет и то, что пропасть между еврейским и эллинским миром росла, и тенденции антисемитизма приобретали все более резкий характер. Аполлоний Молон с Родоса, учитель Цицерона, в особом полемическом сочинении против евреев обвиняет их в отрицании греческих богов и атеизме, а также — что гораздо более характерно — в человеконенавистничестве и обособленности от всех, кто верует иначе; далее, в том, что они самые неспособные из всех варваров и одни не хотят внести никакой лепты в общее дело культуры. Те же обвинения повторяет Посидоний (в свидетельстве, переданном нам Диодором): иудеи изгнаны из Египта за проказу и другие отвратительные болезни; основной их закон — ненависть к чужестранцам, с которыми они не желают разделять даже стол. В противоположность Посидонию и Аполлонию можно привести генеалогический труд Тимагена Александрийского, рассказывающий о том, что Моисей запретил иудеям сношения с чужеземцами, чтобы опять не заразить последних и не вызвать ненависти к ним, как в Египте. Здесь подтверждаются факты обособленности иудеев, но ей придается более дружелюбная окраска; есть основание думать, что как Тимаген, так и писавший вскоре после него Страбон, черпали из иудейских, а не из антииудейских источников: все отношение их глубоко сочувственное. Однако они являются исключениями. Истории об изгнании «нечистых» и «безбожных» иудеев из Египта, об осквернении ими храмов богов повторяются александрийцами Лисимахом и Апионом. Последний возобновляет также рассказ о почитании иудеями золотой ослиной головы; культ этот учрежден, будто бы, в память того, как иудеи, мучимые жаждой при скитаниях в пустыне, нашли оазис, идя по следам ослиного стада. Но гораздо более важное

значение, по своим страшным последствиям, имела легенда о ритуальном убийстве, впервые пущенная в ход тем же Апионом и повторяемая мало известным писателем Демокритом. Рассказывалось о том, как царь Антиох XII Сидет (138—129) впервые, при взятии Иерусалима, нашедший в храме ослиную голову (по другой версии — статую Моисея верхом на осле), обнаружил также пленного грека, которого откармливали, чтобы принести его потом в жертву. По его рассказам, такая церемония происходила в лесу при торжественной обстановке; поедая внутренности убитого, иудеи клялись над его трупом в вечной и непримиримой вражде к грекам. Подобные рассказы, конечно, разжигали массу и были чрезвычайно популярны. Но политика Птолемеев сдерживала возбуждение, всячески покровительствуя иудеям: в Александрии они образовали громадное гетто; еврейские имена встречаются среди высших должностей (например, военачальники, сыновья первоосвященника Онии, являются главнокомандующими при царице Клеопатре III, вдове Птолемея VI Филометора, 181—145). Они пользуются многими привилегиями, например, правом не принимать никакого участия в государственном культе; полной внутренней автономией; им принадлежат многие экономические преимущества, например, монополия в торговле папирусом, откуп на некоторые дорожные пошлины; в различных спекулятивных отраслях торговли и государственного хозяйства они играют важную роль, этим еще больше питая враждебное к себе отношение других.

При наследниках Птолемеев, римских императорах, отношения правительства к иудеям меняются не сразу. При Августе и Тиберии евреи не только сохраняют полную внутреннюю автономию, свободу религии и да-

же освобождение от военной службы, но проявляют тенденцию полного уравнивания в правах с александрийскими гражданами, ссылаясь на мнимое обещание равноправия, данное им Александром Великим. При Калигуле (37—41 гг. после Р. Х.) политика правительства круто меняется и переходит к той ненависти и вражде, которая до тех пор сдерживалась искусственно. В 38 г. царь Агриппа подвергается открытым оскорблениям александрийской черни и высмеиванию на улицах и в мимах, а вслед за тем толпа переходит к требованию, чтобы во всех еврейских молельнях были воздвигнуты статуи обоготворенного императора. Освобождение от культа императора, обязательного для всей остальной империи, составлял важнейшую привилегию иудейской общины; ясно было, что она ее не отдаст без боя. Везде воздвигание императорских статуй сопровождалось их низвержением, а низвержения погромами и полным разрушением молелен. Вслед за этим правитель Египта, Авл Авилий Флакк, издал эдикт, объявлявший иудеев лишенными прав гражданства и совершенно бесправными чужеземцами. Наряду с этим запрещалось празднование субботы. Со своей стороны чернь произвела полный разгром всего еврейского населения; остатки спаслись, запершись в маленькой части гетто. На улицах иудеев избивали камнями, сжигали, распинали на крестах; по велению наместника, в театре публично высекли тридцать восемь старейшин иудейской общины. В 39 г., вместе с отставкой Авилия Флакка, в Рим отправляются одновременно два посольства: иудейское и антииудейское; во главе первого стоит философ Фион, во главе второго Апион. Калигула осыпает иудеев упреками в том, что они никогда не молились за него и за власть, а если и молились, то неизвестному богу за него, а не ему самому. В результате — ответом на иудейское посольство было

приказание воздвигнуть императорские статуи не только в молельнях, но и в иерусалимском храме. Готовившийся взрыв приостанавливается убийством Калигулы. Император Клавдий (41—54) не только возвращается к прежней покровительственной политике относительно иудеев, но и привлекает к суду и казнит двух главнейших участников погрома 58 г., Исидора и Лампона; кроме того, он дарует иудеям права александрийского гражданства. Но это нисколько не останавливает ожесточенной борьбы; мы знаем о новых европейских погромах в Александрии при Нероне и Веспасиане. Параллельно с этим замечается глухое недовольство и в самой Иудее. Идумейская династия, сменившая Маккавеев, совершенно подпала под влияние римского правительства; еще при Августе Иудея вместе с Сирией была подчинена римским прокураторам. В 66 г. вспыхнуло восстание, поддерживаемое партией zelотов и окончившееся в 70 г. полным разгромом Иерусалима Титом. Храм был разрушен и населения рассеяно. При Нероне гнет стал несколько легче, при Траяне он опять усилился. В 115 и 177 гг. в Египте, Кирене и на Кипре происходят восстания иудеев, сопровождающиеся жестокими массовыми избиениями римлян. В ответ, после подавления бунта, иудеям под страхом смертной казни запрещают въезд на Кипр. При Адриане вспыхнуло последнее восстание под предводительством Бар-Кохбы, в 135 г., вызванное запрещением обрезания. Побежденные иудеи были окончательно изгнаны из своей страны и рассеяны повсюду с запрещением проповедывать свою веру, а Иерусалим был преобразован в римскую колонию — *Aekia Capitolina*. Теоретическая сторона антисемитизма продолжает развиваться. Упомянув о воспитателе Нероне, Херемоне, повторяющем в своей истории исхода иудеев из Египта вымысел Манефона, остановимся на именах Тацита и Ювенала. Говоря об ис-

ходе евреев, об их религии и обычаях, Тацит повторяет общие обвинения: иудеи почитают ослиную голову в воспоминание о спасшем их стаде; всех переходящих в их веру они учат прежде всего «презирать богов, отрекаться от отчизны, пренебрегать родителями, детьми, братьями»; все, что у других народов «profanum», у них «sacrum» и наоборот; все их обычаи мрачны и развратны; ко всем иноземцам они дышат непримиримой ненавистью: празднование субботы и юбилейного года объясняется только ленью. Но наряду с этим Тацит, со своей обычной гениальной психологией, отмечает у евреев внутреннюю солидарность, верность клятвам, смелость и презрение к смерти, а относительно религии, параллельно с нелепой сказкой об ослиной голове, говорит, что они веруют в единого, вечного, духовного Бога. Ювенал повторяет обвинения в лени, в обособлении себя от всего мира, в презрении ко всем необрезанным. Тацит и Ювенал являются типичными представителями языческого мира в его отношениях к иудаизму в начале II века христианской эры.

/ Еврейская Энциклопедия (ЕЭ) — т. 2, Москва, 1891. /

АНТИСЕМИТИЗМ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Враждебное отношение к евреям, проходя через всю их средневековую историю, принимало в различных западноевропейских странах самые разные формы. Однако, основные черты антисемитизма всюду одинаковы. А в средние века проявляется, с одной стороны, в форме религиозной нетерпимости, а с другой — принимает характер политической и экономической борьбы. Отсутствие сильной центральной власти и могущество

многочисленных корпораций (цехов, гильдий и т. п.) открывали широкий простор для преследования и унижения евреев всеми классами христианского общества. Проследить исчерпывающим образом проявления А. в средние века значит написать историю евреев Западной Европы. Поэтому необходимо ограничиться выяснением происхождения антисемитизма, характерными его проявлениями, наконец, отражением его в литературе. Лишь только церковь окрепла, она стала стремиться к регламентации жизни средневекового общества и, прежде всего к урегулированию отношений христиан к евреям, с которыми обществу приходилось постоянно соприкасаться. Постановления церкви относительно евреев носили ограничительный характер; они были направлены против иноверцев и стремились изолировать последних дабы парализовать их влияние на христиан: евреи не имели права держать христианскую прислугу, занимать общественные должности, появляться на улицах в Страстную неделю; они были обязаны носить отличительные знаки, не имели права приносить жалобы в суд на христиан и свидетельствовать против них, и пр., и пр. В начале эта агитация успеха не имела. В раннем средневековье постановления церкви обыкновенно оставались мертвой буквой и частое повторение их на соборах можно было объяснить именно тем, что христианское население, не взирая на запреты церкви, находилось в дружеских отношениях с евреями. Но церковь настойчиво продолжала стремиться к своей цели; постепенно ее принципы проникли в законодательство христианских средневековых государств: Кастилии, Англии, Франции и Португалии — с XIII в., Венгрии и еще раньше, с XI в., наконец, позже всего — в Германии. Кроме того, духовенство в проповедях и литературных произведениях непосредственно возбуждало население против «врагов Христа». Харак-

терно в этом отношении послание Петра Клюбийского накануне второго крестового похода: бесполезно вести борьбу с врагами христовой веры в далеких краях, если евреи, которые хуже сарацин, находятся среди нас и безнаказанно издеваются над Христом, над всеми таинствами и оскверняют их; имущество, приобретенное евреями обманом, должно быть отнято; то, что похищено гнусным образом, должно быть вырвано из рук похитителей, ибо не простым земледельческим трудом, не честным и полезным занятием наполняют евреи свои амбары — плодами, погреба — винами, кошельки — монетой, сундуки — золотом и серебром; они отнимают у Христа хитростью; они — воры, скупающие у воров; по самой низкой цене приобретают они самые священные вещи. Когда вор ночью уносит из храма священную утварь, кресты или освященные чаши, он избегает встречи с христианами и бежит к евреям; там он не только находит безопасное убежище, но и продает синагогам Сатаны похищенное в святых церквях; покровительствуя этой гнусной торговле между ворами и евреями, христианские князья издавна установили, что если у еврея найдут принадлежащее церкви имущество или даже священную утварь, никто не обязан ни вернуть вещи, ни даже указать похитителя.

Клюбийский аббат требовал, чтобы у евреев отняты были их сокровища для крестового похода. В таком же духе проповедовал в XIII в. и Бертольд Майнцский. Вообще, с основания ордена доминиканцев проповеди против евреев участились. Церковь принялась инсценировать ритуальные убийства, похищение и осквернение гостей. Во время крестовых походов монахи часто открыто призывали толпу к нападению. В результате церковь достигла своей цели — отличительный знак

сделал еврея предметом общего презрения, жалким парией общества. Нельзя сказать, чтобы христиане, помимо агитации церкви, не питали вражды к евреям. Каким образом и когда зародилась вражда к евреям и в каких классах общества она всего более проявилась — это один из еще невыясненных вопросов, но несомненно, что ненависть к евреям обуславливалась, среди прочих причин, также экономическими факторами. Известный экономист Вильгельм Рошер («Евреи в средние века с точки зрения торговой политики») пытается объяснить усиление ненависти к евреям после крестовых походов возникновением купеческих организаций, которые начинают вытеснять евреев из их главного занятия — торговли, и, таким образом, вынуждают их ограничивать свою деятельность ростовщичеством. Рошер утверждает, что именно тогда, несмотря на успехи культуры, благосклонное отношение к евреям раннего средневековья сменяется жестокой ненавистью, а низшие слои городского общества, видя в них капиталистов, грабят их. Можно сказать, говорит Рошер, что благоприятное отношение к евреям обратно пропорционально успехам материальной культуры. Взгляд Рошера не всегда оправдывается фактическим ходом событий. Так, например, в Италии не замечается экономического антисемитизма (хотя известно о мерах венецианского сената против конкуренции еврейских купцов в XI в.). Отношение к евреям в Италии ухудшается лишь с XVI в. и то, лишь благодаря воздействию церкви, успевшей оправиться от ударов, нанесенных ей реформацией. Пример Германии, напротив, подтверждает взгляд Рошера. Генигер доказывает на основании документов кельнских архивов, что евреи Кельна пользовались равными правами со своими христианскими согражданами, и только после 1146 г. положение их постепенно ухудшается. То же самое можно сказать и о

целом ряде других городов в XIII и XIV веках. В Нюрнберге им была запрещена почти всякая торговля; в Аугсбурге они лишены были права заниматься винной торговлей; а в Глогау — торговлей сукном; евреи Линца вообще не имели права вести торговлю с христианами. При последнем герцоге из дома Бабенбергов, Фридрихе II, положение евреев в Верхней и Нижней Австрии было довольно благоприятно: они пользовались особым покровительством герцога, свободно вели торговлю и занимали даже места на государственной службе; все это возбуждало ненависть христианского, в особенности, венского купеческого населения. Когда герцог Фридрих восстал против императора Фридриха II и, будучи побежден, был вынужден оставить Вену, граждане поспешили обратиться к императору с жалобой на евреев. Вследствие этого в привилегию, данную императором гражданам Вены, была заключена статья (третья), лишавшая евреев права занимать общественные должности, «ибо они, злоупотребляя своей властью, притесняют христиан, а между тем спокон веков осуждены на вечное рабство». Следует также отметить, что в привилегии, данной императором венским евреям в 1238 г., являющейся почти дословным повторением известной Шпейерской привилегии, отсутствует статья, разрешающая евреям заниматься крупной торговлей. В других германских областях ограничения, направленные против еврейской торговли, возникают около XIV века. Но и в области, отмежеванной евреям, в денежной торговле, их интересы весьма часто произвольно нарушались. В течение всего XIV в. должники евреев — императоры, князья и города — отказываются платить свои долги. С этой целью горожане добиваются даже особых привилегий от императора. Так, в 1385 г. 38 городов Швабского Союза за 40 000 гульд. приобрели у императора право сократить на одну четверть все долги евре-

ям, жившим в городах Союза; уплату остальной части города брали на себя, причем должники вносили им залог и, в случае несостоятельности должника, залог оставался в пользу города. Все расчеты с евреями-кредиторами производили города, которые нередко удерживали часть долгов в свою пользу. В 1390 г. Нюрнберг, Ротенбург, Швейнфурт, Виндсгейм и Вейссенберг совершенно откупились от долгов евреям. В том же году и город Регенсбург был освобожден от уплаты долгов евреям, причем удержал в свою пользу все залогов должников, императору же уплатил 15 процентов всей суммы — 15 000 золотых гульденов. «Евреям, таким образом, давали накапливать капиталы, а затем отнимали их, подобно тому как наполняют и опорожняют копилку». Так распоряжались собственностью беззащитных евреев и в Англии, и во Франции. В последней положение евреев стало ухудшаться после смерти Людовика VII. «В середине XIII в., говорит Гюдеманн, евреев стали теснить со всех сторон. Их социальное положение непрочное, их имущество находится в зависимости от произвола и близкого к произволу закона, их отношения к остальным слоям общества натянуты; фанатизм эпохи крестовых походов и миссионерское рвение монахов создали глубокую пропасть между ними и христианами». В Англии с вступлением на престол Ричарда Львиное Сердце (1189) положение евреев резко изменяется к худшему. В самый день его коронации происходит нападение на евреев в Лондоне, а вскоре и в других городах. Рыцари убивают евреев и уничтожают свои долговые записи. Евреи изгоняются из целого ряда городов. Начинается усиленная агитация церкви. Обостряются отношения евреев к окружающему обществу и, наконец, под давлением общественного мнения, король издает декрет об изгнании евреев из всей Англии, парламент выражает благодарность королю за эту меру.

По мнению историка Абрагамса, главными моментами антисемитского движения в средние века являются крестовые походы, войны против альбигойцев, рост монашеских орденов в XIII в., деятельность папы Иннокентия III, «черная смерть» 1348—1349 гг., религиозные волнения во время реформации в Германии и законодательство о гетто в XVI веке. Для испанских евреев критический момент наступает в 1391 г. (Севильская резня).

В литературных памятниках вражда против евреев выражается уже с самого начала средневековья. Особенно резко выступали против евреев в IX веке лионские епископы Агобард и Амулон. Еще более учащаются выступления против евреев в последующие века. В классической стране средневекового антисемитизма, Австрии, где все классы общества, за исключением крупного дворянства, пылали враждой к евреям, и где образованные слои общества разделяли с массами эту ненависть, поэт Зейфрид Гельблинг (Seyfried Helbling) выразил свою ненависть к евреям в следующих строках:

Перевод: «Слишком велики грехи и позор евреев в этой стране. Никогда еще не было государства, удовлетворявшегося тридцатью неверными, вонючими жидами. Кто под эгидою евреев научится похищать христиан, того да покарает Господь Бог. Если бы я был государем, я повелел бы всех вас сжечь. Император Веспасиан и его брат (?) Тит не взяли ваших денег и разрушили Иерусалим. Евреев он увел на веревке и велел им немного подождать; за пфенниг он продавал по 30 евреев; то государство, которое покупало их на пфенниг, осквернялось ими».

С распространением печатного станка возникла обширная памфлетная литература. Авторы, принадлежавшие по большей части к образованному духовенству, язвительно чернили евреев, и даже творец реформации Лютер, не пощадил евреев в своем сочинении «Von den Juden ihren Lugen». Подобно тому, как для средневековых писателей арсеналом, откуда они черпали злословие и клевету, служат сочинения отца церкви Иеронима, так и книга Лютера является благодарным материалом для антисемитов новейшего времени. Весьма характерен памфлет: «Враг евреев» о благородных отпрысках галмудических евреев, живущих в настоящее время в Германии; серьезное, основательное сочинение, в котором вкратце доказывается, что они — величайшие хулители Господа нашего Иисуса Христа, к тому же заведомые и непримиримые враги христиан и, напротив, друзья и союзники турок, кроме того, воры, обманщики, занимающиеся ростовщичеством и фабрикацией фальшивой монеты». Автор памфлета, священник Нигринус, особенно восстает против евреев-ростовщиков и обвиняет власти в том, что они им покровительствуют. Он предлагает либо изгнать евреев, либо заставить их заниматься полезными ремеслами. В подобном же духе писал другой представитель духовенства, проповедник Иодокус Эргард в 1558 г.: «Если кто хочет знать, по каким причинам они находят покровительство и предпочтение у столь многих князей, графов и дворян, несмотря на выжимание соков из народа, то далеко не последняя и даже, можно сказать, одна из важнейших причин состоит в том, что такие высокопоставленные господа сильно задолжены евреям и без последних не в состоянии были бы удержаться на поверхности; это всем известно и можно было бы (я почтительно умалчиваю о королях и князьях) назвать по имени многих из высшего и мелкого дворянства, которых это, как

каждому известно, постыднейшим образом касается. Разве бедным христианам не приходится делать для проклятых евреев почти все, что от них потребуют? И это по той лишь причине, что они так задолжали евреям с обременительными, ростовщическими процентами на проценты, что часто ничего или только очень немногие из своего имущества могут считать своей собственностью. Как часто полевые плоды переходят к евреям задолго до жатвы и как мало остается бедному крестьянину с женой и детьми! Скажи мне: многие ли простые крестьяне имеют еще свой скот в местах, где живут евреи? Не принадлежит ли он весь или большая его часть евреям? И представители дворянства, которые сами находятся в зависимости от евреев и являются их друзьями и посредниками, оставляют все это безнаказанным и в своих владениях не защищают бедного человека против дьявольских ростовщиков — что они должны бы делать по справедливости — и даже более того: когда высшая власть страны повелевает изгнать евреев, доставляют им убежище и защиту». В сочинении одного ингольштадского католического священника (1590) сказано, что в вышеописанном Эргардтом бедственном положении народа виноваты не одни евреи: «Как могли бы евреи причинить столько несчастий и вреда ростовщичеством и другими финансовыми операциями, если бы христиане не содействовали им: если бы вследствие лени, неумеренной роскоши и расточительности христиане не нуждались в них, если бы, по крайней мере, не заискивали в них и не принимали участия в их ростовщических сделках? Между тем жалуются на евреев, а не говорят, как по справедливости следовало бы: *Mea maxima culpa* — больше всего моя в том вина». Следует заметить, что вытеснение немецких евреев из всех почти отраслей торговли и общие ограничения в правах являются результатом вековых пре-

следований, доведших евреев до полного разорения, так что в начале XVI века они занимаются главным образом ростовщичеством и мелкой торговлей. Указанные обвинения, наравне с обычными наветами в ритуальных преступлениях, повторяются и в остальной памфлетной литературе до середины XVIII в. Особенным успехом пользовалась книга Эйгенменгера «Entdecktes Judenthum». Вражду к евреям разжигали в христианском обществе также довольно широко распространенные карикатуры и иллюстрации; обычной их темой являлось грубое глумление над еврейскими обычаями; изображение ритуальных преступлений и проч.

/ЕЭ—т. 2. /

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ — так называются военные экспедиции из Западной Европы, имевшие целью освободить Иерусалим и гроб Христа из-под власти мусульман. Недисциплинированные массы, участвовавшие в первых трех К. П., нападали на евреев Германии, Франции и Англии и убивали многих из них, оставляя о себе надолго враждебные чувства с обеих сторон — евреев и не-евреев. Социальное положение первых значительно ухудшилось во время К. П., а правовые ограничения евреев тогда и после К. П. стали учащаться. Они подготовили почву для антиеврейского законодательства Иннокентия III и составляют поворотный пункт в средневековой истории евреев. Вслед затем, как Петр Пустынный и папа Урбан II возбудили энтузиазм французского рыцарства на Клермонском соборе в 1094 г., Готфрид Бульонский заявил, что он отомстит

за кровь Иисуса на евреях; товарищи Готфрида угрожали евреям смертью, если они не крестятся. Французские общины отправили тогда письма пиренейским общинам, которые назначили день поста и молитвы об устранении бедствия (январь 1096); когда Готфрид прибыл в Кельн и Майнц, местные общины поднесли ему каждая подарок в 500 марок, дабы заручиться его защитой. Когда Петр Амьенский появился с крестоносцами в Трире в начале 1096 г., он не возбудил непосредственно населения против евреев, но его пребывание способствовало возникновению ненависти к евреям во всей Лотарингии; этому содействовали также влияние рыцаря Фолькмара, который заявил, что не оставит страны, пока не убьет, по крайней мере, хоть одного еврея. Весной 1096 г. 23 еврея были умерщвлены в Меце, а 3 мая крестоносцы вместе с городской чернью напали на шпейерских евреев, из которых пало 11; остальные собранные в синагоге, были спасены только благодаря обращению епископа к крестоносцам. 18 мая погибли все евреи Вормса, за исключением немногих, насильно крещенных и тех, кто нашли убежище у епископа. Одна из богатейших евреек, Минна, окруженная толпой, несмотря на просьбы некоторых из ее друзей среди рыцарей принять крещение, решительно отказалась от этого, предпочитая мученическую смерть. Некий Марк Шемария был зарыт заживо со своей семьей при криках толпы, которая, однако, обещала ему спасенье, если он крестится. В тот же день граф Эмихо прибыл в Майнц с многочисленной толпой крестоносцев, но архиепископ Рутгард не впустил его в город. 2 дня спустя — 20 мая — Эмихо проник, однако, в город через боковые ворота, и несмотря на вооруженное сопротивление евреев, истребил всех, кроме Калонимоса, председателя общины и 53 других евреев, укрывшихся в казначействе собора. Группа евреев, защищавшихся весь

день в укрепленной позиции, решила с наступлением ночи, когда нельзя было больше защищаться, лишиться себя жизни, чем умереть от рук громил. Тела убитых были похоронены в 9 гробах; передают, что число их достигло 1.014. Марк Исаак б. Давид, насильно крещенный, поджег свой дом и синагогу и погиб в пламени, так как распространился слух, что христиане намерены превратить синагогу в церковь. Калонимос и его 53 товарища были увезены архиепископом Рутгардом в Рюдесгейм, где они укрывались в течение нескольких дней; но 1 июня архиепископ заявил им, что он не может больше их защищать, разве только они крестятся. Тогда евреи решили убить друг друга. Калонимос зарезал своего сына Иосифа и потом, в ярости от пережитого ужаса, хотел убить архиепископа, но его схватили и умертвили. В Кельне крестоносцы напали на евреев 3 мая, но горожане защищали их, а архиепископ Герман отправил их в соседние города: Нейсе, Вевелингоффен, Альтенар, Ксантен, Гельдерн, Мэрс и Керпен, куда, однако, крестоносцы последовали за ними. В Нейсе и Альтернаре они убили 200 евреев, в Гельдерне и Керпене евреи были насильно крещены, а в Вевелингоффене и Ксантене евреи сами лишили себя жизни. В июне крестоносцы прибыли в Трир. Часть евреев сразу лишила себя жизни, а некоторые еврейки бросались в реку. Остальные скрылись во дворце архиепископа Экберта, который пытался убедить толпу пощадить евреев, но он подвергся поруганию и был осажден в своем дворце в течение недели, по истечении которой он заявил евреям, что нет другой надежды на их спасение, кроме крещения. Когда они отказались от последнего, часть из них была выдана крестоносцам и убита. Остальные тогда крестились. Та же участь постигла евреев Регенсбурга, в то время как магдебургские евреи были изгнаны. По пути через Чехию крестоносцы насиль-

но крестили евреев; упорствовавшие были перебиты, несмотря на увещевания епископа Космаса. Когда император Генрих IV вернулся в 1097 г. из Италии, он разрешил всем насильственно крещеным евреям вернуться обратно в еврейство, несмотря на протесты папы Климента III. Последствия бесчинств крестоносцев в Германии были ужасными: было высчитано, что 4.000 евреев пали от рук крестоносцев или от собственных рук. Когда последние, наконец, завладели Иерусалимом (1099). Они собрали находившихся там евреев в одну синагогу и предали их огню. Во время подготовлений ко второму К. П. монах Рудольф или Раульф произнесил проповеди против евреев в прирейнских городах, но явившийся туда вскоре Бернар Клервосский вступил в диспут с Рудольфом в Майнце (ноябрь 1146) и велел ему отправиться в свой монастырь. Бернар обратился тогда с посланием к западноевропейским христианским государствам, протестуя против избиения евреев. Несмотря на это, от крестоносцев пострадали евреи Вюрцбурга. Во время коронации в Англии Ричарда Львиное Сердце (3 сентября 1189), который готовился отправиться в Палестину в третий К. П., погибли многие евреи в разных английских городах. До К. П. евреи имели монополию в торговле восточными продуктами, но тесная связь между Европой и Востоком, созданная благодаря К. П., вызвала к жизни класс христианских купцов, которые стали ограничивать коммерческую деятельность евреев. От К. П., евреи еще пострадали в том отношении, что папы освобождали крестоносцев от уплаты долгов евреям-кредиторам.

/ ЕЭ. — т. 6. /

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ — страшная чума, свирепствовавшая в Европе с марта 1348 г. до весны 1351 г. и, как говорят, истребившая половину населения. Она была завезена моряками в Геную из Южной России. В течение марта и апреля 1348 г. эпидемия распространилась по всей Италии, Испании и Южной Франции, а в мае того же года она достигла юго-западной Англии. Хотя евреи страдали от Ч. С. одинаково с христианами, тем не менее, создана была легенда, особенно популярная в Германии, что распространением болезни обязаны заговору евреев, замысливших истребить христиан путем отравления колодцев; такие обвинения встречаются и ранее. Бургомистры посылали донесения, содержащие в себе признание евреев, арестованных по обвинению в распространении заразы и подвергнутых пыткам. Впервые слухи об отравлении евреями колодцев распространились в Северной Испании, в Барселоне, Сервере и Тарреге, в июне и июле того же года; вследствие этих слухов произошли здесь избиения евреев. Изданная папой Климентом VI в июле булла, согласно которой возведенное на евреев обвинение было объявлено ложным, не возымела, по-видимому, действия; осенью миф об отравлении евреями колодцев привел в Швейцарии к печальным последствиям. Когда чума дошла до Шильона, евреи этого города были арестованы и подвергнуты пытке. Некий Балавигнус «сознался», что в одном городе, на юге Франции, несколько евреев составили заговор. Эти лица приготовили яд из смеси христианских сердец, пауков, лягушек, ящериц, человеческого мяса, освященного хлеба, и эту смесь в виде порошка бросали в колодцы, из которых христиане брали воду. Из Берна были отправлены специальные вестни-

ки с этим сообщением, которые распространили его по Швейцарии и Верхнему Рейну. В Цюрихе несколько евреев было сожжено (21 сентября 1348 г.), остальные были изгнаны. Легенда достигла Аугсбурга, Вюрцбурга и Мюнхена и других местностей, вызвав ряд кровавых избиений евреев. То же самое произошло в Верхнем Рейне. Во Фрейбурге, 30 января 1349 г., евреи были перебиты, 22 января разразилась гроза над евреями Шпейера; одни из них были перебиты, другие сами кончили с собой, чтобы избежать крещения. Страсбургский бургомистр отказался верить навету и выразил намерение оказать евреям поддержку; вследствие этого он был устранен от должности, и более 2000 евреев были преданы смерти (16 февраля 1349 г.); долговые требования последних были уничтожены (обстоятельство, проливающее истинный свет на мотивы кровавой расправы); должников евреев уверяли граждан, что они не будут наказаны за резню. Ближайшими очередными жертвами были ворисские евреи, которых 1 марта было сожжено не менее 400. Наибольшее число жертв было в Майнце, где погибло не меньшее 6000 евреев. Здесь, между прочим, евреи оказали первое активное сопротивление своим гонителям и убили около 200 человек из черни. Два дня спустя, та же судьба постигла кельнских евреев; пали также 3000 эрфуртских евреев. В Кремсе нафанатизированная толпа одолела военную силу и, перебив всех евреев, сожгла город. В декабре 1349 г. происходили нападения на евреев в Нюрнберге, Ганновере и Брюсселе. На этом закончились проявления народной ярости. Император потребовал от жителей Франкфурта уплаты огромного штрафа в 20 000 марок серебром за попустительство убийцам евреев. Можно было бы привести длинный список других городов, где происходили избиения евреев в связи с Ч. С. Этот список свидетельствует не только о громадности

территории распространения евреев, но и о том, что, за исключением австрийских владений, почти в каждом городе Германии, где в половине XIV в. жили евреи, — последние подверглись кровавым гонениям. Трудно допустить, чтобы власти были совершенно бессильны в борьбе с изуверством. Потери, причиненные убийствами императорской и княжеской казне, были неисчислимы. Однако, не предпринимая никаких реальных мер для предупреждения беспорядков, император в некоторых случаях заранее гарантировал безнаказанность зачинщикам убийств, условливаясь с ними о том, что будет сделано с домами и имуществом евреев, в случае возникновения мятежа. Это имело место в Нюрнберге, Регенсбурге, Аугсбурге и Франкфурте, а также и в других городах. Начиная с этого времени, евреи всей Германии жили в постоянном страхе перед возможностью повторения пережитых бедствий; власти же, разделяя предрассудки толпы, избрали как единственное средство избавиться от неприятностей, причиняемых еврейским вопросом, изгнание евреев из городов.

/ЕЭ. — т. 15. /

АНТИСЕМИТИЗМ В ПОЛЬШЕ ДО 1793 Г.

АНТИСЕМИТИЗМ В ПОЛЬШЕ ДО 1793 Г. — включает в себе два течения: общеевропейское — результат церковного законодательства и пропаганды, и польское — созданное исключительно условиями местной жизни. Оба течения так тесно сливаются, что их невозможно отделить один от другого. Нужно заметить, что евреи никогда не были совершенно изгоняемы из

Польши, хотя такие попытки и желания обнаруживались неоднократно. Так, вскоре после изгнания евреев из Испании и, вероятно, под влиянием этого события, великий князь Александр Ягеллон удалил в 1495 г. евреев из Литвы, а король Ян Альбрехт в 1494 г. — из Кракова. На польских земских сеймиках нередко раздавались голоса об изгнании евреев из страны. Когда в 1641 г. крещенный еврей Матеуш-Рубен, похитив чаши и гостии из львовского костела св. Станислава, продал их еврей Баруху, шляхта, съехавшаяся на русский областной сеймик в город Сондова-Вишня, решила конфисковать дом Баруха, успевшего скрыться, и свое решение заключила следующими словами: «а если впредь евреи... будут уличены в убийстве христианских детей из религиозного фанатизма или в свершении святотатства и об этом будут знать их старейшины, то в наказание все евреи того города должны быть изгнаны из пределов королевства, а имущества их конфискованы. Еще более сурово решение русского земского сеймика 1761 г., когда шляхта, приведенная в ужас клеветой франкистов на евреев, постановила учредить полицейский надзор за евреями, запретить им молиться по древне-еврейски и пр., и пр. В решениях земского сеймика Добржинской области 1668 г. шляхта домогалась изгнания евреев из Мазовии. В 1681 г. на еврейском сейме, вернее, собрании делегатов Литвы и короны в Ленчице, об изгнании евреев из Польши говорят, как о чем-то возможном. Но хотя на сеймиках шляхта отзывалась о евреях неуважительно, даже презрительно, и выражения «parch» и «psiawiara» были обычными, в среде шляхты находились и защитники евреев, в особенности против произвола городов, пользовавшихся привилегией Магдебургского права. Неизменно принципиально враждебно относившимся к евреям было духовенство (хотя, впрочем, отдельные представители

высшего духовенства не всегда разделяли эту ненависть). Уже синоды в Познани (1264 г.), в Бреславле (1267 г.), в Будах (1279 г.), а позже синоды 1422 г. и 1542 г. (под председательством Петра Гамрата), подтвердили целый ряд постановлений, принятых на общих и провинциальных соборах Западной Европы. Кроме того, евреям весьма часто вредило закулисное влияние видных представителей духовенства. Знаменитый епископ краковский, Збигнев Олесницкий, не допустил короля Ягелло подтвердить общие привилегии польских евреев; он же был виновником уничтожения привилегий данных польским евреям Казимиром IV Ягеллоном. Параллельно велась пропаганда миссионеров, особенно усилившаяся в XVIII в., причем во многих местах евреев принуждали слушать проповеди католических ксендзов. Исключительное усердие в этом отношении проявил Кобельский, епископ луцкий и брестский, автор послания к ксендзам 1752 г. — «*Wszystkiemu duchowienstwu zdrowie*». Около того же времени появилось сочинение ксендза Пошаковского. В этой книге, имеющей целью привлечение евреев в лоно католической церкви, содержится, между прочим, обращение к евреям, кончающееся так: «*Laudate Dominium Messiam*» (Хвалите Господа Бога Мессию). В таком же духе написаны книги Аведыка и Пекульского, а также целый ряд сочинений о франкистах. Особое рвение в деле обращения евреев в христианство выказал виленский епископ Турчинович, основавший особый орден мариавиток для обращения евреек. Постепенно этот орден распространил свою деятельность на всю Польшу и в течение периода от 1737 до 1820 г. успел обратить в христианство две тысячи евреек; из них сам Турчинович крестил пятьсот.

Крупные города также относились враждебно к евреям. Главной причиной этой вражды была торговая конкуренция. Евреи обязаны были жить в отведенных им частях города в Кракове — в предместье Казимир, во Львове — в гетто, отделенном воротами от остальной части города. Такие же гетто были в Познани, Сандомире и пр. Целый ряд городов вовсе был закрыт для евреев: Бромберг — от 1555 г., Бохня — от 1605 г., Беча — от 1569 г., Велюн — от 1566 г., Освенцим — от 1563 г., Дрогобич, Самбор, а также вся Мазовия с Варшавой. Лишь во время сеймов евреи имели право приезжать в Варшаву, вследствие чего здесь не могла возникнуть община. В некоторых городах евреи вынуждены были селиться в предместьях, например, в Дробобиче и Самборе. Они пытались проникнуть в Мазовию, во время четырехлетнего сейма (1788—1792) сделали даже попытку остаться в Варшаве. Но это повлекло за собой антисемитское движение и изгнание евреев из Варшавы (1790). Торговая конкуренция евреев вызвала запрещение им заниматься различными отраслями торговли. В Львове с 1521 г. им разрешается только торговля воском, скотом, сундуками и кожей (то же самое было в Познани). Евреи заключали с магистратами городов особые торговые договоры (в Кракове в 1484 г., в 1492 и в 1527 гг.; в Львове — в 1581, в 1592, в 1629, в 1654 и в 1692 гг.). Отдельные случаи нарушения евреями договоров с христианами приводили к полному запрещению еврейской торговли, а также к беспорядкам и грабежам. Молодые ремесленники и ученики иезуитских коллегий и других школ, вечные враги евреев, избивали их, а также громили их лавки и синагоги. После каждого такого погрома евреи составляли списки отнятых у них вещей. Во время одного их таких нападений в Львове в мае 1633 г. погибло около 200 евреев, мужчин и женщин; магазины, дома, склады товаров были

разграблены, в главной синагоге изломаны скамьи, расхищены ковры, чаши, светильники и другие богослужebные принадлежности. В Вильне во время разгрома были унесены даже перила алмемора: они были серебряные. Евреи особенно сильно боялись учеников иезуитских коллегий. Об этой боязни свидетельствует анонимная брошюра (1606), написанная стихами и озаглавленная «Wyprawa zydwstwa na wojne». («Выступление евреев в поход»). Вообще, литература верно отражает общее положение евреев в Польше. Поэты золотого века польской литературы относились к евреям с презрением или ненавистью. Если Николай Рей из Нагловиц презирает евреев, как представитель шляхты, то другой польский поэт, Себастьян Кленович, прямо ненавидит их. В своей поэме *Roxolania* следующим образом изображает львовского еврея:

Перевод. «Быть может, ты спросишь: что делает еврей в знаменитом городе, что делает волк в полной овчарне? Он вторгается в прочные города со своими ростовщическими процентами, давя их своим ростом, и сеет нищету, подобно тому как червь точит дуб и медленно кровь пьет пиявка из молчаливо страждущей ласточки. Уходят силы и убывает мощь, от моли гибнет одежда, от ржавчины железо. Так и подлый иудей грызет обыкновенно все, часто пожирая частные средства, похищая богатства общины и чаще ее государства. И слишком поздно умудряются государи и государство, изведенное в конец, стонет стоном великим...».

У поэтов эта ненависть была теоретической и лишь некоторые имели в виду практические цели, как борьбу с конкуренцией евреев-врачей, купцов и пр. Брошюры

большой частью, повторяют обвинения евреев в употреблении христианской крови, осквернении гостей, обычные в западной литературе. Иллюстрации и карикатуры: цинично осмеивающие евреев, встречаются в Польше, хотя и не в таком большом количестве, как в Германии. В сочинении «Przycasciel ludu» была воспроизведена картина, изображающая ребенка, исколотого множеством гвоздей. Гравюра, эта первоначально появилась по поводу обвинения в ритуальном убийстве евреев г. Кременца. Дело дошло до папы, и кардинал Ганганелли подал знаменитую запретительную буллу.

<...>

/ЕЭ. — т. 2. /

ХМЕЛЬНИЧИНА

ХМЕЛЬНИЧИНА или **ХМЕЛЬНИЩИНА** — народное движение на Украине, возникшее в 1648 г., в связи с именем чигиринского сотника Богдана Хмельницкого и ознаменованное в истории польского еврейства великим бедствием. От предыдущих казацких бунтов Х. отличалась тем, что захватила не только недовольное политической зависимостью свободное казачество, но и широкие массы закрепощенного крестьянского населения (озлобленного против польских панов) и, наконец, православных мещан, которые радостно примкнули к движению, имевшему конечной целью изгнать из Украины польское дворянство, польскую администрацию, католическое духовенство и евреев. Последние, привлекаемые в Украину естественными ее богатствами и польскими магнатами, колонизировавшими страну, заняли видное место в ее хозяйственной

жизни. Но службой интересам землевладельцев и правительства (сплошь да рядом магнат-землевладелец состоял королевским старостой), евреи навлекли на себя ненависть населения, стонавшего под политическим и экономическим гнетом. По мнению новейших исследователей, ходячее представление об обидах, чинимых крестьянскому населению евреями-арендаторами, создававшееся в фантазии украинских летописцев, сильно преувеличено. Крестьянская масса усматривала в евреях исполнителей воли польской шляхты. Сбрасывая с себя политическое и экономическое иго, она обрушилась с одинаковой яростью на помещиков и евреев. Народное восстание вспыхивает после того, как Хмельницкий, при помощи татарского войска, одержал две победы над поляками (при Желтых Водах и у Корсуня). Вскоре восстание охватывает всю область восточного Приднепровья. Шайки из крестьян и горожан громят поместья, убивают управляющих и арендаторов-евреев. Евреи погибают в большом числе в Переяславле, Пирятине, Лохвице и Лубнах. Спаслись — кто принятием православной веры, кто бегством к татарам, и при их посредстве — в Турцию, где беглецы могли надеяться, что будут выкуплены богатыми единоверцами. С наступившим после смерти Владислав IV междуцарствием, хмельницкий выказал готовность к вступлению в переговоры с поляками. Но в то же время казацкие отряды под предводительством Кривоноса, Гани, Колоды и др. совершают истребительные набеги на местечки и поместья, жертвой которых падают поляки и евреи. Надеясь найти убежище в укрепленных городах, евреи толпами покидали маленькие местечки. Еврейские летописцы описывают зверские расправы с евреями в Немирове, Тульчине, Полонном, Заславле, Остроге, Старо-Константиново, Баре, Кременце и во многих других местах. Православные мещане жестоко мстили евреям,

давнишним своим конкурентам в торговле и ремесле, присоединяясь к казакам. Объединенные общей бедой, поляки действовали сообща с евреями. Но иногда они оказывались коварными союзниками, как, например, в Тульчине. Заступничество и помощь евреям нашли у князя Иеремии Вишневецкого, заботившегося о них, как выражается еврейский летописец, «как отец о детях». Вишневецкий велел казнить мещан в Немирове, присоединившихся к казакам во время резни. Однако, он один не был в состоянии подавить восстание; главные же польские начальники — Заславский, Конецпольский и Остророг, были нерешительны и слабы. Между тем, крестьянские шайки разгромили евреев в ближайших к Украине городах Белоруссии и Литвы: Чернигове, Стародубе и Гомеле. Осенью 1648 г. Хмельницкий, после победы под Пилавцами, направился в глубь Польши. Подступив ко Львову, казаки разграбили предместья, но укрепленный центр города стойко выдерживал осаду. Наконец, Хмельницкий обещал освободить город под условием выдачи евреев; магистрат ответил, что не в праве распоряжаться евреями, подвластными королю, и тогда Хмельницкий взяв выкуп, отступил. В то время состоялось избрание короля Яна II Казимира. Хмельницкий вступил в переговоры с королем, но весной 1649 г. он возобновил военные действия, которые окончились неудачно для поляков. В августе 1649 г. был заключен договор в Зборове, выгодный для казаков. Согласно одной статье договора, евреям не могут быть «ни владельцами, ни откупщиками, ни жителями в украинских городах», где находятся казацкие полки, т. е. в Черниговском, Полтавском, Киевском и отчасти Подольском воеводствах. Для евреев наступили мирные дни. Король Ян-Казимир разрешил насильно окрещенным в православную веру вернуться в лоно еврейств. Еврейские женщины, насильно обвен-

чанные с казаками, вернулись к своим семьям. Ваад четырех стран, заседавший в Люблине в 1650 г., занялся обсуждением вопроса о судьбе жен, мужа которых пропали без вести и, по-видимому, под влиянием Иом-Тоб Липмана Геллера, издал облегчающие их участь постановления. Наряду с этим Ваад выработал меры к восстановлению общинной жизни. День Немировской резни (20 Сивана) объявляется днем траура по событиям 1648 г. Через год война между казаками и поляками возобновилась. В польских рядах сражался и еврейский отряд в тысячу человек. Под Берестечком Хмельницкий потерпел поражение и вынужден был подписать невыгодный для себя договор (в Белой Церкви, 28 сентября 1651 г.). Договор этот содержит, между прочим, пункт, согласно которому евреям разрешается по-прежнему быть «обывателями и арендаторами в имениях его королевской милости и в имениях шляхты». Казачество продолжало волноваться. Хмельницкий отдал себя под защиту царя Алексея Михайловича. Россия объявила Польше войну. Русско-казацкое соединенное войско вступило в Белоруссию и Литву и стало избивать евреев и изгонять их из завоеванных городов, при явном сочувствии или содействии мещан. В самой Украине, между тем, военные смуты продолжались, так что евреи не могли воспользоваться льготной для них статьей Белоцерковского договора.

/ЕЭ. — т. 15. /

ГАЙДАМАЧИНА

ГАЙДАМАЧИНА — движение украинских крестьян XVIII в. против польской шляхты и католического духовенства, сильнее всего обрушившееся на еврейское население. Начало движения относится в 1708 г. Общее разложение Польши и установившиеся тягостные шляхтетские порядки, восстановление крепостничества и унии в правобережной Украине и усиление гнета католичества способствовали развитию недовольства и беспорядков среди православного крестьянского населения польских земель, к которому вскоре пристали и другие элементы — недовольные еврейской конкуренцией городские мещане, пришлые казаки, запорожцы, бродячие молдаване и калмыки, часть даже шляхтичи и крещенные евреи; все они, привлеченные грабежами и наживой, и поднимали на протяжении 60 лет ряд диких кровавых мятежей, главная тяжесть которых пришлась на долю евреев. Первоначально Г. носила характер случайных, разбойничьих набегов, во время которых партизанские отряды разнородного состава действовали в Волыни и Подолии, но с течением времени, особенно с 1734 и 1750 гг., это движение делается более планомерным и организованным, и вместе с тем значительно возрастают причиняемые им бедствия; в последней стадии движение сосредотачивается в правобережной польской Украине, в Киевском и Брацлавском воеводствах. Запорожская Сечь, официально не участвовавшая в Г. и даже, под влиянием извне, выступавшая против нее, дала много отдельных участников этого движения и особенно много предводителей («ватажников»). Одним из первых руководителей развившейся Г. является Верлан (в Брацлав. воен.), совершавший свои набеги якобы от имени русской императ-

рицы, но русские войска отчасти усмирили это движение, в котором пострадало, сравнительно, немного евреев. В 40-х гг. XVIII в. одним из главных предводителей Г. был Савва Чалый, произведший опустошения среди польского и еврейского населения; евреи ему отомстили, предав его в руки поляков (в г. Немирове). В 50-х гг., когда Г. снова усилилась, были ограблены окрестности Тульчина, Звенигородки (дважды в 1743 г.), а также Умань, Гранов, Винница (1750), Летичев, Фастов и др. населенные евреями места. Замолкнув на время, Г. достигла особенной силы во второй половине 60-х гг. XVIII в., что связано с увеличившейся слабостью Польши, находившейся накануне раздела; поляки, обнаружив бездеятельность в усмирении Г., вместе с тем, усилили гонения на крестьян, позволив себе ряд резких выходов против представителей православного населения. Особенный в этом отношении фанатизм проявили члены Барской конфедерации, возникшей в 1768 г. с целью борьбы против предоставления православному населению (т. е. диссидентам) Польши вероисповедных и политических прав. Г. возродилась тогда в центре Малороссии, в Киевском воеводстве; к этому движению примкнуло много крестьян левобережной — русской — Украины и особенно запорожцев с Сечи, и в гайдамакском движении наступила, с апреля 1768 г., новая, наиболее ужасная фаза, носящая название «Колиивщины» и достигшая апогея в знаменитой «Уманьской резне» («Rzez Humanska»). Во главе ее стал запорожец Железняк, действовавший по призыву православного монаха Мельхиседека Значко-Яворского, главного организатора колиивщины; деятельное, хотя и не официальное, участие в подготовке движения приняли также православные киевские монастыри. Железняк производил свои страшные опустошения от имени Екатерины II, якобы выдавшей монаху Мельхиседеку, явившемуся к

ней за содействием, «Золотую грамоту» на право избияния поляков и евреев; народ верил этому и охотно содействовал гайдамакам. С лозунгом истребления всех евреев «от Нухима до Боруха» и всех поляков, грабя и убивая их гайдамаки напали на Жаботин, Черкассы, Смелу, Корсунь, Канев; особенной жестокостью отличалось нападение на Лысянку (гайдамаки повесили в костеле рядом ксендза, еврея и собаку с надписью «лях, жид и собака — все вира одинака»), также напали на Тетиев, Умань, Тульчин, Павлович, Рашков, Липовцы, Погребищы, дер. Медничку и др. Из всех встречавшихся на пути городов и местечек уцелела одна Белая Церковь, сильно укрепленная и отдававшаяся под подданство России; однако, с тем большею силой обрушилась ярость гайдамаков на Умань, в то время крупный центр правобережной Украины, служивший как бы столицей Заднепровья. Этот город, принадлежавший гр. Потоцкому, привлекал своим богатством и средоточием польского и еврейского населения. Надеясь на крепость города, многие еврейские и польские беглецы, в страхе перед Г., сбежались в Умань, переполнив ее и массами расположившись за стенами города. Губернатором Умани был Младонович, а отрядом надворной казацкой милиции командовал сотник Гонта, на которого жители возлагали все надежды, но когда 18 июня 1768 г. Железняк приблизился к Умани, Гонта с казаками перешли на его сторону и, избив всех стоявших за стенами, немедленно напали на город. В то время как шляхтичи почти совершенно бездействовали, евреи под руководством землемера поляка Шафранского отчаянно защищали город, пока он не был взят. Гайдамаки уверили губернатора, что они поляков не тронут, и первоначально напали на евреев; избив всех встречавшихся на улицах, они бросились к синагоге, где собралась толпа евреев свыше 3.000, некоторые пробовали защищаться и

напали на гайдамаков, но последние поставили у входа пушку, ворвались в синагогу и перебили всех собравшихся. Доходя в своей жестокости до исступления, не щадя ни женщин, ни стариков, разрывая на части детей, гайдамаки под предводительством Гонты три дня (5, 6 и 7 Таммуза) производили резню среди евреев, а потом взялись за поляков, подвергая их той же участи. Жестокость гайдамаков во время этой кровавой бойни поставила Уманьскую резню наряду с самыми ужасными проявлениями массовых преступлений. Всего убитыми насчитывалось здесь около 20 000; трупы, по приказанию Гонты, не были допущены к погребению, а были брошены в колодцы или отданы на съедение собакам. Другие отряды Г. повторяли в это время те же зверства в ряде городов и поселков в Теплике, Дашове и др. Особенной жестокостью отличался один из предводителей Г., участник Уманьской резни — Шило, отряд которого преследовал евреев, укрывшихся в г. Балте (наполовину принадлежавшем тогда туркам). Уцелевшие евреи бежали в Бендеры, но и здесь они были частью избиты, частью утонули или погибли от голода и лишений. После Уманьской резни приближается конец Г.; против нее выступают польские войска, а с ними вместе войска русские и даже Запорожская Сечь. Поляк Браницкий обратился за помощью к усмирителю барских конфедератов, русскому генералу Кречетникову, который подошел к лагерю Железняка и Гонты, находившихся еще в Умани и, хитростью овладел городом, взяв в плен гайдамаков и отдал большинство их в руки поляков. Последние отомстили Гонте, предав его ужасной казни: живьем содрал с него кожу, его четвертовали. Свыше 700 гайдамаков, попавших полякам в руки, были повешены на всем пути от Умани, Винницы, Брацлава до Львова. Железняк, как русский поддан-

ный, был сослан в Сибирь; уцелевшие отряды Г. были уничтожены польским начальником Стемпковским.

Об Уманьской резне, запечатлевшейся в памяти евреев под названием «Geserat Uman», осталось чрезвычайно мало документов. Впервые обнародованный Х.И. Гурляндом документ — молитвенная элегия в память убитых, составленная сейчас же после резни, хранилась в уманьской синагоге наряду со свитками Торы и публично читалась в день 5 Таммуза, до недавних пор день всеобщего поста и траура в память события; документ погиб в пожаре, истребившем несколько лет назад большую часть города; уцелел уменьшенный фотографический снимок с пергаментной рукописи, воспроизведенный в увеличенном виде в I выпуске «Еврейской Старины» за 1909 г. с русским переводом и вступительными замечаниями. По преувеличенным данным элегии, в Умани было убито около 30 000 евреев. Сохранилось также письмо, написанное на разговорно-еврейском языке одним очевидцем из Староконстантинова и посланное в Кенигсберг в августе 1768 г.; по данным этого письма, число убитых евреев доходит до 50 000 или даже до 60 000, а число бежавших от Г. евреев, рассеявшихся в разные стороны свыше, 20 000; многие принимали крещение, дабы избежать смерти, и их заставляли участвовать в погромах; однако, потом гайдамаки убивали и их; многие платили за себя выкуп гайдамакам, которые охотно его брали, но это не спасало от гибели. Интересным документом является небольшая книжка, также на разговорно-еврейском языке, анонимного автора «Maase gedoilo min Uman Ukraino» (Вильна, 1838, 1845); по ее словам, в синагоге против гайдамаков выступили с оружием в руках Лейба Шаргородский, убивший 20 нападавших, и Моисей Менакер,

убивший их до 30; польские евреи, боясь нашествия Г. на Польшу, обратились с мольбой о помощи к Браницкому в Шаргород, который и захватил гайдамаков; в честь Браницкого евреями сочинена специальная молитва. Живое описание резни в Умани помещено со слов очевидца, немца Гаммарда, Энгелем в 48 т. «Allgemeine Welthistorie» Баумгартена (Галле, 1796). Гаммард описывает, как «Gondo» перерезал 1000 еврейских детей.

/ЕЭ. — т. 5. /

АНТИСЕМИТИЗМ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ. АНТИСЕМИТИЗМ ВО ФРАНЦИИ.

Декрет Людовика XVI от 24 января 1789 г., созывавший генеральные штаты на 27 апреля того же года, говорил, между прочим, о желании короля, чтобы «за каждым французом была обеспечена возможность довести до сведения короля свои желания и свои жалобы». И французский народ в особых наказах, так называемых cahiers, стал свободно излагать свои нужды и пожелания, чаяния и надежды. Сложны и разнообразны были требования народа, предъявленные королю Людовику, и нередко общие принципиальные вопросы тесно переплетались с местными, зачастую совершенно незначительными. К числу таких местных вопросов нужно отнести и еврейский, рассмотрения которого требовала лишь ничтожная часть наказов. О нем говорили указы Эльзаса и Лотарингии, где жила почти половина еврейского населения Франции, т. е. свыше 20 тысяч человек, и некоторые крупные и богатые комму-

ны, имевшие сношения с евреями и знакомые с их положением. За исключением Эльзаса и Лотарингии, все упоминавшие в своих наказах о евреях коммуны высказывались в пользу необходимости принятия решительных мер к уравниванию евреев в правах с прочим населением Франции; указы же Эльзаса и Лотарингии были проникнуты резко антисемитским духом и враждебно относились ко всякого рода проектам об улучшении положения евреев. Город Пон-а-Муссон (Лотар.) требовал строгого и точного соблюдения ордонансов о запрещении евреям проживать во многих местах Лотарингии. Третье сословие Гагенау настаивало на необходимости обложения евреев податями, запрещения составлять особую организацию (corps), жениться без разрешения провинциальных штатов и иметь своих синдиков и особые трибуналы. Кроме того, Гагенау предлагали целый ряд мер, направленных к ограничению торговли и ростовщичества. Третье сословие Меца доказывало вред, приносимый евреями городу, и требовало превращения их в полезных граждан. Купцы Тивонвиля требовали расселения евреев по всему французскому королевству и изгнания их из Люксембурга. Духовенство Саарбурга настаивало на строгой регламентации еврейской торговли и на введении в Лотарингии и трех епископствах тех же ограничительных законов, что и в Эльзасе. Жители Миркура (Лот.) предлагали, чтобы всякие сделки с евреями совершались нотариальным порядком и чтобы претензии, не опирающиеся на соответствующие документы, не удовлетворялись. В том же смысле высказались Нанси и Номени. Духовенство Сааргемюнда и Битша умоляло короля положить конец эксплуатации евреев. Третье сословие Бузонвиля обратилось с просьбой к королю, чтобы евреям было запрещено торговать хлебом и кормом для скота, чтобы число евреев не превышало определенно-

го количества и чтобы евреи имели право жить лишь в определенной части города. Духовенство Диеза желало, чтобы всякие сделки с евреями совершались в присутствии мэра или чинов судебного ведомства. Все три сословия Фенетранжа требовали чрезвычайных мер против роста еврейского населения в их коммуне. То же требование выставил и Ликсейм. Духовенство гор. Кольмара и Шлетштадта выразило пожелание, чтобы в каждой еврейской семье разрешали жениться только старшему сыну, во избежание «чрезмерного размножения этого племени»; местное дворянство заявило, что самое существование евреев есть общественное бедствие, а горожане требовали запрещения евреям заниматься ссудой денег. Аналогичные требования выставило и духовенство Вика. Антисемитским духом проникнуты указы Бельфора и Гюнингена. Город Страсбург настаивал на своей старинной привилегии — изгонять евреев из своих пределов. Итак, почти вся восточная Франция была враждебна к евреям, и из лотарингских коммун лишь Туль и Эбермениль резко осуждали антисемитскую пропаганду и высказывались в пользу евреев. Так как главное ядро еврейского населения находилось на востоке, то юдофобские указы этой именно части Франции должны были произвести неблагоприятное для евреев впечатление на французское общество. Это впечатление могло лишь усилиться, когда после взятия Бастилии возникли во всей стране беспорядки, которые в Эльзасе сопровождались еврейскими погромами. В 19 деревнях начали громить евреев, и свыше тысячи человек вынуждено было искать спасения за границей, в швейцарском городе Базеле. Лишь в конце сентября евреи могли вернуться обратно в Эльзас, не подвергаясь серьезной опасности; впрочем, коммуна Ульгольтца встретила вернувшихся крайне враждебно, и солдаты должны были защищать водворившихся ев-

реев. Правда, анонимный автор «Lettre d'un alsacien sur les juifs d'Alsace» отрицал антисемитский характер погромов 1789 г. и видел в них лишь ловкий маневр контрреволюционной партии. «Чтобы спасти свои замки от поднявшегося по всей Франции урагана — читаем в этой брошюре — сеньоры натравили народ на евреев и принесли их в жертву народным страстям». Однако, это мнение вряд ли кого могло убедить и во всяком случае немедленно было опровергнуто антисемитским депутатом Геллем, указавшим, что крестьяне Эльзаса ставили в вину сеньорам их частные обращения к евреям и даже разрешение им селиться на сеньоральных землях; не напрасно 2-я статья пантонта 1784 г. запрещала сеньорам принимать евреев. Этот антисемитизм эльзасских крестьян заставлял Национальное собрание с осторожностью относиться к мерам об улучшении еврейского положения, когда депутат Грегуар, «в качестве служителя (ministre) религии, считающий всех людей братьями», потребовал 3-го августа «в виду неслыханных преследований» евреев в Эльзасе защиты «этого гонимого и несчастного народа», Учредительное собрание, опасаясь принятия каких-либо непопулярных мер, отказалось не только от обращения за помощью к исполнительной власти в деле успокоения страны, но и от напоминания народу о необходимости воздержаться от всяких насилий над евреями. Боязнь Собрания вызвать какой-либо мерой в пользу евреев народное недовольство особенно резко проявилась 23-го августа, когда была принята 10-я статья «Декларации прав человека и гражданина», гласившая, что «никто не должен подвергаться стеснениям за свои убеждения, даже религиозные, если только их проявления не нарушают установленного законом общественного порядка». Парижские евреи, а за ними и эльзасские, и лотарингские, и люневильские, напомнили Собранию, что «Дек-

ларации прав» противоречат ограничительные законы о евреях, но Собрание упорно не хотело делать «логического вывода» из им же провозглашенной веротерпимости — под предлогом, что эльзасские крестьяне не простят ему поспешных шагов в пользу евреев. В конце сентября во многих местах Франции, в особенности в Верхнем Эльзасе, возникло сильное антисемитское движение, на этот раз искусственно вызванное контрреволюционной партией, которой молодая Франция грозила отнятием обширных церковных земель. Чтобы спасти свои несметные богатства, клерикалы повели против Национального собрания ожесточенную кампанию; не смея, однако, обнаружить истинной причины своего недовольства, тем более, что крестьянство с большой симпатией отнеслось к решению Собрания о секуляризации церковных земель, клерикалы утверждали, что Национальное собрание задалось целью искоренить католицизм и заменить его протестантской и иудейской религиями. Собрание вдруг сделалось жидовствующим, и клерикальная реакция нашла подходящий флаг для прикрытия своих корыстных целей. Под предлогом спасения святой католической религии Франция наводняется пасквильной и клеветнической литературой, а специально созданные клерикалами для борьбы с революцией газеты с каждым днем все более и более усиливают этот грязный поток лжи и клеветы. По словам «Le journal de Ljuis XVI», Национальное собрание решило «уничтожить католическую религию и оказать всякие милости протестантам и евреям». Аббат Перрети утверждает, что церковные земли продаются с исключительной целью удовлетворить еврейских кредиторов, а «Lt rodeur francais» знает, что евреи дали Национальному собранию 2 мил. франков за то, что будут уравнены в правах с природными французами. Говорилось, что в Авиньоне евреи устроили заговор с це-

лью убить легата, муниципальных чиновников и всех влиятельных лиц города, и Национальное собрание не принимает против заговорщиков никаких мер, потому что сочувствует всяким еврейским махинациям. Эта антисемитская агитация нашла отклик в стенах революционного парламента, когда 23 и 24 декабря зашла речь о предоставлении прав активного гражданства лицам, не исповедующим католической религии. В длинной и местами очень сильной речи аббат Мори доказывал невозможность признания евреев активными гражданами. «Прежде всего, я должен сказать, что слово «еврей» не есть название секты, а название нации, которая имеет свои законы, которая постоянно следовала этим законам и желает им следовать впредь. Называть евреев гражданами Франции — все равно, что сказать, что англичане или датчане, не получившие права натурализации и не перестающие себя считать англичанами или датчанами, могут стать французами... Народ питает к евреям ненависть, которую возрастание еврейского благосостояния приведет неизбежно к взрыву. Ради блага самих евреев не следовало бы толковать об этом вопросе. Евреев не нужно преследовать: они — люди и, следовательно, наши братья... Пусть же им покровительствуют, как людям вообще, но не как французам, ибо они не могут быть гражданами». Не менее резко выступил против евреев эльзасский депутат Ревбель, один из сторонников революции. «Если Собрание, — воскликнул Ревбель, — слишком резко пойдет против безрассудков наших крестьян, то я не ручаюсь за спокойствие Эльзаса». Нансийский епископ Лафар утверждал, что евреи сами будут вынуждены вскоре просить отмены декрета, предоставляющего им все права. «Чтобы быть справедливым, я должен сказать, что евреи оказали большие заслуги Лотарингии и преимущественно городу Нанси; но мой депутатский

наказ велит мне восстать против предложения, которое вам сделано». Кроме Мори, Ревбея и Лафара, за два дня дебатов по еврейскому вопросу со стороны антисемитов выступили нимский епископ Бароль, клермонский епископ Бонналь, принц Брольи, Бомец и де-Лагалисоньер. Несмотря на то, что евреи нашли защитников в лице Мирабо, Грегуара, Клермон-Тоннера, Дюпора и Робеспьера, Национальное собрание 408 голосами против 403 отклонило предложение о предоставлении прав активного гражданства и, наделяя этими правами протестантов, актеров и палачей, постановило, что «не вводится ничего нового по обращению к евреям, о положении которых Национальное собрание предоставляет себе высказаться впоследствии». Решение это было встречено шумными аплодисментами клерикальных депутатов, и этот восторг разделялся вне парламента всей реакционной прессой. Умеренная печать, в общем, одобряла постановление Собрания, находя, что в таком вопросе следует щадить народные предрассудки и дать времени сделать то, чего не могут сделать никакие декреты. Даже Марат соглашался с тем, что уравненным в правах евреям вряд ли удалось бы фактически воспользоваться благими пожеланиями законодателей. Один только «*Courrier de Paris*» возмущался, что «избранному народу отказывают в том, чем отныне будут пользоваться даже самые отвратительные существа». 28-го января 1790 г. Учредительное собрание рассматривало петицию сефардских евреев и предложение Талейрана об ее удовлетворении, и в стенах революционного парламента снова раздались антисемитские речи. Аббат Мори, Ревбель, Лагалисоньер, Швендс резко нападали на евреев, требуя отклонения их петиции, и лишь после страстных дебатов «евреи, известные во Франции под именем португальских, испанских и авиньонских», 373 голосами против 225 получили право

«продолжать пользоваться правами, предоставленными им королевскими патентами». Это постановление Собрания вызвало беспорядки в Бордо, главном центре чешардских евреев. В письме, читанном 9 февраля с национальной трибуны, португальские евреи говорили: «Сегодня мы воспользовались результатами вашей мудрой политики: кавалерия и полк Сен-Реми собрались вблизи биржи, чтобы не допустить никаких беспорядков». Последние, однако, по свидетельству депутата Гара, имели место: в театре и бирже несколько молодых людей встретили евреев враждебными манифестациями и криком «долой жидов». В то же время стали волноваться и эльзасцы, полагая, что вслед за южными евреями будут уравнены в правах и прочие евреи: приехавший из Эльзаса некто Руссо утверждал на заседании парижской коммуны, что «настроение только что изученной им провинции таково, что в интересах самих евреев не следует поддерживать» их эмансипированных требований. Клерикальная реакция воспользовалась народным возбуждением и с удвоенной энергией повела свою кампанию лжи и клеветы против евреев, протестантов и представителей революционной Франции, и чем смелее и решительнее шло Собрание по пути революции, тем ожесточеннее нападало католическое духовенство на принципы свободы, равенства и братства; гражданский устав о духовенстве (12 июля 1789 г.) довел озлобление клерикальной контрреволюционной партии до апогея, и Учредительное собрание было объявлено не только антикатолическим, но антихристианским. Но чем сильнее евреи вместе с представителями молодой Франции терпели от нападков клерикальной реакции, тем ближе становились их интересы всем друзьям свободы и равенства, и еврейский вопрос, в начале революции не обращавший на себя особого внимания общества, сделался вдруг, по воле клерика-

лов, тем пробным камнем революции, от которого чуть ли не стала зависеть дальнейшая судьба Франции. Целый ряд прогрессивных газет энергично выступает в пользу немедленного уравнивания евреев в правах, в защиту евреев поднимает свой голос парижская коммуна, ее поддерживают якобинцы, и даже парижские женщины присылают Собранию мемуар о пользе предоставления евреям всех политических прав. Контрреволюция отвечает, со своей стороны, грубыми вылазками по адресу евреев и революционеров; муниципалитет Страсбурга угрожает погромами; памфлеты, пасквили и карикатуры высмеивают евреев и их защитников; а духовенство лицемерно льет слезы, что вскоре иудейские мотивы заменят собою католические.

При такой постановке антисемитами еврейского вопроса ни для кого не могло быть сомнения, что с победой революции восторжествует и дело еврейской эмансипации. И действительно, 27-го сентября 1791 г. евреи были уравнены в правах с остальным населением Франции. Когда клерикалы стали протестовать против «поспешного» декрета об уравнивании евреев, депутат Реньо воскликнул: «Я не требую, чтобы были призваны к порядку все те, которые дерзнут говорить против этого предложения, ибо, нападая на это предложение, они тем самым нападают на конституцию». На следующий день антисемиты всячески старались убедить Национальное собрание пересмотреть и дополнить декрет. «Необходимо — говорил кольмарский депутат Брольи — принять меры к тому, чтобы декрет не имел печальных последствий в Эльзасе». Особенно резко выступил против равноправия евреев депутат Ревбель. «В виду того, что вчерашний декрет был принят без дебатов, без предварительной редакции, без обсуждения

и в виду того, что он может иметь очень грустные результаты, я надеюсь, Национальное собрание позволит мне вернуться к обсуждению редакционной его стороны». Шум левых вынуждает, однако, оратора остановиться: со всех сторон ему кричат, что декрет принят и не подлежит больше обсуждению. «Если вы отказываетесь дебатировать этот вопрос, будьте уверены, что в моей стране враги общественного порядка сумеют убедить крестьян, что ростовщики нашли в лице Национального собрания могущественных защитников своего жалкого дела... Если Собрание не хочет меня слушать, я делаю его ответственным за те беспорядки, которые может вызвать в Эльзасе вчерашний декрет». И Ревбель рисует картину эксплуатации евреями эльзасских крестьян, задолжавшихся на целых 15 млн. франков. Необходимо, по мнению Ревбеля, пересмотреть этот долг, и если окажется, что евреи брали чрезмерные проценты, то сделать соответствующие изменения в долге. «В противном случае, — воскликнул Ревбель, — вы оттолкнете от конституции весь Эльзас. Скажут: виновато Национальное собрание, которое делает все для ростовщиков и нисколько не заботится о наших несчастиях». Речь Ревбеля произвела на Собрание тем большее впечатление, что оратор принадлежал к левым и только в еврейском вопросе шел заодно с клерикальной реакцией. Усилиями Ревбеля удалось вырвать у Национального собрания декрет о пересмотре долговых обязательств, выданных евреями. С уравнением евреев в правах с прочим населением Франции антисемитская агитация заметно ослабла и только некоторые клерикальные газеты изредка жаловались на «враждебные религии секты»; предсказания Ревбеля о погромах в Эльзасе не оправдались, и даже реакционный «Le Mercure Universel» вынужден был признать, что «декрет 27 сентября не вызвал в Страсбурге той

сенсации, которой так опасались добрые патриоты». Возникшая война отодвинула на задний план еврейский вопрос, тем более, что евреи наравне с санкюлотами охотно жертвовали жизнью за возрожденное отечество, давшее им все человеческие права. Участие некоторых богатых евреев в подрядах для армии вызвало кое-где антисемитские чувства; так, например, департамент Мерты решил «сослать всю еврейскую нацию»; это постановление было одобрено и якобинцами г. Нанси. Парижский якобинский клуб, однако, «с ужасом» отнесся к этому решению, столь противоречащему справедливости, гуманности и интересам страны». «В настоящий момент — говорил на заседании якобинцев Бурдон — по меньшей мере 2000 евреев сражается в рядах нашей армии, и мы совершили бы величайшую несправедливость, если бы лишили нацию этих преданных и храбрых граждан». Однако, обвинения против поставщиков-евреев не прекращаются: народный представитель пирейнской и мозельской армий Бодо пишет директору «Journal de hommes libres», что «евреи предпочитают деньги любви к отечеству и жалкие предрассудки указаниям разума». Недоволен поведением евреев и Карно, представитель Конвента при северной армии; по его мнению, евреи на полях битвы занимаются спекуляцией бумажных денег и обогащаются за счет казны. Народный представитель Лоран издал 16 мес. II года в Монсе прокламацию, под угрозой смерти запрещавшую евреям следовать за северной армией. Эти одинокие жалобы на «еврейскую алчность» проходили почти бесследно, тем более, что они вызывались единичными фактами и встречали самый энергичный отпор со стороны революционного народа, между прочим, и со стороны парижской коммуны. Антисемитизм был совершенно чужд Законодательному собранию и Конвенту, и если евреи кое-где страдали во

время господства террора и в эпоху провозглашения Высшего Существа, то они страдали не как евреи, а как «обуреваемые старинными и бессмысленными предрассудками» люди. Революционные власти с доверием относились к «республиканцам и философам бывшей еврейской религии», нисколько не сомневаясь, что они охотно принесут на алтарь отечества «свои мистические хартии и устарелые предрассудки». Если евреям и не всегда легко было заявлять, как это сделал раввин Соломон Гессе, что «у них теперь нет другого Бога, кроме Бога свободы, и другой веры, кроме веры в равенство», то, с другой стороны, их немногочисленность и преданность новому режиму ослабляли надзор антирелигиозных властей за ними и позволяли им втихомолку соблюдать все важнейшие предписания иудейской религии. Правда, некоторые синагоги вынуждены были выдать «крикунам клубов» св. свитки, но, в общем, евреи страдали за свои «предрассудки» гораздо меньше, нежели католики и даже протестанты. После 9-го термидора клерикальная реакция подняла голову, и католическая пресса опять заговорила антисемитским языком. «L'Ami des lios» не удовлетворяется одной клеветой на евреев и предлагает ввести особый налог на них. Один из членов совета 500, некто Даррак, выступил в 1797 г. на заседании совета с резкой речью против евреев, но был призван к порядку за то, что «совершил политическое богохульство, упорно считая евреев евреями в то время, когда на них должно смотреть, как на французов». Наполеон на первых порах относился сравнительно благосклонно к евреям, а с 1806 г. в его отношениях к ним сразу произошла крупная перемена под влиянием, во-первых, жалоб эльзасских крестьян на ростовщичество евреев, и, во-вторых, различных доношений административных лиц. Эльзасские крестьяне, успевшие за дни секуляризации церковных земель и

экспроприации эмигрантских скупить земли на 60 млн. франков, отказывались заплатить евреям ссуду в 9,5 млн., утверждая, что евреи их эксплуатируют и что с них взимают слишком большие проценты. Сенатор Келлерман в донесении к императору Наполеону об эльзасских евреях поддерживал во всем недовольных крестьян и резко осуждал поведение евреев; префект департамента Мерты говорил, что из всех евреев, живущих в его департаменте, лишь небольшая часть — земледельцы, остальные же ничем не отличаются от эльзасских евреев. Поступали также жалобы на евреев из департаментов Мозеля, Верхнего и Нижнего Рейна, Вогезов, Рура и Саара, — словом, из всей восточной Франции, как бы по сигналу разбогатевших эльзасских крестьян, не желавших выполнять свои обязательства, шли официальные антисемитские донесения, тем более подозрительного характера, что как раз в это время возникла и резко антисемитская литература. Бональд в «Sur les Juifs» доказывал, что Национальное собрание совершило с экономической точки зрения большое преступление, уравнив евреев в правах с католиками, и что на место аграрного феодализма, по вине революционеров 89 г., возник в Эльзасе плутократический феодализм. «Евреи остались тем, чем они всегда были, — пишет Бональд; — за восемь лет эмансипации они приобрели столько, сколько без нее они приобрели бы лишь за 100 лет. И, что всего хуже, виды на будущее крайне печальны, так как рост еврейского населения увеличивается с невероятной быстротой. Запретить евреям вступать в брак есть, конечно, варварство, которое может быть продиктовано лишь соображениями высшей справедливости: необходимо сохранить Францию для французов, Германию для немцев и не заменять коренного населения этих стран пришлыми евреями. Но помимо своих хищнических инстинктов и чрез-

мерного роста евреи в силу своей религии являются вредным элементом: «последователи Моисеева закона не могут быть и никогда не будут гражданами в христианском обществе; они прежде всего должны сделаться христианами... И если некоторые христиане относятся благосклонно к евреям, то это объясняется их ненавистью к христианству». И Бональд приходит к заключению, что «евреи никогда не будут французскими гражданами, и что христианское правительство, имея честь управлять христианами, ни в коем случае не отдаст своих подданных в руки последователей враждебной христианству религии». Не менее резко выступил против евреев парижский адвокат Пужоль. «Евреи, — говорит Пужоль, — неисправимые ростовщики, по крайней мере те, которые живут в Эльзасе; ростовничество является наследственным пороком евреев, и они не могут, даже при искреннем желании избавиться от него». Пужоль разделяет взгляд Бональда на еврейскую религию и считает ее антисоциальной, стоящей в полном противоречии с принципами, на которых зиждется современное христианское общество. Повторяя в гораздо менее блестящей форме антисемитские доводы Бональда, Пужоль выдвигает и новые, пользуясь донесениями префектов восточных департаментов. «Как можно допустить к общественным должностям людей, которые состоят шпионами у наших врагов и язык которых облегчает всякую измену и передачу различных государственных секретов? Не естественно ли принять против них особые меры, создавать с этой целью исключительные законы?» И Пужоль идет далее Бональда, предлагая включить в число подлежащих различным ограничительным законам и крещенных евреев, «ловкость которых не должна спасти их от суровости закона». Так антисемиты перестали довольствоваться одними нападка на евреев и предлагали вернуться к

дореволюционному времени. Эта смелость антисемитов вызвала целый ряд статей в пользу евреев: аббат Грегуар в своих «Observations nouvelles» обвинял христианские народы в том, что они своими преследованиями и гонениями довели евреев до того состояния, которое они же теперь ставят им в вину. Жюстьен-Ламуре и Родриг доказывали, что большинство обвинений, возводимых Бональдом и Пужодем на евреев, совершенно ложно, и если среди эльзасских и немецких евреев попадаются люди недостойные, то в этом прежде всего виноваты те условия, в которых евреи жили столько веков. Доводами за и против евреев пестрели столбцы многих газет и журналов 1806 г., и еврейский вопрос, совершенно заглушенный со времени декрета 27 сентября 1791 г., снова занял видное место в общественной жизни Франции и не мог не обратить на себя внимания Наполеона, который немедленно решил принять против евреев самые строгие меры. Секция внутренних дел государственного совета должна была выработать соответствующие постановления, и докладчик ее, Моле, предложил подчинить евреев исключительным законам. «С презрительной улыбкой» выслушали члены секции доклад Моле, видя в нем «не то передовицу какой-либо газетки, не то эквилибристику, достойную Бональда или журнала «Decade», и не сочли нужным возражать докладчику, так как его предложение должен был еще рассматривать государственный совет в полном составе. На заседании совета Реньо в общих чертах коснулся доклада Моле, не желая подробно останавливаться на том, что противоречило всеобщему мнению и что шло в разрез с принципом свободы совести и культа. После речи Реньо, резко осуждавшей доклад Моле и вызвавшей общее одобрение совета, архиканцлер Камбасерес заявил, что «император придаст большое значение этому вопросу, что он не разделя-

ет взгляда, который, по-видимому, преобладает у членов совета, и что в виду этого необходимо отложение решения вопроса до того дня, когда император явится на заседание совета». Когда Беньо в присутствии Наполеона стал нападать на проект исключительных законов, назвав его «потерянной битвой на поле справедливости», Наполеон разразился антисемитской речью, высмеял идеологов и пригласил Моле прочитать доклад об исключительных против евреев мерах. После этого заседания государственного совета была составлена комиссия из Моле, Порталиса и Пакье для изучения вопроса о мерах борьбы с евреями; настроение комиссии обеспечивало торжество антисемитской политики, и 30 мая 1806 г. появился декрет, в силу которого в 8 департаментах приостановилось в течение года приведение в исполнение судебных постановлений по отношению к задолжавшим у евреев крестьянам. Опубликование этого декрета было встречено антисемитами с большой радостью, и генеральный совет департамента Мерты хлопотал, чтобы и на его департамент распространилось императорское благодеяние, тем более, что мертские евреи ничем не отличаются от эльзаских и вообще прирейнских. Через некоторое время советник субпрефектуры Альткирхаского округа, некто Гилль, представил министру юстиции проект «отлучения евреев от ростовщичества и плутней и спасения французских земледельцев». Проект был настолько абсурден, что не подвергся даже рассмотрению. Гораздо больше внимания вызвало антисемитское предложение, сделанное сыном министра исповеданий Порталисом; оно сводилось к следующему: евреи должны быть выделены в особую группу, которая «своими обычаями, учреждениями и принципами» настолько должна отличаться от прочего населения, что в ней могли применяться совершенно особые законы, между

прочим, круговая порука за малейшее преступление.

<...>

/ЕЭ. — т. 2. /

ДЕЛО ТАМПЛИЕРОВ

В конце XIII в. тамплиеры были изгнаны из Палестины, многие из них вернулись во Францию, которой правил тогда король Филипп IV Красивый, стремившийся всемерно укрепить свою власть над феодальными сеньорами. Постоянные распри с ними и продолжительная война против фламандцев и англичан истощили королевскую казну. В поисках средств Филипп стал фальшивомонетчиком: он выпустил низкопробную монету. Он конфисковал имущество евреев и изгнал их из страны. Но всего этого королю оказалось недостаточно: его расходы явно превышали доходы от налогов и грабежей. Филипп обратил внимание на орден тамплиеров, которому он задолжал полмиллиона ливров, что его особенно тяготило. Сперва Филипп пытался навязать ордену своего сына на пост гроссмейстера. Когда из этой затеи ничего не получилось, то король и его советники решились на более рискованную, но все же сулившую им успех операцию: обвинить храмовников в ереси, получить с помощью инквизиции у них соответствующие признания и на этом основании конфисковать в пользу королевской казны их богатства. Правда, чтобы грабеж носил характер законной операции, следовало заручиться благословением папы римского, которому тамплиеры непосредственно подчинялись. Филипп без особого труда преодолел это препятствие.

Вдохновленный идеей присвоить сокровища тамплиеров, Филипп Красивый начал осуществлять свой коварный план с того, что поручил своему приближенному — министру Ногарэ и инквизитору Франции Имберту тайно собрать компрометирующие орден данные.

Ногарэ и Имберт быстро раздобыли компрометирующий орден тамплиеров материал. Среди тамплиеров, как и в каждом монашеском ордене, имелись всякого рода проходимцы и авантюристы, готовые за соответствующее вознаграждение дать любые показания против кого угодно. Тем более выступить в роли обличителей ордена жаждали его бывшие члены, исключенные из ордена за различные провинности и преступления. Особенно утруждать им себя в этом отношении не приходилось, так как народная молва давно уже обвиняла тамплиеров в различных противоестественных деяниях, якобы имевших место во время приема новых членов в орден. Дело заключалось в том, что в отличие от других монашеских орденов, совершавших посвящение публично и днем, у тамплиеров церемония посвящения происходила на рассвете в глубокой тайне, в помещении, доступ в которое посторонним был запрещен. Противники ордена утверждали, что при вступлении в него совершались различного рода непристойности, что на заседаниях капитула совершались антихристианские обряды, введенные одним из гроссмейстеров — тайным агентом «вавилонского султана».

Инквизитор без труда нашел свидетелей, которые под присягой подтвердили все эти фантастические бредни, на основе которых было состряпано обвинение против ордена. Ему инкриминировались следующие пять ере-

тических заблуждений: 1) при вступлении в орден неофита наставник уединялся с ним за алтарем или в другом месте, где заставлял его три раза отречься от спасителя и плюнуть на крест; 2) неофита раздевали донага, и наставник, по одной версии, три раза целовал его в заднюю часть, в пупок и в уста, а по другой — «во все восемь отверстий»; 3) неофиту внушали, что содомский грех достоин похвалы; 4) веревка, которую тамплиеры днем и ночью носили поверх сорочки как символ целомудрия, освящалась тем, что ее обвивали вокруг идола, имевшего форму человеческой головы с длинной бородой и почитаемого руководителями ордена; 5) священники ордена при совершении богослужения не освящали святых даров. <См. Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 336. >

13 сентября 1307 г. Филипп Красивый, ссылаясь на просьбу инквизитора, отдал секретный приказ арестовать всех тамплиеров, проживающих во Франции, и наложить секвестр на все их имущество под предлогом, что они собирались покинуть страну, захватив свои сокровища.

Он начинался следующими словами: «событие печальное, достойное осуждения и презрения, подумать о котором даже страшно, попытка же понять его вызовет ужас, явление подлое и требующее всяческого осуждения, акт отвратительный; подлость ужасная, действительно бесчеловечная, хуже, за пределами человеческого, стала известна нам благодаря сообщениям достойных доверия людей и вызвала у нас глубокое удивление, заставила нас дрожать от неподдельного ужаса».

Нетрудно вообразить, какое впечатление написанный в таких выражениях приказ произвел на полицейские власти Франции.

Операция по поимке тамплиеров была проведена основательно, в застенки инквизиции попали почти все члены ордена во главе с гроссмейстером Жаком де Молэ (1244—1314) и его заместителем (визитатором) Гуго де Перо. Только восемь тамплиеров избежали ареста, окончив жизнь самоубийством.

Король приказал держать арестованных в строгом одиночном заключении, комиссарии инквизиции должны были допрашивать их поодиночке и обещать им прощение взамен за признание; в случае отказа повиняться арестованных следовало предупредить, что против них будут применены пытки, упорствующих же ждет костер. Показания тамплиеров, скрепленные печатью инквизиторов, должны были немедленно доставляться королю.

Разумеется, засадить за решетку всех членов столь могущественного и заслуженного ордена, против которого никогда не выдвигалось никаких крамольных обвинений, было дело нешуточное даже для французского короля и всемогущей инквизиции. Поэтому делу тамплиеров сопутствовала необычайная для деятельности инквизиции пропагандистская кампания, которая должна была убедить общественное мнение в том, что арестованные действительно были повинны в ереси.

На следующий день после того, как почти все храмов-

ники во главе с их гроссмейстером Жаком де Молэ оказались в застенках св. трибунала, инквизитор собрал в соборе Парижской богородицы магистров Парижского университета и членов соборного капитула и ознакомил их с предъявленными ордену обвинениями.

День спустя, 15 сентября, в саду королевского дворца доминиканские проповедники и королевские чиновники сообщили парижанам о раскрытии «чудовищного» заговора тамплиеров против католической церкви и веры. 16-го Филипп Красивый направил всем князьям христианского мира послания, в которых уведомлял о раскрытии ереси тамплиеров и просил принять против них соответствующие меры. Министр короля Ногарэ даже мобилизовал трубадуров, которые стали выступать с песнями, разоблачающими «преступления» тамплиеров. Писатель Франсуа де Рю с этой же целью написал роман.

Между тем инквизитор Имберт не терял даром времени. Он и его сотрудники с 19 октября по 24 ноября допросили 138 храмовников с таким успехом, что все, за исключением трех, сознались в предъявленных им обвинениях. Столь же эффективно велось следствие и в провинции.

О том, какими средствами пытались инквизиторы вырвать признание у арестованных, говорит большое число погибших во время следствия тамплиеров. В Париже таких жертв инквизиции было 36, в Сансе — 25 и т. д.

Самым крупным успехом инквизитора Имберта было то, что ему удалось заставить главу ордена гроссмейстера Молэ не только «сознаться» в большинстве предъявленных ему обвинений, но и подписать письмо, адресованное всем членам ордена, в котором он уведомлял их о своем признании и призывал последовать его примеру, ибо и они-де повинны в тех же заблуждениях, что и он. Как только удалось вырвать у Молэ и других руководителей ордена «компрометирующие» тамплиеров показания, инквизиторы приволокли их в бывшую штаб-квартиру ордена Тампль, где заставили повторить эти показания перед магистрами и студентами университета.

По мере того, как раскручивалась пружина следствия, первоначальные пять пунктов обвинения обрастали новыми фантазмагорическими подробностями. Тамплиеров обвиняли в предательстве — они якобы заключили тайный договор с «вавилонским султаном», обязуясь в случае нового крестового похода предать ему всех христиан; их обвиняли в колдовстве — они якобы сжигали своих братьев, умерших в ереси, делая из их пепла порошок, превращавший неофитов во врагов христианства; когда рождался ребенок у девушки, соблазненной тамплиером, его якобы изжаривали, а из жира делали мазь, которой обмазывали уже упоминавшихся выше бородатых идолов, и т. д. и т. п.

Как всегда, когда церковь обнаруживала новую ересь, инквизиция, чтобы отяготить вину тамплиеров, не довольствовалась констатацией их собственных (сочиненных в данном случае ею же самою) еретических заблуждений, но приписывала им крамольные верования

других еретических учений, осужденных ранее церковью. В частности, тамплиеры обвинялись в том, что они разделяли заблуждения манихеев, гностиков и других еретиков прошлого. Хотя некоторые из арестованных и в этом признались, вряд ли следует доказывать, что в их признаниях, полученных в результате деятельности палача, имелась хоть какая-то доля истины.

Папа Климент V одобрил действия французской инквизиции, потребовав только отдать их имущество под контроль двух кардиналов, надеясь, не без основания, урвать себе соответствующую долю. Филипп не возражал, учитывая, что предложенные папой кардиналы были, как и он сам, его креатурами.

Получив таким образом определенную гарантию, что он будет участвовать в разделе богатств тамплиеров, Климент V 22 ноября 1307 г., т. е. до окончания следствия по делу, издал буллу «*Pastoralis praeminentiae*», в которой брал под защиту действия Филиппа и утверждал, что обвинения против ордена доказаны, а его руководители сознались в совершенных преступлениях. Булла заканчивалась призывом ко всем государям Европы последовать примеру Филиппа и начать преследование ордена.

Однако несколько месяцев спустя Климент V, по-видимому опасаясь, что Филипп оставит его без обещанной награды, неожиданно запретил французским инквизиторам и епископам продолжать следствие по делу тамплиеров, присвоив лично себе дальнейшее его ведение.

Такое поведение папы, пытавшегося набить себе цену, вызвало ярость Филиппа. Он обвинил главу католической церкви в потворстве еретикам, что было равносильно обвинению в ереси.

Действуя через инквизитора Франции, Филипп заставил гроссмейстера Молэ и четырех руководителей ордена выступить перед высшими церковными иерархами Франции с самообвинением в ереси. Молэ вновь подтвердил, что тамплиеры тайно отрекались от Христа и плевали на крест. Его заставили обратиться с новым посланием к тамплиерам, в котором он освобождал их от сохранения тайны и приказывал, в силу обета послушания, «чистосердечно» признаться инквизиторам в своих преступных еретических заблуждениях.

Вслед за этим последовали новые переговоры Филиппа с Климентом V. Они согласились передать конфискованное у тамплиеров имущество в распоряжение папских и королевских комиссариев, до вынесения приговора. Филипп надеялся, что в конечном итоге ему удастся окончательно присвоить сокровища тамплиеров. Папа же считал, что такое соглашение даст ему возможность получить немалую часть этих сокровищ. Соглашение предусматривало также, что арестованные королем тамплиеры поступят в распоряжение папы и их будут судить инквизиторы вместе с епископами; судьбы гроссмейстера Молэ и других иерархов ордена взялся решить сам Климент V. Осуждение и роспуск ордена было намечено осуществить в соборе, созвать который предполагалось в 1310 г. Кроме этого, Филипп разрешил, чтобы 72 «сознавшихся» обвиняемых во главе с Молэ были допрошены лично папой и кардинальской коллегией.

Однако преследование тамплиеров, по-видимому, встретило в среде церковной иерархии и феодалов значительное сопротивление. Поэтому папа был вынужден лавировать. 12 августа 1309 г. он создал под председательством Нарбонского архиепископа комиссию, перед которой арестованные тамплиеры получили возможность выступить в защиту своего ордена. Гроссмейстер Молэ и другие руководители тамплиеров, ссылаясь, что они подсудны только папе и недостаточно квалифицированы выступать в роли адвокатов своего ордена, отказались дать показания комиссии. Но среди рядовых тамплиеров нашлись более мужественные люди, чем их вожди. Многие из них отреклись перед комиссией от показаний, вырванных у них угрозами и пытками.

Между тем рассерженный вызывающим поведением некоторых арестованных, разоблачивших перед комиссией Нарбонского архиепископа преступные действия инквизиции, силой вырвавшей у них позорящие орден показания, Филипп решил прекратить дальнейшую возню вокруг дела тамплиеров. С папского согласия он приказал собрать поместные соборы для вынесения приговора тамплиерам. 10 мая 1310 г. открылся Санский собор в Париже под председательством архиепископа Филиппа де Маринье, брата королевского министра Энгеррана, доверенного человека короля. Собор объявил отказавшихся от своих прежних показаний и настаивавших на своей невинности тамплиеров еретиками, повторно впавшими в ересь, и повелел комиссии Нарбонского архиепископа без промедления предать их огню. Хотя представители комиссии пытались отсрочить казнь, в тот же день 54 тамплиера, провозгласивших себя невинными в ереси, были посажены на телеги и отвезены в поле рядом с монастырем св. Антонио, где

их предали мучительной смерти на медленном огне. К чести казненных следует сказать, что ни один из них не пожелал ценой нового «признания» в ереси спасти себе жизнь. Через несколько дней собор предал огню еще четырех упорствовавших тамплиеров. Другие поместные соборы тоже не бездействовали: Реймский собор сжег девять тамплиеров, в Пон де л'Арке сожгли троих, несколько «упорствующих» было казнено в Каркассоне.

Одновременно с этими казнями соборы примиряли с церковью и выпускали на свободу тех тамплиеров, которые, признавшись в ереси, отрекались от нее. Таких было подавляющее большинство.

Однако если Филиппу и его креатуре Клименту V удалось с помощью инквизиции во Франции пытками и террором «доказать» виновность ордена в ереси, в других христианских странах столь же «веских» доказательств добыть не удалось. Христианские князья с большой неохотой преследовали тамплиеров, прекрасно отдавая себе отчет в том, что орден неповинен в приписываемых ему преступлениях. В Англии первоначально не было собрано никаких изобличающих орден в ереси улик. Тогда Климент V настоял на применении пыток против тамплиеров. Король Эдуард II, которому предстояло жениться на сестре Филиппа Красивого, согласился на применение пыток, и хотя таким образом были собраны «улики» против ордена, его членам все-таки сохранили жизнь. В Германии и других странах только после угроз со стороны Климента V против тамплиеров применялись пытки, однако в очень редких случаях посылали их на костер.

В этих условиях в октябре 1311 г. во Вьенне близ Лиона собрался XV вселенский собор, которому предстояло окончательно решить судьбу тамплиеров. На нем присутствовало около 300 епископов из Франции, Италии, Венгрии, Ирландии, Шотландии и других католических стран. Обстановка на соборе была накаленной.

Известно, что намерение Климента V добиться осуждения ордена тамплиеров натолкнулось на серьезное сопротивление участников собора. Только появление на соборе Филиппа Красивого в сопровождении внушительного военного отряда заставило соборных отцов подчиниться Клименту V, который в свою очередь был вынужден сделать существенную уступку. В булле «*Vox in excelso*», представленной им собору и излагавшей «дело» тамплиеров, папа, указывая, что на орден пало подозрение в ереси, признал, что собранные улики не оправдывали с канонической точки зрения его окончательного осуждения. И все же он потребовал запрещения ордена, который, по признанию его руководителей, запятнал себя неблагоприятными делами. Орден, утверждал папа, стал отвратительным и одиозным, и никто не пожелает теперь вступить в него.

Собор согласился с требованием Климента V и запретил дальнейшую деятельность ордена. Судьбу его членов должны были решать поместные соборы, имущество же тамплиеров передавалось ордену госпитальеров. Многие тамплиеры закончили свою жизнь в тюрьмах инквизиции, другие — «рецидивисты» — погибли на кострах. Те же, кто остался на свободе, влачили жалкое существование, добывая себе пропитание милостыней.

Как уже было сказано, папа обещал судить их сам или через своих полномочных представителей.

Папского суда Молэ и его коллегам по несчастью пришлось дожидаться в заточении долгих семь лет. Суд над ними состоялся только 18 марта 1314 г. В этот день на эшафоте, возведенном перед собором Богоматери в Париже, заняли места гроссмейстер ордена Молэ, магистр Нормандии Жофруа де Шарнэ, визитатор Франции Гуго де Перо и магистр Аквитании Годфруа де Гонвиль. Учитывая, что все четверо сознались и раскаялись в своих еретических заблуждениях, церковный суд во главе с тремя кардиналами, представлявшими Климента V, осудил их на пожизненное тюремное заключение.

Но когда, казалось, на этом и завершится последний акт дела тамплиеров, судьба распорядилась иначе. Не успел один из кардиналов зачитать приговор, как со своих мест поднялись Молэ и Жофруа де Шарнэ, одетые в шутовские одежды кающихся грешников, и громко заявили, что вовсе не признают себя еретиками, а считают себя виновными в позорной измене ордену, который они, спасая свои головы, обвинили в вымышленных преступлениях. Орден был чист и свят, утверждали они, обвинения же, возведенные на него, как и их прежние признания, — ложь и клевета.

Нетрудно вообразить, какой переполох вызвали среди судей эти заявления решившихся, хотя и с запозданием, на столь геройский поступок Молэ и Шарнэ. Аутодафе было тут же прервано, и оба «повторно впавших

в ересь» преступника были переданы в руки парижскому прево с предписанием бросить их в костер. Спешно соорудили костер, и не успело зайти солнце, как от обоих «упорствующих» еретиков остался один только пепел. Филипп наблюдал за казнью из окна соседнего дворца. Гуго де Перо и Годфруа де Гонвиль пренебрегли славой мучеников и закончили свои дни в казематах инквизиции.

Что касается имущества и сокровищ тамплиеров, то хотя Вьеннский собор постановил передать их ордену госпитальеров, по существу они остались в руках французской короны и светских князей, завладевших ими.

Филипп не только завладел всеми сокровищами тамплиеров, но еще заставил госпитальеров в виде компенсации уплатить ему 200 тыс. ливров. Всего же, по подсчету некоторых историков, упразднение ордена принесло этому королю огромный куш в 12 млн. ливров. Этого показалось мало его преемнику Людовику X, который ухитрился получить с госпитальеров еще 50 тыс. ливров.

Авторы «дела» тамплиеров ненадолго пережили свои жертвы. Климент V умер от волчанки месяц спустя (20 апреля) после казни Молэ и Шарнэ, а 29 ноября того же года Филипп Красивый погиб во время охоты. Их смерть породила легенду о том, что Молэ вызвал обоих с того света на суд божий.

История сыграла еще более злую шутку над француз-

ским королевским домом. В революцию 1789 г. Людовик XVI был заточен в Тампле, где некогда помещалось руководство тамплиеров во Франции. Оттуда его отвезли на гильотину.

/И. Р. Григулевич. Инквизиция. — М., Политиздат, 1985. /

ИНКВИЗИЦИЯ

...Инквизиция боролась с сатаной. Зная бесконечную изворотливость врага рода человеческого, инквизиция раз и навсегда стала на ту точку зрения, что невинных обвиняемых нет и не существует. Могут быть случаи, что вину нельзя прямо доказать. Но тогда приговор так и постановлял: обвинение не доказано; но это вовсе не означало, что обвиняемый невиновен. Невинности не полагалось. Инквизитор, если можно так выразиться, состоял на совершенно особом положении по отношению к своей жертве. Он не был судья в строгом смысле слова, он просто-напросто вступал в личную схватку с сатаной. Перед ним был подсудимый, все равно еретик, колдун или ведьма. Все эти люди были для него союзники сатаны, которых он опутал своей злобой, и вся возня с ними сводилась для него, в сущности, к борьбе с сатаной. Если данные предварительного следствия, т. е. все эти жалобы людей, например, потерпевших разные беды от ведьмы, казались ему недостаточно убедительными, то он считал со своей стороны уже слабостью и попустительством всякое сомнение в виновности попавшей в его руки ведьмы. Все, что

по ходу дела являлось как бы свидетельством ее невинности, он должен был рассматривать, как коварное ухищрение сатаны, и был на стороже, чтобы не сделаться жертвою этих ухищрений. К чему это на практике повлекло — нетрудно угадать. пытка, например, широко применялась в тогдашних судах, но вес же было принято за правило, что если человек с пытки не признается в том, в чем его обвиняют, то этим уничтожаются доказательства и улики; непризнание под пыtkoю принималось как доказательство невинности. Судьи иногда, может быть, скрепя сердце, но все же должны были в конце концов отступить от человека за неимением в наличности такой капитальной, уличающей статьи, как признание. Взгляд инквизиции на этот предмет отправлялся от совершенно иной точки зрения. Если обвиняемый не признавался под пыtkoю, то это вовсе не служило доказательством его невинности, а доказывало лишь, что дьявол как-то таки ухитрился прийти на помощь своему верному другу и союзнику и оказать ему поддержку в тяжкие минуты испытания. Он, например, делал его совершенно нечувствительным к боли. Терзайте его, как угодно, он ничего не чувствует, и пытка оказывается для него совершенно недействительною. Надо было сломить это упорство дьявола. И благочестивый инквизитор старался изо всех сил, обрабатывая какую-нибудь несчастную старуху на всевозможных козлах и дыбах. И все-таки нередко, несмотря на все его старания, жертва молчала, «даже будучи иногда почти вся разорвана в клочья», как выражается благочестивый Шпренгер.

Ради этого инквизиторам пришлось даже видоизменить постановления о пытке. По тогдашним судебным уставам полагалось, что в иных случаях пытка не могла

быть повторяема, если подсудимый сразу не признался. Отцы-инквизиторы, истязая человека в свое удовольствие, сколько им было угодно, приводили в свое оправдание тот резон, что они пытку вовсе не повторяют, а продолжают. Закон же вовсе не указывал в точности, сколько времени должна продолжаться пытка, т. е., так сказать, один ее сеанс, а потому можно было продолжать ее неделями, месяцами. Если же по временам пытаемому давался «отдых», то это служило лишь доказательством милосердия судей. Кстати, эти промежутки отдыха несчастный проводил в таких ужасных подземных норах, что содержание в них служило не отдыхом, а прямым продолжением пытки и, в сущности, имело целью окончательно подорвать и нравственные, и физические силы заключенного. Надо еще заметить, что, по правилам инквизиционного производства, можно было обойтись и без собственного признания подсудимого, приговор же вынести на основании свидетельских показаний. Так что пытка являлась в руках инквизиторов как бы уступкою, которую они должны были делать обычной юриспруденции. Она требовала признания подсудимого, и коли его нельзя было добиться никакими другими средствами, то приходилось прибегать к пытке. Из инквизиторов же некоторые неохотно к ней прибегали; только, конечно, вовсе не под влиянием жалости к подсудимому, а под влиянием страха и трепета перед могуществом сатаны.

Мы уже упоминали о том, что дьявол иной раз наделял своих приверженцев страшным даром безмолвия, при котором истязаемый молчал, как мертвый, так что пыtkoю от него ровно ничего нельзя было добиться. Поэтому-то иным инквизиторам пытка и представлялась средством далеко не вполне надежным. Они прибегали

и к другому средству, приносившему гораздо более благие плоды. Средство это заключалось во лжи, в обещаниях полного помилования, если обвиняемый принесет повинную. Давая такое обещание, инквизитор сознавал свою совесть в высшей степени свободной. В самом деле, к чему могло его, служителя Божия, обязывать какое бы то ни было обещание, данное ведьме, т. е. рабе сатаны, т. е., в сущности, самому сатане? Тут весь вопрос мог состоять только в том, поймается ли враг рода человеческого в расставленные ему сети, поверит ли он? Если эта уловка удавалась, т. е. если ведьма, обольщенная обещаниями полного помилования, приносила повинную, перед инквизитором вставала довольно щекотливая задача — нарушить торжественно данное слово и, не смущаясь им, повлечь ведьму на костер. Казалось бы, совесть самого обыкновенного смертного должна была испытывать некоторые угрызения при таком слишком бесцеремонном, чтобы не сказать наглом, обмане. И отцы-инквизиторы это, по-видимому, чувствовали, потому что в этих щекотливых случаях прибегали к разным уловкам. Так, например, добившись от ведьмы признания под обещанием полного помилования, инквизитор прекращал дело и передавал его другому судье. Этот другой постановлял свой приговор на основании сообщенных ему документов. Видя, что в деле имеется акт собственного признания ведьмы, он и приговаривал ее к сожжению на костре без малейшего колебания. Что же касается до первого инквизитора, то он благополучно убаюкивал свою совесть тем, что не он отправил ведьму на костер и что в смерти ее он нимало не повинен. Иные менее щепетильные инквизиторы поступали несколько проще. Добившись признания, они оставляли жертву отсиживать в тюрьме достаточный промежуток времени для того, чтобы все эти разговоры о помиловании понемножку стерлись

из памяти, и тогда сами отправляли ведьму на костер.

Кроме этого прямого и бессовестного обмана подсудимых, применялись всякого рода косвенные способы. Так, например, иногда вдруг резко переменяли свое обращение с подсудимым, переводили его из смрадной каморки в хорошую, светлую комнату, начинали хорошо кормить и в то же время через посланных своих агентов кратко убеждали покаяться, уверяя, что хлопочут исключительно о спасении его души.

Совершенно надежным и верным признаком виновности ведьмы, т. е. ее дружбы с дьяволом, считалась ее неспособность плакать. Если подсудимая во время допроса и пытки оставалась с совершенно сухими глазами, тогда как в другое время могла свободно и обильно плакать, то уже одна эта странная особенность принималась, как почти неоспоримый признак одержимости демоном. Толковалось это обстоятельство таким образом, что дьявол, друг и пособник ведьмы, снабжал ее этим даром выносливости, нечувствительности перед пыткой. В подобных случаях инквизитору рекомендовалось всеми возможными средствами разжалобить ведьму. Он принимался сам плакать и рыдать и в это время говорил ведьме о тех слезах умиления, которые Христос пролил на кресте за род человеческий. Но если инквизитор имел дело с настоящей ведьмой, то чем больше источал он слез, тем бесчувственнее оставалась сама ведьма и тем суше были ее глаза. Вместе с тем усиливалась и уверенность в виновности подсудимой. Отсюда, казалось бы, должно было логически следовать, что если ведьма умилилась от слез инквизитора и сама заплакала, то это надлежало бы принять за при-

знаки ее невинности. Но не тут-то было. Логика инквизиторов и тут очень ловко изворачивалась. Эти слезы ведьмы надлежало рассматривать, как новое доказательство ухищрений демона, поспешившего на выручку своей союзнице. Тут, очевидно, шла чрезвычайно тонкая и безгранично жестокая игра, которой мог в свое удовольствие предаваться фанатизированный ум человека, имеющего в руках право неограниченного насилия над личностью себе подобных.

Любопытен также установившийся взгляд инквизиции на применение смертной казни к ведьмам. Инквизиция не любила смертной казни. Однако, это надо понимать, как следует, с большими оговорками. Выражаясь точнее, инквизиция не желала, чтобы ответственность за смерть подсудимого падала на нее, а для того, чтобы снять с себя эту ответственность, она прибегала к очень простому средству. Осудив, например, еретика, она постановляла приговор очень глухо: обвиняемый признавался еретиком нераскаянным и в качестве такового передавался в руки светской власти, «дабы с ним было поступлено по закону». вот и все. Как видите, в этом приговоре на счет казни не делалось и отдаленного намека. Но светские власти, приняв в свои руки из рук инквизиции такого нераскаянного еретика, очень хорошо знали, что надо с ним делать, и немедленно предавали его сожжению на костре. А о том, что таково в действительности всегда было желание инквизиции, свидетельствуют многочисленные случаи, когда светские власти по каким бы то причинам не хотели сжигать еретика или даже просто только проявляли некоторую медлительность. Инквизиция в таких случаях сейчас же начинала торопить их, побуждая их «исполнить закон». Случалось, что дело доходило до открытой

распри между инквизиторами и светскими властями. Тогда это недоразумение восходило до папы, и святейший отец уже прямо настаивал на том, чтобы еретика сожгли.

Во всяком случае относительно простых еретиков инквизиция строго держалась этой манеры: осуждаем человека на смерть не мы и сжигаем его тоже не мы, наше дело чисто, и наши руки кровью не обагрены. Относительно же ведьмы этот основной взгляд инквизиции подвергся некоторому изменению. Тут инквизиция последовала за светскими судами. Те приговаривали ведьму, в достаточной мере изобличенную, к сожжению на костре, и с течением времени инквизиция без всяких обиняков приняла ту же систему, т. е. сама постановляла такие же приговоры. Всякие церемонии были отложены в сторону. Ведьма по приговору инквизиции не приговаривалась к передаче в руки светских властей, а приговаривалась прямо и непосредственно к костру. Такая перемена во взглядах отразилась, конечно, и в сочинениях ученых инквизиторов того времени. Так, в 1458 г. инквизитор Жакериус в длинном, пространным и полном учености рассуждении доказывает, что ведьма не заслуживает того снисхождения, которое иногда давалось еретикам, и что к ней всегда надлежит относиться с беспощадной строгостью. После него Шпренгер, о котором мы уже много раз упоминали, в свою очередь настаивает на том, что ведьма должна быть осуждаема на смерть даже в том случае, когда она изъяснит полное и искреннее раскаяние.

Обыкновенно инквизиторы ссылались на то, что ведьмы несравненно виновнее еретиков, так как, кроме отступ-

ничества от Бога и союза с дьяволом, они еще виновны во множестве злодейств, которые причиняют людям. Но сами инквизиторы не очень строго держались этого довода. Об этом можно судить, между прочим, по араскомскому процессу, который мы в скором времени опишем. Там было присуждено к сожжению несколько человек, причем вся обнаруженная за ними вина состояла в том, что они посещали шабаш; никакого злодейства, причиненного людям, за ними не числилось. И тем не менее их не поколебались отправить на костер. В 1474 г. в местечке Левоне, в Пьемонте, местный инквизитор Киабуади судил двух ведьм — Франческу Волони и Антонию Дальберто. По приговору обе ведьмы присуждались к передаче их в руки светских властей, причем инквизитор делал оговорку, что осужденные не должны быть подвергаемы никакому телесному наказанию, а только имущество их должно быть конфисковано. Тем не менее, спустя дня два после передачи обе ведьмы были сожжены. Из этого можно заключить, что светские власти смотрели на все эти смягчающие оговорки в приговорах инквизиторов, как на простую формальность, проформу. Раз состоялась передача осужденного в руки светской власти — это означало, что он подлежит сожжению.

Но для того, чтобы инквизитор был совершенно свободен в своих действиях, надо было устроить так, чтобы в его действия уже решительно никто не вмешивался, а в особенности светские адвокаты. Кстати, с этими адвокатами-ловкачами у того же инквизитора Киабуади вышло такое дело, что он сам чуть-чуть не угодил под суд. Дело было в том же Пьемонте, в местечке Ривара, в 1474 г. Тогда схватили там большое число ведьм, судили их и сожгли. Заведовал всем делом Киабуади. Но

это был человек очень неопытный в инквизиционном производстве. Он поручил своему помощнику после сожжения первой партии ведьм арестовать еще пятнадцать женщин. Свидетельские показания против них были подавляющие. Инквизитор предоставил им десять льготных дней, в течение которых они должны были либо представить оправдание, либо принести полную повинную, в противном случае им угрожала пытка. Но тут неопытный Киабуади совершил огромную оплошность. Две из арестованных, Гульельмина Феррери и Маргарита Кортина, были богатые женщины, с большими связями. Их родственники потребовали, чтобы в деле приняли участие приглашенные ими адвокаты. И как только эти адвокаты появились на судилище, они почти в мгновение ока разрушили все обвинение. Но всего ужаснее было то, что юристы держались на суде с необыкновенной дерзостью. Киабуади, как это ни странно, очевидно, не имел никакого понятия о размере прав и привилегий инквизитора. Адвокаты совершенно сбили его с толку своим натиском. Он не сумел ничего им возразить, потому что каждое их требование основывалось на точной букве закона. Киабуади же в законах ровно ничего не понимал. И он делал промах за промахом, уступку за уступкой. Они, например, протестовали против предварительного следствия, указывая на его неправильности; далее потребовали вызова свидетелей со стороны защиты, чего никогда не допускалось в инквизиционном судопроизводстве. И Киабуади всему этому подчинялся. Путем показаний вызванных ими свидетелей им удалось установить, что обвиняемые с чрезвычайным усердием посещали церковь и выполняли все внешние обрядности католической веры; что они были не только благочестивы, но и широко благотворительны, что совершенно противоречило их обвинению в ведьмовстве. Киабуади скоро понял, что ему

с этими ловкими людьми не сладить, и он призвал себе на помощь знаменитого юриста Вало. Но адвокаты и своего коллегу быстро сшибли с позиции. И кончилось тем, что они обрушились на самого Киабуади. Они доказали ему, как дважды — два, что он в такого рода делах вовсе даже и не имеет права выступать судьей, и потому все, что он до сих пор творил по этой части, — сущее беззаконие. Киабуади должен был пойти на все уступки, и дело было перенесено куда-то совсем в другой суд. Чем оно окончилось для подсудимых, мы не можем сказать, да и не в этом суть. Главное состоит в том, что вмешательство адвокатов в инквизиционное судопроизводство всегда вносило в него страшную сумятицу, и потому инквизиция строго установила, что люди, попавшие к ней в переделку, не имеют никакого права на содействие защитников-адвокатов.

Расскажем теперь подробно о выше упомянутом arrasском деле, знаменитом в летописях средневековой уголовщины. Оно чрезвычайно ярко характеризует то всеобщее шатание разума, в которое тогдашняя публика была повергнута ведьмовством и колдовством. Кстати оно знакомит нас и с сегодняшними судебными порядками.

Аррасское дело известно было также под названием «дела вальденсов». Под вальденсами, как, вероятно, припомнят читатели, подразумевались особые сектанты, нечто вроде альбигойцев, когда-то процветавших на юге Франции и, в качестве еретиков, вызвавших против себя яростные гонения. Вальденсов почти всех успели истребить в течение XIII и XIV столетий. Но самое слово осталось в употреблении, только начали придавать

ему совсем другой смысл, а именно под вальденсами стали подразумевать просто напросто колдунов.

Дело это началось в 1459 г. Инквизиционный суд, заседавший в Лангре, судил и присудил к сожжению некоего Робинэ Дево. Этот человек обвинялся в колдовстве. Во время следствия и суда он, как водится, был подвергнут пытке и в это время оговорил множество лиц, которых он будто бы встречал на шабашах. В числе этих оговоренных была одна уроженка города Дуэ, по имени Денизелль, *femme de folle vie*, т. е. дама вольного поведения. Был еще оговорен некто Жан Лавитт, житель города Арраса. Лавитт был человек видный по своему общественному положению. Он был живописец и поэт и прославился, как автор многочисленных баллад, написанных в честь Мадонны. Надо полагать, что публика была невысокого мнения о его уме, судя по данному прозвищу «*Авве-de-pen-de-sens*», т. е. аббат недалекого разума. Разумеется, обоих этих лиц арестовали. Прежде всего захватили злополучную даму Денизелль и заточили ее в тюрьму. Местный епископ Иоанн в это время был в Риме и его место временно заступал бывший исповедник папы, доминиканец по имени тоже Иоанн. Помощниками его были Тибо, Пошон и два брата Гамель: Петр и Матвей. Все эти лица с жаром принялись за дело, найдя себе деятельного и усердного помощника в лице очень опытного и ученого юриста Жака Дюбуа. На этом последнем и лежала вся юридическая тягота дела. Денизелль, конечно, была подвергнута пытке и от нее не трудно было добиться признания, что она посещала шабаша. Ее попросили указать, кого из знакомых она там встречала, и она в числе других назвала упомянутого поэта Лавитта. А на него еще раньше указал сожженный Робинэ Дево, ко-

торый тоже встречал его на шабашах. Лавитт очень хорошо знал, что на него сделано такое показание, и как ни был он далек разумом, все же у него хватило сметки на то, чтобы задать тягу и скрыться в укромном месте. Однако, инквизиция в самом скором времени открыла его убежище в Аббевилле, и здесь он был арестован. Его немедленно доставили в Аррас. Заточенный здесь в тюрьму, лавитт проявил замечательную силу духа, которой трудно было ожидать от его уничижительного прозвища. Опасаясь, что под влиянием пытки он наговорит чего-нибудь лишнего, он порешил отрезать себе язык перочинным ножом. Его вовремя остановили, но все-таки ему удалось настолько повредить язык, что он сделался не в состоянии говорить. Это несколько, впрочем, не помешало растянуть его на козлах по всем правилам искусства. Говорить он не мог, но он был поэт, человек грамотный и, следовательно, умеющий писать; руки же у него повреждены не были и перо в руках он мог держать. Его и заставили давать письменные показания, что было даже гораздо удобнее: «что написано пером, того не вырубишь топором». Таким образом, ему и пришлось составить весьма полный список всех тех лиц, которых он встречал на шабашах; в их числе оказались личности, представлявшие собой знатную добычу для инквизиции: местные дворяне, а главное, богачи-горожане; много он оговорил и простолюдинов. По этим показаниям сейчас же вновь начались аресты; схватили еще шестерых.

Таким образом круг заподозренных расширялся, дело принимало чересчур уже обширные размеры, и судьи испугались. Заместители отсутствующего епископа решили было даже выпустить всех арестованных. Но энергичский Жак Дюбуа сейчас же вошел в сношение

с местным (бургундским) герцогом Филиппом Добрым и добился от него указа о том, чтобы делу был дан законный ход.

Тогда принялись снова за всех оговоренных Лавиттом. Прежде всего обратились к упомянутым шести арестованным в Аррасе. В числе их было четыре женщины из простонародья. Они под пыткой сейчас же признались в том, что они ведьмы и посещали шабаши. На приглашение указать других посетителей шабашей они в свою очередь оговорили несколько человек. Упомянутые заместители и помощники епископа: Тибо, Пошон и братья Гамель, оказались людьми совершенно неопытными в судопроизводстве и, вдобавок, робкими и нерешительными. Они растерялись. Не смея взять на себя ответственность, они передали дело на заключение двум знатокам канонического права: Карлье и Николаи. Те дали отзыв в том смысле, что если их обвиняемые попадались в первый раз и притом от своих заблуждений отрекались и в то же время не учинили никакого злодеяния и не изобличаются в надругательстве над святыми таинствами, то нет основания осуждать их на смерть. Но это были взгляды старой инквизиционной школы. Что же касается до Дюбуа, то он был представитель новой школы, по которой ведьмовство рассматривалось как преступление гораздо более тяжкое, чем ересь, и потому во всяком случае должно было влечь за собою осуждение на смерть. Так и на этот раз он настаивал на том, чтобы всех осужденных сожгли. Но он шел еще дальше. Он кричал, что все, кто заступается за колдунов и ведьм и хлопочет о смягчении их участи, должны рассматриваться, как их пособники. Словом, он ставил вопрос чрезвычайно широко. Он утверждал, что дело идет ни более, ни менее, как об участии всего хри-

стианства; что в числе людей, нормально считающимися христианами, найдется добрая треть таких, которые преданы колдовству, и что в числе этих тайных колдунов нетрудно отыскать даже самых высших лиц: епископов, кардиналов, герцогов; что, наконец, если все эти лица вступят между собою в дружный союз, и во главе этого союза встанет умелый руководитель, то миру христианскому грозят неисчислимыя бедствия. Надо думать, что эти мрачные взгляды Дюбуа разделялись в то время и другими духовными лицами, потому что в Брюссельской библиотеке Чарльз Лие нашел любопытную книгу неизвестного автора, священника, написанную как раз в те годы, когда разразилось аррасское дело, и в которой высказаны как раз такие самые взгляды, какие высказывал Дюбуа. Таким образом, выходило, что из вынужденных пыткой показаний несчастной проститутки и «аббата недалёкого разума» возник целый общественный вопрос колоссальной важности; ставилась на карту судьба всего христианства.

В XV столетии в Германии свирепствовал знаменитый Конрад Марбургский, один из самых деятельных истребителей еретиков. У него был подручный и помощник, по имени тоже Конрад, а по фамилии Торс. Этот Торс обладал чудовищной внешностью, к которой присоединялся еще один удивительный талант: Торс хвастал, что он обладает способностью с одного взгляда определять еретика. Нечего и говорить о том, до какой степени ценны были услуги такого помощника. Заметим здесь мимоходом, ради характеристики деятельности инквизиторов, что талант Торса в распознавании еретиков обрушивался исключительно на людей богатых. При этом не надо забывать, что имущество осужденного еретика конфисковывалось и что щедрая доля

его шла в карман тех, усердию кого высшее правосудие было обязано изобличением грешника. Значит, Торсу было из-за чего стараться. И вот совершенно таким же талантом распознавания ведьмы с первого взгляда отличался и упомянутый выше доминиканец Иоанн, заместитель отсутствующего епископа arrasского. Он, как мы видели, вместе с Дюбуа был главным воротилой в arrasском деле. По его настоянию, граф Дестамп, приближенное лицо Филиппа Доброго, созвал на совет всех высших arrasских духовных сановников (в мае 1460 г.). Этот совет и составил собою судилище для разбора дела. Разбор произошел самый энергический и быстрый, и все арестованные были присуждены к смертной казни. Все дело закончилось в один день, а на другой же день всех осужденных привели на площадь перед епископским дворцом. Предстоящее зрелище привлекало громадную массу зрителей; сохранилось предание, что в этот день в Arrасе собралось все население местности, лежащей на пятьдесят верст вокруг города. В числе осужденных один предстал на место казни, если можно так выразиться, упредив события; ему удалось повеситься у себя в тюрьме, так что к месту казни приволокли его труп. Всем осужденным на голову одели какие-то колпаки, на которых они были изображены воздающими поклонение дьяволу. Инквизитор громким голосом прочел речь. В ней, между прочим, он сделал очень картинное описание шабаша. При этом он тщательно перечислил все визиты на шабаша, сделанные каждым из осужденных, упомянул о том, что каждый делал на шабаше, и при этом каждого опрашивал, так ли это, признает ли он все сказанное о нем, и осужденные один за другим подтверждали взведенные на них обвинения. После этого они были переданы в руки светских властей. Тогда среди осужденных поднялись ужасающие крики. Все в один голос они

завопили о том, что их бессовестно обманули, что им обещали полное помилование, если они покаются, и грозили смертной казнью, если не покаются. А теперь, когда они покались, их хотят предать смерти. В то же время они кричали, что ни в каком колдовстве и ведьмовстве они неповинны, что ни в каких шабашах они не участвовали, и что признание у них добились угрозой смерти, пытками и обманными обещаниями помилования. Но все их вопли были напрасны. Их взвели на костры и костры зажгли. Скоро их отчаянные, протестующие голоса были задушены огнем и дымом. В своих последних воплях они умоляли родных и друзей молиться за спасение их душ. Их проклятия больше всего обрушивались на юриста Жюля Фламана, который рядом с Дюбуа выступал добровольцем в этом деле и подал мысль сломить упорство обвиняемых при посредстве этого подлого обещания помилования.

Это был первый успех старателей-добровольцев, который разжег их зверские аппетиты. Едва успели сжечь первую партию осужденных, как вновь уже было арестовано тринадцать ведьм, и в том числе опять добрая полдюжина проституток, а все остальные были тоже люди из простонародья. Это однообразие добычи, ее щедедушность и ничтожность скоро наскучили старателям. От сжигания несчастных мещанок и деревенских баб нажива была совершенно ничтожная. Инквизиторы же, очевидно, желали, подобно упомянутому Торсу, вознаградить себя за свое усердие чем-нибудь посущественнее отвратительного зрелища сжигания живых существ. И вот вдруг в один прекрасный день среди пораженных несказанным изумлением граждан Арраса разнеслась весть о том, что по обвинению в колдовстве арестовали одного из богатейших обывателей города —

Жана Такэ. Этот человек был не только богат, но и зна-тен; он был одним из самых влиятельных членов город-ской управы. Не успели жители опомниться от первого удара, как над ними разразился новый — арестовали Пьера Карие, тоже богача. Не прошло и суток, как схватили знатного дворянина Пайен-де-Бофора. Это был почтеннейший семидесятилетний старец, глава од-ной из богатейших arrasских дворянских фамилий, че-ловек, доказавший свое глубокое благочестие тем, что на собственные средства основал три новых монастыря. Говорят, что когда старик узнал о том, что он попал в число подозрительных лиц, то он будто бы воскликнул, что если бы он в ту минуту находился за несколько ты-сяч верст от Арраса, то и в таком бы случае немедлен-но поспешил предстать перед своими обвинителями, чтобы опровергнуть их обвинения. Он и в самом деле немедленно приехал в город из своего отдаленного име-ния. Испуганные водворившимся в городе террором, его дети, родственники и друзья настойчиво советовали ему немедленно бежать, если он за собою знает что-ни-будь такое, что могло бы подать хоть малейший повод к обвинению. Но старец давал самые торжественные клятвы, что он ни в чем неповинен и что бояться ему нечего. Инквизиторы опасались арестовать его собст-венною властью, но сумели добиться указа о его арес-те, исходившего от имени Филиппа Доброго. Для арес-та явился в Аррас самолично герцог Дестамп. Старик Бофор просил позволения повидаться с герцогом, но тот от этого свидания уклонился. Старик был-таки аресто-ван и заточен в тюрьму.

Тем временем из тринадцати упомянутых арестован-ных уже успели осудить и сжечь на костре семерых. Все они, как и первые сожженные, кричали на кострах

о том, что их обманули ложными обещаниями. Это дело стало сильно возбуждать публику и поднимало негодование против бессовестных палачей. Сам Филипп Добрый тоже беспокоился. До него доходили слухи, будто его обвиняют в том, что он нарочно истребляет богатых людей, своих подданных, для того, чтобы конфисковать их имущество в свою пользу. Он понял, что эти слухи возникли на почве свирепостей, которые учинялись в Аррасе инквизиторами от его имени. Надо было, значит, наблюдать за этими ревностными борцами против дьявола и козней его.. С этой целью он командировал в Аррас своего исповедника-доминиканца и дворянина Балдуина-де-Нуайель. Вместе с тем послал в Аррас депутатов и герцог Дестамп. Он избрал со своей стороны своего секретаря Форма, а затем еще и Савеза, Кревкера и Берри. Но у всех этих господ, очевидна, была на уме одна лишь забота: поделиться добычей с отцами-инквизиторами, а если можно, то наловить новых жертв, уже прямо собственным иждивением, и воспользоваться от них добычей уже без всякого дележа. Так, Балдуин-де-Нуайель арестовал некоего Антуана Сакеста. Это был один из богатейших членов городской управы. Друзья этого последнего, как и друзья упомянутого выше Бофора, давно уже чуяли беду, висевшую над головой их друга, и умоляли его бежать; но он, как и Бофор, легкомысленно надеялся на свою невинность. Вслед за ним арестовали другого богача — Жоссэ, за ним третьего — Руавиля. Предстоял арест еще трех тузов городской управы, но те в спасительном припадке предусмотрительности пустились в бегство. За ними было погнались, но, по счастью, не успели их настичь.

Между тем, все эти новые аресты вызвали в городе уже

настоящую панику, потому что никому из жителей, особенно богатых, невозможно было оставаться спокойным за свою безопасность. Притом никто не смел отлучиться из города из опасения, что его отлучка будет сочтена за бегство. Если бежать, то надо было бы бежать уже подальше, так как в пределах Бургундии обыватели боялись принимать к себе кого бы то ни было, прибывшего из Арраса. В то же время никто из иногородних не решался приезжать в Аррас. Все это повлекло за собой полное расстройство не только общественной, но и экономической жизни города, который в те времена был одним из важнейших торгово-промышленных центров на севере Франции. Дела остановились, купцы прекратили платежи, богатые люди старались скрыть свое имущество, ибо они хорошо понимали, что вся ересь, в которой могли их обвинить, в сущности, только в том и состояла, что их богатство служило жирною приманкой для инквизиторов. Наконец, и сами инквизиторы спохватились и начали успокаивать публику, что ни один невинный человек не может быть арестован, что будут арестовывать только тех, кого видели на шабашах не менее восьми или десяти свидетелей. А между тем, было известно, что многих осудили на основании показаний одного или двух доносчиков.

Однако, в виду того, что герцог интересовался процессом, протоколы признаний подсудимых были отправлены к нему на рассмотрение. Герцог собрал целую комиссию ученейших докторов и поручил ей рассмотреть эти протоколы. Но доктора подняли между собою бесконечные споры и не пришли ни к какому единогласному решению. Главным пунктом раздора между ними стал вопрос о шабашах. Вся суть показаний подсудимых состояла в том, что они участвовали в шабашах.

Вот и возник вопрос: что такое шабаш? Представляет ли он собой нечто реальное, т. е. путешествуют ли в самом деле люди верхом на метлах к месту дьявольского сборища, или же это только дин отвод глаз, галлюцинация, наконец, просто сновидение, напускаемое на человека дьяволом? Вопрос остался открытым. Герцог распустил комиссию, а протоколы отправил обратно в Аррас и приказал дать делу дальнейший ход.

Дело было рассмотрено, и главные обвиняемые, т. е. самая жирная добыча, были приговорены к следующим возмездиям. Старец Бофор, который так торжественно заявлял о своей невинности, внезапно оказался, якобы по его собственному признанию, усердным посетителем шабашей. Он был на них три раза: два раза ходил туда пешком, а в третий раз путешествовал на палке, намазанной каким-то волшебным составом. Дьявол, как водится, требовал от него продажи души, но старик на это не согласился. Тогда дьявол пошел на уступки и в конце концов удовольствовался четырьмя волосами с головы Бофора. Инквизитор его тщательно выпрашивал, правда ли все то, что он показывает, и Бофор подтвердил, что правда, и молил судей о снисхождении. Было решено, в виду добровольного признания, освободить его от пытки. Равным образом он не был подвергнут унижительному надеванию колпака с надписями. Инквизитор был так милостив, что приговорил его только к бичеванию, да и то через одежду. Однако, все-таки его присудили к семи годам тюремного заключения, а главное, к денежному взысканию. Официально, т. е. по приговору, он должен был уплатить 8 200 ливров (т. е. франков); из этой суммы 1 500 ливров обращались непосредственно в карман инквизиторов. Но этим дело не ограничилось. Бофору пришлось уплатить еще 4 000

герцогу Бургундскому, 2 000 графу Дестампу, 1 000 — депутату герцога Кревкери и еще разные мелкие суммы разным лицам, а всего, следовательно, более 15 000 ливров. На наши деньги и по нашим современным понятиям эта сумма может казаться совершенно ничтожной, но по тогдашнему времени сумма была громадной. Бофор считался богачом, а между тем весь его ежегодный доход, как видно из дела, не превышал 500 ливров. Вообще первейшие богачи Арраса исчисляли свои ежегодные доходы в пределах сумм от 400 до 500 франков.

Затем судили Жана Такэ. Этот тоже признался в своих путешествиях на шабаши, которые он посещал не менее десяти раз. Он, по его словам, всеми силами сопротивлялся сатане, но тот хлестал его воловьими жилами и принуждал повиноваться. Такэ тоже присудили к бичеванию и десятилетнему тюремному заключению. Деньгами с него взяли 1 400 ливров, из которых 200 приходилось на долю инквизиции. И опять-таки кроме этого гласного штрафа с него получили еще изрядную негласную добавку.

Третий осужденный был Пьер Карие. Этот участвовал в шабашных пиршествах несчетное число раз. На шабашах он, держа в руке зажженную свечу, воздавал лобзание дьяволу тем особенным способом, о котором мы уже не раз упоминали. Душу свою он продал дьяволу по всей форме, т. е. по договору, написанному его собственной кровью. Несколько раз он скрывал во рту причастную облатку и употреблял ее потом на разные волшебные операции. Он готовил какое-то адское снадобье, в состав которого должны были входить: причастная облатка, кость повешенного или кровь невинного

младенца. Младенцев он лично убивал и истребил таким путем четырех. Однако, когда его потом на суде приглашали подтвердить эти показания, то он начисто от них отперся, потому что они были у него исторгнуты пыткой. Тогда его, по инквизиционному обычаю, передали в руки светских властей, и он был в тот же день сожжен на костре.

Четвертый осужденный, Гюго Обри, был настоящий богатырь, человек железной воли и крепости духа. Пытали его бесконечно и бесчеловечно, но он, что называется, даже и не пикнул. От него не удалось добиться никакого признания ни в чем. Пробовали его пронять обещаниями полного помилования, если признается, но он твердо отвечал, что ни о каком колдовстве и ни о каких шабашах не имеет понятия. Его приговорили к 20 годам тюремного заключения, на хлебе и воде, и такой приговор, с тогдашней точки зрения, был даже неправилен, ибо упрямый Обри решительно подлежал сожжению. Надо полагать, что у него нашлись очень сильные заступники.

На этом аррасское дело и закончилось. Всех арестованных по этому делу было более 80 человек, но из них судили только 12, а остальных постепенно и понемногу одного за другим выпустили на свободу. Однако, с каждого из них, под видом судебных издержек, вытягивали штрафы в таком размере, в каком только было возможно. Иным так прямо и объявляли, что их до тех пор не выпустят, пока родственники не внесут за них такой-то суммы.

Все это дело, если на него бросить общий взгляд, представляется простым заговором весьма небольшой кучки совершенно бессовестных мошенников, принявших решение поживиться на счет своих богатых граждан. Пользуясь той громадной властью, какая в то время сосредотачивалась в руках инквизиции, можно было кого угодно хватать и в чем угодно обвинять. Как бы ни было чудовищно-нелепо обвинение, инквизитор мог быть вполне спокоен, что обвиняемый, если его подвергнут пытке, непременно признается во всем, что угодно инквизитору. Так было, очевидно, и в настоящем деле. Возьмем, например, старика Бофора. Этот человек клялся всеми святыми перед своими родственниками, перед самыми близкими ему людьми, что он ни в чем не повинен. Его предыдущая жизнь, например, хотя бы тот факт, что он основал три монастыря, прямо указывала на его благочестие и набожность. Не было никакого сомнения в том, что человек в самом деле ни в чем неповинен, и вот вдруг, после того, как он побывал в руках инквизиции, является на сцену его собственное признание в том, что он бывал на шабашах. Ясное дело, что его к этому признанию вынудили. Перед ним поставили безвыходную альтернативу: либо признавайся в том, что на тебя возводят, либо мы тебя отправим на костер.

Эта догадка почти вполне подтверждается последующим ходом дела. Сыновья несчастного старика Бофора путем чрезвычайных усилий добились того, что его дело было перенесено в парижский парламент. И, как только этот перенос состоялся, вся шайка его истязателей выказала самый подлый страх. Главный воротила Дюбуа даже помешался от страха. В парламенте это дело тянулось очень долго. Большинство осужденных,

бывших уже пожилыми людьми, успели за это время умереть, и в живых остался один неукротимый Обри. Ему одному и удалось воспользоваться оправданием по решению парламента.

Теперь мы рассмотрим несколько случаев, когда колдовство и ведьмовство принимали размеры настоящих эпидемий. Такие случаи были в самом исходе Средних веков, во второй половине XV столетия. Первой из таких эпидемий можно считать ту, которая возникла в Нормандии в 1453 г. Здесь ведьмы назывались скобасами (scobaces). Это слово происходит от латинского scoba, т. е. метла; тут очевидный намек на обычный способ путешествия ведьм на шабашах. В упомянутом году возникло дело Вильгельма Эделина, возбуждавшее великое изумление в публике, потому что этот Эделин пользовался славою великого ученого и, вдобавок, занимал должность настоятеля в большом монастыре Клерво в Франш-Конте. Эделин сделал очень интересное признание. У него вышла ссора с одним могучим и влиятельным соседом, который мог причинить ему много зла. Это сознание, что он живет под вечною угрозой мести со стороны могучего врага, не давало ему покоя и довело несчастного человека почти до умоисступления. Терзаемый своим страхом, он и обратился к дьяволу, а тот пригласил его к участию в шабаше, будто он желает войти в дальнейшее знакомство и имеет в виду пользоваться добрыми услугами адовых сил. Несчастный Эделин сразу пошел на все уступки, согласился на все требования. Надо было отречься от Бога и христианской веры — и он отрекся. Дьявол внял его усердию и явился к нему самолично в человеческом образе; он принял вид человека очень высокого роста. В другой раз он, впрочем, явился уже в образе козла, и Эделин

был вынужден воздать ему обычное нецензурное лобзание. Как лицо духовное, Эделин представлял очень ценную добычу для дьявола. Он должен был доказывать свое отступническое усердие тем, чтобы во время проповедей церковных уверять паству, что все рассказы о колдунах и ведьмах — одни праздные выдумки. Такая проповедь, конечно, должна была содействовать страшному возрастанию числа колдунов и ведьм, и этим, в свою очередь, затруднялась борьба с ними духовенства. Эделина схватили, и он предстал перед судом епископа Эвресского Гильома Дефлока и инквизитора Ролана Лекози. Эделин прибег к защите университета в Кане, но епископ, со своей стороны, прибег к содействию Парижского университета, и Эделин был осужден; его, однако, не сожгли, а приговорили лишь к вечному тюремному заключению на хлебе и воде. Он четыре года жил в каком-то смрадном подземелье и найден был в нем в один прекрасный день мертвым, в молитвенном положении тела.

С легкой руки этого грешника колдовство и ведьмовство, за которые он так горячо и талантливо заступался в своих проповедях, быстро разрослись и приняли вид настоящей эпидемии, которая распространилась по Франции, а потом проникла и в Германию.

В Гейдельберге в 1446 г. сожгли несколько ведьм; в следующем году ревностный инквизитор, спаливший этих ведьм, к своему несказанному удовлетворению захватил и ту старую ведьму, которая была совратительницей и учительницей тех ведьм. Однако, все это были лишь первые шаги; преследование ведьм еще не было введено в правильную систему, потому что, например,

в том же 1447 г. изловили колдунью, злодейства которой были блистательно изобличены, а между тем, вместо того, чтобы ее сжечь, ее только выслали из пределов области, где она злодействовала.

Во Франции около того же времени шла оживленная травля ведьм в Тулузе. Здесь инквизиторы осудили и сожгли множество ведьм, изловленных в Дофинэ и Гаскони. Когда именно произошли эти процессы и сколько в них попало жертв фанатического недоумения, об этом записи не осталось; но остался другой след от этих процессов, о котором упоминает испанский историограф инквизиции, Алонсо де-Спина. Он посетил Тулузу и видел на стенах местной инквизиции множество картин, написанных по рассказам ведьм, т. е. по показаниям, данным ими на суде. Картины эти изображают сцены шабашей, поклонения дьяволу, представленному в виде козла, и т. п. Есть указания, что в то же самое время, когда неистовствовали тулузские отцы-инквизиторы, их южно-французские и северно-итальянские братья тоже не коснели в праздности; так, в Комо шли многочисленные процессы ведьм. Светские власти старались не отстать от духовенств; бретанский герцог Артур III после своей смерти (1457) удостоился известности, как ревнитель веры, спаливший наибольшее число ведьм и колдунов в Бретани, Франции и Пуато, — своего рода рекорд, как выражаются нынешние спортсмены.

Таким образом можно считать, что во второй половине XV столетия ведьмовство по всей Западной Европе приняло эпидемический характер. Появились целые поколения ведьм, ведьмовские роды и семьи. Так, из

одного процесса, веденного в Нормандии в 1455 г. явствует, что в одной из тамошних общин, Торси, обнаружена была семья, давшая в течение 40 лет подряд несколько поколений ведьм и колдунов. Родоначальником этой дьявольской семьи был некто Югенен; он сам, его жена и потомки — все были колдуны и ведьмы. Очень долгое время о подвигах этой семьи местное население не доводило до сведения инквизиции, предпочитая расправляться с ведьмами самосудом. Дело обычно шло таким порядком. Какой-нибудь мужичок высказывает подозрение, что в гибели павшей у него скотины виноват упомянутый Югенен или его жена. Эта баба, жена Югенена, Жанна, встретив жену мужика, у которого пал скот, говорит ей: «Напрасно твой муж на меня клевет, что я извела вашу скотины; скажи ему, что это ему так не пройдет». И в ту же ночь эта баба вдруг внезапно заболевает так, что возникает опасение за ее жизнь. Тогда ее муж идет к Югенену и объявляет ему и его жене, что если его баба умрет, то он вздует их обоих так, что они свету не взвидят. И на другой день его жена выздоравливает. Понятно, что, владея таким прекрасным средством к обузданию злодейства ведьм, крестьяне не спешили доносить на них инквизиции.

Мы уже не раз упоминали о том, что служило главным толчком для распространения ведьмовства. Его блестящий успех и эпидемические размеры зависели, главным образом, от широкой его популяризации самим духовенством. Инквизиция, истребляя ведьм, тем самым открыто и публично, во всеуслышание, признавала их, т. е. утверждала, что человек, будь на то его добрая воля, может без всякого затруднения войти в сношения с дьяволом и получать от него сверхъестественную мощь, власть, силу и средства творить чудеса. Что же удиви-

тельного, что такая перспектива соблазняла множество народа. Иному нищему мужику, бабе, поденщику было и лестно, и в то же время выгодно сделаться, т. е. прослыть колдуном или ведьмой; он становился предметом боязни, его старались задобрить, к его услугам прибегали в болезнях, пропажах, при разделке с недругами, при затруднениях по любовной части, и все это хорошо оплачивалось. А народ обращался к колдунам с величайшей охотой во всяком таком случае, где, по его представлению, пахло чертовщиною, зная, что духовенство в этих случаях далеко не располагает всегда и во всех случаях действительными средствами для борьбы со злом.

В этом смысле мощным толчком к развитию эпидемии ведьмовства можно считать, например, папские буллы против ведьм, вроде опубликованной папою Иннокентием VIII в декабре 1484 г. В этой булле («*Summis desiderantis*»); папские буллы, по принятому обычаю озаглавливаются и обозначаются первыми словами их текста) папа сокрушается о том, что колдовство и ведьмовство распространились повсюду, а особенно в Германии, и, главное, подробнее перечислены все злодейства ведьм: шабаши, поклонение дьяволу, напуск ведьмами бурь, засух и т. д. По этой одной булле народ мог всесторонне ознакомиться со всей областью ведьмовства, а главное, убеждался в том, что сам наместник Христов нисколько не сомневается во всем этом, открыто признает полную возможность и реальность всего этого. После подобного папского послания уже становилось невозможно даже и голос поднимать в опровержение ведьмовства. Вооружившись этой буллой, ревнители благочестия, инквизиторы Шпренгер и Инстигорис начали без стеснения хозяйничать по всей Гер-

мании, возводя на костры тысячи жертв. В одном лишь крошечном городке Равенсбурге Шпренгер, по его собственным словам, сжег сорок восемь ведьм.

Под крылом могучей защиты папы инквизиторы орудовали без удержу. Надо было обладать величайшим гражданским мужеством, чтобы выступить против них, становясь на защиту своих жертв. В числе таких борцов надо, между прочим, отметить «муниципального оратора» (существовала такая должность), адвоката и врача, славившегося своей ученостью, Корнелия Агриппы. Он пытался было вырвать из когтей инквизиции Николая Савена, орудовавшего в Меце, одну несчастную женщину, обвинявшуюся в колдовстве. Но инквизиция живо осадил его усердие. В то время уже было установлено твердым правилом, что каждый, так или иначе вступившийся за еретика, колдуна, ведьму, вообще за подсудимого инквизиции, считался сообщником и пособником и рисковал даже вполне разделить участь подсудимого. Этого отчасти не миновал и Агриппа; его, положим, на костре не сожгли, но он все же лишился должности и даже должен был покинуть Мец.

Едва ли единственный случай заступничества за ведьм со стороны светских властей представляет пример Венеции. Около того времени, к которому относится наш рассказ, т. е. XV—XVI ст., в Венеции уже утвердилась ее олигархическая республика, с советом Десяти во главе. В это время римская курия хлопотала о насаждении ведьмовства в северной Италии. Позволяем себе так выразиться, потому что папы своими вечными натравливаниями на ведьм самых ярых старателей-инквизиторов, которых они снабжали почти безграничны-

ми полномочиями, успели, наконец, убедить ломбардское население в полнейшей реальности ведьмовства, так что, благодаря этим благочестивым стараниям, Ломбардия сделалась настоящей областью ведьм. Инквизиция работала, что называется, не покладая рук, отправляя на костры сотни жертв. В Брешии в 1510 г. сожгли 140 колдунов и ведьм, в Комо, в 1514 г. — 300. И вот, в 1518 г. правительство республики было извещено о том, что в Валькамонике инквизитор уже сжег 70 ведьм, да столько же у него их сидит в тюрьме, в ожидании суда, да сверх того уже заподозрено еще 5.000 человек, т. е. почти четверть всего населения той местности. Сенат и совет были прямо-таки встревожены этой компанией истребления граждан республики и вступились за жертвы. Инквизитор сейчас же нажаловался папе, и тот сделал совету Десяти строгое внушение — не соваться, куда не спрашивают. А так как совет не очень испугался этой острастки, то папа (Лев X) в феврале 1521 г. дал инквизиторам полномочие отлучать от церкви, гуртом и по одиночке, смотря по ходу дела, всех и каждого, кто будет заступаться за ведьм и вообще «мешать» инквизиции. Но и булла папская не проняла совета Десяти. В марте он преспокойно издал особый наказ для судопроизводства по делам о колдовстве, причем мимоходом отменил все уже состоявшиеся решения по этим делам. На угрозы же папского легата совет твердо и спокойно отвечал, что население Валькамоники так бедно и невежественно, так не твердо в истинной вере, что ему гораздо нужнее хорошие проповедники, нежели преследователи, судьи и палачи.

/М. А. Орлов. История сношений человека с дьяволом.
— С.-Петербург, типография Пантелеева, 1904. /

ИСЛАМИЗАЦИЯ БОЛГАР

Источники XVI в. донесли до нас яркие по своей жестокости примеры насильственного метода исламизации болгар, которые погибли от рук фанатически настроенных толп мусульман, но не отказались от символа принадлежности к своей народности — от христианства. За отказ Николы Нового Софийского перейти в ислам, мусульмане применили к нему «всякого рода казни и истязания и... предали мучительной смерти, изрезав его на куски, а останки предав огню». Известны и два других мученика XVI в.: Георгий Новый Софийский и Георгий Новейший, погибшие за «веру Христову».

Широко известно намерение Селима I умертвить каждого, кто откажется принять мусульманство. Против этой акции выступил даже шейх-уль-ислам, а в качестве главного довода была выдвинута необходимость сохранить христиан, как основную податную единицу. В период правления этого султана многие церкви были превращены в мечети, а монастыри разрушены. В анонимной «Повести о втором разорении Болгарии» говорится, что было исламизировано окрестное население Доспата, Еспино (Чеино?), Крупника и Кочани. В те же годы (около 1515—1520) значительное число жителей сел Неврокопской области приняло ислам в результате организованного давления со стороны османских властей.

Сложность положения обращенных в ислам болгар состояла в том, что официальный возврат к прежнему ве-

роисповеданию стоил жизни, или в лучшем случае пожизненной каторги. Вероотступник лишался гражданских прав, брак его расторгался, имущество конфисковывалось в пользу государства, а самого его требовалось строго наказать. Жестокие расправы османских властей с отошедшими от ислама вели к тому, что многие, уже обращенные в ислам болгары вынуждены были скрывать свои истинные религиозные убеждения, свою приверженность к христианству.

Одним из действенных способов исламизации части христианского населения является принудительный набор болгарских мальчиков для нужд Порты. «Система девширме» известна среди болгар как «налог кровью» или «янычарская дань». Изучение этой системы представляет интерес ввиду включения некоторого числа из взятых по девширме и воспитанных в духе ислама в административный аппарат империи. Проповедуемая мусульманским духовенством идея верховенства султана и зависимого от него «рабского» положения остальных подданных привела к тому, что османская бюрократия именовалась «рабами султана» (капыкулу). Появление этой терминологии, которую не следует понимать буквально, вызвано во-первых, «необеспеченностью личности и имущества этой категории господствующего класса» и, во-вторых, своеобразием путей рекрутирования высших чиновников, поскольку «среди них были и настоящие рабы, захваченные в плен в молодом возрасте или поступившие в девширме». Широкое использование на государственной службе капыкулу и янычар из нетурецких элементов начинается после 1453 г. Дальнейшее расширение экспансии в XV — XVI вв., необходимость и сложность управления захваченными территориями требовали не только постоян-

ного пополнения войска и чиновничьего аппарата, но и их совершенствования, лучшей подготовки. Девширме служило питательной средой для османской элиты, многие представители которой прошли через горнило девширме и янычарского корпуса. Ф. Броделю это дало основание охарактеризовать военно-бюрократическую элиту как «лишенную корней». Эту своеобразную «оторванность» капыкулу довершала их экономическая и общественная изолированность. Она давала султанам возможность противопоставлять капыкулу всем социальным прослойкам и группам, независимо от того, принадлежали они к порабощенному населению или к представителям османской родовой знати, племенным вождям. Таким образом, система капыкулу была в руках султанов важным, сильным орудием централизации и одним из рычагов управления государством.

Для сбора этого налога все болгарские земли были разделены на районы. О сборе девширме кадии на местах извещались специальными указами султанов. Такой же указ получал и янычарский ага, ответственный за сбор детей. Только в 1573 г. в Румелию было послано 30 копий подобных указов, а в Анатолию — 20. Чинимые сборщиками налога насилия и произвол можно объяснить указаниями султанов на то, что «вопрос о наборе в янычары важнейший для государства» и поэтому местные власти обязаны прилагать к его исполнению все силы.

Сборщики девширме следили не только за количеством набираемых рекрутов. Из 8—20-летних мальчиков и юношей османы выбирали наиболее способных, красивых и физически крепких болгар, стройного телосложе-

ния — на что постоянно обращалось внимание в султанских ферманах, то есть забирали лучшую часть подрастающего поколения болгар. Многих забирали в таком возрасте, когда чувство своей принадлежности к болгарской народности у них еще не окрепло, а роль внешних факторов и влияние на детскую психику очень велика. Проследим процесс превращения части взятых девширме в «наилучших воинов султана» и методы ассимиляции остальных рекрутов.

Им прежде всего присваивали новые, мусульманские имена и производили обрезание — суннет. После совершения акта обращения в ислам приступали к распределению рекрутов. Наиболее способных и красивых определяли в дворцовые школы. Самых сильных направляли на работу в огороды и сады султанов. Часть передавали родовой знати и сановникам, часть сразу отдавали в янычарские отряды, но основную массу за определенную плату на несколько лет отдавали в мусульманскую среду: ремесленникам, земледельцам и служащим. Под воздействием мусульманской семьи и общины характер и духовный облик рекрутов формировались уже в духе набожности и почитания Аллаха.

Попавшие в дворцовую Галатасарайскую школу проходили курс обучения и подвергались ассимиляции по особой программе. По данным французского путешественника Ж. П. Форезьена (1582 г.): «султан содержит в разных дворцах 15 000 мальчиков, из которых воспитывают лакеев и пажей, обучают их мусульманскому закону, владеть ятаганом, орудовать маленьким копьем и другим татарским упражнениям. Это так называемые ичогланы (пажи. — С. М.), что означает дети господ,

которых собирают в качестве дани каждые четыре или пять лет с христиан...»

Успешно окончившие школу переводились в султанский дворец Топкапы, где продолжали обучение и одновременно служили в эндеруне (внутренние покои дворца). Эта группа воспитывалась и проходила дальнейший процесс ассимиляции с учетом их индивидуальных способностей уже под контролем султана и его приближенных. Впоследствии они могли стать пашами или бейлербеями, в зависимости от благосклонности султана. Назначения на высшие должности выходцев из воспитанных при дворце капыкулу делало принадлежность к этой категории привлекательной, а самих капыкулу преданными слугами султана.

Эта внешняя, кажущаяся легкость проникновения взятых по девширме в господствующий класс и возможность выдвижения на самые высокие посты в государстве приводила и приводит некоторых ученых к ошибочному утверждению о «демократичности» общественного строя Османской империи. Встречается и такая точка зрения, что посредством девширме христианские подданные из низших слоев (благодаря своим личным качествам: храбрости к добросовестному выполнению служебных обязанностей) включались в систему капыкулу и тем самым получали возможность занять высокие посты в государственном аппарате. Действительно, с 1453 по 1600 гг. из 48 великих везиров только 4 были османами, а остальные — греками и славянами — потурченцами. То есть, при всей своей жестокости система девширме служила специфическим путем проникновения части болгар в османскую высшую бюрократию.

тию, но это свидетельствует не о «демократизме», а об определенной гибкости османской феодальной системы.

О юношах, попавших в руки феодальной знати и сановников, Форезьен сообщает: «Остальных ичогланов отправляют в другие дворцы... Из них потом формируют войска янычар и сипахи» — они самые зловердные для христиан... не признают ни матери, ни отца», это «смертельные враги имени Христова».

Государство не несло никаких расходов, связанных с процессом ассимиляции той группы взятых в девширме, которая использовалась в качестве рабочей силы и фактически оплачивала все затраты по своей ассимиляции собственным трудом во владениях феодальной верхушки, в домах богатых османов, в ремесленных мастерских и т. п. «Когда какому ремесленнику требуется слуга или помощник, — сообщает Ганс Дерншвам, — от отправляется просить к аджемоглан-ага — одному из начальников — одного, двух, трех аджемогланов, то есть обрезанных мальчиков и платит за каждого 25 аспр...» Поскольку владельцем всех взятых девширме являлось государство (султан) можно сказать, что таким образом казна вероятно, получала даже известный доход от их продажи. От XVI в. известно несколько указов султана к начальникам янычар с требованием прислать в султанские владения от 100 до 700 таких аджемогланов. Направленные в мусульманскую среду аджемогланы «служили для султана резервом, из которого он удовлетворял свои потребности в дешевой рабочей силе». Из этой группы лишь часть юношей после нескольких лет мытарств в османской среде, усвоившая новый язык и ставшая ревностными мусульманами, попадала в янычарский корпус.

Юноши, которых оставили слугами в султанских дворцах и во дворцах сановников, гребцами на галерах, домашней прислугой в богатых османских семействах и не попавшие в янычарский корпус, почти ничем не отличались от других невольников (рабов), они лишь увеличивали мусульманское население империи.

Те из юношей, которые попали в янычарский корпус, подвергались хорошо продуманной систематической обработке. Она продолжалась и в сфере оджака, где они настойчиво и методично воспитывались дервишами ордена Бекташи в духе слепого мусульманского фанатизма.

Важную роль в ассимиляции болгар играло расселение янычар в болгарских землях. Этот процесс специально изучался Цв. Георгиевой, которая относит «самое раннее расселение янычар в болгарских землях...ко второй половине XV в.», но сведения о них еще крайне скудны. Второй этап связан с периодом правления Селима I и Сулеймана I, когда власти начинают производить более массовое размещение янычарских подразделений в болгарских землях. Если в начале процесс янычарской колонизации контролировался государством, то с середины XVI в. он все более принимает неорганизованный характер. Местные органы османского управления не осмеливались и не могли их обуздать, так как юридически янычары были неподсудны шариатскому суду. Рубеж XVI—XVII вв. характеризуется Цв. Георгиевой как время массового и окончательного поселения янычар в болгарских землях — третий этап.

Янычары использовались Портой и для обращения в ислам населения в особо важных стратегических районах. В таких областях планомерной исламизации, как например в Родобах, кроме насильственного принуждения велась и изоциренная пропаганда преимуществ мусульманской религии. Из числа рекрутированных по девширме специально готовились проповедники ислама — хатибин, возвращение которых в родные места имело важный психологический эффект в деле исламизации родственного им по происхождению населения.

Наиболее характерными методами исламизации болгар были насильственный и пропагандистский, которые зачастую тесно переплетались в конкретных случаях. Завоевателям часто приходилось применять весь арсенал своих методов и форм исламизации, имея дело с наиболее мужественными представителями болгарского народа.

/С. И. Муртузаев. Борьба болгарского народа против исламизаторской политики Османской империи в XV—XVI вв. — Махачкала, 1986. /

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

На рассветет 24 августа 1572 г., накануне дня святого Варфоломея, в парижской церкви Сен-Жермен д'Оссеруа ударили в набат. Этого сигнала ждали тысячи католиков, чтобы учинить расправу над своими соотечественниками — гугенотами, приверженцами про-

тестантской религии. Резня в столице продолжалась три дня, затем перекинулась в провинцию. Говорили о десятках тысяч убитых. Франция снова, в четвертый раз на протяжении одного десятилетия, погрузилась в кошмар гражданской войны...

Население Парижа состояло почти целиком из католиков, которые люто ненавидели протестантов. Кумиром парижан был глава католической «партии» герцог Генрих Гиз — причем не столько в силу его талантов, ибо таковыми этот белокурый красавец ни в коей мере не обладал, сколько по традиции, возникшей в недавнюю пору блестящих военных успехов его отца, Франциска. В Париже помнили, что Франциск был убит из засады, помнили и возлагали ответственность за это бесчестное убийство на предводителя гугенотов, адмирала Колиньи. Парижане были хорошо организованы в военном отношении, и достаточно было стать кому-либо во главе этих фанатиков и крикнуть: «Бей!», чтобы они бросились резать своих еретических соотечественников.

Итак, разгадку Варфоломеевской ночи следует искать в массовых умонастроениях парижан, в религиозном фанатизме, в неумолимой стихии и ярости мятежа. Эту стихию обстоятельств никто не мог ни предвидеть, ни остановить...

Шестнадцатое столетие в истории Европы часто называют веком Реформации — движения за коренное переустройство католической церкви, ее реформу. Это было очень широкое движение, в котором участвовали самые разные общественные группы, каждая из кото-

рых преследовала собственные цели. Народные массы связывали с победой Реформации надежды на справедливое переустройство всего общества: молодая в ту пору буржуазия стремилась осуществить свой идеал «дешевой церкви», дворяне зарились на церковные земли, а феодальная знать видела в Реформации средство борьбы за власть.

Начавшись в Германии со знаменитого выступления Мартина Лютера против торговли индульгенциями, Реформация очень быстро распространилась почти на всю католическую Европу — причем в разных странах она пошла по-разному. В Англии реформу осуществил сам король, ставший благодаря этому главной национальной («англиканской») церкви; то же самое произошло в Швеции и Дании. В политически раздробленной Германии после поражения Крестьянской войны 1525 г. и длительной борьбы между князьями-католиками и князьями-протестантами (так назывались противники католической церкви) утвердился принцип «чья страна — того и вера», и это еще более усилило самостоятельность мелких государей. А население самой передовой страны тогдашней Европы, маленьких Нидерландов, боролось под знаменем Реформации против крупнейшей державы того времени, оплота католицизма — Испании; победа Нидерландов в этой борьбе означала победу первой в истории буржуазной революции.

Но нигде, пожалуй, события, связанные с противоборством католического и протестантского лагерей, не развивались так драматично, как во Франции. Почти сорок лет, с 1559 по 1598 г., эту страну раздирала кровавая междоусобица, которую историки во времена Мериме

называли религиозными войнами, а современники — более точно — войнами гражданскими.

Главным направлением во французской Реформации был кальвинизм — учение швейцарского реформатора, француза по происхождению Жана Кальвина (1509—1564). Французских кальвинистов называли гугенотами; это слово пришло также из Швейцарии и означало, по-видимому, «объединенные клятвенным союзом».

Кальвинисты, подобно лютеранам и сторонникам англиканской церкви, отрицали важнейшие принципы, установления и обряды католической религии: власть римского папы, культ святых, почитание икон, мессу (католическую обедню), исповедь и т. д. Они требовали упростить богослужение, отнять у церкви ее колоссальные богатства, упразднить монашеские ордена. Это были буржуазные по своей природе требования «дешевой церкви», но они обладали огромной притягательной силой и для многих дворян, которые стремились прежде всего прибрать к рукам церковные земли.

Особенно много кальвинистов было среди горожан и дворян в южных и юго-западных провинциях Франции. Эти области сравнительно недавно вошли в состав французского централизованного государства и не успели еще перевариться в общенациональном «котле». Население Юга, отличавшееся по языку и обычаям от жителей северной части страны, упорно защищало свои стародавние вольности и права от посягательств королевской власти. Католическая церковь во Франции была тесно связана с государством, и кальвинизм стал

идейным знаменем тех общественных групп, которые противились политической централизации страны и укреплению прогрессивной для того времени системы абсолютной монархии.

Кальвинистская буржуазия Юга объединилась с многочисленным бедным и воинственным дворянством; к этому союзу примкнула феодальная знать, которая использовала гугенотское движение, чтобы укрепить свои политические позиции и установить контроль над королевской властью. Так образовалась гугенотская «партия»; ее возглавили принцы из дома Бурбонов-Конде и члены знатного рода Шатильонов — самым знаменитым среди которых был адмирал Колиньи (Гаспар де Шатильон).

В Северной Франции (то есть к северу от Луары) кальвинизм в силу целого ряда причин не получил широкого распространения. Население этой части страны в массе своей осталось верным католической религии. Католический лагерь, однако, не обладал внутренним единством; позиции входивших в него политических активных общественных групп существенно расходились.

Богатая буржуазия Севера, прежде всего парижская, а также крупные королевские чиновники, которые составляли особую крупную прослойку господствующего класса, видели в единой государственной религии залог политического единства страны. Их принцип гласил: «один король, один закон, одна вера» (эта фраза звучит особенно выразительно по-французски благодаря непе-

реводимому созвучию). Из представителей этих групп состояла партия «политиков» (Мериме называет ее королевской партией), которая ставила на первое место общегосударственные интересы Франции и была главной опорой абсолютной монархии.

Более сложным и противоречивым было поведение северофранцузских дворян. Они были теснее связаны с тронном, нежели дворяне Юга, во многом зависели от двора и в первый период гражданских войн поддерживали правительство в его борьбе с гугенотами. Во главе католического дворянства стоял могущественный клан Гизов, члены которого занимали высшие придворные, военные и церковные должности. Предводители католической группировки преследовали в конечном счете те же цели, что и их соперники, вожди гугенотов. Они стремились ограничить королевский абсолютизм в свою пользу, избрав, однако, средством достижения этой цели защиту «истинной» веры от «еретиков» — протестантов. Подлинной цитаделью католицизма был Париж. Французская столица буквально кишела фанатичными монахами и священниками. Очень важную роль в католической «партии» играл Парижский университет, знаменитая Сорбонна, бывшая тогда не только оплотом богословия и гонительницей ереси, но и влиятельной политической организацией.

Хотя в основе религиозно-политической борьбы лежали материальные интересы различных общественных групп, это, разумеется, вовсе не значит, что в каждом гугеноте следует видеть охотника за церковными богатствами и в каждом католике — искателя королевских милостей. Среди тех и других, особенно среди протес-

тантов, было немало искренне верующих людей, глубоко убежденных в том, что ими движут мотивы высшего, духовного порядка. Не случайно современники различали гугенотов «политических» и гугенотов «религиозных». Одних втягивала в кровавый круговорот междоусобицы сословная честь, других — семейная традиция, третьих — ненависть к «еретикам» или «папистам»...

Все сказанное выше — конечно же, не более как общая схема, которая, как и всякая другая схема, помогает нам, однако, ориентироваться в определенном пространстве. В данном случае речь идет о том историческом пространстве, где действуют персонажи романа Мериме.

К лету 1572 г. Франция пережила уже три гражданские войны — с кровопролитными сражениями, опустошительными рейдами, осадами городов, заговорами, дворцовыми переворотами, убийствами из-за угла, — но конца «великой смуты» не было видно. Напротив, борьба обострялась, ужесточалась, становилась все более запутанной и сложной. Противоборствующие группировки, не рассчитывая только на собственные силы, искали помощи за рубежом, у давних врагов Франции. Католиков поддерживала Испания, гугенотов — Англия. Немецкие князья-протестанты послали в помощь своим французским единоверцам отряды наемников-рейтаров; бесчинства этих головорезов правдиво изображены в первых главах романа Мериме.

Непрерывно меняющаяся обстановка гражданской войны, ареной которой стала вся страна, необходимость

учитывать сложную международную ситуацию, катастрофическая нехватка сил и средств для решительного пресечения междоусобиц — все это заставляло правительство лавировать, интриговать, идти на уступки и компромиссы. Великой мастерицей такой политики была королева-мать Екатерина Медичи, которая в течение всего царствования Карла IX, вступившего на престол десятилетним мальчиком в 1561 г. и умершего в 1574 г., фактически правила Францией.

Эта пятидесятитрехлетняя невысокая тучная женщина с живыми темными глазами навывкат обладала — в противоположность своему слабохарактерному и неуравновешенному сыну — пронизательным умом, твердой волей и огромной работоспособностью. Она старалась, особенно вначале, так вести государственный корабль, чтобы избежать чрезмерного крена в ту или иную сторону. Екатерина то сближалась с вождями гугенотов, чтобы отстранить от руководящей роли Гизов, то, достигнув этой цели и убедившись, что политика веротерпимости и уступок протестантам не дает ожидаемых результатов, начинала поддерживать католических лидеров, а затем снова меняла курс.

В августе 1570 г. в Сен-Жермен-ан-Лэ, под Парижем, был заключен мир, который подвел итог третьей гражданской войны. Гугенотская группировка вышла из нее окрепшей, несмотря на несколько тяжелых военных поражений. Протестантам было разрешено свободно отправлять свой культ в определенных местах по всей территории королевства; знатные сеньоры добились признания за ними права проводить в своих землях церковную реформу (иными словами, правительство

согласилось оставить в руках протестантской знати давно уже захваченные ею земли, доходы и ценности). В обеспечение соблюдения условий Сен-Жерменского мира гугенотам были даны — формально на два года, фактически на неопределенный срок — четыре города-крепости на Юге, в том числе очень важный порт Ла-Рошель, через который французские протестанты могли свободно общаться со своими союзниками за рубежом. Тем самым были заложены основы будущего гугенотского «государства в государстве».

Все эти уступки объяснялись отнюдь не желанием королевы-матери усыпить бдительность вождей гугенотской «партии». Никаких планов Варфоломеевской ночи Екатерина тогда не строила. Сближаясь в очередной раз с гугенотами, она стремилась предотвратить возможность чрезмерного усиления католической группировки; не случайно накануне заключения Сен-Жерменского мира Гизам была объявлена опала.

Король и королева-мать выказывали всяческое благоволение вождям гугенотов. Колиньи ввели в Королевский совет, осыпали щедрыми дарами. Король называл его отцом, Екатерина заверяла в искренности своих добрых чувств («Мы слишком стары, чтобы обманывать друг друга»). Было решено упрочить мир в королевстве брачным союзом царствующей династии Валуа с домом Бурбонов. Карл IX отдавал наваррскому королю Генриху Бурбону руку своей сестры Маргариты. Молодые люди не питали друг к другу и тени любви (Маргарита любила Генриха Гиза, и тот отвечал ей взаимностью), но династические браки редко заключаются по сердечной склонности. Римский папа воспротивился

браку католички с еретиком, но здесь король проявил несвойственную ему твердость: «Если господин папа будет и дальше упрямяться, я сам возьму толстуху Марго за руку и заставлю обвенчаться в протестантской молельне».

Существовало, казалось, еще одно средство обеспечить Франции внутренний мир: внешняя война против «национального» врага. У Франции таких врагов было два. протестантская Англия и католическая Испания. Французские католики призывали к войне с Англией, протестанты — с Испанией. Колиньи предложил послать армию во Фландрию — одну из провинций Нидерландов, которые боролись тогда за независимость против Испании. <...>

Проект Колиньи поддержал король, который, освободившись на короткий срок от материнской опеки, сразу же попал под влияние адмирала. Приступили даже к практическому осуществлению проекта: в середине июля 1572 г. во Фландрию был направлен четырехтысячный отряд под командованием некоего Жанлиса.

Однако все эти воинственные намерения, планы и действия очень встревожили влиятельных королевских советников, составляющих ядро партии «политиков». Лучше, чем кто-либо иной, они понимали, что к большой внешней войне Франция совершенно не готова. Сильнейший нажим на правительство оказывали послы католических государств, требуя, чтобы король отказался от замысла войны с Испанией. Французские послы доносили из-за рубежа: если Франция начнет такую войну, она окажется в изоляции.

Не сидели, разумеется, сложа руки и сторонники Гизов. Они развернули бешеную агитацию в Париже, имевшую особенно большой успех, когда в столицу стали съезжаться на свадьбу Генриха Наваррского провинциальные дворяне-гугеноты, в большинстве своем южане. Католические проповедники произносили громовые речи, усиливали ненависть парижан к чужакам-иноверцам.

Екатерине давно уже казалось, что реальная власть ускользает от нее, сосредотачиваясь в руках адмирала. А тот, безусловно, человек честный и прямодушный, но упрямый и неглубокого государственного ума, продолжал настаивать на своем фландрском проекте. Колиньи не отказался от него, даже получив известие о том, что испанцы полностью истребили отряд Жанлиса. А Екатерина, узнав об этом, сразу начала тайные переговоры с Гизами.

Дважды Королевский совет обсуждал вопрос о войне с Испанией, и оба раза план Колиньи был отвергнут. В конце второго заседания разъяренный адмирал обратился к Екатерине: «Мадам, король отказывается от войны. Дай бог, чтобы он не оказался втянутым в другую, выбраться из которой будет уже не в его власти».

Эта неосторожная фраза была воспринята как угроза новой гражданской войны. Екатерина поняла, что настал момент, когда она может избавиться от адмирала, ослабить гугенотскую «партию» и вернуть власть. Один из людей Гизов, наемный убийца Морвель, получил тайный приказ...

Свадьбу Генриха Наваррского и Маргариты Валуа праздновали 18 августа, а три дня спустя Морвель выстрелом из аркебузы ранил Колиньи, когда тот, возвращаясь из Лувра, проходил мимо дома каноника Виллемюра, бывшего учителя Генриха Гиза.

Находились историки, которые, оправдывая Екатерину Медичи, писали, что если бы Морвель, целился чутью точнее и убил адмирала, королева-мать была бы всем этим вполне удовлетворена и никакой массовой расправы с гугенотами не было бы. Не знаешь, чему больше удивляться в таких рассуждениях: цинизму или полному непониманию реального положения дел. Политические преступления обладают собственной, страшной и неумолимой логикой: одно убийство влечет за собой другие. Так как теперь замысел расправы с главным вождем гугенотов скрыть было невозможно. Екатерина и ее вновь обретенные союзники, Гизы, решили одним ударом обезглавить гугенотскую «партию», истребив всех ее руководителей. Именно тогда, буквально накануне, и родилась идея Варфоломеевской ночи.

Посвятили в замысел короля, который только что говорил Колиньи, что чувствует боль от его раны сильнее, чем сам раненый. Карл легко дал себя уговорить, превратившись в мгновение ока из друга и покровителя адмирала в его смертельного врага. Король деятельно принялся обсуждать детали предстоящей расправы со своими вчерашними союзниками. Поздним вечером 23 августа в Лувр прибыл Генрих Гиз. Лидеры католической «партии» распределили роли. Затем во дворец был вызван глава столичного муниципалитета, купеческий старшина Парижа. Король лично ввел его в курс дела

и повелел принять немедленные и чрезвычайные меры, дабы пресечь «заговор приверженцев новой, якобы реформированной религии против нашего королевского величества, нашего государства и покоя наших подданных».

И эти меры были приняты. К рассвету у всех ворот стояли усиленные караулы, на Гревской площади и перед ратушей сосредоточили артиллерию, городское ополчение было приведено в полную боевую готовность. Тысячи вооруженных людей с белой повязкой на левой руке и факелом ждали условленного сигнала. В четыре часа пополудни ударил набат...

Первой жертвой пал Колиньи. Глубокой ночью дом адмирала окружили люди Генриха Гиза, предводительствуемые самим герцогом. Капитан Госсейн, которому было поручено охранять раненого, заколол привратника и впустил в дом убийц. Через несколько минут обезображенный труп адмирала лежал на мостовой у ног герцога.

Тем временем в Лувре шла охота за дворянами из свиты адмирала и короля Наваррского. Солдаты обходили дома видных гугенотов и убивали их одного за другим. Немногие смогли уцелеть. Генрих Наваррский спасся тем, что поспешил по требованию короля перейти в католичество.

Резня шла во всех кварталах, на всех улицах. Убивали гугенотов — без различия пола и возраста, немцев-лю-

теран, фламандцев. Убили несколько типографов и сожгли их книги. Убили философа Петра Рамуса. Убивали, молились, исповедовались, получали отпущение грехов и снова убивали...

...13 сентября могильщики кладбища Сен-Инносан получили от городских властей 20 ливров за то, что они погребли 1100 трупов. Общее же число жертв в одном только Париже достигало, по самым осторожным подсчетам, двух тысяч. А ведь примеру парижских католиков последовали их единоверцы в Орлеане, Труа, Руане, Лионе... Волна массовых расправ с гугенотами прокатилась по Франции и улеглась лишь в начале октября.

Католическая Европа торжествовала. Папа устроил фейерверк в садах Ватикана и приказал выбить памятную медаль. А уцелевшие гугеноты тайком пробирались в Ла-Рошель под знамена Лану. Франция стояла на пороге новой гражданской войны...

/Из предисловия В. Гайцеса к роману Проспера Мери-ме «Хроника царствования Карла IX». — Москва, 1988./

«ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ АВГУСТА»

Пуускайте кровь! Пуускайте кровь! Приказ маршала Тавана.

...Бросив свой отряд, Жорж поспешил домой в надежде застать там брата, но тот, сказав слугам, что уходит на всю ночь, уже исчез. Жорж, живо смекнув, что брат у графини, побежал туда. Но избиение уже началось. Давка, толпы убийц, цепи, протянутые через улицы, — все это на каждом шагу преграждало ему путь. Жоржу пришлось идти мимо Лувра — здесь особенно свирепствовал фанатизм. В этом квартале жило много протестантов, вот почему он был наводнен католиками и гвардейцами, и они истребляли протестантов огнем и мечом. По выражению одного из тогдашних писателей, «кровь со всех сторон стеклась к реке». Нельзя было перейти улицу без риска, что на вас в любую минуту не свалится труп, выброшенный из окна. Дьявольская дальновидность убийц сказалась в том, что они почти все лодки, которых всегда здесь было много, переправили на тот берег; таким образом, многим из тех, что метались по набережной Сены в надежде сесть в лодку и спастись от врагов, оставалось либо утопиться, либо подставить головы под алебарды гонящихся за ними солдат. Рассказывают, что в одном из дворцовых окон был виден Карл IX: вооруженный длинной аркебузой, он «стрелял по дичи», то есть по несчастным беглецам.

Капитан, забрызганный кровью, переступая через трупы, на каждом шагу рискуя тем, что кто-нибудь из душегубов по ошибке прикончит и его, шел дальше. Он

обратил внимание, что у солдат и вооруженных горожан белые повязки на рукавах и белые кресты на шляпах. Он мог бы нацепить на себя эти отличительные знаки, но ему внушали отвращение и сами убийцы и те приметы, по которым они узнавали друг друга.

На берегу реки, недалеко от Шатле, кто-то его окликнул. Он обернулся и увидел человека, вооруженного до зубов, но, по-видимому, не применявшего оружия, хотя на шляпе у него был белый крест, и с самым независимым видом вертевшего в руках клочок бумаги. Это был Бевиль. Он безучастно смотрел на то, как с Мельничного моста бросают в Сену и мертвых и живых.

— За коим чертом тебя сюда принесло, Жорж? Чудо, что ли, какое совершилось, по наитию свыше ты выказываешь такую ревность о вере? Ведь ты, как я вижу, охотишься на гугенотов?

— А ты почему очутился среди этих мерзавцев?

— Кто, я? Дьявольщина, я наблюдаю! Прелюбопытное зрелище! Да, ты еще не знаешь, каков я мастак. Помнишь старика Мишеля Корнабона, ростовщика-гугенота, который еще так лихо меня обчистил?

— Негодяй! И ты его убил?

— Я? Убил? Фу! Я в дела вероисповедания не вмешиваюсь. Какое там убил — я спрятал его у себя в подвале, а он мне за это дал расписку, что получил с меня долг сполна. Таким образом, я сделал доброе дело и тотчас получил награду. Правда, чтобы скорей добить-

ся от него расписки, я дважды приставлял к его виску пистолет, но уж, нелегкая меня возьми, выстрелить ни за что бы не выстрелил... Смотри, смотри! У женщины юбка зацепилась за бревно. Сейчас упадет... Нет, не упала! Ах ты черт! Занятно! Надо подойти поближе. Жорж за ним не пошел.

«А ведь это один из наиболее достойных уважения дворян во всем городе!» — стукнув себя кулаком по голове, подумал он.

Он двинулся по улице Сен-Жос, безлюдной и темной — должно быть, никто из реформаторов на ней не жил. Вокруг, однако, было шумно, и шум этот был здесь хорошо слышен. Внезапно багровые огни факелов осветили белые стены. Раздались пронзительные крики, и вслед за тем Жорж увидел нагую, растрепанную женщину, державшую на руках ребенка. Она бежала с невероятной быстротой. За ней гнались двое мужчин и, точно охотники, преследующие хищного зверя, один другого подстегивали дикими криками. Женщина только хотела было свернуть в переулок, но тут один из преследователей выстрелил в нее из аркебузы. Заряд попал ей в спину, и она упала навзничь. Однако она сейчас же встала, сделал шаг по направлению к Жоржу и, напрягая последние усилия, протянула ему младенца, — она словно поручала свое дитя его великодушью. Затем, не произнеся ни слова, скончалась.

— Еще одна сука-еретичка околела! — крикнул стрелявший из аркебузы. — Я не успокоюсь до тех пор, пока не ухлопаю десяток.

— Подлец! — вскричал капитан и в упор выстрелил в него из пистолета.

Злодей стукнулся головой об стену. Глаза у него страшно выкатились из орбит, пятки заскользили по земле, и он, точно лишенная упора доска, покатился и упал бездыханный.

— Что? Убивать католиков? — крикнул его товарищ, у которого в одной руке был факел, а в другой окровавленная шпага. — вы кто такой? Свят, свят, свят, да вы из королевских легкоконников! Вот тебе на! Вы дали маху, господин офицер.

Капитан выхватил из-за пояса второй пистолет и взвел курок. Головорез отлично понял, что означает движение, которое сделал Жорж, а так же слабый звук щелкнувшего курка. Он бросил факел и пустился бежать без оглядки. Жорж пожалел на него пули. Он нагнулся, дотронулся рукой до женщины, распротертой на земле, и удостоверился, что она мертва. Ее ранило навывлет. Ребенок, обвив ее шею ручонками, кричал и плакал. Он был залит кровью, но каким-то чудом не ранен. Он уцепился за мать — капитан не без труда оттащил его и завернул в свой плащ. Убедившись после этой стычки, что лишняя предосторожность не помешает, капитан поднял шляпу убитого, сорвал с нее белый крест и прикрепил к своей. Благодаря этому он уже без всяких приключений добрался до дома графини.

Братья кинулись друг другу на шею и потом долго еще сидели, крепко обнявшись, не в силах вымолвить ни слова. Наконец капитан вкратце рассказал, что творится в городе. Бернар проклинал короля, Гизов, попов, порывался выйти и помочь братьям, если они попытаются оказать сопротивление врагам. Графиня со слезами удерживала его, а ребенок кричал и звал мать.

Однако нельзя же было кричать, вздыхать и плакать до бесконечности — наконец заговорили о том, как быть дальше. Конюший графини сказал, что он найдет женщину, которая позаботится о ребенке. Бернару нечего было и думать выходить на улицу. Да и где он мог бы укрыться? Кто бы ему поручился, что резня не идет сейчас по всей Франции? Мосты, по которым реформаторы могли бы перебраться в Сен-Жерменское предместье, откуда им легче было бы бежать в южные провинции, с давних пор сочувствовавшие протестантству, охраняли многочисленные отряды гвардейцев. Взывать к милосердию государя, когда он, разгоряченный бойней, требовал новых жертв, представлялось бесполезным, более того: неблагоприятным. Графиня славилась своей набожностью, поэтому трудно было предположить, чтобы злодеи стали производить у нее тщательный обыск, а слугам своим Диана доверяла полностью. Таким образом, ее дом оказался наиболее надежным убежищем для Бернара. Было решено, что пока она спрячет его у себя, а там будет видно.

С наступлением дня избиение не прекратилось, напротив, оно стало еще более ожесточенным и упорядоченным. Не было такого католика, который из страха быть заподозренным в ереси не нацепил бы на шляпу бело-

го креста, не вооружился бы или не бежал доносить на гугенотов, которых еще не успели прикончить. Король заперся во дворце и к нему не допускали никого, кроме предводителей головорезов. Чернь, мечтавшая пограбить, примкнула к городскому ополчению и к солдатам, а в церквах священники призывали верующих никому не давать пощады.

— Отрубим у гидры все головы, раз и навсегда положим конец гражданским войнам, — говорили они.

А чтобы доказать людям, жаждавшим крови и знамений, что само небо благословляет их ненависть и, дабы воодушевить их, явило дивное чудо, они вопили:

— Идите на Кладбище убиенных младенцев и посмотрите на боярышник: он опять зацвел, его полили кровью еретиков, и это сразу его оживило и омолодило.

К кладбищу потянулись торжественные многолюдные процессии, — это вооруженные головорезы ходили поклониться священному кустарнику, а возвращались они с кладбища, готовые с вящим усердием разыскивать и умерщвлять тех, кого столь явно осуждало само небо. У всех на устах было изречение Екатерины. Его повторяли, вырезая детей и женщин: *Che pieta lor ser crudele, che crudelta lor ser pietoso* — теперь человек тот, кто жесток, жесток тот, кто человек.

Удивительное дело: почти все протестанты побывали на войне,* участвовали в упорных боях, и им нередко удавалось уравновесить превосходство сил противника своей храбростью, а во время этой бойни только два протестанта хоть и слабо, но все же сопротивлялись убийцам, причем из них двоих воевал прежде только один. Быть может, привычка воевать в строю, придерживаясь боевого порядка, мешала развернуться каждому из них в отдельности, мешала превратить свой дом в крепость. И вот матерые вояки, словно жертвы, предназначенные на заклание, подставляли горло негодьям, которые еще вчера трепетали перед ними. Они понимали мужество как смирение и предпочитали ореол страдальца ореолу героя.

Когда жажда крови была до некоторой степени утолена, наиболее милосердные из головорезов предложили своим жертвам купить себе жизнь ценой отречения от веры. Лишь очень немногие кальвинисты воспользовались этим предложением и согласились откупиться от смерти и от мучений ложью, — быть может, прости-тельной. Над головами женщин и детей были занесены мечи, а они читали свой символ веры и безропотно гибли.

Через два дня король попытался унять резню, но если дать волю низким страстям толпы, то ее уже не уймешь. Кинжалы продолжали наносить удары, а потом уже и сам король, которого обвинили в потворстве нечестивцам, вынужден был взять свой призыв к милосердию обратно и даже превзошел себя в своей злобе, каковая, впрочем, являлась одной из главных черт его характера.

Первые дни после Варфоломеевской ночи Бернара часто навещал в укрытии его брат и всякий раз приводил новые подробности тех страшных сцен, коих свидетелем ему суждено было стать.

— Когда же наконец я покину этот край убийц и лиходеев? — воскликнул Жорж. — Я предпочел бы жить среди зверей, чем среди французов.

— Поедем со мной в Ла-Рошель, — говорил Бернар. — Авось, там еще не взяли верх головорезы. Давай вместе умрем! Если ты встанешь на защиту этого последнего оплота нашей веры, то твое отступничество будет забыто.

— А как же я? — спрашивала Диана.

— Поедем лучше в Германию, а не в Англию, — возражал Жорж. — Там по крайней мере и нас не зарежут, и мы никого не будем резать.

Их замыслы не осуществились. Жоржа посадили в тюрьму за то, что он отказался повиноваться королю, а графиня, дрожавшая от страха, что ее возлюбленного найдут, думала только о том, как бы помочь ему бежать из Парижа...

/П. Мериме. Хроника царствования Карла IX. — Москва, «Детская литература», 1988. /

ИСТРЕБЛЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ

...К моменту, когда первые европейцы высадились в Северной Америке, на территории нынешних США обитало до 400 индейских племен, численность которых достигала 1—2 миллионов человек. Все исторические источники свидетельствуют о том, что аборигены равнодушно и приветливо встретили «бледнолицых», приехавших в Америку. Последние в свою очередь действовали по отношению к индейцам, руководствуясь широко распространенной, но не лучшей формулой: «Ни одно благодеяние не остается безнаказанным». Колонизаторы начали хладнокровно, используя все средства и методы, «очищать» территорию Америки от коренных жителей. И уже к началу XX века на территории США насчитывалось лишь около 200 тысяч индейцев.

«Европейский захват Америки, — пишет известный американский историк А. М. Джозефи, — нельзя не назвать одной из самых темных глав человеческой истории... Никто и никогда не узнает, сколько индейцев и сколько племен было обращено в рабство, возвращено, уничтожено».

Колонизация Америки — история непрерывных войн против аборигенов, не имеющая себе равных в мировой истории по хладнокровной жестокости. Целью этих войн было физическое истребление коренных жителей.

В те времена индейцев теснили с Атлантического побе-

режья, где обосновывались первые европейские колонии и закладывались первые поселения и города, первые фермы и плантации. При этом каждая колония применяла свои методы.

В одних районах захват индейских земель осуществлялся насильственным путем, и в ответ, пытаясь изгнать колонизаторов, местное население поднималось на восстание. (Например, на территории нынешнего штата Вирджиния в 1644 г. восстание было жестоко подавлено, а большая часть индейцев истреблена). В других — применялись «мирные» средства: земли «приобретались» в обмен на безделушки или конфисковывались в порядке возмещения «долга» за алкоголь. В колонии Новая Англия колонисты с самого начала стремились к физическому истреблению местных жителей. Именно там была введена практика специальных премий за скальпы индейцев, цена на которые росла по мере расширения колонизации.

В 1703 г. в Новой Англии выдавалась премия в 40 фунтов стерлингов за каждый индейский скальп, в 1720 г. премия была повышена до 100 фунтов, а в 1744 г. за мужской скальп платили 100 фунтов, за женский или детский — 50 фунтов стерлингов.

«Не было такого метода, который оказался бы слишком зверским для претворения в жизнь правительственной политики покорения и истребления индейцев», — отмечает американский историк-марксист Г. Аптэкер.

Наряду с «очисткой» земель от индейцев для них стали создавать резервации. Племенам, населявшим Флориду, Джорджию, Алабаму и другие районы юга и юго-востока Соединенных Штатов, для поселения отводилась территория в Оклахоме. На севере индейцы также сгонялись в резервации. «Дорогой слез» называли индейцы этот путь смерти на запад: из 50 тысяч индейцев от голода, холода, насилий погибла примерно половина. «Это было в середине зимы, — писал очевидец этого переселения А. де Токвиль, — и холода стояли необычно сильные. Индейцы вели с собой семьи, а в обозе у них были раненые, больные, новорожденные дети и умирающие старики. У них не было ни палаток, ни телег, только свои руки и кое-какая провизия...»

Капиталистическая экспансия гнала отряды колонистов все дальше и дальше на Запад. Переселенческая волна усилилась после окончания гражданской войны и особенно в связи с «золотой лихорадкой» в Калифорнии. Через степи прокладывались дороги, по которым шли вереницы повозок колонистов, охраняемые конными отрядами. Для защиты этих путей сооружались форты, в них сосредотачивались гарнизоны. Жадные до наживы толпы золотоискателей захватывали земли, беспощадно истребляли индейцев. В результате к 1910 г. от 138 тысяч индейцев, населявших Калифорнию в 1770 г., осталось 15 850 человек.

Карательные экспедиции колонизаторов против индейцев сопровождались беспримерными жестокостями. Кровавыми операциями по «очистке Запада» от индейцев руководили такие отъявленные расисты, как генерал Шеридан, Коннор, Кастери др. Слова Шеридана

«Хороший индеец — это мертвый индеец» стали лозунгом карателей. Отрядам, высылавшимся охотиться на индейцев, приказывали убивать их повсюду, где бы они не встретились. Уничтожались целые селения и стойбища даже «замиранных» племен. Безоружных людей, в том числе детей, стариков, женщин убивали, подвергали всевозможным пыткам и надругательствам.

В 1871 г. конгресс США специальным актом низвел индейцев до положения внутренних, зависимых, подопечных правительству наций и племен. Федеральному правительству США предоставлялось право решения всех вопросов экономической, социальной и даже семейной жизни индейцев. Эту «опеку» непосредственно осуществляло учрежденное этим законом Бюро по делам индейцев (БДИ).

Наконец, в 1877 г. принятый конгрессом Закон о всеобщем распределении земель (известный как «акт Дауэса») практически «очистил» еще свободные многие миллионы акров земель от истинных владельцев. Находившиеся в общинном землепользовании резервационные земли были поделены в силу закона на индивидуальные участки. В результате индейцев лишили двух третей занимавшихся ими территорий.

/Геноцид. — М., «Прогресс», 1985. /

ТРАГЕДИЯ БУШМЕНОВ, ГОТТЕНТОТОВ, КОСА

...Европейцы, путешествуя по Южной Африке в начале XIX в., поражались исключительно бедственным положением бушменов — «люди кустарников», так называли эти племена первые голландские поселенцы. Бушмены, некогда обитавшие на обширной территории, занимались, главным образом, скотоводством и охотой. Тысячи голов скота, принадлежавшего этим африканцам, паслись на плодородных пастбищах; будучи превосходными охотниками, бушмены добывали разнообразную дичь в лесах своей страны. Но столкновения с многочисленными племенами готтентотов, которых насильно изгоняли с насиженных мест белые поселенцы, заставляла часть бушменов ассимилироваться с более сильными соседями, а других — искать убежище в полупустынных районах. К середине XVII в. их лишили возможности укрываться даже на этих поросших низкорослым кустарником и верблюжьей колючкой землях. Голодная смерть стала неотъемлемой спутницей этих африканцев. У бушменов не оставалось другого выхода, как нападать на фермы колонистов. Они пытались у белых пришельцев похитить скот, чтобы спасти своих жен и детей от голодной смерти.

В 1715 г. при содействии Нидерландской Ост-Индской компании были созданы специальные отряды вооруженных фермеров, получивших название «командос». Компания брала на себя заботу по снабжению их оружием и амуницией. Во главе отряда, как правило, становился выбранный лидер, такой же фермер, как и ос-

тальные, только лучше разбиравшийся в военном деле. С этого времени «командос» стали составлять основную ударную силу в борьбе с бушменами и другими южно-африканскими племенами.

О трагедии бушменов в основном писали миссионеры. Однако «Справедливый» предпочел использовать также свидетельства Горация Мейнера, видного колониального чиновника, долгое время занимавшего пост ландроста Храфф-Рейнета. Вот что он вспоминал: «...когда я был назначен на пост ландроста, то обнаружил, что каждый год командос, состоящие из 200 или 300 вооруженных буров, посылались против бушменов и, изучая их отчеты, видел, что фермеры уничтожали многие сотни людей, среди которых оказывалось не менее шести или десяти мужчин, а большая часть убитых приходилась на беспомощных женщин и невинных детей. Я также узнал об ужаснейшем проявлении жестокости: слугам-готтентотам приказывали разбивать головы младенцев о скалы, чтобы сэкономить порох, тогда как детей старшего возраста захватывали для сельскохозяйственного рабства. Когда я пытался прекратить эти злодеяния, буры жаловались на меня, заявляя, что ландрост пренебрегает своими обязанностями истреблять бушменов». Цитируя этот документ, автор памфлета заметил: «Не следует поддерживать мнение, будто уничтожение бушменов было особенностью только Батавских властей, владевших Капской колонией с 1802—1806 гг. Когда колония перешла под власть Англии, то та же самая варварская система охоты и убийств аборигенов продолжалась во всех северных и восточных провинциях... и если где-то сейчас прекращена, то только из-за нехватки человеческой дичи».

В «Парламентских документах относительно Капской колонии» «Справедливый» обнаружил несколько сот счетов, не предназначенных для печати. Их составители были преданные правительству колониальные чиновники. В этих документах ландросты и филдкорнеты подробно информировали о том, сколько голов скота было украдено бушменами, затем не менее живописно авторы делились сообщениями о возмездии со стороны буров, которые, как отмечалось, завершались «ужасным убийством бушменов в их краалях или хижинах». В одном из писем содержался своеобразный отчет одного из членов командос. Он писал: «...бывший филдкорнет попросил меня подготовить информацию о количестве бушменов, захваченных командос. Шло время, а я не был в состоянии дать правильный ответ, так как в многочисленных походах, в которых я участвовал, бушменов убивали, а не брали в плен». публикуя отрывок из этого письма, Э. Кэмпбелл с горечью отмечал: «О количестве убитых антилоп, газелей и других животных охотники обычно ведут учет, но бушмены, как видно, ценились ниже иной дичи?!»

В сообщении одного филдкорнета от 1822 г. говорилось: «...охотникам стало известно, что в близлежащих горах скрывается группа бушменов. Этому известия было достаточно, чтобы поднять в ружье десятки фермеров. Сколько бушменов было убито — неизвестно; захвачено в плен семеро спящих детей».

Во многих документах, которыми пользовался «Справедливый», бушмены сравнивались с опасными вредителями, которых необходимо уничтожать, в противном случае, подчеркивалось составителями этих бумаг, они

угоняли скот или нередко закалывали его прямо на скотном дворе. Бушмены таким образом мстили своим ненавистным преследователям. Случалось, что эти африканцы пытались убить наиболее жестоких хозяев. В официальных публикациях того времени можно прочитать, что бушмены убивали белых поселенцев только ради грабежа. У захваченных бушменов спросили, какую цель они преследуют, убивая христиан. И африканцы ответили: «Приобрести скот для тех, кто не имеет средств к существованию».

Автор памфлета неоднократно подчеркивал, что африканцы когда-то очень дружелюбно встретили белых людей. Но вскоре «иноземные завоеватели стали буквально охотиться на бушменов подобно диким зверям, гоняя их от одной горы к другой, от одного ручья к другому, все дальше и дальше в пустыню. Они жили в постоянном страхе, как бы командос или «охотники» не обнаружили их в последнем убежище...» «Справедливый» отмечал, что бушмены «довольствуются удивительно скудным питанием, употребляя в пищу личинки и червяков; выкорчевывая малосъедобные корни в пустыне. И только тогда, когда их одолевает сильный голод, они отваживаются под покровом ночи украсть овцу из овчарни или лошадь с поля и тем самым продлить свое жалкое существование до тех пор, пока их рано или поздно не достигнут убийцы».

К середине 30-х гг., т. е. к тому времени, когда «Справедливый» завершил написание своей книги, бушмены, некогда жившие на огромной территории, почти полностью исчезли. Он цитирует отрывок из речи Джона Филипа, выступавшего 10 августа 1836 г. «Если путе-

шественник, который посетил Южную Африку лет 25 тому назад, окажется вновь в районе реки Сандис и пожелает узнать, куда делись аборигены, которых он видел в свой прошлый визит; и если он остановится на реке Фиш, то должен будет опять задать тот же вопрос; и если он будет пребывать у снежных гор за Храфф-Рейнетом (за ним будет территория, равная 40 тыс. кв. миль — автор памфлета) и поинтересуется, где обитают разнообразные племена, которых он встречал четверть века тому назад, то ни один человек не сможет дать ему ответ».

Э. Кэмпбелл приводит факты, свидетельствующие о том, что миссионеры Лондонского общества не сидели сложа руки. Они неоднократно обращались к колониальным властям с просьбой о вмешательстве с тем, чтобы не допустить «окончательного решения бушменского вопроса», но тщетными оказались их усилия. Например, в марте 1834 г. на имя губернатора Капской колонии Б. Дурбана поступило заявление от Дж. Филипа, в котором говорилось: «Несколько лет тому назад более 1800 бушменов нашли убежище в двух миссионерских станциях между Сньюбергенем и рекой Оранжевой, районом общей площадью 42 тыс. кв. миль. Мы стремились втрое увеличить здесь число миссионерских учреждений, что дало бы возможность не менее 5 тысячам бушменов оказаться под нашей защитой. В 1832 г. я потратил 17 дней, путешествуя по этой области, обнаружив страну, занятую бурами, тогда как бушмены — исчезли, за исключением тех, кого в младенческом возрасте отняли у родителей для услужения фермерам. В течение всей поездки я встретил только двух мужчин и одну женщину, которым удалось скрыться от командос. Прискорбный рассказ этих людей состоял в следу-

ющем: их дети были отняты бурами, а они сами бродят с места на место в надежде, что их не заметят».

«Справедливый» вслед за описанием физического уничтожения бушменов правдиво информирует читателя о не менее ужасной судьбе готтентотов. С колонизацией Южной Африки положение готтентотов стало катастрофически ухудшаться. Автор памфлета часто подчеркивал, что отношение к ним стало значительно хуже, чем к рабам. Он писал в этой связи: «...их использовали на тех же работах, что и рабов, и подвергали таким же наказаниям; однако готтентотов не так хорошо кормили, как рабов, и очень редко одевали. Хозяева не были заинтересованы предоставлять им хоть какие-нибудь удобства. Обычно именно готтентотов отправляли пасти скот в опасные места, где в любую минуту их могли растерзать львы; жизнь раба была дороже его хозяину, чем существование готтентота, которого можно было всегда заменить с меньшим беспокойством и без расходов».

Э. Кэмпбелл приводит любопытные свидетельства готтентота Андрес Штоффлес, данные им членам комитета палаты Общин британского парламента, расследовавших по требованию миссионеров положение аборигенов в Южной Африке. А. Штоффлес считал себя счастливым человеком, потому что выжил и имеет возможность рассказать о трагедии своего народа. Большую часть своей жизни Штоффлес, по его словам, «почти ежедневно умирал от голода». У этого готтентота погибли жена и дети, а сам он в течение многих лет скрывался от «командос» в труднодоступных скалах. Узнав об организации миссионерской станции, Штофф-

лес пришел туда на постоянное жительство, и там с ним встретились члены Комитета.

Вопрос: «Как вы жили в молодые годы?»

Ответ: «Мы жили в горах, постоянно голодали, опасаясь за свою жизнь и жизнь наших близких, пока к нам не пришли миссионеры...»

В. Если европейцы не сделали ничего хорошего, возможно, они причинили вам зло?

О. Они били нас до смерти.

В. Вы говорили, что количество готтентотов значительно сократилось, а не произошло ли это из-за войны с кафрами?

О. Нет, нас систематически уничтожают, желая от нас избавиться.

В. Кто уничтожает?

О. Белый человек.

В. Можете ли вы привести Комитету факты?

О. Если кто-либо из джентльменов, находящихся в этой комнате, пожелает сопровождать меня, я смогу показать ему место, где убивали людей.

В. Где находится место?

О. Это произошло в районе Луискрааля, на реке Брак. Эти акции осуществлял комендант Рансберг.

В. Каковы причины жестокого отношения к готтентотам?

О. Это должны знать белые.

В. Каким образом англичане притесняют готтентотов?

О. Коротко я могу сказать так: готтентот не имеет воды, у него нет ни травинки, он не владеет землей, не имеет леса, у него нет места, где бы он мог спать...

Племена бушменов и готтентотов были немногочисленны, нередко враждовали между собой; в социально-экономическом отношении находились на более низком уровне, чем жившие по соседству коса. Начиная очерк об этих племенах, «Справедливый» рассказывает, каким образом установились границы между Капской колонией и ее соседями, обращая особое внимание на причины враждебных отношений между африканцами и белыми поселенцами. Уже во времена Эмброси Кэмпбелла о коса было написано немало, и все эти книги, статьи, записки, исследования и т. п., за редким исключением, отмечали воинственность этих племен, их ненависть к белым людям. «Справедливый» в своем памфлете неопровержимо доказывал, кто был истинным агрессором, кто — жертвой.

В середине XVIII в., пожалуй, только буры хорошо понимали, какой лакомый кусок представляла из себя территория, разделяющая колонию и земли, где обитали племена коса. Через приграничную область протекали крупнейшие реки Южной Африки, на тысячи гектаров раскинулись плодородные пашни, заливные луга и тучные пастбища. Э. Кэмпбелл не случайно знакомил

непосвященного читателя с водными богатствами южноафриканской территории. Он писал: «Реки берут начало на западе и текут в восточном направлении в Каферленд. Самая значительная из них — река Гамтус, впадающая в море, западнее бухты Алгоа; в 40 милях от этой реки протекает другая историческая река — Сандис; в 70 милях в глубь на востоке — река Фиш, за которой на расстоянии 30 миль величаво течет река Кейскамма».

Трудно себе представить более благодатный край для развития сельского хозяйства, чем этот. Вечнозеленые леса, полные всевозможной дичи, уступают место невысоким холмам, на склонах которых пасутся тысячи голов отборного скота... Итак, судьба этой страны была предрешена.

В 1770 г., когда Капская колония еще принадлежала Нидерландской Ост-Индской компании, ее директора постановили: «...утвердить границу районов Капской колонии — Стелленбоса и Свеллендама между реками Гамтус и Фиш. Однако задолго до такого решения несколько семей буров с большими стадами скота начали кочевать по территории, формально не входившей в состав колонии, на огромном расстоянии от своих собственных ферм. «Справедливый» приводит документ, согласно которому колониальные власти приказали ландростам «арестовывать с конфискацией скота тех, кто проникал за реку Гамтус». Автор памфлета поясняет, что это практически означало официальное признание реки Гамтус границей колонии; кроме того, власти не желали, чтобы скотоводы-буры таким образом скрывали свои доходы. Но строгие законы не препятствовали

экспансии белых поселенцев в глубь территории коса. Кэмпбелл отмечал: «...они упорно пересекали границу не только с целью выпаса скота, но по своему выбору устанавливали себе новые места жительства». Далее памфлетист резюмировал: «...проникновение фермеров со своими семьями на территорию коса совершенно справедливо вызывало противодействие последних». Власти старались «не замечать» инфильтрации поселенцев, проявлявших этим открытое неповиновение. Деспотичное руководство колонией никогда не примирилось бы с откровенным непослушанием, но в данном случае интересы властей и фермеров совпадали, так как они стремились к расширению территории Капской колонии прежде всего за счет земель племен коса. «Справедливый» приводит убедительные факты, свидетельствующие о провокациях со стороны поселенцев. «Июль 1780 г. Джошуа Джуберт и Петрус Х. Фенейра стали инициаторами формирования большой группы вооруженных колонистов-командос. Они без всяких оснований убили значительное число кафров, угнали их скот и разделили его между собой...» «Октябрь 1780 г. Кафры похитили скот у фермеров. Ландрост предложил послать против них отряд командос. Вооруженные поселенцы стали систематически грабить скот у кафров, а последние отвечали им тем же. Тогда фермеры в порядке мести не только угоняли богатую добычу, но и убивали всех, кто попадался на глаза». Колониальные власти, отмечал «Справедливый», не только полностью оправдывали грабительские набеги фермеров, но в том же году решили заставить коса считать реку Грейт-Фиш границей между Каферлендом и колонией. Еще в 1778 г. губернатор Капской колонии ван Плеттенберг, совершив поездку по Южной Африке, обнаружил, что многие поселенцы самовольно заняли земли за пределами колонии. «И что же? — вопрошал автор, — «вме-

сто того, чтобы заставить их возвратиться на свои фермы, он расширил границу одним росчерком пера, присоединив к территории колонии около 30 тыс. кв. миль чужих владений». Таким образом, река Грейт-Фиш была официально объявлена границей между Капской колонией и землями коса.

Чтобы у английского читателя не оставалось сомнений в том, кто же на самом деле агрессор, «Справедливый» публикует в своей книге выдержки из «Парламентских документов», где содержатся отчеты ландростов, в ложность которых трудно не поверить. Г. Мейнер в 1792 г. сообщал: «Я сопровождал команду, которая вторглась в Кафрарию... то, что я увидел, заставило меня убедиться, что жалобы буров относительно грабежей кафров были необоснованными и всегда преувеличенными. Буры сами стремились обогатиться за счет скота, который они угоняли у кафров с помощью командос. Они могли позволить себе так поступить, поскольку их контролировали офицеры, назначенные из самих нападавших». Показания Мейнера были тем более ценными, что он лично знал многих фермеров и должностных лиц, участвовавших в грабительских походах. Этот ландрост рассказывал, что был свидетелем распределения украденного у коса скота. «Под руководством некоего филдкорнета Д. Куна между участниками набега распределялся скот, насчитывающий более 30 тысяч голов».

Э. Кэмпбелл, суммируя факты, приводимые чиновником, делает такой вывод: «...командос были созданы не для наказания мародеров-африканцев, как об этом официально заявлялось, а для совершения грабежей, участники которых гордились разорением кафров».

В 1795 г. Капская колония перешла под управление Англии. Первые прокламации, выпущенные губернатором лордом Макартнеем (1737—1806), касались границы между Капской колонией и коса. Напрасно было бы искать хотя бы намек на справедливое решение этой проблемы. Пожалуй, голландские администраторы действовали более открыто, тогда как английские чиновники предпочитали больше разглагольствовать о «справедливости» и «гуманизме». Эмброси Кэмпбелл цитирует прокламацию первого английского губернатора Капской колонии, в которой критикуются голландские власти, позволившие довести «...несчастливых аборигенов до крайней нищеты и те были вынуждены прибегнуть к разбою, чтобы выжить... Я поэтому провозглашаю реку Грейт-Фиш подлинной границей между колонией и кафрами».

Словесное сальто-мортале высокопоставленного английского чиновника поражает. Вместо того, чтобы исправить несправедливость, допущенную предшествующими администраторами, и в интересах «несчастливых аборигенов» отказаться от земель, которые им по праву принадлежали, лорд Макартней лишь узаконил беззаконие, лишний раз продемонстрировав английское лицемерие.

«Справедливый», разоблачая разбойничью политику своих соотечественников, сообщает любопытные факты. Оказывается, еще в 1809 г. подполковник Р. Коллинз, занимавшийся «делами аборигенов» в тогдашней колониальной администрации, в письме к губернатору обсуждал возможность изгнания коса из определенной части их страны. Этот чиновник горячо ратовал за при-

соединение к английским колониальным владениям новых земель, так как «страна, лежащая между Бруинтес-Хугт и рекой Конап, изобилует отличными источниками питьевой воды; почвы там хорошие, а строевой лес, растущий в горах, лучший, чем где бы то ни было в колонии... Потеря кафрами этой территории не вызовет у них неудобства, так как они не имеют там ни единой хижины, и они всегда неохотно здесь селились...» На этом месте Э. Кэпмбелл прерывает цитирование письма Коллинза репликой: «Там, где источники питьевой воды и леса?» Документ заканчивается многообещающей перспективой: «...присоединение к колонии 1200 кв. миль даст возможность поселить на этих землях около 6 тысяч иммигрантов».

Использование автором памфлета писем рядовых поселенцев лишний раз убеждает, что их предложения были более скромными, чем планы ответственных чиновников колонии. Например, в 1800 г. некий Джордж Янг направил письмо к г. Мейнеру, в котором делился с ландростом мечтой видеть реку Грейт-Фиш «естественной границей колонии, однако лишь спустя многие года». Как видно, поселенец не желал нового кровопролитного конфликта в ближайшее время. «Справедливый» на это пожелание Янга отреагировал: «...Увы! Прошло всего двенадцать лет после получения письма, и власти осуществили совет колониста, практически изгнав кафров за реку Фиш, и около 10 тысяч кв. миль территории были присоединены к колонии, получив то, что было названо «естественной границей».

Европейские поселенцы, оправдывая жестокое и несправедливое отношение к коса, всякий раз утвержда-

ли, будто эти африканцы занимаются грабежом и совершают неспровоцированные нападения. Между тем «Справедливый», опровергая эти измышления, ссылается на еще одного чиновника, ландроста Л. Альберти, который в официальном докладе от 1 июня 1805 г. явно защищал коса. Капитан писал: «Обитатели района реки Сварткопс оставляют свои фермы, опасаясь очередного восстания кафров. Однако я считаю, что ни одна ферма не должна быть покинута, так как вожди кафров проявляют так много благородства, что нет причин для того, чтобы кто-либо сомневался в продолжении мира с ними».

Пользуясь элементарной порядочностью и терпением вождей коса, белые поселенцы продолжали захват скота и земли. Голод в Каферленде усиливался, что привело многих его жителей в отчаяние, в то время как колонисты все больше чувствовали себя способными изгнать нежелательных соседей за пограничную реку Грейт-Фиш. В конце 1811 г. появилась прокламация, объявлявшая коса «неисправимыми варварами и настоящими врагами», а поведение колонистов было охарактеризовано как «более чем безобидное по отношению к этим вероломным и безжалостным нарушителям мира». Вскоре был обнародован приказ, согласно которому коса, жившие к западу от реки Грейт-Фиш, изгонялись. Собирались «командос» для осуществления этого чудовищного плана.

/И. М. Шкляж. Загадка одного памфлета. — Одесса, ОПУ, 1993. /

РАБОТОРГОВЛЯ

В 1434 г. Жил Эаниш, уличенный в уголовном преступлении, спасаясь от сурового суда, бежал в океан. Авантюрист по натуре, он знал, где искать спасения. На небольшом суденышке он решил обогнуть мыс Бохадор и тем сохранить свою голову. Как ему удалось уговорить команду, откуда он взял провиант и воду — неизвестно. Но вскоре Жил Эаниш положил на стол Генриха цветы, привезенные из Бохадора. За мысом была жизнь.

Прощенный и обласканный королем и инфантом, Эаниш повел по открытой дороге новые эскадры португальцев.

Через семь лет после похода Жил Эаниша два дворянина, Антан (Антам) Гонсалвиш и Нунью Триштан, прорвались к новому мысу на Африканском побережье. Он был назван Бранку-Белый (позже исказив Бланко). И здесь-то впервые за долгие годы увидели португальцы местных жителей. Испуганные рыбаки бросились врассыпную при виде причудливых белокурых и больших птиц, появившихся неожиданно. Памятуя настойчивые приказы инфанта, Гонсалвиш велел захватить пленных. Приказ был выполнен. В 1441 г. первая партия африканских рабов, десять насмерть перепуганных берберов, была торжественно доставлена в Лисабон.

Генрих понял, что мечты начинают сбываться. На следующий год он снаряжает новую экспедицию. В 1443 г.

Нуню Триштан, обогнув мыс Бланко, открыл целую группу островов — острова Аргин. Любопытные и благодушные туземцы на десятках челнов-однодеревок устремляются к кораблям. Почти голые рыбаки восторженно кричат, вращают горящими глазами, снуг вокруг эскадры. Добыча сама просится в руки. В результате Триштан привез в Лиссабон и за бешеные деньги продал 30 рабов.

Вот когда началось ликование! У знати открылись глаза. Радостно зашевелились вельможи и купцы. Помещики с восторгом щупают мускулатуру рабов и с веселой улыбкой подсчитывают расходы на их прокормление. «Голова Сатира и тело Антиноя», — говорили высокоумные знатоки греческой мифологии. «Выносливость двух крестьян и беззащитность новорожденного», — добавляли более практичные. И Генрих с приятным удивлением обнаруживает, что хотя до Индии еще далеко, но сокровище уже найдено.

Однако достигнутое надо было закрепить. Тридцать рабов еще не окупают произведенных расходов. На следующий (1444) год принц Энрики снаряжает сразу шесть кораблей под командованием Лансароти с определенным заданием — почистить острова Аргин. Генрих, великий магистр ордена Христа, идеалист-человеколюбец, выговаривает себе 20 процентов доходов от экспедиции. Летописец тех времен умилительно сообщает: «...наконец-то господу богу, воздателю добрых дел, угодно было за многие бедствия, перенесенные на его службе, даровать им победоносный день, славу за их труды и вознаграждение за убытки, так как захвачено всего мужчин, женщин и детей 165 голов». Кроме этого дня господь бог, воздатель добрых дел, послал

Лансароти еще несколько подобных дней, и, опустошив начисто несчастные острова, пайщик принца Генриха продает в Лисабоне 235 человек. После этого «благодарные современники» присваивают явочным порядком инфанту Энрики титул Мореплавателя. Отныне и в течение пятисот лет имя Генриха Мореплавателя будет беспрерывно упоминаться в истории капитализма. Началась эпоха работорговли.

«СПАСИТЕ ИНДЕЙЦЕВ!» Когда в 1492 г. Колумб открыл острова Гуанакани, то испанцев поразило гостеприимство и мягкость индейцев. Жители материка, где тысячу лет шла жестокая война всех против всех, с удивлением наблюдали, как простодушные туземцы с удовольствием дарили пришельцам тонны продуктов, помогали набирать и грузить воду, а когда испанцы начали строить крепость, радушно и бесплатно помогали в строительстве. Мирный, жизнерадостный народ, индейцы с восторгом отнеслись к знакомству с белыми.

Но белые прибыли сюда не с добрыми намерениями. Возвращаясь в Испанию, Колумб оставляет на вновь открытых землях крепость и гарнизон. Оставшиеся испанцы начали притеснять туземцев, отбирать у них имущество, насиловать женщин. В ответ индейцы в свою очередь дали понять, что не намерены покориться: крепость испанцев была взята штурмом, гарнизон перебит. Вернувшись, Колумб нашел лишь пепел от первого европейского поселения в Америке.

По проложенной Колумбом дороге в Америку хлынули

толпы разоряющихся и разорившихся испанских дворян. К дворянам присоединились авантюристы, бандиты, искатели приключений — вся накипь, все отбросы общества.

Но Америка уже была занята. Несколько миллионов индейцев жило на островах Карибского моря, еще больше — на материке. И эти миллионы людей не собирались отдавать свою землю пришельцам. Встретились два народа, две цивилизации. И если для испанских колонизаторов дело шло об извлечении доходов, то для индейцев стоял вопрос о жизни и смерти в самом прямом смысле.

Отношение к индейцам со стороны испанских переселенцев было открыто изуверским. Как пишет современник, «испанцы расхищали их богатства, на их же глазах насиловали жен и дочерей и самым жестоким образом изувечивали их, находили удовольствие отрубать им руки, ноги, уши, вырывать глаза и язык, вешать, сжигать, раздавливать на земле их детей и отдавать их на съедение собакам». На Антилах возникает поместье за поместьем, в которых индейцы под оружейным дулом надсмотрщика обрабатывают у них же отобранную землю. «Когда надсмотрщики-испанцы обедали, туземцы подобно голодным собакам бросались под стол подбирать кости, которые те иногда кидали им; обглодав и высосав кость, они растирали ее между камнями в порошок и посыпали им свой хлеб, чтобы не пропала ни малейшая частица такой драгоценности». Не умеющие и не желающие заниматься земледельческим трудом гидальго развлекались уничтожением приписанных к их поместьям индейцев. Например,

один из таких «землепашцев», получив несколько сотен туземцев, за десять дней перебил их всех, потребовал и получил новых, вновь перебил и потребовал еще. Как свидетельствует современник, «масса индейцев кончала жизнь самоубийством. Благодаря жестокости только одного испанца их повесилось до 200 человек».

Индейцы Антиль, разобщенные на сотни племен, не имевшие оружия, кроме деревянного и каменного, никогда не слышавшие о регулярной войне, дрались до последнего человека, до самого последнего не только мужчины, но даже ребенка. Несколько миллионов человек вместе с вождями, жилищами и посевами, вместе со своей многовековой культурой погибло целиком, исчезло с лица земного шара, так и не уступив ни пяди своей свободы.

На острове Эспаньола, где до Колумба жило несколько сотен тысяч человек, уже в 1508 г., через шестнадцать лет после открытия, осталось лишь 60 тыс. человек. В 1512 г., еще через четыре года, их стало 20 тыс., а в 1548 г. — 200 человек. На острове Куба индейцы поголовно вымерли к 1548 г., на Ямайке — к 1558 г. Гордый народ до последней минуты был преисполнен ненависти к своим безжалостным белым врагам. Когда испанцы захватили вождя кубинских индейцев Гатуэи (Хатуэй), они приговорили его к смерти. Перед казнью к Гатуэи подошел монах и начал уговаривать его стать христианином, ибо тогда он, Гатуэи, попадет в рай. Глава краснокожих партизан задумался. «А что это такое?» — спросил он. Монах наскоро рассказал о рае и аде. «А белые тоже будут в раю?» — спросил Гатуэи. «Конечно», — удивленно подтвердил монах. «Я отдаю

свою жизнь войне с белыми, — сказал вождь, — и если белые будут в раю, то я хочу в ад. Отойди, назойливый человек, и не мешай мне умирать».

Опустели Антильские острова. Кости миллионов людей покрыли горы Перу, долины Мексики. А там, где индейцы сохранились, колонизаторам все равно не удавалось запрячь их в рабскую повозку. Во-первых, оставшиеся на свободе, все время нападали на испанские поселения, стремясь освободить своих поработанных собратьев. Индейцы были на своей земле, дома, и пока они были живы, никакими силами нельзя было их удержать от побегов в родные леса и горы. А во-вторых, индейцы были совершенно не приспособлены к труду на плантациях и в шахтах. У них не было нужной выносливости, и они массами вымирали от непосильной работы. Перед испанцами встала проблема рабочей силы. И вот тогда-то вспомнили о неграх.

Первые черные рабы появились в западном полушарии в 1502 г. на острове Эспаньола. Выносливостью и работоспособностью они неизмеримо превосходили индейцев. Недаром в начале XVI в. раб-индеец стоил в Бразилии 5 долларов, а негр — 75, в 15 раз дороже! И хотя короли не одобряли привоза негров и торговля шла контрабандно, черные рабы все шире распространялись в колониях. Колониям нужна рабочая сила, чтобы добывать золото и серебро, выращивать хлопок, кофе, табак, индиго, сахарный тростник и многое другое.

Постепенно черные рабы взвалили на свои плечи европейское колониальное хозяйство. Они были хорошо

приспособлены для этого. У них имелись навыки земледельческого и ремесленного труда, привычка к многочасовой работе и выносливость сильной расы, охотящейся на львов и добывающей слоновую кость. И самое главное, неграм некуда было бежать, не на что было надеяться. В чужой, пока еще незнакомой, враждебной стране прятаться было негде, ждать помощи неоткуда. Черные рабы, привезенные в Америку, всей совокупностью условий обрекались на безропотное служение рабовладельцу.

По иронии судьбы поборником работорговли в Америке становится борец против рабства индейцев. Бартоломео Лас Касас родился в 1474 г. В юности он изучал юридические и богословские науки в Саламанке. Восемнадцать лет он отправляется с Колумбом открывать Индию. Вся история покорения индейцев, вся трагическая эпопея гибели американских народов проходит у него перед глазами. Лас Касас становится пламенным защитником индейцев. Он выпускает книгу, где смело и честно рассказывает о всех преступлениях и зверствах, совершаемых испанцами в Америке. Он доказывает, что индейцы такие же люди, как и европейцы. Он призывает не только к совести, но и к обыкновенному здравому смыслу своих сограждан, убеждая их не истреблять богатство «Индий» — их население. Будучи священником на Кубе, он, рискуя положением, а то и жизнью, заступался за свою индейскую паству.

Затем Лас Касас, не ограничиваясь личным примером, отправился в Мадрид к королю и там на приеме умолял спасти погибающие индейские племена. Но ведь кто-то нужен для работы на плантациях и в шахтах, возража-

ли Лас Касасу. И тогда-то он предложил спасти индейцев, заменяя их неграми.

Королю понравилось это предложение, которое давало моральное основание для официального разрешения работорговли в «Индиях». Кроме того, разрешение открывало возможность пополнить казну налогом с товарооборота. Король пожаловал одному из своих дворцовых любимчиков привилегию на исключительное право ежегодного ввоза 4000 негров на Эспаньолу, Кубу, Ямайку и Порто-Рико. Королевский любимчик сейчас же продал это право генуэзским купцам и положил в карман 25 тыс. дукатов. А генуэзцы начали закупку черных рабов у португальцев.

Колонны рабовладельческих кораблей двинулись открыто из Африки в Америку.

Лас Касас, доживший до 1566 г., еще успел увидеть последствия своего совета. Он был свидетелем того, как вымерли все до единого индейцы Антильских островов, так и не спасенные работорговлей. Наоборот, получив негров, испанцы с еще большим рвением взялись за уничтожение индейских племен. А на смену так и не смирившимся краснокожим двинулся из Африки поток рабов черных, обреченных на вымирание. И Лас Касас нашел в себе силы написать перед смертью: «Разрешить ввоз невольников-негров в эти земли впервые посоветовал королю священник Касас. И не принял он в соображение той несправедливости, с какой португальцы захватывают негров и обращают их в рабство. Если бы Касас предвидел, какие последствия будет иметь этот совет,

он ни за что на свете не подал бы его. Ибо он всегда утверждал, что обращать людей в рабство — несправедливость и тирания. Это относится столько же к неграм, сколько и к индейцам».

Опустошенная и обезлюдившая Америка оказалась огромным резервуаром и истинной родиной работорговли. Разрушение цветущих обществ Америки, ограбление и сожжение центров культуры, искоренение миллионов людей надолго расчистили путь работорговцам.

Первые рабы появились в североамериканских штатах (колониях) в 1619 г., когда в Джемстаун, столицу Виргинии, прибыл голландский работорговый корабль. Но не он положил начало массовой работорговле. В это время торговля неграми была монополией Королевской африканской компании и пуритане не осмеливаются вступить с ней в конкуренцию. Но в 1698 г. эта монополия отменяется и «хранители высоких заветов» тотчас же становятся работорговцами.

Раньше всех за «дело» взялись пуритане Новой Англии. Первый американский невольничий корабль «Дизайр» вышел из порта Салем в штате Массачусетс. За ним двинулись другие.

Уже к 1715 г. одну треть населения Виргинии составляли негры. К 1760 г. в Южной Каролине негры численностью превышали белых. А к 1776 г. на 3,5 млн. населения североамериканских колоний приходилось 500 тыс. негров.

Большинство североамериканских рабов сосредотачивались на юге, где на плантациях возделывались хлопок и табак. Но рабовладельцев было много и на севере, и обращение с неграми также было жестоким.

Колония Новая Голландия, будущий Нью-Йорк, торговала рабами с аукциона по улице Уолл-стрит в 1709 г. И даже в Канаде негры продавались и покупались. Газета «Квебек газет» 20 августа 1767 г. сообщала: «1 сентября в доме мистера Личберна будут распродаваться негры обоего пола, цепи, седла, рабочие лошади, а также волы, коровы, овцы и т. д.»

Пуритане деловито поставили работорговлю на широкую коммерческую основу. Особенно выгодным оказалось завозить негров в Вест-Индию. Америка — Африка — Вест-Индия — Америка — своеобразный треугольник, маленькое геометрическое новшество, а какую оно принесло выгоду! В Америке «торговцы» брали ром, везли его в Африку, там в обмен на ром получали рабов. Рабов доставляли в Вест-Индию на тростниковые и сахарные плантации, на этих же плантациях грузили сахарную патоку и с нею возвращались в Америку, чтобы продать патоку на спиртные заводы, вновь на тех же заводах получить ром и опять отправиться в Африку. В результате ни одна часть рейда не пропала даром, а сам рейд приносил выгоду неслыханную, недоступную для менее деловых иностранных коллег. Когда в Балтиморе построили за 300 тыс. долларов невольничье судно «Виниус», то первый же его рейс принес 200 тыс. долларов чистой прибыли.

Центром американской работорговли стал город Род-Айленд. В 1770 г. в его порту насчитывалось 150 работорговых судов. Но не отставали и другие города. Нью-Йорк, например, специализировался на производстве рома для «торговли» в Африке. В городе было 22 ромовых завода. В общем пуритане крепко приложили руку к зловещему работорговому предприятию европейской буржуазии.

После длительных войн сильнейшие государства Европы — Англия, Франция, Испания и Голландия — поделили между собой и колонии, и доходы от работорговли в этих колониях. За Испанией осталась вся Южная и Центральная Америка, кроме Бразилии, сохраненной за Португалией (в 1640 г. вновь ставшей независимой); Англия и Франция захватили Вест-Индию и Северную Америку; Голландия была изгнана из Америки, и ей достался лишь кусочек земли на северо-востоке Южной Америки — Голландская Гвиана. Соответственно изменились и доходы от работорговли.

В 1768 г. в Америке было продано рабов:

Англия	59 300	рабов	57,3 %
Франция	23 500	рабов	22,7 %
Голландия	11 000	рабов	10,6 %
Португалия	8 500	рабов	8,2 %
Дания.	1 200	рабов	1,1 %
<hr/>			
Всего:	103 500	рабов	99,9 %

ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТОРГОВЛИ Все побережье Африки было сплошным рынком рабов. Торговля ими шла и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке материка.

На первом месте стояло западное побережье, особенно вдоль Гвинейского залива. В XVI—XVIII вв. через Гвинею проходило не менее 80 процентов всех вывозимых из Африки негров. Они направлялись в Америку на европейских кораблях. В страны Азии и Европы шло лишь 5—6 процентов африканских рабов. «Гвинея» — коротко называли район залива европейцы, а «гвинейцами» часто именовали всех африканских рабов в Америке.

Однако не только Гвинея поставляла негров в Америку. Обширная работорговля шла на севере Африки вдоль Средиземного моря. С севера рабы шли кроме Америки в страны мусульманского Востока: в арабские страны, Турцию и Персию.

На востоке центром работорговли был остров Занзибар. Восточный поток рабов вплоть до XIX в. был невелик и резко вырос после запрещения работорговли, когда Гвинея начала охраняться английскими, американскими и французскими крейсерами.

На последнем месте по работорговле стоял юг. Вывоз рабов с юга никогда большим не был. Зато здесь под прикрытием бурской независимости работорговля и рабовладение приняли размах, мало уступавший американскому.

Сотни кораблей в течение трехсот с лишним лет беспрерывно сновали между Африкой и Америкой. Длинные вереницы невольников тянулись из глубин материка к побережью. Три века подряд с четкостью хитроумного механизма работал работорговый насос, перекачивая население одного континента на другой.

Рабов добывали как своими силами, так и руками местных работорговцев, вождей и священников. Родоплеменная знать быстро привыкла смотреть на соплеменников и соседей как на разменную монету в отношениях с белыми купцами. С появлением европейцев войны стали постоянным явлением. Теперь племена воевали уже не ради каких-то насущных интересов, а только для захвата пленных. Войны приняли разрушительный, кровавый характер. Каждая воевавшая сторона знала, что ее ожидает после поражения, и дралась до последней капли крови.

Например, Доннель, «Кайерский князь» (так именуют его современники), узнав, что к противоположному острову Горей пришел невольничий корабль, тотчас же собрал войско и напал на соседей. Сражение было долгим и кровопролитным. Доннель перебил 200 человек взрослых, всех стариков и детей, а 180 человек взял в плен и продал на корабль, за что получил ром, рубашки и ружья.

Английский аболиционист Кларксон рассказывает, как однажды глава племенного союза с центром в поселении Камалия пошел на «добычу». На рассвете его отряд напал на три деревни, принадлежавшие племени Жа-

лонкадоо, и забрал 200 рабов. Затем окрыленные успехом добытчики, или рабопромышленники, как их тогда называли, перешли реку Кокои и опустошили всю страну того же племени.

Европейцы и их африканские пособники всячески старались разжечь вражду между племенами. Кто бы ни победил, с прибылью всегда был работорговец, ибо ему продавались пленные. Из-за такой намеренно раздувавшейся вражды племени шиллуков и динков в Восточном Судане долгие годы уничтожали друг друга.

В Гвинее, в Южном Бенине, существовал город Калабар. В нем находился крупный рынок рабов, и жители города хорошо наживались. Завистники из соседних племен рядом со Старым Калабаром основали Новый Калабар. Соперничество двух поселений было яростным и жестоким.

В 1767 г. семь английских невольничьих судов (два из Лондона, пять из Ливерпуля) пристали к берегу около обоих Калабаров. Ознакомившись с обстановкой, торговцы решили использовать калабарскую междоусобицу. Они договорились с Новым Калабаром о совместных действиях, а потом объявили, что хотят помирить врагов. Старейшины Старого Калабара согласились мириться. Договорились, что старейшины обоих городов соберутся на совместное совещание и обсудят условия мира. Рано утром на одном из кораблей собрались вожди Старого и Нового Калабаров. Настороженность старокалабарцев ослабла, ворота города раскрылись. Новокалабарцы неожиданно бросились на приступ. Трис-

та человек было убито, несколько тысяч продано англичанам. Старейшин Старого Калабара англичане отдали на расправу распившим новокалабарцам из расчета одного старейшину за двух невольников. Тех же старейшин, которых обменять не удалось, англичане увезли в Америку в качестве рабов.

Когда не действовали жадность и вероломство, в ход пускался спирт. В 1788 г. путешественник Вадстрем наблюдал, как французы в Сенегамбии добывали рабов. Вождь не хотел ни воевать, ни торговать своими подданными. Тогда его подпоили. В обмен на новые алкогольные порции вождь доставлял рабов партию за партией.

По мере развития работорговли из среды негров и особенно африканских арабов выделились «специалисты» по добыче рабов. Авантюристы набирали отряды бандитов, вооружали их европейским оружием и на свой страх и риск отправлялись на промысел. Как волки рыскали они по Африке, не щадя никого, распространяя кругом отчаяние.

Один отряд слатеев, как называли негров-работорговцев, забрел в долину реки Шира. Население деревень в панике бежало в плавни. Мало кто успел захватить пищу. Слатеи окружили плавни и начали осаду. В конце концов отряд ушел, истребив скот и посеvy, разрушив деревню. Голод убил столько людей, что оставшиеся в живых не могли их похоронить. Трупы просто бросали в воду, и они были так худы, что даже крокодилы к ним не притрагивались. В цветущем крае не осталось ни души.

Мелкие отряды рабопромышленников накапливали опыт, из которого выростала система работорговли в масштабах целых стран.

Когда египетские феодалы захватили Судан, они превратили его в настоящий рабский загон. Рабопромышленники под руководством египетского губернатора в Судане, жившего в Хартуме, поделили Судан на участки. Каждый «промышленник», получив участок, окружал его постами по 200—300 человек и начинал «отлов». Методически уничтожалось племя за племенем, ибо только немногие сдавались в плен, зная свое будущее.

Один рабопромышленник захватил участок в 90 тыс. квадратных миль и окружил его с помощью 2500 человек, вооруженных ружьями. Можно представить, сколько рабов он приобрел.

Все суданские рабопромышленники были подданными Египта, арендаторами у египетского губернатора, а потому тогдашнее правительство Египта участвовало в прибылях работорговцев.

Обращенные в рабов негры были бесправны, полностью зависели от произвола губернатора или других лиц. Самым страшным бичом для населения был сбор налогов. Обычно губернатор области созывал войско, окружал деревню за деревней и в каждой забирал по одному человеку из семьи. Заложники находились у губернатора, пока за них не внесут выкуп. Размеры выкупа устанавливал сам губернатор. Если же родня

заложника не в состоянии уплатить или погибла при нападении войск того же губернатора, то заложника обращали в раба. Доходы от продажи таких рабов или от выкупов за них шли в египетский бюджет. При такой системе неграм оставалось или безропотно выносить всякое насилие, или покинуть родину и искать свободы в отдаленных странах, или, наконец, вступить в союз со своими гонителями и помогать им угнетать другие племена.

РАБОТОРГОВЫЙ АСФАЛЬТ Предположим, что рабский караван собран. Теперь надо доставить его к побережью. Деньги и товары за невольников рабпромышленники получают только на берегу, там, где ждут их европейские корабли.

Караван трогается в путь. Впереди и позади на лошадях охрана из отряда работорговцев. Вереницей тянутся рабы — мужчины, женщины и дети. Они крепко связаны друг с другом. «Палка, соединяющая двух невольников, имела около полуаршина длины и на концах ее были просверлены дырки, в которые были продеты ошейники из бычьей кожи и завязаны вокруг шеи невольников. Так как эти последние не имели при себе ножа, то, разумеется, не могли избавиться от своих оков, причинявших им ужасные страдания. Легко представить себе положение, когда им приходилось проходить опасное место, как, например, переправляться через ручей по перекинутому дереву или переходить вброд по камням через реку. Я не говорю уже о разных нуждах, удовлетворение которых чрезвычайно затруднено...» — так описывает встреченный им в Западном Судане невольничий караван капитан Маж. Это

типичное описание. Десятки путешественников оставили зарисовки подобного рода. На любой африканской дороге встречались рабские транспорты

Путь караванов был долгим. Стянутые друг с другом за шею, люди не могли идти быстро. К тому же они несли на плечах всевозможные грузы, начиная от запасов пищи и кончая слоновыми клыками. Французский путешественник Солейль встретил в Сегу караван из мужчин и женщин. Впереди шли по две в ряд 14 женщин с детьми на руках, далее — толпа подростков, в конце 15 мужчин. Все несли на головах тяжелые тюки, в том числе и женщины с детьми на руках. Вот так, неся ребенка и тюк, связанная за шею с соседкой, шла женщина сотни километров через джунгли, реки.

А если еще по дороге работорговцы продолжали охоту на людей или заходили для торговли к какому-нибудь царьку в сторону от прямого пути, пешее путешествие транспорта растягивалось на годы. Мунго парк видел караван, находившийся в пути три года. И все три года рабы были в оковах.

В пути обращение с рабами было жесточайшее. Кормили их очень плохо, за малейшую провинность хлестали плетью, убивали. Часто наступал момент, когда тот или иной раб не мог уже дальше идти. Раненный при захвате, истощенный за долгие голодные дни перегона с грузом и оковах, человек обессиливал, и никакие побои не могли заставить его двигаться. Если бы его, освободив от оков, оставили на дороге, может, он бы отлежался, как-нибудь оправился и остался жив. Но, ос-

тавшись живым, он рисковал попасть к другому работорговцу, а такой «переход имущества» не устраивал его сегодняшних хозяев. Дабы не дать нажиться конкуренту, ослабевшего раба по обычаю всех хищников — «ни мне, ни вам» — убивали. Часто его казнили намеренно жестоко, и жестокость была бессмысленна: его привязывали к дереву в глухом углу леса и оставляли на съедение зверям, муравьям и комарам. О таких убийствах рассказывали путешественники Ливингстон и Гораций Валлер.

Особенно плохо приходилось рабам при переходе через пустыню. От жажды падали даже верблюды. Немецкий путешественник Нахтигаль видел, как в этих случаях работорговцы безжалостно уничтожали всех слабых, чтобы сохранить остатки воды. Немногие доходили до рынков.

Рынки не обязательно находились у моря. Внутри Африки существовала масса рынков, так сказать первичных. Они были в Сансандинге, Камалии, Дженне, Тимбукту и т. д. Однако окончательная продажа осуществлялась на рынках приморских. До того как караваны добирались до них, они делали несколько крупных передышек в больших населенных пунктах. Путешественник Брэм оставил описание такой «передышки»: «Перед правительственными зданиями в Хартуме сидели на земле в кружок более шестидесяти мужчин и женщин. Все мужчины были скованы, но женщины не носили уз; между ними ползали на четвереньках дети. Несчастные без слез, без жалоб лежали под палящими лучами солнца, устремив на землю безжизненный, словно окоченевший, но бесконечно жалобный взгляд;

кровь и гной сочились из ран мужчин, и ни один врач не оказывал им помощь; одна раскаленная земля служила для того, чтобы унимать кровь; они питались только зернами дурры, т. е. той же пищей, которой насыщаются верблюды... Вот перед нами больная мать со своим истомленным грудным ребенком! Со слезами на глазах смотрит она на приползшего к ней на четвереньках ребенка; он тянется к материнской груди, но в ней уже нет более молока. Кожа у обоих висит большими складками, на костях...»

Зернами дурры сыт не будешь. Тот же Брэм вспоминает, как однажды его слуга разделявал грифов — больших хищных птиц. Грифы питаются только гнилым мясом и сами отвратительно пахнут. Слуга не мог их разделить для препарирования, пока не догадался набить себе в каждую ноздрю лук. И вот к такому-то мясу подполз только что пригнанный раб и умолял дать ему хотя бы кусочек.

Наконец оставшиеся в живых рабы приходят на побережье — к основному рынку. Сохранились описания этих рынков: «На дрянных рогожах, сплетенных из пальмовой мочалы, сидят темные дети юга, убого одетые, напоказ иностранцу или купцу. Джелляби (продавец), лежа на анкаребе, спокойно покуривает свою трубку и приглашает приходящих осмотреть «эль фархат» (молодых зверей). Если посетитель хороший покупатель, то джелляби даже встает, чтобы проводить его туда, где сидят невольники. Тут, не обращая внимания на пол и возраст, заставляет он их показывать зубы, чтобы судить по ним о годах, как это делают в Германии с продаваемыми лошадьми, затем принимать все-

возможные положения тела, чтобы показать его гибкость, и, наконец раздеться, чтобы подвергнуть тщательному исследованию какого-нибудь бесчувственного и сластолюбивого варвара...»

Постоянные рынки существовали не везде. Часто они возникали внезапно. В устье Гамбии караваны рабов в ожидании кораблей расселялись по деревням и работали на полях, принося добавочную выгоду владельцам. Караваны не особенно велики — слишком много рабов погибло по дороге от голода, усталости, побоев, нападения диких зверей, утонуло при переправах. Ливингстон считал, что до побережья доходил один из пяти, часто один из девяти захваченных рабов. Остальные погибали в дороге.

Наконец в море показались белые паруса. Людские ленты потекли к берегу. Проходит несколько часов, хозяева получили плату от белых купцов, и вот по шатающемуся трапу, спотыкаясь, на судно взбираются невольники. Двое матросов, стоя у трапа, хватают каждого негра за руки. Ловкое движение — и на руках и ногах раба зазвенели кандалы. Окрик, удар бичом — и темный трюм затхлостью и едким запахом встречает негров. Сквозь борт доносятся первые всплески волн, пол под ногами качается. Прощай, родина, прощай, жизнь!

А по следам проданных караванов бредут новые голодные толпы. Следы разобрать нетрудно. Стенли на весь мир объявил, что дороги из глубин континента к морю вымощены костями невольников.

Переход из Африки в Америку занимал от шести до двадцати недель — от полутора до пяти месяцев. Парусные суда, борясь с течениями, лоя попутный ветер, пережидая штили и затишья, медленно продвигались к новой негритянской родине.

Команда этих судов была обычно невелика. Да и сами суда были небольшими. Но аппетиты работоторговцев не зависели от тоннажа. Официально полагалось брать не больше двух рабов на одну тонну водоизмещения. При такой норме на мужчину приходилось пространство в 180 сантиметров длины и 40 сантиметров ширины, на женщину — 175 сантиметров длины и 40 сантиметров ширины, на мальчика — 150 и 35 сантиметров, на девочку — 135 и 30 сантиметров. В этом «нормальном» пространстве можно было только плотно лежать «валетом». Стоять, конечно, не удавалось, можно было полусидеть, т. е. лежать, подымаясь на локтях, — трюмы строились низкие.

Цифры говорят многое. Но только моряки могут себе представить, что значит поместить в трюм корабля водоизмещением в 320 тонн, 36 метров длины и 5 метров ширины 90 мальчиков, 41 девочку, 127 женщин и 321 мужчину. Или набить 700 рабов в корабельный трюм, если водоизмещение судна 335 тонн. А именно таковы дошедшие до нас сведения о «нормальной» нагрузке невольничьих кораблей. С подобной «нагрузкой» суда находились в плавании почти полгода.

А что творилось в трюмах, если «норма» перевыполнялась! По свидетельству капитана Кэнота, два его кораб-

ля — «Эстрелла» водоизмещением в 120 тонн и «Воладор» — в 125 тонн — перевозили в Америку соответственно по 480 и 747 человек за рейс, т. е. с превышением нормы в 4 и 6 раз. Как обнаружено Кларксоном при обследовании Бристоля, в посудины в 25 тонн водоизмещением погружали 70—80 рабов, баржи в 11 тонн — 30 рабов. На американском невольничьем судне «Понгас» в каюту размером 4,8х5,5 м втиснули 250 негритянок, в том числе и беременных. На корабле, арестованном в 1888 г., 24 негра помещались там, где с риском для жизни могло находиться не больше 8 человек. Бывало и так, что негров складывали в трюм штабелями.

Как подобрать слова для описания этих трюмов? Самые точные рассказы современников и наиболее яркая наша фантазия могут воссоздать только бледную тень действительных мук, переносимых рабами. Вот тяжеловатый, но достаточно впечатляющий старинный пересказ отчета Фолконбриджа, Вилсона, Троттера и Кларксона — врачей, работавших на работорговых судах: «В то время жар бывает столь велик, что врач, совершенно нагой, только несколько минут может пробыть там; однако же это ничего не значит. Пол, ужасающим образом покрытый стекшей кровью и мокротой больных, уподобляется бойне... По омерзительно раскрашенному полу одни с другими скованные с усилием ползут к судну (горшку — В. Т.); железами ранимые кричат, безумные неистовствуют; менее страждущие визжат; умирающие хрипят, а прикованных смрад от гниющего трупа их умирающего собрата лишает чувств». В такой обстановке негры жили, вернее, умирали месяцами.

Кормили их два раза в день: утром и в четыре часа дня. На «обед» давали размазную из вареных желудей и пшена. Иногда давали так называемый слаберсоус — воду с пальмовым маслом и перцем.

Много жестокого знает история — крестовые походы, подавление восстаний, инквизицию, но самому утонченному зверству все-таки старались придать тот или другой, почти всегда лживый, однако возвышенный смысл: «ради господина», «ради истины», «ради нации» и т. д. Работоторговля никогда не приукрашивалась, все знали, что она существует только для наживы. История «взаимоотношений» европейцев с неграми стоит особняком среди дел человеческих. О ней трудно рассказывать, ее не с чем сравнить. Не сравнимая, не соотносимая ни с чем в прошлом, работоторговля — доказательство явного вырождения определенных слоев человечества при частнособственническом строе.

Задолго до появления «Черных кодексов», не читая трудов о праве древнего мира, работоторговцы усвоили непреложную истину: раб — вещь. В коммерческих кругах в подобной формулировке не сомневались. Английские, французские, голландские страховые общества принимали на страхование грузы невольничьих кораблей, как любые другие грузы. Как-то работоторговое судно с грузом в 900 человек попало в штиль, и капитан, беспокоясь о запасах еды, начал выкидывать попарно скованных рабов за борт. В Англии позже он получил страховую премию за 800 утопленных невольников. Но возиться с утоплением хлопотно; французские работоторговцы на этот случай всегда имели в рейде яд: в «слаберсоус» подмешивались несколько темных кру-

пинок. Капитан Кап де Луи однажды из 500 человек отправил 480. Страховку, вероятно, получил и он.

Даже идя в колоннах по Африке, рабы еще могли рассчитывать на случайное спасение. Вдруг нападут слоны или соперники-работоторговцы: можно улизнуть под шумок. Хороший пловец имел шанс спастись при переправе, притворившись утонувшим. Но с невольничьего корабля спасения не было.

Англичанин Фент рассказывает, как на судне с 500 рабами вспыхнул пожар. Огонь подполз к крейс-камере, порох взорвался, корабль взлетел на воздух. Триста рабов погибло. Уцелевшие 200, обгорелые, изувеченные, контуженные, были подобраны и все равно доставлены в Америку на другом судне.

Однажды работоторговцы сели на мель в одиннадцати милях от острова Ямайка. Сняться с мели не удалось. Команда перебралась на соседнюю песчаную косу. Ночью 400 негров, сидевших в трюме погибающего корабля, как-то сумели снять кандалы, открыть трюм и на палубе построить плот. Утром плот спустили на воду, усадили на него женщин и детей, а мужчины вплавь повели плот к той же косе. Белые хладнокровно подождали, пока негры подплывут ближе, а потом не торопясь расстреляли 366 человек, оставшихся продали на Ямайку.

От скученности и голода на кораблях вспыхивали эпидемии. Особенно свирепствовала оспа. Было много су-

масшедших. В атмосфере нечеловечности, взаимной ненависти, невероятной гнусности сходили с ума не только негры, но и белые. Бичом была офтальмия — болезнь глаз. В 1819 г. на французском корабле «Ле Родер» в пути заболели офтальмией и ослепли все — и рабы, и команда. Много дней корвет вели слепые. Им повезло: корабль не перевернулся, не налетел на мель, не утонул. Потом ко всем, кроме 39 негров, вернулось зрение. Обрадованная команда выкинула за борт этих 39 и повела корвет в Америку распродавать остальных и получать страховку за утопленных.

Сколько стоил негр?

«Король» Уганды Мтесе закупил в соседней стране Униоро слоновую кость в обмен на невольников. В Униоро установился прочный прейскурант на людей. Например, за молодую здоровую девушку давали один слоновый клык. Но ее можно было купить и за одну рубашку. Наконец ту же девушку с радостью продали за тринадцать иголок. Цены на рабов менялись в зависимости от места, времен и потребностей продавца и покупателя. Невольник был универсальным товаром: его и продавали за деньги, и обменивали на любые продукты и вещи. Внутри Африки раб оценивался обычно в натуре. Там, где было мало железа, стоимость его определялась в металле. Обычной была цена в 150 железных полос за человека. В Камалии за невольника давали 2 меры соли, или 3 ружья, или плохую лошадь. А вот в Гамбии за 1 лошадь предлагали 40 рабов. С другой стороны, в Хартуме верблюды и лошади ценились гораздо ниже людей.

На западном побережье европейцам вначале удавалось

покупать негров за куски яркой материи, пуговицы, бусы и т. д. Вскоре вожди научились разбираться в европейских товарах, и пришлось платить за рабов вещами более ценными. Самыми ходкими предметами обмена стали ружья, одежда и спиртные напитки.

Ближе к морю деньги становились общепринятым средством обмена. В устье Гамбии мужчины от 16 до 25 лет стоили 18—20 фунтов стерлингов. В городе Куке, столице государства Борну, самой высокой была цена на седаси — мальчиков 12—15 лет. Седаси обычно стоили 20—25 талеров, или 24—30 рублей в дореволюционной валюте. Стоимостью седаси определялись цены на других рабов; выше их оценивались молодые девушки. Девушек покупали в жены. Это было дешевле, чем жениться на свободной и платить большой выкуп.

Негры, выучившиеся ремеслу, продавались гораздо дороже. В Кейптауне повар стоил 800—1200 риксдалеров, механик — до 2500. Легко находили сбыт музыканты, каменщики, плотники и прочие.

В Америке негры стоили дорого. На Сан-Доминго за раба 18—20 лет платили 500 гульденов — 400 дореволюционных рублей. В среднем в XVII в. раб, обошедшийся в Африке 50 долларов, шел в Америке за 400. Работорговля приносила 700 процентов прибыли! Отсюда понятно легкое отношение работорговца к огромной смертности при перевозе. Если даже судно привозило в Америку 14 процентов негров, работорговец ничего не терял из первоначального капитала.

Не зря так высоко платили работорговцу плантаторы. Годовой доход от работы одного раба на плантациях составлял: на сахарных — 30 фунтов стерлингов, хлопковых — 25, рисовых — 20, табачных — 15. Негр окупал себя в два-три года, а потом уже приносил чистую прибыль. Плантаторы на вырученные деньги закупали вещи, продукты и орудия труда, учили детей в европейских школах, платили членам парламента за принятие нужных законов, привозили собак и дрессировщиков и т. п. Доходы от рабского труда распределялись постепенно между всеми группами буржуазии, всасывались в финансовые нервы капиталистического мира. Негр своим трудом оплачивал производство железа для кандалов, ружей для расстрела, судов для перевозки его же братьев.

/В. М. Травинский. Как погибли миллионы негров. — М., Соцэкгиз, 1963. /

...О ГЕНОЦИДЕ, КОТОРОМУ ПОДВЕРГАЛИСЬ АЧЕ-ГУАЯКИ В ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ПАРАГВАЯ

«Они чудовищно безобразны, похожи как на обезьян, так и на людей, в особенности если смотреть на их нос, который совершенно справедливо можно назвать просто ноздрями... Между их нравами и нравами диких животных нет различия, как нет различия и в строении носа... Они нападают только ночью, появляясь из чащи, и убивают путешественников, которые неосторожно останавливаются на ночлег на их территории,

причем убивают не столько из чувства мести или желания захватить чужое имущество, сколько из-за врожденной жестокости... Они научились этой жестокости у ягуаров, с которыми им приходится постоянно бороться».

Этот рассказ летописца-иезуита колониальных времен — одно из первых описаний аче на долгом пути их существования, конец которого был описан журналистом, присутствовавшим при сдаче в плен одной из последних групп аче, оставшихся в живых: «Их реакции совершенно инстинктивны, но отличаются заметным миролюбием».

Изучение истории племени, не имеющего письменности, представляет для ученого своего рода непроходимое болото, в особенности если культура и традиции этого племени уничтожаются быстрее, чем возможно собрать сведения о них. На протяжении веков даже более или менее «культурные белые» проявляли интерес к аче только как к диким таинственным существам — из области легенд. «Повсеместное и довольно распространенное отношение к гуаякам было отношение не как к людям». История таких народностей, как аче, которые, отказываясь приобщиться к «благам европейской цивилизации», подрывают «авторитет» европейца, предстает перед нами не более как история заблуждений и предрассудков. Современная история так же запутана и полуфантастична, она похожа на выдумку, хотя речь идет о событиях, происходящих всего в каких-нибудь 300 километрах от столицы республики, где даже сейчас живут некоторые из «прирученных» аче.

О доколониальном периоде можно судить только по легендам. Название «гуаяки», данное аче их соседями индейцами гуарани (если наши рассуждения правильны), содержит, возможно, слабый намек на их примитивный уровень развития; это слово может означать «лесные крысы» или особо агрессивные «лесные пчелы», тем не менее оно отражает неприязнь одних индейцев к другим. Неужели еще до европейского вторжения аче называли «лесными крысами»? Течо пишет о давнем недружественном обычае гуарани совершать набеги на территорию аче.

Антропологические данные говорят о том, что аче пережили долгий период генетической изолированности. Возможно ли, что многие поколения аче имели только враждебные контакты с окружающим миром? Имеющиеся сведения в свою очередь дают основание полагать, что, как образно сказано в одной мифе гуарани, «аче и гуарани танцевали вместе», но позднее их общность нарушилась, и процесс развития аче пошел вспять: они испытали культурный регресс и потеряли часть своего культурного наследия, которое было приобретено в период совместного с гуарани существования. Как и почему произошла эта трагедия, догадаться трудно.

«Они настолько недоверчивы, что не хотят принимать ничего, что приходит извне, ищут для своего повседневного потребления продукты, которые растут или производятся в местах их обитания, даже если они плохие и невкусные». Недоверчивость жителей сельвы, приведшая их к отказу от европейских товаров, можно, видимо, усмотреть в словах одного касика (вождь пле-

мени) племени гуарани, сказанных им еще в 1698 г. в ситуации, подобно той, в какой оказались аче: «Эти шелковые пояса представляют собой петли, которые используют, чтобы подстеречь нас и передать испанцам в невыносимую кабалу». По словам летописца-иезуита, эта фраза принадлежала известному касику, «грубому и жестокому тирану», и «через этого злодея дьявол начал атаку на евангельское учение». Не слишком любезны были и другие отзывы об аче: «Оба пола проявляют мало разума, а характер их пищи, повседневно проявляемая жестокость и полная свобода образа жизни (они с малых лет непривычны ни к какой работе и делают лишь то, что им вздумается) развратили их». «Их разумность проявлялась так слабо, что они почти не отличаются от неразумных существ; они похожи скорее на двуногих животных, чем на людей, выглядят какими-то фавнами, каких мы видим у древних поэтов... одни горбатые, другие с очень короткой шеей, не выходящей из плеч, а иные с такими несовершенствами в своей внешности, которые сказываются в несовершенстве их душ». Поведение аче в колониальный период было признано нерациональным. Довольно примитивные описания летописцев-иезуитов отражают презрение средневековых колонизаторов к туземцам-нехристианам, которых считали поэтому не вполне человеческими существами, чтобы можно было верить в их гуманность и разум. Вопрос, есть ли у дикарей душа, был прямо заменен вопросом, обладают ли они разумом. Дикари подобны «неразумным животным, которые, скрываясь, перебегают из одного леса в другой», не проявляют никакого человеческого разума, поскольку они не приняли христианства, не поняли материальных выгод, не проявили интереса к колониальным товарам и не подчинились «рационально спланированному» распорядку католических миссий.

А не гуманнее было бы приобщить индейцев к цивилизации и одновременно защитить их от испанских эксплуататоров и португальских торговцев рабами. Имея дело с не обращенными в христианскую веру дикарями, миссионеры спрашивали себя, действительно ли те обладают достаточным умственным развитием, чтобы понять христианское учение; в противном случае они, возможно, не являются разумными существами, так же как в прошлые времена упрямые язычники не были человеческими существами, обладающими душой. Однако «отсутствие разума у индейцев» заменялось надеждой на божественное милосердие, которое «спасет людей и животных» (как пишет один миссионер, говоря об аче); «неразумных» дикарей можно было окрестить, и это само по себе доброе дело вырвало бы их из «неразумной» жизни в сельве. Миссионер, который видел, как недавно крещенные аче умирали, будучи оторванными от привычной для них обстановки, «порадовался тому, что горсть собранных им злаков оказалась быть достойной крещения и попала посему в житницу Вечного отца». Только имея в виду подобную идеологическую предпосылку, мы можем понять политику иезуитов в отношении лесных индейцев. Аче должны были быть, особенно «неразумными», так как, по мнению иезуитов, только оседлая жизнь и тяжелый труд являлись разумностью. В XVII веке европейцы дошли до такого «понимания» этой проблемы, что суровость и рациональность жизни охотничьего народа казалась им непонятной. Лосано называет аче «неразумными» и в качестве доказательства приводит следующий аргумент: «Они настолько лишены предвидения заготавливать пищу впрок, что питание их зависит от разовой рыбной ловли или охоты, когда им удастся добывать что-либо в лесу или в реке». Течо выражается еще более конкретно: «Они не работают, потому что, подобно зверям, ищут себе пищу;

они не знают ни земледелия, ни торговли». «Разумной работой они считают то, что само по себе является работой (ведь жизнь охотника достаточно трудна), а то, что соответствует концепции труда в меркантильной Европе: работой считается все, что относится, например, к торговле с европейцами».

...У миссионеров были свои проблемы с подобными племенами. И это неудивительно, если мы примем во внимание, с одной стороны, часть трудностей, которые обычно возникают при «приручении» кочевых или полукочевых племен, а с другой — применяемые методы «приручения». Гуарани — помощники иезуитов — «окружали место, где они (аче) находились, и вязали индейцев веревками». Смысл этих «охотничьих» экспедиций заключался в том, чтобы «внушить индейцам гуманные чувства», которые охотники-гуарани с трудом могли понять. Охотники за аче «были вооружены луками, стрелами, веревками и дубинками... Веревка нужна была, чтобы связывать взрослых и не допускать их бегства; дубинка — чтобы отбивать длинную стрелу или палку, которые менее пугливые аче бросают в преследователя. Охотясь, вооруженные христиане разделялись на две группы; впереди шел разведчик, который подавал рукой знак, когда они приближались к огороженному месту «неверных». Они блокировали это место и располагались на ночлег, выставив дозорных; на рассвете очень медленно и осторожно она начинали сужать кольцо вокруг стоянки гуаягис и внезапно, пока те спали, нападали на них с оружием; чтобы захваченные пленники, которые, естественно, считают налетчиков своими врагами, со страху не убежали или не дали отпора, нападавшие совершали некоторое насилие: связывали пленников заготовленными веревками; затем

они разыскивали детей, которым удалось скрыться в лесу и спрятаться на высоких деревьях. Покончив с этим, они садились вместе с ними, стараясь держаться дружелюбно, давали им поесть и одевали, чтобы их можно было показать перед всеми в приличном виде... Если бы они не совершали эти набеги, дьявол достиг бы задуманной цели, внушив «диким» такой животный страх, что можно было бы потерять сыновей Адама». Этот отчет интересен тем, что датируется первой половиной XVIII века; таким образом, он почти полностью согласуется с данными, полученными Мюнцелем в 1971/72 г. от жителей Национальной колонии гуаяки близ Сан-Хоакина, в отношении охоты за людьми, проводимой ими самими. Как и в некоторых недавних охотах за аче, они, видимо, во многих случаях захватывали лишь детей, тогда как родители убегали. Из отчета мы узнаем, что дети иногда становились личной собственностью людей, захвативших их в плен. В источниках, которые авторы упоминали, они не смогли найти указания на то, что взрослых аче убивали с единственной целью захватить в плен их детей, а также на то, что эти последние были объектами торговых сделок; все эти случаи имели место в XX веке. Летописец с удивлением отмечает, что дети, видимо, не ценят того, как с ними обращаются: «Очень редко, когда дети аче, воспитанные среди детей других национальностей, не приобретают в дальнейшем эту неприязнь». «Взрослых, которые пожелали обратиться в христианскую веру, приводили связанными веревками в миссии, где «многие умирали... как в тюрьме». «Закованные в кандалы, они грызли их, как тигры, и, разъяренные, с пеной у рта, замыкались, не желая притронуться к пище вплоть до того, что с голоду теряли силы и умирали». Так говорится о кааигуа. «Иногда их видели, — подтверждает другой летописец, — как они грызли свои оковы, даже

железные... Подобно разъяренным животным... Если их оставляли связанными в течение некоторого времени, они отказывались от еды». Объяснение этому «неразумному поведению» летописец видит в «своего рода бессилии души» и рассказывает нам о попытках излечить его: «Я убедился, что люди кааигуа, вырванные из своих родных потемок, вскоре умирают, как рыбы, вытасщенные из воды, но меня не поколебало это обстоятельство, и я тут же попытался проверить, с каким настроением они станут изучать основы христианского учения... Не теряя времени, я спросил каждого из них, верят ли они в чудеса Христа; когда они сказали, что верят, я начал крестить тех, которые этого захотели. Некоторое время спустя они умерли все без исключения».

Судьба других пленников была такой же драматичной: из 38 пленников, часть которых составляли аче, 11, то есть почти треть, умерли через несколько месяцев.

...Изгнание иезуитов из Парагвая в 1768 г. означало для аче окончание более или менее мирных и упорядоченных опытов с целью их подчинения. Спорадические контакты с колонистами и гуарани продолжались теперь как единственная форма соприкосновения аче с внешним миром. Мы почти ничего не знаем об этих контактах; самое большее, что мы можем сделать, — это провести параллель между уже упоминавшимися формами контактов до 1767 г. и после 1865 г. Мы можем, однако, с известной исторической достоверностью сделать вывод, что аче в этот период подвергались спорадическим преследованиям — на них охотились — и что пленные индейцы были ассимилированы населени-

ем Парагвая как невольники. Из того, что сказано в предыдущей главе, явствует, с одной стороны, и «дики-ми» индейцами — с другой, мало-помалу улучшались во время колониального периода, и к началу XVIII века некоторые кааигуа и другие племена, находившиеся на том же уровне развития, были покорены. Мы знаем также, что все более многочисленные аборигены расширили свои связи с христианами-гуарани. Но это развитие в направлении миролюбивой интеграции, судя по всему, оказалось резко прерванным, видимо, по двум причинам: 1) вторжение бразильских работорговцев; 2) прекращение со стороны иезуитов контроля за обращенными в христианскую веру индейцами. Большинство «диких» индейцев, приведенных в поселения до их обращения в христианскую веру, были уничтожены или обращены в рабство португальскими работорговцами.

Источники XIX века повествуют нам не об аче, а о лесных гуарани, находившихся в таком же положении, как и аче; они говорят об ухудшении отношений с начала XX века между парагвайскими крестьянами и лесными индейцами, среди которых, можно предполагать, были и аче. Ренджер пишет о «диких» гуарани (возможно, мбайа): «Прежде их довольно часто видели посещающими места, обитаемые креолами, чтобы менять воск, смолу и перья на иголки, ножи, топоры, безделушки из цветного стекла или на пончо. Но эти посещения становились все более редкими». Описание этих индейцев, данное автором, выявляет их двусмысленное экономическое положение: с одной стороны, они уже привыкли к некоторым европейским товарам, например уже очищали свои земли от кустарника с помощью металлических инструментов; с другой стороны, ухудшение отно-

шений с белыми затрудняло для них получение упомянутых товаров. Тот, кто посещал туземцев в наши дни и теперь изучает отчеты Ренджера, поскольку сталкивается с теми же трудностями пребывания среди туземцев; это недоверие к белому и одновременно стремление установить с ним хорошие отношения, чтобы добыть себе товары, затрудняют общение между индейцами и белыми. Ренджер описывает также различные приемы индейцев из сельвы, который они пускают в ход, чтобы добыть нужные им европейские товары: предложение лесных продуктов, собственной рабочей силы, людей для продажи (в том числе похищение детей у соседей, чтобы затем продать их).

Анализ последствий подобного положения аче помогает нам лучше понять их трагедию. К концу пребывания иезуитов в Парагвае их контакты с окружающим миром улучшились, и аче, поначалу плененные, а затем возвратившиеся в лес либо обращенные в христианскую веру, а затем отпущенные в лес, могли распространить среди своих соплеменников знания и умение пользоваться европейскими товарами. Но разрыв отношений с парагвайским обществом, который затем последовал (тем более что отношения эти, как и у аче, никогда не были вполне хорошими), разрушил надежду удовлетворить эти новые потребности, подталкивая аче к насилию, чтобы получить желаемое. Это было началом того насильственного паразитизма, которым характеризуются сегодня контакты аче с их соседями: с одной стороны, кража европейских товаров превратилась в традицию, в условиях жизни аче; с другой стороны, кражей парагвайское общество также старалось удовлетворить свои потребности. Желание получать продукты леса, рабочую силу и в особенности детей как

надежный резерв будущей рабочей силы привело к интенсификации охоты за человеком. Возможно, что уже в XX веке парагвайцы, живущие на пограничных с аче территориях, нуждались в продуктах, принадлежащих аче, и, наоборот, аче нуждались в товарах, которые были у парагвайцев. И в этом случае трудный характер взаимоотношений препятствовал мирным контактам, но оставался открытым другой путь приобретения продуктов и товаров — это был путь насилия. Исполнителями этого насилия во многих случаях были не колонисты-парагвайцы, а гуарани, которые шли на испано-гуаранийский союз, чтобы получить путем грабежа продукты свободных туземцев. В этой связи представляет интерес указание Ренджера, согласно которому кааигуа (здесь это обобщенное название гуарани) воровали детей у соседних групп и продавали белым; у самого Ренджера просили пончо, мачете и нож за мальчика и девочку 8—9 лет. По мере распространения таких обычаев в отношении аче тенденции к насилию у последних должны были расти. А по мере того, как гуарани интегрировались в парагвайское общество и поэтому уже не могли быть объектом грабительских набегов, аче приобрели важное значение как единственно возможная цель охоты за человеком. Это может быть объяснением того факта, что к концу XIX века стало наблюдаться изменение поведения аче: избегая до тех пор любого контакта с окружающим миром, они теперь стали проявлять агрессивность.

Веллард подчеркивает, что территория обитания аче претерпела значительные изменения. По его мнению, иезуитские поселения для обращенных в христианскую веру индейцев вызвали значительное уменьшение всех непокоренных индейских территорий, и в том числе

территорий гуаяки, но после изгнания иезуитов «гуаяки восстановили часть своих старых территорий».

/Б. Мелья, Л. Миралья, М. и К. Мюнцель. Агония индейцев аче-гуаяки. — М., «Прогресс», 1982. /

СТАРООБРЯДЧЕСТВО ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Царствование Петра началось в момент сильного церковно-религиозного движения в русском народе, вызванного преобразованиями церковного строя при царе Алексее и патриархе Никоне, питавшегося смутно и неявно выраженным, но ясно сознанным недовольством народных масс реформами западнически настроенного правительства. Эти реформы, прежде всего военная, стоили очень дорого и увеличивали и без того тяжелый податный гнет и личные повинности жителей Московского государства до тягостей неудобноносимых. Церковная реформа, проведенная к тому же крайне резко и бестактно, переполнила чашу долготерпения и создала возможность протестовать против всех вообще реформ, как дела безбожного, нецерковного. Протестанты против церковных новшеств, естественно, стали протестантами и вообще против нововведений, менявших старинный уклад их жизни. За старые обряды, вообще за старину, ревнители древляго благочестия местами подняли оружие. В 1686 г. на Дону сформировались значительные скопища вооруженных людей, хотевших идти на Москву против патриарха, бояр и архиереев, «которые все веру порушили». Крепости и го-

родки в тамбовском крае были заняты восставшими, ожесточенно отбивавшими все приступы посланных против них правительством военных отрядов; на севере старообрядцы тоже овладели некоторыми укрепленными пунктами. В 1693 г. старообрядцы взволновали весь астраханский край и осадили город Черный-Яр. Правительство, видя в этих протестантах-старообрядцах политических врагов, бунтовщиков, начало преследование их и прежде всего, конечно, на церковной почве, стараясь казнями, ссылкой, пыткой заставить тех, кто стоял за старые обряды, принять новые.

Массовые правительственные преследования старообрядцев начались с распоряжения правительницы царевны Софии, изданного в 1685 г., по которому предписывалось «раскольщиков» после троекратного допроса, если останутся упорны, жечь в срубках; учителей раскола повелевалось казнить смертью, даже если кто покается перед казнью; несогласие с новыми обрядами официально стали называть расколом. Церковь и действительно раскололась; так как от новых обрядов отшатнулось очень значительное число русских людей. Торжествующая сторона в лице духовных властей назвала сторонников старых обрядов раскольниками, на них одних возложив вину раскола церкви. Это была несправедливость сильного, по крайней мере столь же виновного в расколе, сколько и те, которым пришлось нести на себе обидное название раскольников. От преследования и казней ревнители старых обрядов бежали на окраины России и за границу. Тогда началось заселение старообрядцами дремучих керженских лесов в нижегородском крае, стародубских в черниговском, Дона, северного поморья, Сибири, Предкавказья; колонии старообрядцев появились в шведских владениях, в Поль-

ше, в цесарской земле, т. е. в Австрии, и даже в Турции.

Старообрядчество ко времени воцарения Петра жило в смуте и тревоге. Проклятие, произнесенное над ревнителями старых обрядов соборами 1666—1667 гг., вырыло резкую грань между ними и господствующей церковью, принявшей новые обряды. В глазах старообрядцев это проклятие не было голосом церкви, хотя соборный приговор и скрепили своим присутствием и подписями восточные патриархии. По мнению старообрядцев, патриархи, ничего не поняв в русских церковных делах, действовали по указаниям никониан. Такой приговор старообрядцы не могли признать правильным и ответили на него тоже чрезвычайно резко.

Грань, легшая после всего этого в церковном отношении между русскими людьми, обособила вне церкви целую группу искренне и горячо верующих людей, полно и живо интересовавшихся церковной жизнью. Как же им было смотреть на себя после случившегося? Если никонианская церковь заблуждалась и приняла греческие новшества, от которых так береглась до того русская церковь, то теперь задачей жизни их, старообрядцев, становится беречь чистоту православия, от которой ушли все те, кто приняли новые обряды. По мнению ревнителей старых обрядов, не они, старообрядцы, следовательно, ушли из церкви, а принявшие новые обряды. Что восторжествовали носители новых обрядов, старообрядцы объясняли себе наступлением последних времен, когда по всем сказаниям и пророчествам ожидалось падение истинной веры и торжество ее искажения. Это предание и припомнили старообрядцы, и на

выводах из него построилось все их тогдашнее «смущенное и смятенное» душевное состояние.

Итак, наступили последние времена. Целый трактат, так называемая «Книга о вере», указывал даже год, а именно 1666, как год великой грозы и несчастья для церкви. Припоминали пророчества Апокалипсиса и рассчитывали, основываясь на этой книге, что если в 1666 г. надо ждать антихриста, то раз в Апокалипсисе стоит, что царство этого врага Божия продлится два с половиной года, то конец миру наступит, значит, в 1669 г. Впечатление от этих выкладок было такое сильное, что во многих местностях тогдашней России с осени 1668 г. люди перестали заниматься обыденными делами своими, забросили поля, не пахали, не сеяли; с 1669 г. бросили избы, собирались под открытым небом, молились, постились, каялись друг другу в грехах, причащались св. дарами, освященными еще до реформы обрядов, и ждали с замиранием сердечным каждой полуночи, так как в полночь, по преданию, раздастся страшный звук трубы архангельской, возвещающей пришествие Сына Божия для последнего суда над миром. Но 1669 г. прошел, не принеся никаких ужасов, все в мире стояло неколебимо и нерушимо. Одни стали тогда говорить, что нечего ждать чувственного антихриста, видимого и осязаемого, нельзя и буквально понимать все сказанное о нем: антихрист придет и воцарится духовно, да он и пришел уже духовно и царствует. Другие победоносно возражали против этого мнения, доказывая, что Св. Писание ясно говорит не о духовном, а именно о чувственном антихристе, и что по воле Божией не исполнился еще финал Его гнева, что возможно еще торжество правой веры: она не может не торжествовать, если переживаемое время далеко от конца вселенной.

Начетчики еще раз пересмотрели все сказания и прочтения и нашли большую ошибку в прежних выкладках. Дело в том, что считали годы от Рождества Христова. Пришествие же антихриста надо отодвинуть на срок всей земной жизни Господа, т. е. на 33 года, и ждать антихриста надо, следовательно, в 1699 г., конца же вселенной — в 1702 г. «О последнем дне и об антихристе не соблазнитесь, — писал после этих новых разъяснений Аввакум, — еще он, последний черт, не бывал. Нынешние бояре комнатные, ближние друзья его, еще возятся яко бесы, путь ему подстилают и имя Христово выгоняют. А как вычистят везде, так еще Илия и Енох, обличители, прежде придут, а потом антихрист, в свое время».

Гонения на старообрядцев, наступившие при Софии, конечно, старообрядства не уничтожили, а напряженности ожидания скорого второго пришествия Спасителя не уменьшили. Отсроченное вычислениями начетчиков, ожидание даже возрастало в силе и в конце концов разразилось страшной эпидемией саможжений. Люди стали стремиться сгореть, утопиться, уморить себя голодом — только бы уйти из этого мира, обреченного в достояние антихристу. Такая смерть, хотя и самовольная, но имевшая целью спасти душу от когтей антихристовых, приравнивалась проповедниками саможжения к мученичеству. Ждать светопреставления в миру без того, чтобы как-нибудь нечаянно «не причаститься антихристовым князем», невозможно, так как невозможно, уберечься от ядения и питья с еретиками, «а как сгорел, от всего уже ушел». Все грехи очищает огонь, и при конце вселенная река огненная потечет через всю землю и поглотит все, святые и апостолы должны будут пройти через этот очистительный поток,

а кто вкусит огненную смерть здесь, тот будет избавлен от страшного огня. В писаниях протопопы Аввакума вычитали призыв к самоубийственной огненной смерти, хотя он имел в виду, ободряя единомышленников на смерть в огне, не самоубийство, а те срубы и костры, которые щедро стало уготовлять для последователей старообрядства правительство. «О, братеи и сестры, — возглашали проповедники самоубийственных смертей. — полно вам плутати и попам окуп давати: елицы ести добрии свое спасение возлюбите и скорым путем с женами и детьми в царствие Божие тецьте. Радейте и не слабейте; великий страдалец Аввакум благословляет и вечную вам память воспевае: тецьте, тецьте да вси огнем сгорите. Приблизися семо, старче, с седыми своими власы; приинкни, о, невесто, с девическою красотою; воззрите в сию книгу, священную тетрадь: что — мутим мы вас или обманываем? Зрите слог словес и чья рука, знайте: сам сие начертал великий Аввакум, славный страдалец, второй во всем Павел; се сие слово чту, еже святая его рука писала». и проповедник рассказывал дальше, «распаляясь», словеса на словеса нанизывая, о близкой кончине мира, о святых мучениках, которые при Деции и Диоклетиане, безбожных римских царях, сами шли на самовольную смерть, предпочитая ее грешной жизни.

Душевное напряжение самосжигателей достигало той крайности, когда люди жаждали увлечь с собой всех, всех спасти и очистить огнем; на своей уверенности в спасительной силе огня основывали они свое право вести в печь хотящих и не хотящих. «Хотел бы я, — говорил, как передает нам современник, один учитель самосожжения, — дабы весь Романов (родной его город) притек на берег Волги с женами бы да с детьми, побро-

сались бы в воду и погрязли бы на дно, и чтобы не увлекаться соблазнами мира; а то и еще лучше: взял бы я сам огонь и запалил бы город; как бы весело было, кабы сгорел он из конца в конец со старцами и младенцами, чтоб никто не принял из них антихристовой печати». За Романовым сгорел бы, быть может, другой город, там третий, вся бы Русь святая приняла огненное очищение, а за ней очистилась бы огнем и вся земля от конец и до конец вселенная.

Это был ревнительный мистический огненный бред, от которого кружилась голова, терялось всякое ощущение действительности, и людей охватывала одна сильная и стремительная мысль — итти в огонь. О смерти в огне говорили даже малые дети. Те, кто не решались сами пойти в огонь, заставляли себя сделать это под страхом казни, вызывая на себя посылку солдат после сознательного совершения какого-нибудь грубого кощунства или святотатства в православном храме. Тогда по Уложению и по закону царевны Софии все равно грозила смерть, и напряженному уму старообрядца казалось лучше самому пойти ей навстречу, а не ждать «скверного» прикосновения к себе слуг антихристовых. С 1666-го по 1690-й г. сгорело таким образом не менее 20 000 человек, причем количество жертв на отдельных горях доходило до 3 000. Эта эпидемия огненной смерти испугала самих старообрядцев: в среде их учителей поднялись голоса, резко осуждавшие обычай «противозаконных самоубийственных смертей». Наиболее уважаемые в старообрядчестве иноки и учителя, собравшись числом до 200, единогласно осудили этот ужас. Добровольные смерти были признаны противными Христову учению, учению апостолов и всех святых. Старец Евфросин составил в 1691 г. сильное «отрази-

тельное писание» против самосожженцев, беспощадно осуждавшее ревность проповедников огненной смерти, как неразумное и бесовское наваждение.

Но если замер пароксизм самоубийственных смертей, то не замерло ожидание скорого второго пришествия, не замерло, а скорее возросло в своей силе убеждение в наступлении царства антихристового. Приближался роковой 1699 г. Давно уж в смятенном народе шли толки, что не все-то ладно обстоит в православном царстве. Молодой царь явно сдружился с немцами, днюет и ночует в проклятом Кокуе, с немцами табак носом пьет, с немками танцует, стрельцов, что за истинную веру стояли, не любит, завел себе солдат немецких, и вот еще к немцам уехал, и что он там делает, никому не ведомо. Но вот 25 августа 1698 г., ровно за пять дней до нового 1699 г., когда ожидалось появление антихриста, возвратился из-за границы в Москву царь Петр. Не заезжая в Кремль, не поклонившись мощам чудотворцев, не побывав ни у Иверской, ни у гробов родителей в Архангельском соборе, проехал он прямо в Немецкую слободу, часть ночи пропировал у Лефортова, а остальную в солдатской избе у своих преображенцев. На утро, принимая поздравления с приездом, царь собственноручно обрезал несколько пышных боярских бород, а патриарх Адриан накануне осудил брадобритие как смертный грех, грозя брадобрийцам лишением св. тайн и христианского погребения! 1-го сентября, в Новый год, царь не присутствовал на торжественной церемонии в Кремле, не принимал на новолетие патриаршего благословения и не «здравствовал народ»; весь день и добрую часть ночи провел он на пиру у Шеина, и стояло там море разливное; среди гостей шныряли с ужимками и гримасами царские шуты и резали ножницами последние бо-

роды, владельцы которых, не поняв царского намека, не обрились и явились на царский пир во всей старорусской красе. Затем началась суровая расправа со стрельцами, «а стрельцы ведь за веру стояли», приговаривали пораженные всем виденным московские люди. Рассказывали, что царь сам отрубил несколько голов и с казни отправился на пир. Патриарха, который со святыней пришел печаловаться за стрельцов, он прогнал грубыми словами. Да что же это такое?

И вот появляется объяснение: за границу уехал действительно царь, да царь ли оттуда вернулся? Стали рассказывать такую сказку: «Как государь и его ближние люди были за морем и ходил он по немецким землям и был в Стекольном (т. е., в Стокгольме), а в немецкой земле стекольное царство держит девица, и та девица над государем ругалась, ставила его на горячую сковороду и, сняв со сковороды, велела его бросить в темницу. И как та девица была именинница, и в то время князья ея и бояре стали ей говорить: «Пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя», и она им сказала: «Подите, посмотрите, — буде он жив валяется, для вашего прошения выпущу». И князи, и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: «Томен, государыня!» — и она им сказала: «Коли томен, и вы его выньте!» — и они его, выняв, отпустили. И он пришел к нашим боярам; бояре перекрестились, сделали бочку и в ней набили гвоздя и в тое бочку хотели его положить, и про то увидел стрелец и, прибежав к государю к постели, говорил: «Царь государь, изволь встать и выйти, ничего ты не ведаешь, что над тобой чинится!» и он, государь, встал и вышел, и тот стрелец на постелю лег на его место, и бояре пришли и того стрельца, с постели хватая и положи в тое бочку, бросили в море».

А царь скрылся, и на его место пришел немчин и царствует. И тот, кто царствует, «не наш государь, но немец; а наш государь в немцах в бочку закован и в море пущен», а этого немцы прислали, чтобы он нас обасурманил.

Другие стали рассказывать, что Петр родился от немки да Лаферта и подменен царице Наталье. Велит носить немецкое платье — знатно, что от немки родился. В 1700 г. в Преображенский приказ явился певчий Федор Казанцев с доношением: приходили-де к нему зять его подъячий Алексеев с женой и сказали: «Живут они у книгописца Гришки Талицкаго и слышат от него про государя всякие непристойные слова; да он же, Гришка, режет неведомом какие доски, хочет печатать тетради и, напечатав, бросать в народ». Талицкого схватили, пытали, и он с пытки сознался, что составил письмо, будто настало ныне последнее время, и антихрист в мир пришел, и антихрист тот — государь. Этот Талицкий рассчитал и высчитал, что по Писанию восьмой царь будет антихрист, а Петр как раз и был восьмым в счете московских царей. Царя-антихриста слушаться не надо, податей платить ему не надо: то все грех. Надо взыскать нового царя именем Михаила и итти с ним против Петра царя-антихриста.

Тетрадки Талицкаго читались нарасхват и не только в простом народе, но и среди высшего духовенства. Многие знали и автора, но не выдавали, пока не пришло в голову сделать это певчому Казанцеву. Тамбовский архиерей Игнатий, будучи в Москве, позвал к себе Талицкаго, плакал, слушая чтение его тетрадок, и лобызал, благословляя автора: «Павловы-де дети твои ус-

та!», и дал ему пять рублей. Дело кончилось тем, что Талицкаго сожгли, а местоблюститель патриаршего престола, рязанский митрополит Стефан составил книгу о знамениях пришествия антихристова, где доказывал заблуждение тех, кто считал это пришествие состоявшимся. Как водится, казенное произведение митрополита Стефана не читали, а про Талицкаго говорили, что он «мученик свят».

Что Петр — антихрист, это было убеждением не одного только Талицкаго. Об этом твердили и в Москве, и в Новгороде, и на Олонце, и в Архангельском, и потом в самом Петербурге, твердили это и в 1700 г., не перестали и в следующие годы и не только вплоть до кончины Петра, но и долго после; до сих пор есть толки старообрядцев, убежденные, что Петр был чувственный антихрист, и все наследники его — только перевоплощения антихристовы. Доказательства этого видели даже в том, что «он, государь, неприятельские города берет боем, а иные лестью — и то-де по Писанию». Петр придумал по образцу Запада каленым железом клеймить рекрутов в руку, чтобы вернее ловить, если сбегут, — и, конечно, в народе нашли и увидели здесь доказательство, что он антихрист и клеймит печатью своей христиан. Петр носил парик — знать, что антихрист: «надел собачьи кудри».

Не было недостатка в обличителях, которые сами в лицо Петру хотели сказать это. В 1704 г. простой рабочий человек, некто Андрей Иванов, нижегородец, пришел, чтобы сказать государю, как поведал на следствии, «что-де он, государь, разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое и табака

велит тянуть. О брадобритии написано с прещением в изложении соборном. А про платье написано: кто станет иноземное платье носить, тот будет проклят, а где про то написано, того не знаю, потому что грамоте не умею. А кто табак пьет, и тем людям в старые годы носы резывали. А на Москве у него, Андрея, знакомцев никого нет, и с сказанными словами к государю его никто не подсылал — пришел он о том извещать собою... для обличения он, Андрей, пришел, потому что у них в Нижнем посадские люди многие бороды бреют и немецкое платье носят и табак тянут, так надо, чтоб государь велел все отменить». Даже сквозь подъяческий протокол следствия явственно чувствуется наивный образ обличителя, думавшего, что он идет на подвиг. Таких людей было много, и они были живой почвой, которая жадно впитывала в себя слух, что Петр — антихрист. Андрея Иванова, конечно, пытали, — «жгли огнем», отчего он и умер. В деле есть помета: «а умре он, Андрей, по-христиански» — это значит, что Андрей Иванов не был даже старообрядцем и обличить царя шел с верой в успех своего дела.

В рукописных сочинениях, вышедших из-под пера старообрядческих начетчиков, вопрос о Петре-антихристе разбирался и трактовался на все лады, как вопрос решенный — писатели подбирали только все больше доказательств, что это так. В лицевых, т. е. иллюстрированных, толковых апокалипсисах того времени фигура антихриста имела иногда явное стремление быть похожей на Петра. В одном таком сочинении антихрист несколько раз изображен сидящим на престоле, и все изображения одно больше другого сходны с изображениями Петра. И это не карикатуры, — говорит исследователь рукописи, — а рисунки, проникну-

тые глубоким чувством: «это вполне серьезные произведения гонимого религиозного фанатизма, отождествляющие традиционные описания конца мира с русской действительностью начала XVIII в.». Слуги антихристовы неизменно изображаются в зеленых мундирах петровских солдат. На картине с надписью: «егда услышите брани и нестроение», изображены петровские солдаты, сражающиеся с «народом», по-видимому; над картиной, изображающей, как солдаты расстреливают связанных старцев, одетых во власяницы, надпись гласит: «оружием от дьявола падут»; на одной картине представлено, как «все грады через послания» попадут в подвластие антихристу: изображены ворота города, у которых человек в красном кафтане читает развернутый свиток, рядом с ним барабанщик бьет в барабан — картина, навеянная созерцанием сцен прочтения на рынках петровских указов. В другой статье есть картина с такой надписью: «Тогда послет в горы и в вертепы и в пропасти земные бесовские полки, во еже взыскати и изобрести скрывшаяся от очию его и тех привести на поклонение ему». На картине изображено: внизу в левой части под красным балдахином сидит антихрист на престоле и указывает рукою вперед; справа выступает отряд солдат, предводительствуемый самим дьяволом, ведущим команду к скиту, стоящему среди леса; сверху изображены высокие горы с пещерами, в которых спасаются люди Божии; два отряда солдат в петровских мундирах, предводительствуемые дьяволами, поднимаются вверх к пещерам.

Итак, в мире воцарился антихрист. Но вот что странно: два с половиной года назначенного ему по Писанию господства прошли, а он продолжал царствовать; мало того, преследования за веру, такие жестокие и настойчи-

вые при царице Софии, теперь, при царе Петре, несколько затихли. Если теперь признать, что царствует не антихрист, то, значит, близко торжество правой веры и ее старых обрядов, потому что, по преданию, правая вера будет временно подавлена врагом Божиим лишь перед самой кончиной мира. Но ни кончина мира не наступала, ни о торжестве старых обрядов ничего не было слышно, а напротив, видимо росло и укреплялось никонианство. Жизнь вела ревнителей древяго благочестия, очевидно, к тому, чтобы жить не в чаянии скорого наступления конца мира, а в мире существующем, конец которого известен только Богу.

Но тут возникал целый ряд решительных смущающих противоречий. Если признавать, что, несмотря на несуществствование второго пришествия, антихрист, действительно, царствует в мире, то ведь это значит, что православие погребено, значит, ныне в мире истинной церкви, нет таинств, и люди, которые не хотят поклониться антихристу и слугам его, стоят перед престолом Божиим каждый прямо и непосредственно, ибо нет больше церкви и ее таинств, служивших посредствующим звеном в общении людей с Богом. Теперь им осталась одна молитва, только одно общение через ее посредство. Жить надо, следовательно, не имея церкви, священников, не признавая таинств причащения и покаяния, брака. Эти выводы ужаснули многих, и в поисках выхода из этого тяжелого логического тупика многие старообрядцы просто перестали усиленно размышлять на темы о господстве антихриста. Нашли в Писании данные, говорившие, что церковь Христова не может совершенно исчезнуть; припомнили, как сам Аввакум возглашал, что церковь не упразднится и при антихристе, «понеже и сам дьявол не может упразд-

нити священнотаинства, ниже антихрист с чады».

Но во времена Аввакума сохранение истинной церкви разумелось само собой. Налицо был весь чин церковный; множество священников, дьяконов, монахов разделяли убеждения старообрядцев; за старообрядство были и некоторые архиереи. В ожидании скорого своего торжества или неминуемой кончины мира старообрядцы не позаботились обеспечить у себя всю полноту церковного чина; тогда это казалось лишним, да и просто не приходило в голову; меж тем архиереи, сочувствовавшие старообрядству, или изменили ему в решительную минуту, или умерли раньше того, как старообрядство создало себя отдельной церковной общиной.

Пока было много в живых священников дониконовского ставления, нужда в полноте церковного чина не ощущалась остро; тогда некоторые учителя старообрядства отказывались даже считать священниками лиц, посвященных никонианскими архиереями. Но уже Аввакум увидел, что придется таких священников признавать: «Как миру быть без попов? — спрашивал он. — По нужде всяко бывает... а сие время из правил вышло». Пока стояла за древнее благочестие Соловецкая обитель, она снабжала старообрядцев запасными дарами; 22 января 1676 г. обитель была взята царскими войсками, разбежавшиеся оттуда священно-иноки правили церковные таинства по всему северу. Уже при Софии, однако, в самый разгар гонений почувствовалось в старообрядстве нехватка попов, и последние оставшиеся в живых стали торопиться заготовить как можно больше запасных даров. В 1696 г. игумен Досифей построил на Чире храм, освятив его дониконовском антиминос; в

этом храме он успел освятить очень большое количество запасных даров. В 1688 г. храм, созданный Досифеем, был разрушен. Но в 1695 г. один из последних уже попов дониконовского крещения и ставления, некто Феодосий, построил и освятил на старом антиминсе церковь в польских пределах на Ветке, откуда запасные дары стали распространяться по всему старообрядческому миру. Феодосию пришлось первому сделать важную уступку времени и обстоятельствам: он первый стал принимать священников никоновского поставления, требуя только, чтобы принимаемый в старообрядство священник был крещен до никоновских новин. Такое решение дела оттянуло на некоторое время роковой вопрос о священстве в старообрядстве.

Но вот миновало без остатку и поколение людей, крещенных до Никона, и старообрядство, не отрицавшее нужды в священстве, оказалось в страшном для верующих по-церковному людей положении: в его среде совсем не оказывалось церкви, они, значит, не церковь, ибо церковь требует определенных трех чинов священства — епископства, иерейства и дьяконства, а у старообрядцев нет ни одной. Тогда-то и начались в старообрядстве, приемлещем священство, страстные, полные глубокого трагизма поиски истинных архиереев. Религиозная мысль не могла примириться с фактом, что в старообрядстве потухли последние проблески апостольского преемства, и начинает порывисто доказывать и себе и другим, что истинная Христова церковь древляго благочестия не исчезла; что цепь апостольского преемства не может порваться раньше кончины мира; что если прекратилось истинное преемство Руси, то существует же оно в других православных странах. И вот в первых годах XVIII века посланец от старообрядцев

пробирается в Царьград — посмотреть, какова вера у греков. Оказалось, что в очень неудовлетворительном, со старообрядческой точки зрения, состоянии. Но религиозная мысль не хотела кончить этим неудачным опытом и стала искать себе поддержки в напряженной религиозной фантазии: есть истинная церковь далеко на востоке, там, где солнце восходит, в Беловодье, в Опоньском царстве, на океан-море, на семидесяти островах; был там Марко, инок Топозерского монастыря, и нашел 179 церквей «асирского языка» и 40 русских, построенных уезжавшими из Соловецкого монастыря иноками. На поисках Беловодья погибло в сибирских пустынях не один десяток горячих голов, распаленных благочестивой фантазией увидеть всю древнюю красоту церковную.

Но, пока искали Беловодья или архиереев древляго благочестия, общине старообрядцев, признававших священство, нельзя же было оставаться без священников, — и вот старообрядческие общины начинают принимать к себе и переманивать бежавших от строгостей тогдашнего епархиального начальства священников, поставленных в господствующей церкви, воспользовавшись для этого одним церковным правилом, которое разрешало принимать от некоторых еретических церквей священников, не лишая их сана. Но тут получалось вот какое затруднение: никонианскую церковь первые учителя старообрядства с самого начала подвели под такую степень еретичества, переходящих из которых по церковным правилам надо было перекрещивать! От таких еретиков принимать священников в их сане правилами не разрешалось. А затем, смущал вопрос — при перекрещивании, после вторичного крещения, сохраняет ли свою силу благодать священства? Перекрещен-

ный и ставший старообрядцем священник остается ли священником? Ответ был ясен: нет, благодать не может сохраниться, потому что у еретиков этого чина, которых принимают перекрещивая, и благодати-то нет, а затем, конечно, новое истинное крещение смывает все грехи с раскаявшегося, а следовательно и неправильное посвящение.

Из этого положения предлагалось два выхода: крестить переходящего в старообрядство никонианского священника в полном облачении, или крестить, не погружая его в воду — предполагалось, что в обоих этих случаях благодать священства не будет смыта водой крещения. Но, конечно, тогда же многие в старообрядчестве почувствовали всю натяжку такого рода измышлений и начали настаивать на необходимости считать никонианство ересью того чина, переход из которой сопровождается только миропомазанием. Но тут опять возникли споры и недоумения. Во-первых, самый вопрос о св. мире: дониконовское исчезло скоро, Феодосий сварил на Ветке новое, но так как он не был архиереем, а по правилам св. миро варит архиерей в сослужении с другими архиереями, то многие отказались признавать сваренное Феодосием миро за истинное. Некоторые, с дьяконом Александром во главе, предложили считать никонианцев еретиками третьего чина, переход из которого сопровождается только проклятием своих прежних заблуждений; но это мнение осталось в меньшинстве, и последователи его в то время не играли сколько-нибудь значительной роли в старообрядстве.

Жизнь круто и определенно ставила старообрядцам задачу — создать у себя всю полноту церковного чина.

Весь XVIII век и уходит у старообрядцев-поповцев на поиски своего архиерея, а пока его нет, они довольствовались перебегающими к ним из православия священниками, перекрещивая или перемазывая их, смотря по тому, какое из этих действий принимающее бегствующего архиерея считалось более каноничным.

Старообрядчество, решившее для себя, что оно не может обходиться без священства, сосредоточилось на юге, юго-западе и юго-востоке без священства, а также в центре страны, где население издавна жило церковной жизнью и больше, ближе ощущало в своей жизни церковь. На севере сосредоточилась та часть старообрядчества, которая круче порвала с церковью и стала на ту точку зрения, что теперь нет ни церкви, ни таинств, кроме доступного для совершения мирянам крещения, ни церковной иерархии. На русском севере, в прежних владениях Новгорода Великого, на Поморье, в Сибири население издавна очень нуждалось в правильном церковном строе и правильном выполнении треб и, собственно, никогда не имело ни того ни другого. В безлюдных пустынях русского севера, где от поселка до поселка приходится считать, иногда далеко заходя за сотню, десятки верст дороги, еле пробирающейся сквозь густые лесные дебри и топкие болота, церковь и священник при ней всегда были редкими явлениями.

При редкости священного чина, местное население старалось, по возможности, само, без посредства священников удовлетворять свои духовные нужды. Вместо церквей здесь чаще строили часовни, в которых местные начетчики правили для желающих вечерню, утреню, часы — все те богослужения, которые можно совер-

шать без священника. На севере привыкли молиться без пастыря духовного и потому легко сравнительно примирились с мыслью остаться без священного чина навсегда. Крещение можно совершать мирянам, исповедоваться можно друг другу, причастаться можно запасными дониконовскими дарами, а когда все эти запасы вышли, некоторые толки безпоповщины стали символизировать св. причастие, вкушая с особыми обрядами «в воспоминание» хлеб и вино или же просто изюм. Обходиться без таинства брака здесь, на севере, привыкли по нужде давно и мало смущались отсутствием венчания, заменив его объявлением в общине и молитвой, читаемой наставником.

Первыми насельниками этой части России, образовавшими здесь сосредоточие старообрядства, были соловецкие «выгонцы», бежавшие из монастыря после взятия его царскими войсками. Они повторили своей жизнью монастырской колонизации XIV—XV вв. Бегая от слуг антихристовых, они забирались всегда в самую непроходимую глушь, куда летом дороги не было, а зимой можно было пробраться только на лыжах. Где-нибудь на берегу пустынной речки или лесного озера отшельник рыл себе землянку и начинал «спасаться». Этому пустыннонику, пришедшему в пустыню из самого пыла борьбы с антихристом и воинством его, не сиделось на месте; вкусив прелестей словесной схватки с поборниками новых обрядов, пустынноник не может утерпеть, чтобы время от времени не показаться среди окрестного населения и не «поучить» его от Писания, наставляя крепко держаться древляго благочестия. Это подвиги проповеди создавали славу пустыннонику, приобретали ему поклонников-христоролюбцев, которые помогали ему деньгами, съестным, прятали от погони и даже защи-

щали его оружием против посланных воеводой на взятие пустынного солдат и пушкарей. Около кельи пустынного незаметно выросло несколько других, где селились желавшие поразмышлять о Господе. Возникло целое общежитие, которому трудно было существовать на добротные даяния, и тогда члены его, «нужных ради потреб», начинают жечь лесные участки и на «горяч» сеять рожь. «Жестокое и нужное житие» становится «пристойным и пространным».

Пустынный недоволен таким исходом дела и уходит дальше в глубь леса — совсем как первые основатели монастырей московской Руси. Слава пустынножительства привлекает к нему и туда соратников по духовному подвигу, возникает новый скит. Только теперь не XIV век, и эти монастырьки, вместо того, чтобы развиваться дальше, исчезают так же быстро, как появляются. Не успеет такое старообрядческое общежитие обосноваться, как досужий доносчик сообщит уже куда следует, что вот-де на озере поселились неведомые люди, не молятся за царя, говорят, что платить податей не надо, хулят св. церковь, а начальство мирское именуют воинством антихристовым. Местный архиерей, сообщая с гражданским начальством, организует поход против раскольников. При слухе, что идут солдаты, скитники или разбегаются, или, плотно затворившись, ждут неприятеля и встречают его тем, что сжигаются сами при виде воинского отряда. Бывали случаи и вооруженного сопротивления, но редко. Солдаты раскатывали по бревнам все постройки, а часовни сжигали. Скит на таком месте умирал, зато беглецы из него наполняли другие скиты и основывали несколько новых. Когда после гонений царевны Софии наступили несколько более спокойные времена, скиты стали жить более прочно.

Особое назначение с этого времени приобретает среди них скит на Выге-реке, основанный знаменитым в летописях старообрядств Даниилом Викулиным и Андреем Денисовым. Потомок старинного рода князей Мышецких, Андрей Денисов и его брат Семен сплотили около себя разрозненно живших по лесистому Олонецкому краю старообрядцев, отвергавших нужду в священном чине, и явились действительными организаторами и вдохновителями всего безпоповщинского старообрядства. Необычайно одаренные от природы, они развили свое дарование чтением и изучением св. Писания. Не довольствуясь тем, что ему давало простое начетничество, Андрей под видом купца отправился в Киев и там прожил два года, посещая лекции в киевской академии. Он изучал там богословие у самого Феофана Прокоповича, прошел риторику, логику и изучил ораторское искусство. Вооруженный знанием, начитанный в св. Писании и в старинной русской литературе, Андрей скоро стал душой всего старообрядства России, создал его богословие и достаточно обосновал исторически и логически все требования и притязания старообрядства без поповского согласия. Ученый богослов и знаток св. Писания, Андрей Денисов был и выдающийся хозяин и управитель собравшейся около него общины. Устройству общины он придавал большое воспитательное значение, «обдержанием общежительства в пустыни сей, — говорил он, — благочинное житие утверждается, всякое же безчиние изничтожается».

В общине на Выге-реке был установлен полный чин монастырского жития. Иеромонах Пафнутий из Соловецкого монастыря устроил общежитие и правил церковную службу по соловецкому уставу; поставил еkkлесиарха, певцов, псаломщиков, конархистов. Сначала это

было скудное, пустынное житие: службы в часовне правили с лучиной вместо свечей, икон и книг было мало; колокола не было и звонили в доску; а кругом леса и болота — пройти можно только зимой, да и то на лыжах. Но скоро население скита увеличилось, завелось хозяйство и порядок, стали пашню пахать, проложили дороги, держали скот, поставили конский двор и коровий. Посредине монастыря поставили стену и обнесли весь монастырь оградой. Мужчины жили по одну сторону внутренней делящей стены, а женщины по другую. В стене, разделяющей их, была устроена маленькая келейца с окном для приходу братии к своим сродницам для свидания, две старицы сидели в келейце и наблюдали, о чем будут приходящие из братии говорить со своими сродницами в окно.

Общину свою Андрей не только обставил строго определенными правилами жития, но сделал участие в ней выгодным всем общинникам. Он завязал деловые сношения со всеми концами России, где только жили старообрядцы, и его киновия, как он любил называть свой скит, вела обширную торговлю хлебом, промышленяла в очень больших размерах звероловством и рыболовством; выгорецкие промышленники доходили даже до Новой Земли и Шпицбергена; в соседнем Каргопольском уезде были куплены скитом и заарендованы обширные пространства пахотной земли; сама обитель обстроилась большими прочными зданиями, обзавелась замечательной библиотекой, школами грамоты, школами для писцов, певчих, иконописцев, всякого рода ремесленными заведениями. Кругом обители возникло под ее покровительством много скитов, которые соединялись через речки и гатями через болота; мимо самой киновии шли две больших дороги, и в стенах обители

была построена обширная гостиная изба для проезжающих.

Сам Андрей Денисов часто уезжал в разные концы России, всюду вербуя единомышленников, сражаясь словопрением с супротивниками и инакомудрствующими, скупая книги, старинные иконы и предметы церковного обихода. При таком положении дела Андрей и его скит, войдя в близкое деловое отношение с «внешними», сильно смягчили прежнюю нетерпимость и брезгливость старообрядства ко всему, не разделявшему их убеждения. Биограф Андрея не без удивления рассказывает, как однажды в пути Андрей дал напиток из своей чашки томимому жаждой прохожему и после этого не только не «ввергнул чашку в презрение», т. е. попросту не только не выбросил ее, а, вымыв водой и перекрестив, «повелел из нея ясти и пити». Съестные припасы, купленные на рынке, не считались на Выге более нечистыми. Проповедовать вражду к властям и никонианам было легко, скитаясь в лесах, живя поодиночке на выге; но когда там возникли целые обширные слободы, к господствующей власти относиться по-прежнему стало нельзя, и Андрей со своими старцами, сохраняя полное убеждение, что в мире царствует антихрист, делает гражданской власти все уступки, только бы обеспечить себе и своим сколько-нибудь свободное исповедывание своих убеждений.

Когда в олонецких местах, в соседстве с Выговской киновией стали строить железные заводы, то к Андрею пришел указ: «Ведомо его царскому величеству учинилось, что живут для староверства разных городов люди в Выговской пустыни и службу свою к Богу отправля-

ют по старопечатным книгам; а ныне его царскому величеству для войны шведской и для умножения ружья и всяких воинских материалов ставятся два железных завода и один близ Выговской пустыни; так чтоб они в работы к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, а за то царское величество дал им свободу жить в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправлять». Выгорецким жителям позволено было выбрать к мирским делам своего старосту и при нем выборного, которые должны были оберегать поселенцев и доносить по начальству, какие земли и угодья нужны выгорецкой киновии при ее росте.

Андрей Денисов очень поладил с всесильным Данилычем, в ведомстве которого был весь Олонец, и Меньшиков издал в 1711 г. распоряжение запрещающее чинить обиды и утеснения и в вере помешательства Андрею Денисову с общежителями и товарищи. Выгорецкие наставники сумели прямым и честным отношением к делу завоевать большие симпатии у таких дельцов Петра, как управляющий олонецкими заводами Геннинг. Когда новгородский архиерей по своей обязанности бороться с раскольщиками схватил и посадил в тюрьму Семена Денисова. Геннинг написал царю по этому случаю такое послание: «Прошу ваше величество, пожалуй, для лучшей пользы и отправления на морской флот твоих дел, помилосердуй, учини указ, чтоб мне смелее поступать, понеже я опасаюсь от архиерея новгородского погубления, понеже он верит другим, своим бездельникам, а не своим рассмотрением управляет и от них ныне в заключении сидит у архиерея Семен Денисов, который в здешнем подъеме и в сыску руд был годен и перед другими радетелен в заводской работе;

для ихних нужд и за челобитьем от них послан он был и захвачен в Новгороде в архиерейский приказ. Прикажи архиерею его освободить и от твоих заводских дел его не трогать и не ловить».

И Петр сам относился к старообрядству довольно терпимо, если не наталкивался в нем на политическое противодействие своей деятельности. В 1702 г., когда разнеслась весть, что царь идет от Архангельска на Ладугу и через олонецкие дебри стали прокладывать дорогу, близко подошедшую к выгу, то отшельники стали готовиться к смерти, приготовили смолу и солому в часовне и думали зажечься, когда придет «он». Но когда Петру доложили, что недалеко от его пути живут «раскольщики», то он сказал: «Пускай себе живут!» — и проследовал дальше. Рассказывают, что раз он спросил: «Каковы купцы из раскольщиков? Честны ли и прилежны ли?» — когда ему сказали, что честны и прилежны, государь заметил: «Если они подлинно таковы, то по мне пусть веруют, чему хотят, и когда уж нельзя их обратить их от суеверия рассудком, то, конечно, не пособит ни огонь ни меч; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государство пользы иметь не будет».

Став на эту точку зрения, Петр потребовал от старообрядцев одного: чтобы они беспрекословно исполняли гражданские обязанности, и если это исполнение совершалось не токмо за страх, но и за совесть, Петр представлял любящим старые обряды и книги молиться, как хотят; запрещалась только проповедь старообрядства, и когда новгородский митрополит указал царю на Семена Денисова, как на вредного церкви учителя старооб-

рядства, искусного на словах, ученого и деятельного проповедника, Петр, по сказанию историка Выговской пустыни, «взяв онаго Симеона перед себя и испытал из тиха на словах и поговоря мало, ни его отпустить, ни испытати жестоко не повелел; тако же и митрополиту не повел, оставил его тако», т. е. в заключении; но когда Семену удалось бежать, то хотя все знали, что он ушел на Выгу, его там не тронули. «С противниками церкви, — говорил другой раз Петр, — надлежит с кротостью и разумом поступать по апостолу: бых незаконным яко беззаконен да беззаконных приобретаю, а не так, как ныне, жестокими словами и отчуждением». И те старообрядцы, которые с точки зрения Петра вели себя «законно», т. е. платили исправно двойные подати и работали усердно на заводах, пользовались его расположением. Андрей Денисов, по свидетельству его историка, — «по совету с братьями и с земским старостой и с выборными» отправлять время от времени Петру гостинцы с письмами, посылать царю живых и стреляных оленей: «ово коней серых пару, ово быков больших подгнаша ему и являхуся и письма подаваху. Царское величество милостиво и весело все у них принимаше и письма их вслух ситаше; хотя от кого со стороны и клеветы были, он же тому внимаше».

Но с точки зрения Петра «раскольщики» были все же «замерзелые» и «закоснелые» невежды, «упрямцы». «Дубовые сердца» он считал возможным исправлять «дубиной», а когда они мало поддавались такому убеждению, то он решил извлечь из старообрядчества материальную пользу, переписал «раскольщиков» и обложил их двойной податью. Для него лично вопросы веры и религиозной жизни никогда не стояли на первом месте и мало интересовали по существу. Он признавал в

идею свободу совести: «Господь дал царям власть над народами, — говорил Петр, — но над совестью людей властен один Христос», но в то же время настоятельно приказывал смотреть, чтобы раскольщики платили двойной оброк и «никакого иного платья не носили, как старое, а именно: зипун со стоячим клееным козырем (воротником), фрезы и однорядки с лежащим ожерельем», а за право ношения бороды платили бы особый сбор, доходивший с купеческих бород до 800 р. нашего счета. В удостоверение уплаты этой пошлины выдавалась уплатившему медная бляшка, на которой значилось, что сбор за право ношения бороды уплачен, и красовалась назидательная надпись: «борода лишняя тягота». Эту бляшку полагалось носить на виду. В 1715 г. установлен был сбор с бород, определенный одинаково и для старообрядцев, и для православных ценителей в себе «образа и подобия Божия», в 450 р. нашего счета. Конечно, это было издевательство, в роде устройства всешутейшего собора, и удовлетворяло стремление от всего получить прибыль. Но то, что для Петра прибытком и достойным смеха упрямством закоснелых, для других являлось поруганием веры и было для них страданием за лучшие движения человеческого сердца. Но об этой стороне дела Петр не подумал.

Так как в существовании старообрядства все же крылось резкое осуждение и противодействие многому такому, что Петр в своей преобразовательной деятельности считал важным для государства, то старообрядство у него не могло быть совсем предоставленным самому себе. Борьба с раскольщиками должна была вестись и тогда, когда оно политически подчинялось государственной власти, только эта борьба должна была быть увещательной, а вообще в случаях «жестоковейшего

упрямства» «с раскольщиками, — как говорил царь, — которые в своей противности зело замерзели, надобно поступать вельми осторожно, гражданским судом». была организована борьба словом со старообрядством. В нижегородском крае увещательную борьбу с последователями древляго благочестия Петр поручил с 1706 г. переяславскому игумену Питириму, впоследствии нижегородскому архиерею. До 1716 г. старообрядство вообще мало интересовало Петра; в февраль 1716 г. он распорядился переписать всех старообрядцев, чтобы знать точное число их для обложения налогом. Перепись поручено было исполнить местным священникам. С тогдашней старообрядческой точки зрения перепись казалась, однако, делом греховным: что это, говорили они, считать людей Божьих головами, точно скотину; того при прежних благочестивых царях не дельвалось, это Божье дело, сколько народу живет; сколько Бог захочет, столько и будет, нечего тут считать. Припомнились старообрядцам предания и об антихристовом счислении людей, сыграло свое значение и то, что старообрядцы знали цель переписи — обложение их двойным налогом. Начались противодействия переписи, старообрядцы стали скрываться, покупать попов-переписчиков, чтобы они записывали старообрядцев православными. Из переписи ничего не вышло. Случилось все это в то время, когда начало разыгрываться дело царевича Алексея, бежавшего за границу. Следствие установило, что царевичу было много сочувствующих, и что он сам и те, кто сочувствовал ему, осуждали все нововведения Петра и жаждали возврата старины. За старину, как знал Петр, были и старообрядцы. Все это вместе взятое несколько изменило прежний взгляд Петра на старообрядцев в сторону большей суровости к старообрядству.

Проповедь игумена Питирима и его старания обращать керженских старообрядцев увещаниями двигались вперед без особого успеха. Проповедник досадовал и писал царю, что раскол увеличивается, что в нижегородском краю больше 200 000 старообрядцев, да в городах нижегородских более 20 000, и что «все они благополучию государственному не радуются, но паче несчастию радуются и всегда стремятся возвысить свой злой рог к обладанию на церковь и на гражданство; хотя они между собой и много несогласны, но на церковь все злобою согласны; надлежит размножением их остановить, чтоб нигде они не учили, а где станут раскольщики учить — хватать и наказывать; а не худо учителей неявным промыслом смирить. Монахинь в лесу тысячи четыре будет; надлежит их всех взять в монастырь, а пища им хлеб и вода, а которые обратятся — тем подобающая пища; немногие из них останутся без обращения. Старцам, старицам и бельцам в лесах, полях, на погостах и по мирским домам никому жить не велеть под смертною казнью; а кому жить в лесу кельею вне монастыря — от архиерея писание возьми; и если так будет сделано, то раскольщикам из городов и уездов свозиться будет некуда и постригать перестанут, только не надобно ослабевать; а вину положить для отводу, что по лесам в кельях живут беглые солдаты и разных чинов всякие люди, не хотят службы служить и податей платить. Безпоповщина твое царское имя в молитвах не поминают, а поповщина поминают только благородным, а благочестивым и благоверным не называют. Церковь, догматы и таинства разными хулами хулят. Я все это знаю и не извещал не потому, что укрывал, а потому, что если они узнают, что я извещаю, то они со мной говорить и сходиться не станут и обращению будет препятствие. Указ о том, чтоб не исповедывавшихся штрафовать, а раскольщиков окладывать вдвойне — очень помогал об-

ращению, но сделалось препятствие большое: попы едва не все укрыли раскольников: то писали исповедующимися, то никак не писали, а на которых в губернии ландратам и поданы росписи, то ни штрафов ни раскольщикам окладу не положено, и от этого только благочестивые и обратившиеся в поношении и ругательстве. Требуем, чтобы для лучшего обращения штрафы на неисповедывавшихся и оклад на раскольниках ежегодно был правлен неотложно, а мы под тесноту штрафов и окладов Писанием удобнее к церкви присоединять будем. По городам и по уездам в старосты и бурмистры раскольников не выбирать для того, что они православным и обратившимся творят великое утеснение и обращению сущую остановку».

После этого доклада в помощь Питириму для явных следствий и наказаний был командирован гвардии капитан Юрий Ржевский, облеченный правом ссылать на каторгу тех раскольников, которые будут укрываться от платежа двойных налогов, монахов и монахинь забирать в монастыри, но действовать круто не сплошь, хватать не за исповедание раскола, а за вред гражданству. «Буде возможно, — писал Петр Ржевскому, — явную вину сыскать, кроме раскола, таких с наказанием и вырезав ноздри ссылать на галеры, а буде нет причины явной, поступать с ними по словесному указу». Ржевский во всем должен был советоваться в Питиримом, но тайно, чтобы старообрядцы не подумали, что Ржевский — подручный Питирима, исполняющий казни и отправляющий в ссылку старообрядцев по его указанию. Ржевский и Питирим обратили свое внимание больше всего на поселения старообрядцев по реке Керженцу, и в ноябрь 1718 г. Ржевский доносил царю: «Ныне до вашего величества послал раскольников не-

обратных и замерзлых; они же и указу твоему учинились противны, положенного окладу платить не хотят и за то биты кнутом и вынуты ноздри и посланы в каторжную работу числом 23 человека, а в том числе послан раскольщик Василий Пчелка, который под образом юродства многих развращал в раскол и пакости делал; да женска пола 46 человека замерзлых послал в девичьи монастыри — положенного окладу платить отrekliсь, и за то учительницы их биты кнутом 13 человек».

Помощь капитана Ржевского проповеднику Питириму пришлась очень по вкусу, и он стал ею пользоваться довольно широко в своей деятельности. В 1720 г. оберландрихтер Нестеров стал вмешиваться в своеобразную проповедническую деятельность Питирима и Ржевского, требуя доставки обвиненных к нему в суд. Тогда Питирим послал царю убедительную просьбу — запретить Нестерову вмешиваться не в его дело, обвиняя при этом ландрихтера даже в принадлежности к расколу. Нестеров должен был сократить свою «рихтерскую» ревность и предоставить старообрядцев архиерею Питириму и капитану Ржевскому.

Для характеристики проповеднических приемов Питирима чрезвычайно любопытно предпринятое им распространение одной книги, составленной в Киеве и имевшей задачей уличить старообрядцев в еретичестве. Книга эта называлась «Соборное деяние на еретика Мартина» и повествовала о том, как в 1147 г. приходил в Киев монах Мартин, родом армянин; в Киеве он стал проповедывать двуперстие, сугубую аллилую и прочие «заблуждения», которые разделяли старообрядцы

XVII века; в 1157 г. собор русских епископов осудил мнения Мартина, как еретические, причем двуперстное крестное знамение было названо «арменским кукишем». Присланная из Киева, как подлинная, книжица соборного деяния носила внешние признаки древнего происхождения: была написана на пергаменте, выцветшими чернилами, и вообще казалась очень пострадавшей от времени. Для всех знатоков русской старины это было совершенно новое открытие: ни о Мартине ни о соборе до сих пор никто не слышал. Старообрядческий дьякон Александр очень заинтересовался новым документом и, разобрав его с большим вниманием, установил, что это соборное деяние — явная подделка; доказательства дьякона Александра, очень тонко и с большим знанием дела построенные, устанавливали подделку и исторически, и хронологически, и археологически. Но это не помешало Питириму распространять «Соборное деяние на Мартина еретика», как «зело полезную» книгу, дьякон же Александр был схвачен и по приказу Питирима заключен.

В это же время разыгралась еще одна история, не очень лестная для проповеднических приемов Питирима. Еще в 1716 г. Питирим составил 130 вопросов старообрядцам с той целью, что они ответами своими показали свою неправду. Эти вопросы он послал на Керженец тамошним учителям и начетчикам, которые, в свою очередь, прислали Питириму 240 вопросов с той же целью. Питирим написал ответы на эти вопросы и потребовал, чтобы керженцы приняли его ответы при всем народе и дали свои на его вопросы. 1-го октября 1719 г., как доносил царю Питирим, при многочисленном собрании народа в селе Пафнутьеве, Балаханского уезда, он разменялся с раскольничьими старцами во-

просами и ответами, причем он, Питирим, опроверг неправые ответы старообрядцев и требовал возражений на свои, но «раскольщики», дьякон Александр и выборный старец Варсонофий с товарищами, подали доношение, что ответы их неправые и отвечать право им нечего, и просят они у него, Питирима, при всем народе прощения в своей неправоте.

В ответ на это доношение Питирим получил такое собственноручное письмо царя: «Преосвященный епископ! Письмо ваше мы получили с великой радостью, что Господь Бог чрез ваш труд истину святых Своих церкви просавити и противников оной безответных сочинити изволил. Пред несколькими временем один раскольник письмо в соборной церкви на патриаршее место положил, и ему сии отречения креженских жителей объявлены, но он тому верить не хочет и требует видеться с тамошними их учителями и о том просил, дабы ему позволено к ним писать, что ему и позволено, которое его письмо при сем прилагаю, и извольте призвать их к себе и им оное объявить, и чтоб они сюда ехали без опасения для объявления ему, что они учинили; также и ты изволь с ними приезжать сюда и подлинные пункты от них вам данные и от вас им ответствованные, также и письмо их отрицательное о своих пунктах и прочия тому подлежащая письма привезть с собой. Петр».

В январе 1720 г. Питирим и старец Варсонофий приехали в Петербург и явились к царю, причем Варсонофий подтвердил показание епископа. Но в то же время явился в Петербург и дьякон Александр и подал царю прошение, в котором рассказывал, что они пришли к

Питириму в монастырь и просили, чтоб он не требовал от них ответов на свои вопросы; Питирим велел их взять и держать за караулом с год, и они, по принуждению, сидя в узах, писали к своим, чтобы составили ответы; ответы были написаны и поданы епископу в мае месяце 1719 г.; после этого Питирим велел заклепать их в кандалы и держал за крепким караулом до конца сентября, когда, отправившись в село Пафнутьево, велел и их везти туда же. Здесь старец Варсонофий принес им черновое доношение, велел переписать его набело и, приложив руки, подать перед народом и ни в чем не спорить, «хотя и станет епископ требовать, чтобы вы на вопросы отвечали, вы только кланяйтесь и говорите, что отвечать не можете». Они, истомленные заключением, боясь от епископа больших мук, ссылки, рвания ноздрей, не осмелились спорить и к невольному доношению приложили руки неправильно, а почему они провинились в своих ответах, не знают: епископ им об этом ничего не объявил. «Теперь, — писал Александр в заключение, — испугавшись суда Божия и вечных мук за приложение руки моей к неправому доношению, приношу пред Господом Богом слезное покаяние, и от вашего царского величества прошу правдивого рассмотрения чрез вопросы и ответы».

Просьба дьякона Александра передана была Варсонофию, как выборному старцу скита; тот, прочитавши ее, объявил, что она написана без согласия со скитом, неизвестно по какому умыслу, они всем скитом с нею несогласны и стоят на первом доношении, которым объявили свои ответы неправыми. Петр дал собственноручно такое решение: «Дьякона пытатель, к кому он сюда приехал и у кого приставал и кого здесь знает своего мнения потаенных; а после пытки послать в Нижний и

там казнить его за воровство, что мимо выборного старца воровски учинил». За то, «что мимо выборного старца воровски учинил», дьякон Александр и был казнен.

В результате деятельности Питирима, в 20-х гг. принявшегося за совершенно открытое преследование старообрядчества, несколько тысяч слабых объявили себя присоединившимися к господствующей церкви, а большинство осталось, как было, и примирения с церковью, как надеялся Петр, не произошло. Так же обстояло дело и в других краях государства, куда были посланы проповедники-миссионеры для борьбы с учителями старообрядства. Всюду проповедничество предпочитало вместо действия словом вступать в союз с гвардии капитанами, всюду увещевали людей, заковав их предварительно в кандалы, и всюду результат был одинаков: кто был послабее, те объявляли, что раскаиваются, а более сильные почувствовали еще глубже ров, возникший между ними и господствующей церковью, и решительно отвернулись от всякой словесной борьбы, избегая всячески собеседований с проповедниками, за которыми стояли от гвардии капитаны.

К тому же и сами проповедники в своем чисто-проповедническом деле не всегда стояли на высоте и в словопрениях должны были иногда уступать старообрядческим начетчикам. Когда в 1722 г. синод установил во всех краях России особые миссии для борьбы с раскольщиками, то в местность выговских скитов был прислан с поручением вести беседы со старообрядцами иеромонах Неофит. Андрей Денисов с товарищами обратились тогда к Неофиту с просьбой, чтобы он письменно изложил темы будущих словопрений. Неофит напи-

сал 106 положений в форме кратких вопросов. Менее, чем через год, выговские наставники доставили иеромонаху свои ответы. Это были знаменитые Поморские ответы, являющиеся одним из замечательных произведений старообрядческой литературы. В этих ответах выговцы подробно ответили на все вопросы Неофита и, воспользовавшись очень умело промахом Неофита, поставившего вопросы более исторического, чем догматически богословского характера, засыпали его справками из древних книг, летописей, грамот, указаниями на старинные изображения, иконы, доказывавшие древность и двуперстия, и сугубой аллилуйи, и хождения по-солонь, — словом, всех основ своих разногласий с господствующей церковью; достаточно были обоснованы и чистобогословские стороны старообрядства. В этом смысле Поморские ответы являются первой работой сознавшего себя старообрядства, выступившего здесь впервые не только с отрицанием икононовых новин, но с твердым и достаточным историческим и богословским обоснованием своих убеждений. С такими противниками еще менее можно было надеяться на победу при борьбе ссылкой и рваньем ноздрей, но эти меры долго еще, к сожалению, не исчезали из обихода православного миссионера и достигли только того, что все глубже и глубже делали раскол русской церкви. Старообрядчество скоро перестало совсем входить в мирные собеседования, кончавшиеся столь не мирно, и больше ушло в устройство своего внутреннего быта.

/С. Князьков. Очерки из истории Петра Великого и его времени. — С.-Петербург, 1914. /

ИРЛАНДИЯ

... «Цифровые показатели» населения Северной Ирландии проявляют удивительную стабильность, тогда как за последние 110 лет население Великобритании увеличилось вдвое!

Но чем же, спрашивается, удивительна такого рода стабильность? Ее истоки легко отыскать в сегодняшней системе политического и экономического террора, в столетиях британского покорения Ирландии. Социологи подсчитали, что население Ирландии могло бы составлять около 34 миллионов человек. Для сравнения отметим, что если в конце XVIII века, в период английской буржуазной революции, численность населения Великобритании равнялась примерно 13 миллионам, то в начале 80-х гг. XX века она достигла 56 миллионов. В Ирландии же в тот отдаленный период проживало более 8 миллионов человек, а теперь численность населения Ирландской Республики и Северной Ирландии вместе едва превышает 4,5 миллиона.

Английское военное и экономическое наступление на Ирландию — трагическая череда массовых расправ, голода, вынужденной эмиграции. «Английское нашествие отняло у Ирландии всякую возможность развития и отбросило ее на столетия назад, и притом именно начиная с XII века», — отмечал Ф. Энгельс. Известно, например, что в 1317 г. ирландские вожди писали папе римскому об англичанах-завоевателях, которые, напав на ирландский народ, хотели бы полностью его искоренить. Об очередной англо-ирландской войне 1594—1603

гг. наместник британской короны в Ирландии лорд Маунтджой сообщал королеве Елизавете, что ее величеству нечем повелевать в этой стране, разве только кучами пепла и трупами. Но ирландцы не склоняли голов — восстание следовало за восстанием. Каратели прошлых времен обрушивали на свободолюбивый народ всевозможные средства подавления. По приказу, полученному командующим английской армией в Ирландии Джеймсом Ормондом (1641 г.), ему вменялось в обязанности наносить вред, убивать, сдирать кожу и уничтожать мятежников всеми средствами и способами.

Одной из самых кровавых стала для Ирландии эпоха кромвелевских войн. Английский экономист Петти, современник тех событий, писал, что за одиннадцать лет, с 1641 по 1652 г., 504 тысячи ирландцев погибло и было уничтожено в результате войн, чумы, голода и нужды. В 1651 г. скот в Ирландии был почти весь истреблен, а более четырех пятых лучших земель опустошены и стали необитаемыми. В ту эпоху тысячи ирландцев были проданы в рабство в Вест-Индию для работы на сахарных плантациях.

Метрополия продолжала обирать свою колонию и в более позднюю эпоху. Так, в 1845 г. в Англию было вывезено 3 250 000 кватеров (1 кватер=12,7 кг) пшеницы. В том году погибло от голода 500 тысяч ирландцев. Одной из самых глубоких зарубок в памяти народа Ирландии остался голод 1846/47 г. В тот год картофель не уродился по всей Европе, но голодали только ирландцы — из Ирландии в Англию было отправлено столько зерна и скота, сколько хватило бы, чтобы прокормить вдвое больше нуждавшихся в помощи ирландцев. Голод при

изобилии, и вот поговорка тех лет: «Бог послал неурожай, а Британия — голод».

Население Ирландии сократилось тогда с 8 до 4 миллионов человек. Одни были похоронены в «ямах для голодных», другие эмигрировали. Снижение народонаселения шло за счет тех миллионов, которым не суждено было появиться на свет. Так, Ирландия превратилась в единственную в Европе страну, население которой постоянно сокращалось. И в основе этого лежал геноцид, осуществлявшийся на протяжении многих веков.

/Геноцид. — М., «Прогресс», 1985. /

Часть II

АРМЕНИЯ, 1915 ГОД

УНИЧТОЖЕНИЕ ТУРЦИЕЙ КУЛЬТУРНОГО НАРОДА

«Кто знает о судьбе народа, колесованного и распятого во время мировой войны?»

Знаете ли вы, что апогеем злого гения человечества было не 15-месячное неистовство оборотней на склонах кратеров Во и Дуо, а превзошедшая Голгофу драма, разыгравшаяся в ущельях Кавказа и выходящая за все пределы ужасного, перед которой блекнет даже сила воображения Грюневальда, Гойи, Бройгеля?..»

Так начинается книга Генриха Фирбюхера, одного из выдающихся деятелей пацифистического движения в Германии 1920 — 30 гг. «Что скрыло кайзеровское правительство от немецких подданных. 1915 г. Уничтожение Турцией культурного народа» (Ереван, 1991 г.).

Рассказ Г. Фирбюхера — это рассказ очевидца геноцида армян в Турции, и «самого большого организованно-

го убийства» (Паул Рорбах), т. к. во время первой мировой войны он был переводчиком маршала Лимана фон Сандерса в Турции.

Далее использованы материалы названной книги.

АРМЯНСКИЙ НАРОД. МЛАДОТУРКИ У ВЛАСТИ

«Характер армянского народа формировался под воздействием особенностей их страны и ходом их изменчивой истории. Тысячелетняя судьба этого народа определялась желанием всех переднеазиатских держав завоевать Армянское нагорье. Ассирийцы, персы, римляне, парфяне, византийцы, туркмены, монголы, сельджуки, турки, новые персы и русские вели борьбу за Кавказ. Страну с темно-зеленым и коричневым ландшафтом во все времена окрашивали кровью, долины изнывали от неистовств фурии войны и криков измученных людей. То, что Эльзас-Лотарингия, Польша, Ирландия выстрадали за столетия, Армения должна была выносить тысячелетиями.

Армянский народ жил в основном в долинах, в то время как в горах обитали курды, которые, как бедуины, не были оседлыми, остались полукочевниками и не могли быть покорены никакими завоевателями. Курды и армяне всегда были смертельными врагами. Жители армянских долин, занимающиеся земледелием и торговлей, постоянно подвергались нападениям со стороны занимавшихся разбоем курдов. Курды же сыграли ужасную роль во всех погромах, включая истребление армян, совершившееся в 1915 г.

Армяне — христиане. В 301 г. их царь Трдат II был крещен апостолом Григорием. На соборах 451 и 491 гг. они отделились от большой церкви, создали собственное церковное общество под названием Григорианцы. Армянская католическая церковь в своих обычаях застыла на таком уровне, что иностранец, присутствующий на их церковном обряде, может получить неприятное впечатление от бездуховности и соблюдения ритуалов. Во всяком случае, когда я однажды присутствовал на торжественных похоронах, не смог преодолеть это чувство. Но армянская религия когда-то была источником большой литературы, представителями которой были великие писатели Егише и Мовсес Холикос Эчмиадзина, который владеет высочайшей реликвией — десницей Святого Григория.

Армянский народ в рамках Турецкой империи, что совершенно естественно, жил в определенном смысле своей собственной жизнью. Это вытекало из его своеобразия, замкнутости его культурной сферы. Но чем же армяне не угодили правителям страны? Такой же вопрос можно задать и относительно поляков, чехов, украинцев, хорватов, а также бывших и настоящих национальных меньшинств всего мира, и всегда и везде получить один и тот же ответ: каждый народ имеет полное право на сохранение и выживание своего рода, при этом не растоптав права другого народа.

Кому должны угрожать армяне? Турецкие эфенди являются самой крупной кастой господ на земле. А турецкий народ? Эта бедная, измученная, тупая деревенщина, не имеющая ни читать, ни писать, терпеливое вьючное животное господствующего слоя. Где тут мог-

ли быть точки соприкосновения для высокоразвитого народа? И все же армяне по возможности приспособились. Армянский язык постепенно исчезал, турецкий становился языком общения. Я не встречал ни одного армянина, который не знал бы турецкого языка.

Мольтке в своих мастерски написанных письмах к матери с восхищением подчеркивал прямо-таки детскую веру армян в справедливость султана. Тогда, в 1840 г. армянские погромы еще не являлись правилом и Германия еще не имела интересов в Турции. В 1898 г. Фридрих Нойман в своей книге «Азия» под влиянием только что свершенных массовых убийств армян с неизмеримым лицемерием писал об измученном народе и его судьбе, когда погромы в течение нескольких десятков лет отняли сотни тысяч жизней и когда немецкой общественности с избытком преподносились розовые описания о немецких перспективах в Турции.

Армяне в своем подавляющем большинстве честные трудолюбивые крестьяне с особо ярко выраженной родственной привязанностью. Армянин чадолюбив. Не будь он таким, то массовые истребления за последние десятилетия, до 1915 г. истребили бы народ. Совершенно мирный образ жизни, блестящая интеллигентность многих армян создали такую предпосылку, что лучшие учителя, врачи, переводчики и торговцы Передней Азии были армяне. В Восточной Анатолии они являлись основной силой цветущего сельского хозяйства. По всей стране, вплоть до Сирии и Палестины, ремеслами в основном владели армяне, торговля была в руках армян, лишь на побережье ею занимались и греки.

Будучи прекрасными коммерсантами, армяне протянули мосты к европейскому прогрессу. Это, естественно, явилось результатом их торгового предпринимательства. Купец, усвоивший во время сотрудничества с внешним миром современное мышление и соответствующие духу времени методы, разумеется, особенно четко видит беспорядки в собственной стране, прегрешения и ошибки правительства. Турки никак не могли простить того, что некоторые армяне стали богатыми, что весь армянский народ стремился повысить уровень духовного мышления европейским обучением молодежи, и у него возникла мысль, что ему не нужно вечно быть объектом повторяющихся истреблений.

Турок видел, как шатко его гнилое государство, но к нему не приходило просветление, что разрушение можно предотвратить только отказом от старых методов. Турок чувствовал свою несамостоятельность творить, он всегда был насильником, господином, а тут был народ, который по праву заявлял на весь мир, что с ним опять обращаются с возмутительной бесчеловечностью.

Что могло произойти после этого? Или надо были идти на уступки и ладить с армянами, или продолжать истреблять армян. На Берлинском конгрессе 1878 г. Турция под давлением держав торжественно обязалась провести реформы внутри страны и в основном обеспечить жизнь христианского населения. Многочисленные избиения привели к единому фронту против кровавого правительства Абдул-Гамида. Турция подписала все, но ничего не выполнила.

Пока Абдул-Гамид правил своей кровавой властью, армяне ежедневно ждали новых истреблений. Если внутриполитические трудности были настолько больше, что в отдельных частях страны ожидалось восстания, то бойни были тем вентелем, которым правительство старалось разряжать обстановку. Это было похоже на то как в России еврейскими погромами пытались отвлечь народ от политических и экономических требований. Так же, как в 1878 г. Бисмарку удалось в связи с покушениями Гедела и Нобилинга издать исключительный закон против социалистов, так и в Турции, используя диверсии отдельных лиц, приписывая эти преступления армянам, побудили дрожащего за свою жизнь султана издать приказы об истреблении армян и привели в неистовство мусульманский народ, подняв их против последних.

Еще не придя к власти, младотурки упрекнули султана в том, что во время его правления были истреблены 500 000 человек.

В июле 1906 г. в Салониках началась турецкая революция. В течение многих лет бытовало мнение, что только коренными изменениями и серьезными реформами Турция в состоянии избежать участи быть раздробленной и стать легкой добычей для великих держав. Стремления отделиться распространились особенно в арабской части огромной империи, во Фракии, и в Албании уже уже вспыхнули восстания. Финансовый механизм зашел в тупик, и Абдул-Гамин пытался и дальше держать страну в своих руках под постоянным страхом с помощью армии шпииков. Подошел конец деспотизму османских султанов.

Молодые офицеры, некоторые добровольно, другие как ссыльные, жившие в Македонии, стали ведущей силой одного из удивительных военных мятежей в истории. Молодой майор Энвер и его друзья потребовали от султана восстановить уже на три десятилетия преданную забвению конституцию. Восставшие подались в горы, угрожая оттуда двинуться на Константинополь. Как большинство генералов, так и духовенство присоединились к требованию революционеров. Абдул-Гамин потерпел фиаско и... стал во главе революционного комитета!

Турки, армяне, греки были воодушевлены, они братались на митингах.

Очень редко властелин уступал свое место без борьбы. Через 276 дней Абдул-Гамид благодаря своим огромным финансовым средствам поднял страну против младотурок. Он пытался дискредитировать новый курс перед границей такими мерами, которые могли прийти в голову только азиатскому тирану. Приказом Абдул-Гамида был свершен страшный геноцид армян, который унес 200 000 жизней. В Адане за несколько дней было вырезано 2500 армян. В других местностях последовало то же самое. Руководители младотурок вынуждены были убежать. Тогда выступила армия под командованием Мехмета Шовкета-паши, которая спасла страну. Она тут же двинулась на Константинополь, заняла город, осадила дворец султана. Решением шейх-уль-ислама, высочайшего духовного вельможи, Абдул-Гамид был свергнут и выслан с Салоники, а его место занял его брат Мехмет Решад.

Дорога для младотурок была свободна. Комитет «Единение и прогресс» скоро добился безграничной власти в стране.

Страшные удары судьбы, испытанные армянским народом при Абдул-Гамиде, способствовали образованию армянской народной партии «Дашнакцутюн», которая руководствовалась исключительно демократическими принципами. Таким образом у народа появился орган, через который он мог бы обратить внимание мировой общественности на злодеяния, совершавшиеся над ним. Вожди этой партии по-братски действовали вместе с младотурками, так как программа последних со своими требованиями демократических преобразований в империи и равноправия всех народов в соответствии с их численным составом полностью отвечала желаниям армян. Лидеры младотурок и армян крепко подружились. Убогим карьеристам во всем содействовали образованные и в основном богатые армянские лидеры. И когда в апреле 1909 г. охранники Абдул-Гамида преследовали младотурецких лидеров, дашнакские руководители, подвергая свою жизнь опасности, скрывали их. Армянские лидеры были союзниками мужей, обещавших вычеркнуть кровавое прошлое. Когда революция победила, народные массы, во главе с мусульманскими и армянскими духовниками, шествовали по улицам Стамбула, а в одной армянской церкви состоялось трогательно-торжественное оплакивание жертв с двух сторон.

Когда сегодня оглядываешься назад и анализируешь те события, армянские лидеры кажутся жертвами своей преданности и веры в людей, которые вскоре показали

свое истинное лицо. Даже парализующий страх, который охватил их после истребления я Адане, был преодолен. Там мужчин разрывали на куски и их мясо бросали собакам. Заживо были сожжены сотни армян нашедших убежище в церкви. На одном кладбище гонялись за людьми как за дикарями и вырезали их прямо над могилами. Младотурки проявляли полное безразличие. Казалось, они боялись только огласки за границей, а само преступление им было по душе.

В 1911 г. младотурки обманули армян и не дали им обещанных десять мест в парламенте. Обманутые подавили гнев. Что им оставалось делать? Они продолжали надеяться, вновь и вновь доказывая новому правительству свою лояльность, особенно во время балканских войн, когда государство трещало по всем швам. Когда в ноябре 1914 г. Турция вступила в мировую войну, армянская партия полностью признала себя ответственной в деле защиты турецкого «отечества».

Надеялись. На что? По крайней мере надеялись на то, что то доброе, что было пережито в совместной борьбе против кровавого султана, не прошло бесследно мимо тех, в руках которых теперь находилась власть. Надеялись на мнение мировой общественности, на ее поддержку. Считали невозможным, что правительство могло быть таким глупым, чтобы, уничтожив самую деятельную часть народа, обречь всю страну на бедность. Думали, надеялись, но у младотурецких правителей были особые расчеты. И они взялись за дело: в 1915 г. хладнокровно убили армянских друзей, которые в 1909 г. спасли им жизнь.

Деятельность младотурецкой власти с первых же дней проходила под знаменем диктатуры. Комитет «Хурриет ве иттихад» «Единение и прогресс» располагал такой же полнотой власти, как и комитет общественного спасения во французской революции, но только не имел в своем руководстве личностей неподкупных, как Робеспьер и пылких идеалистов, как Сен-Жюст. В турецкой революции отсутствовали борьба за идеи и сила таких великих умов, как Кромвель, Мирабо, Дантон, Ленин. Младотурки боролись не за народ, не было борьбы и разных мнений друг против друга, отсутствовал гром штурма Бастилии, 9-й термидор.

Борьба шла не за новое образование, не за улучшение жизни народа, а за удовлетворение страстного желания отдельных людей властвовать, для которых народ был ничто, а высокомерие — все. С первого же дня в комитет входили только члены турецкой национальности. Ни один араб, грек, тем более армянин не мог знать, что делалось, в Комитете. Таким образом, заранее была предотвращена возможность влияния двух третей части населения на историю страны. Это была чисто националистическая власть, диктатура, дилетантизм который лучше всего можно понять, представив себе действия правительства Каппа в 1920 г. Конечно, были и планы ввести в Константинополь увиденное в Берлине, Париже. Вскоре, после того как с большим вдохновением раструбили о запланированных преобразованиях многое застопорилось уже в самом начале.

Разруха продолжалась, комитет держал в своих руках все богатство страны со времен Абдул-Гамида, «революционеры» получали оклад пашей, Энвер стал зятем султана.

Чем меньше достижений было в практической работе, тем больше младотурки упивались своими грандиозными планами. Еще никогда политической властью не правили более опасные фантазеры. Это были в худшем понимании слова — невежды. Комитет «Единение и прогресс» был охвачен империалистической иллюзией. Еще в начале века афганский дервиш Джемаледдин пытался внушить кровавому султану, что турецкую политику надо вести с точки зрения большого панисламизма, чем делалось до сих пор, так как только таким путем можно сохранить Турцию от полного перемалывания со стороны Англии и России. Несмотря на большое искусство убеждения Джемаледдина, владеющего такой же силой внушения, как Распутин, Абдул-Гамид был достаточно умен, чтобы отказаться от этой игры с огнем. Младотурки подхватили ход мыслей афганца и сформировали его в пантюркистскую идею. Это давало возможность фанатикам развить их фантазии до бесконечности.

«АРМЯНСКИЙ ВОПРОС МОЖНО РЕШИТЬ НАИЛУЧШИМ ОБРАЗОМ, ИСТРЕБИВ ВСЕХ АРМЯН»

Империалистическое опьянение, завладев умами младотурок, скоро взяло верх над реальными политическими соображениями, под кричащей необходимостью перестройки внутри страны, над страхом перед мнением внешнего мира, который помешал даже Абду-Гамиду довести до конца истребление армян.

Скоро начал действовать страшный националистический режим, начавший беспощадную борьбу против всего нетурецкого в стране.

Когда председатель восточной миссии доктор Лепсиус по ходатайству немецкого посла и с соглашения немецкого министра внешних дел в июне 1915 г. нанес визит военному министру Энверу-паше, выражая свое возмущение в связи со свирепствующими армянскими погромами, он старался нравственными словами подействовать на этого щеголеватого человека. Он обратился к политическому благоразумию кумира многих немцев, при этом представлял ему следующее: «Крупная и мелкая торговля находится в руках греков в прибрежных областях, а во всей Анатолии полностью — в руках армян. Армяне являются желудком страны. Вы сейчас вырезаете желудок и думаете, что другие члены — туркмены, курды, лазы и черкесы смогут взять на себя его функцию. Это заблуждение».

Энвер улыбнулся: «Может быть, несколько лет после войны у нас будет слабый желудок. Мы отдохнем. Подумайте, турецкий народ — это 40 миллионов людей. Когда они будут сплочены в одном государстве, тогда в Азии мы будем играть ту же роль, что Германия в Европе».

Турецкий народ в Османской империи составлял около 9 миллионов человек. Энвер замыслил завоевать еще территорию, охватывающую остальные 31 миллион турок. Таким образом, турецкий Александр намеревался совершить захватнические походы приблизительно до Китая.

Во время войны детям в немецких школах, вместе с глубоко немецкими требованиями, в военных целях также вдалбливали турецкие экспансионистские планы в духе Энвера. В книжке инспектора районной школы Гауптмана «Цели войны. Методическая помощь для современных занятий» написано:

«Теперь о дальнейших странах: Персия, Центральная Азия, Хива, Бухара, Туркестан. Как мы увидели, здесь ведь тоже живут магометане. Более того, есть связь между Турцией и мусульманами этих территорий. Здесь прародина турок. Здесь жили их предки. Отсюда их предки рысью добрались до юга и юго-запада. Турки давно забыли об этом. Они больше не думали о том, что было когда-то. Их мужество было раздавлено. Их враги по кусочку отрывали от старой турецкой империи. Турция стала наподобие больного человека. Турок снова надеется, снова тоскует, снова имеет цель перед собой. Но особенно горячо бьется сердце турка при мысли о тех землях, которые теперь принадлежат русским. Для них это родина, отечество. В стихотворениях поэты воспевают их, и все вторят:

«Отечество турок не Турция.

И не Туркестан.

Это далекая — вечная страна — Туран!»

Если внешнеполитическая цель как блуждающий огонек маячила перед глазами турок, то в своей стране они служили своему националистическому делу железной логикой. Они хотели создать свое национальное государство, которое беспощадно отклонило бы любую кон-

цессию национальным меньшинствам. То, что арабов невозможно на долгое время усмирить и продержать, с этим в Стамбуле более или менее примирились. Но от христианских народов надо было наконец избавиться, чтобы больше ни один чужак в их собственной стране не смог затормозить националистический захватнический поход.

Против всего нетурецкого с 1914 г. принимались меры с большим энтузиазмом. Все иностранцы, даже местные немцы, подвергались невыносимому давлению и произволу. В Константинополе, в этом многоязычном городе мира, исчезли все европейские, в том числе немецкие вывески фирм. Армянская и греческая пресса было подавлена штрафами и запретами. Это были предвестники тех страшных мер, которые будут предприняты в дальнейшем для «очистки» страны. Первый удар был направлен против армян. С ними они думали разделаться быстрее всего, так как армяне считались беззащитными. Потом должны были последовать греки и евреи. И пожалуй, в конце концов из страны выгнали бы немцев, если страны Центральной Европы и Турция выиграли бы войну.

Во время Абдул-Гамида один министр сказал: «Армянский вопрос можно решить наилучшим образом, истребив всех армян». Это выражение нашло одобрение со стороны геттингенского географа Эвальда Банзе. В своей книге «Турки» он назвал его не совсем несправедливым выражением. Этим замечанием господин профессор покрыл немецкую науку позором, который ему трудно будет смыть.

Один турецкий министр во время войны выразился следующим образом: «В конце войны в Константинополе не будет ни одного христианина. Город так основательно будет очищен от христиан, что Константинополь станет подобно Каабе» (высшее святилище ислама). Начальник отдела министерства юстиции сказал одному армянину: «Для нас и для вас в этой империи нет больше места, и было бы безответственным легкомыслием, если мы не воспользуемся возможностью, чтобы избавиться от вас».

«Возможностью» являлась война на стороне Германии. В своей обвинительной книге «Гибель армянского народа» (Потсдам, «Темпель-фермаг») Лепсиус опубликовал отрывки из армянской партийной корреспонденции. Страшно читать, как армяне все больше и больше заявляют, что они постепенно теряют надежду и видят надвигающуюся на них страшную катастрофу. В Турции армянам уже сказали: «Вы, армяне, виноваты в неудаче этой войны и мы вас уничтожим».

Уже 18 марта 1915 г. военный министр запретил центральный орган армян «Азамарт». В Константинополь доходили уже первые слухи о погромах. 21 апреля 1915 г. турецким правительством был составлен приказ об истреблении армянского народа и соответствующий приказ получили военные и гражданские ведомства. Таллат и Энвер одержали победу над робким великим визирем, египетским принцем Сеидом Халилом-пашой. В Константинополе были арестованы около 600 армянских интеллигентов и транспортированы в глубь Анатолии. Таким образом народ лишили своих предводителей. Депутат Варткес, который находился в осо-

бенно дружественных отношениях с младотурецкими лидерами, после ареста друзей посетил шефа полиции Бедри-бея, с мизерной надеждой услышать от своего старого друга слова утешения.

Ваткес — Вы слишком далеко зашли.

Бедри — Джаным, что мы сделали?

В. — Вы подстрекаете наш народ и толкаете его в бездну отчаяния.

Б. — Я даю тебе три дня, чтобы уехать из Константинополя. **В.** — моя жена больна, ей необходимо самое малое 10 дней. **Б.** — Как я сказал, так и будет.

Варткес и Акнуни посетили своего старого товарища по борьбе, чтобы спросить почему были арестованы невинные люди.

Талаат ответил: «Я не мог этому препятствовать».
12 апреля Талаат сказал Варткесу:

«В дни нашей слабости вы взяли нас за горло и подняли вопрос об армянских реформах. Вот почему мы должны воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых сейчас находимся, и так рассеять ваш народ, чтобы на целых пятьдесят лет вы выкинули из головы мысль о реформах».

Варткес — Значит, собираетесь продолжать дело Абдул-Гамида?

Талаат — Да!

Маска спала: семь чаш апокалипсиса были вылиты на один бедный народ. Через несколько недель после депутата Варткес был зарезан в ущелье Кемах. Убийца был адъютант зятя Энвера-паши. Жена Варткеса получила от правительства сообщение, что ее муж в ссылке покончил с собой.

Высланные из Константинополя армянские лидеры из ссылки послали Талаату следующую телеграмму:

«Организация, которая всеми силами содействовала Вам во имя благоденствия и прогресса империи, сегодня находится в таком странном и уму непостижимом положении, что только этот факт должен быть для Вас достаточным, чтобы поставить конец этому постыдному состоянию. Подумайте, что такое поведение турецкого правительства против представителей армянского народа омрачит взаимоотношения между двумя нациями и приведет к отчуждению двух народов. Мы никогда не могли представить себе, что после нашей совместной деятельности будем вынуждены отсюда по телеграфу вести в Вами переговоры»

Бедные люди все еще надеялись. Их смерть давно была предрешена. Из 600 константинопольских интеллигентов около 590 были убиты.

Из приказов Талаата недвусмысленно вытекает, что цель правительства была не переселение армян, а их уничтожение.

Уже в марте 1915 г. турки, в образе человека и думающие по-человечески, собирались предпринять истребление армян в Эрзруме.

В мечетях моллы, ссылаясь на Священную войну, верующих натравливали на христиан.

В июне 1915 г. Талаат-паша дал указание органам гражданской власти начать «депортацию» армян. Тучи беды уже месяцами надвигались над обреченными на смерть людьми, и вот с оглушительной силой грянул гром. Уже с января турецкое правительство со всей жестокостью принимало меры против армян Восточной Анатолии. Большой частью предлогом для преступного вымогательства денег являлось обвинение в шпионаже и незаконном хранении оружия. В тюрьмах заводились следственные акты против тысяч людей, давая возможность служащим и жандармам подвергать заключенных варварскому обращению.

И вот из Стамбула пришел смертоносный приказ. Талаат и Энвер, конечно, знали, что означал приказ «выслать все не совсем безупречные семьи в Месопотамию». В Месопотамии были такие убогие, бедные земли, что там невозможно было сразу поселить полтора миллиона человек, тем более что для принятия такой массы людей не были предприняты даже самые малей-

шие приготовления. Поселение означало бы удвоение месопотамского населения. И потом, надо себе представить, что означает оторвать целый народ с женщинами и детьми от земли, где они жили сотни тысяч лет, гонять потоки ограбленных, беспомощных людей на сотни километров по суровой стране в самый разгар знойного лета, обрекая их на голод, жажду, болезни.

Сотни тысяч людей месяцами без крова, без медицинской помощи, без гигиенических условий — уже только это — смертный приговор десяткам тысяч!

Главным образом окружали города и села и требовали от мужчин сдать оружие. Оружие было у очень немногих и то большей частью осталось со времен переворота, когда младотурки давали его армянам, чтобы они защищали новый режим. У кого находили оружие расстреливали на месте или умертвляли более страшным образом. Мужчин веревками привязывали друг к другу и умертвляли часто недалеко от дома. Близкие слышали их предсмертные крики. Потом приказывали женщинам и детям в течение нескольких часов, часто нескольких минут, приготовиться к отправке.

Из города Зейтуна таким образом вывели 20 000 людей. Только шести ремесленникам разрешили остаться. А остальные? Они должны были оставить свое имущество, которое расхищалось жандармами и чернью или же в спешке продавалось владельцами по смехотворно низким ценам. Потом обреченных на смерть гоняли из Зейтуна в Мараш, оттуда через Тавры до Карабунара, где они должны были основать так называемую колонию.

Это одна из беднейших и вредных для здоровья местностей Анатолии. Туда прибыло около 6000-8000 армян, за несколько дней сыпной тиф скосил более ста человек. А что случилось по дороге? Доктор Лепсиус приводит об этом показания одного очевидца:

«У старых женщин от бессилия, подкашивались ноги, но когда заптий приближался с поднятой палкой, они, собрав последние силы, вскакивали. Других подгоняли как ослов. Я видел, как одна молодая женщина упала, заптий нанес ей два-три удара, и она и трудом снова встала. Впереди нас шел ее муж с двух- или трехлетним ребенком на руках. Чуть дальше одна старая женщина споткнулась и упала в грязь. Жандарм подтолкнул ее два-три раза дубинкой. Она не шевельнулась. Потом он два или три раза ударил ее ногой, но она лежала неподвижно. Жандарм еще раз так сильно ударил ее ногой, что она свалилась в яму. Надеюсь, что она была мертва... Мой референт рассказывал, что по дороге в Кони в Карабунар одна молодая армянка, бросила своего новорожденного ребенка в колодец, потому что больше не могла кормить. Другая бросила своего ребенка из окна поезда».

Тот же очевидец:

«Один бывший богатый армянин из Зейтуна тащил с собой остаток своего имущества — двух козлов. Подошел один жандарм и схватил за веревку. Армянин начал просить его оставить ему козлов, так как у него больше ничего нет, на что он мог бы жить. Вместо ответа жандарм начал бить его налево и направо пока тот не упал в пыль, и пыль превратилась в кровавую грязь».

Тысячи умерли такой мученической смертью. Женщин с грудными детьми и беременных кнутами гнали вперед как скотов. Совершались изнасилования среди бела дня. На промежуточных стоянках жандармские офицеры вырывали женщин из толпы и раздаривали мужчинам для любого применения. Жандармам доставляло особое наслаждение на местах передышки поскотски мучить мужчин, часто перед глазами родных. Они жгли их каленым железом, вырывали ногти и волосы и применяли особенно чисто турецкий метод мучения, который был в ходу и в армии — бастонаду, удары по пяткам ног, пока не лопалась кожа.

В Трапезунде очистили около тысячи армянских домов. Там была применена такая форма умерщвления, которая проводилась во время французской революции под названием «Нойаде». Мужчин погружали на пароходы, а через несколько часов пароходы возвращались пустыми... В Трапезунде члены младотурецкого комитета выбирали самых красивых армянских воспитательниц детских домов для пользования на своих оргиях.

В Эрзруме, против воли вала, были организованы банды, которые подвергали страшным пыткам тех армян, которых подозревали в хранении оружия. Жандармы также пользовались этими методами, чтобы вырвать признание о спрятанном оружии. Мужчину, по имени Амаяк, так избили, что он больше не мог ходить. Потом в тюрьме клещами вырвали ему зубы и волосы. Когда мученик терял сознание, его обливали водой и приводили в чувство.

В деревне Мерватзик старший лейтенант жандармерии Сулейман вместе с бургомистром Абдулом-эфенди заставил крестьян, после того, когда они были замучены, купить оружие у соседей турок. В деревне Аркан кнутами так ударили женщин и мужчин, что женщины теряли сознание. В деревне Моллах избили крестьян, потом их лица намазали экскрементами и бросили их в реку. В одной церкви прервали службу и священника подвергли пыткам. В деревне Махмуд Бекри Сулейман и его сообщники били трех крестьян до потери сознания, обливали водой, приводили в чувства и снова истязали. Одному крестьянину оторвали два пальца. Если крестьяне не были в состоянии назвать членов армянской народной партии и места укрытий оружия, насиловали женщин.

ЧЕРТОВО УЩЕЛЬЕ

Депортированных армян Трапезундского и Эрзрумского вилайетов погнали по долине Ефрата до ущелья Кемах. Это глубокий, крутой каньон в горах, где река превращается в быстрину. То, что разыгралось здесь со многими тысячами армян, представляет картину такой невообразимой жестокости и зверства, что, кажется, еще раз сконцентрировалось все безумие тысячелетий и возвысилось на этом клочке проклятой земли, чтобы в образе огромного чудовища торжествующе выкрикнуть пылающему июньскому солнцу, что вся цивилизация всего лишь вуаль, которая каждый день может быть разорвана жестокостью двуногого изверга.

8,9,10 июня толпы армян покинули город Ерзнка в сопровождении военного конвоя, который должен был обеспечить безопасность транспорта, состоящего из шагающих людей и сотен повозок волов. Они шли в Кемах, в следующий окружной город. Из десятков тысяч армян, гонимых по долине Ефрата, только небольшая часть достигла места назначения. Беззащитные люди в ущелье были подвергнуты нападению солдат и кровожадных курдов, ограблены, а потом вырезаны в приступе кровавого безумия.

Под дикие вопли режущих извергов в зияющую пропасть бросались горы полумертвых и трупов. Треск раздробленных человеческих тел снова и снова раздавался между скалами, смешиваясь с безумными стенаниями скорчившихся в предсмертной агонии жертв наверху. Перед глазами мужчин и женщин расчленяли и разрезали на куски детей и близких, истекающие кровью тела разбивались о выступы скал. Потерявшие рассудок перед призраком ада матери и жены прыгали вслед за детьми и мужьями в пропасть смерти.

Отчаявшиеся человеческие существа падали на колени перед мокрыми от крови извергами и молили поскорей убить их. Другие просили сострадания или сами бросали своих детей в реку, на прибрежных выступах которой трупы образовали барьер. Падающие мертвые тела шлепались о быстрые волны. И эта сатанинская работа длилась не час, и не два, а три дня подряд.

Часами продолжались удушение и резня людей. Ручейки крови медленно стекали вниз по скалам и перемешивались с бурными волнам. Три дня...

Три дня! Пожитки людей, поглощенных Евфратом, увезли в повозках, оставшихся без владельцев. И только на четвертый день в ущелье Кемах был послан 86-й кавалерийский отряд, чтобы «наказать» кровожадных курдов. Этот «благородный» отряд завершил работу, вырезав немногих оставшихся в живых. Склоны и скалы были усеяны вздувшимися трупами, которые наполняли воздух невыносимым зловонием.

Две медицинские сестры из Ерзника рассказывали об одном жандарме, который хвастался, что каждый день убивал десять-двенадцать мужчин и бросал в реку. Детям, которые не могли бежать, раздроблял черепа. Женщины в каждой деревне по пути заново насиловались. Далее говорилось:

«На следующий день, ранним утром мы услышали шум проходящих обреченных на смерть... Вопль неопишувемый. Это было большое стадо. Многие кричали: «Спасите нас, мы хотим стать мусульманами или немцами, кем хотите, только спасите нас. Сейчас они поведут нас в Кемах и отрубят наши головы...»

Когда мы приблизились к городу, увидели, как многие турки скакали верхом и хватали детей и молодых девушек. У входа в город, где находились и дома немецких врачей, стадо на мгновение остановилось, перед тем как пуститься в дорогу, в Кемах. Здесь был настоящий базар рабов, с той лишь разницей, что ничего за них не платили. Матери добровольно отдавали своих детей, и сопротивление не помогло бы»:

Когда 21 июня сестры милосердия оставили Ерзнка, по дороге они увидели многочисленные страдания депортированных... Они шли молча вперед, малые и взрослые, даже престарелые женщины, которые еле держались на ослах. Шли чтобы потом, связанные друг с другом, быть сброшенными с высоких скал в волны Евфрата, в той долине проклятия, которая называется Кемах-Бохази. Один греческий кучер рассказал, как это делалось. Сердце леденеет от его рассказа.

Наш жандарм поведал, что он сам привел одну из таких колонн из 3000 женщин и детей из Мамахатуна в Кемах: «Her gitdi bitdi, всех уничтожили!» — сказал он. Мы спросили: «Если вы хотели убить их, зачем вы это не сделали в деревнях? Почему сначала довели их да такого неопишемого унижительного состояния?». «Тогда куда должны были девать трупы, они распространяли бы зловоние!» — был ответ».

Один американский миссионер из колледжа в Мерсиване (вилайет Сиванс) сообщает, что в начале июня власти приказали выпытать у нескольких армян признание о местонахождении большого количества оружия, якобы хранящегося у них. Такое признание заставили сделать под пытками бастонадой, каленым железом и выкалыванием глаз. Эти наказания были распространены с целью возбуждения населения. В Мерсиване собрали мужчин всех возрастов и сословий, также больных, которых заставили пуститься в путь, в ссылку. Они по дороге были беспощадно убиты. После этого последовала транспортировка женщин и детей, которым разрешили взять с собой продовольствие только на один день. Были высланы также учителя и ученицы армян-

ской национальности, которых по просьбе директора-американца Талаат-паша обещал оставить в городе. Из 12 000 армян — жителей города только несколько сотен избежали резни.

Раненный солдат-армянин из Цилеха, сообщает, что, вернувшись с фронта в родные места, он увидел, как к ступням сивасского епископа были подбиты лошадиные подковы. Вали обосновал это мучение тем, что «нельзя же было допустить, чтобы епископ шел босиком... Мучжин Цилеха, связанных друг с другом, погнали до центра и убили на глазах у всего города. Женщин заставляли принять исламскую веру. Когда они отказались, матерей закололи перед глазами детей.

Учителей американской школы Харпута перед умерщвлением страшно истязали. Профессорам Тенекеджяну и Буджиганяну в тюрьме вырвали волосы и бороды, чтобы принудить их к признанию, и днем и ночью подвешивали их за руки. Другой профессор сошел с ума, увидев, как у него на глазах до смерти избили нескольких армян. В пытках профессора Люледжяна принимал участие даже вали. Господин оберрриунгс — президент был так долго, что устал и сказал: «Кто любит свою религию и свой народ, может бить дальше».

В Диарбекире, действовали так же, как и в Трапезунде. С начала в тюрьме убили двадцать шесть знатных армян, среди которых был и священник Арпиар. Десять жандармов изнасиловали и почти до смерти замучили его молодую жену. Потом 674 мужчин погрузили на паром, по пути сбросили их в Евфрат и по приказу жан-

дармов стреляли выплывающих. Пятерых священников раздели догола, обмазали смолой и вели по улицам Диарбекира. Один унтер-офицер хвастался, что он вместе с пятью жандармами расстрелял 700 беспомощных армян в пути между Диарбекиром и Урфой. Начальник окружного управления Лиджея, из-за невыполнения устно переданного приказа вали истребить армян, был отстранен от должности и по дороге в Диарбекир убит.

3000 мужчин из области Сасун были транспортированы в Харпут и вырезаны за исключением трех.

Газета «Deutsche allgemeine Zeitung» от 28 апреля 1927 г. публикует письмо генерал-фельдмаршала фон дер Гольца, отправленное из Алеппо 22.11.1915 г. Маршал пишет:

«...На следующее утро проехали главный туннель и въехали в Северо-Сирийскую низменность. Здесь нашему взору представилось жалкое зрелище — бежавшие армяне, поселившиеся у южного подножия Тавра, пребывали в безграничном убожестве, так как такой огромной массе людей нельзя было помочь чем-нибудь существенным. Ужасающая трагедия целого народа. Тысячи и тысячи незащитных людей шли навстречу неизвестной цели, без продовольствия, без снабжения. Многие умирали в пути, и их трупы лежали по обочинам дорог. Сочувствуешь им от своей души, но не можешь ничем помочь. Сколько горя принесла эта роковая война и сколько еще принесет».

РАСОВАЯ ТЕОРИЯ НАЦИЗМА

Расовая теория была действенным оружием в руках Гитлера. Главная ее цель заключалась в покорении других народов, в установлении системы рабства во всей Европе, при которой немцы играли бы роль хозяев и надсмотрщиков. Но наряду с этим расовая теория выполняла также внутривнутриполитические функции — она была направлена на порабощение большей части самого немецкого народа и на утверждение безраздельного господства Гитлера.

Расовый фактор был также объявлен главной движущей силой общественного развития. «Расовый вопрос, — писал фашистский деятель Вальтер Дарре, — это ключ к пониманию мировой истории». Альфред Розенберг в своих работах отстаивал точку зрения, что борьба различных рас всегда составляла основное содержание мировой истории и истории культуры.

«ОТБОР ФЮРЕРОВ» СРЕДИ НЕМЦЕВ

Первая из основополагающих идей нацизма — доктрина, провозглашающая право на абсолютное гос-

подство фюрера над всем немецким народом и над каждым немцем в отдельности.

В речи перед выпускниками офицерских школ в 1939 г. Гитлер делит весь немецкий народ на две неравные части — на громадное большинство, которое состоит либо из «нечистых арийских элементов», либо из «арийцев», лишенных «признаков господ», и на меньшинство — «чистых арийцев», наделенных качествами господ.

Только последний слой имеет право на власть в стране, остальные представляют собой, по словам Гитлера, «женственный элемент», который только и жаждет подчиниться руководству «мужского элемента», т. е. «арийцев-господ». «Громадное большинство (немецкого народа), — говорил Гитлер, — не принадлежит к слою «арийцев — господ», оно противостоит «нордически-господскому» элементу и составляет, я бы сказал, женственный элемент, обладает типично женственными качествами... Оно, подобно женщине, всегда мечтает о том, чтобы найти мужчину, который мог бы стать абсолютным господином ее жизни.»

Гитлер, развивая свою идею, говорит, что точно так же, как женщина сопротивляется тому, чтобы ей овладел мужчина, так и большинство ненордических элементов в народе сопротивляется власти «арийцев-господ». Но «естественный закон» берет верх: «мужской элемент» становится господствующим. «Те же самые немцы, которые смеялись над нашими слабосильными буржуазными партийными руководителями... теперь в слепом повиновении маршируют в наших рядах. И они будут

маршировать с нами до тех пор, пока наш руководящий слой сохранит абсолютно господские и тем самым нордические черты».

Итак, господство меньшинства «нордических людей» над народом. Но как же определить принадлежность того или иного немца к «нордическому элементу»? Это может сделать, по логике нацистов, только прирожденный фюрер. «Выход в том, — утверждал Гитлер, — чтобы произвести отбор фюреров.»

Если перевести теоретические упражнения Гитлера на язык цифр, то получится следующая картина: в речи перед воспитанниками эсэсовский «орденской школы» в Зонтхофене в 1937 г. фюрер заявил, что в нацистские организации уже вовлечено 25 миллионов немцев, а слой фюреров составил к этому времени 30 тысяч человек. Таким образом, «фюреры выше народа».

Вот какой портрет нордического человека дает Г. Фризе (1936): «Нордический человек обладает высоким ростом, он строен, длинноног. С первого же взгляда он кажется гибким. У него узкие бедра и широкие плечи. Голова у нордического человека узкая, череп удлиненный, лоб высокий. Особенно характерен для этого лица нос, высоко посаженный, сильно выдающийся вперед. Так называемый орлиный нос относится к нордическим формам носа. Крылья носа узкие... Благодаря этому лицо приобретает особое выражение благородства. Губы узкие, слегка припухлые, умеренно изогнутые. Нордический человек светловолосый., у него тонкие пушистые волосы. Глаза голубые, иногда серо-голубые или серые...»

Соответствующими признаками наделен характер нордического человека. Это были люди, наделенные наивысшими добродетелями. Нордический человек обладал «свободой духа», был смел, активен; утверждалось также, что среди истинных германцев гораздо больше талантливых людей, нежели у других рас. Нордическому человеку, естественно, присущи и «военные успехи», и «новые глубокие мысли», и «способность принимать решения», и «правдолюбие»...

НЕАРИЙЦЫ ВНУТРИ СТРАНЫ

«Права человека» даются не самим фактом рождения его, они зависят от «биологической полноценности», — писал в книге «Норма. Загнивание. Гибель.» немецкий антрополог К. Гильдебрандт.

Из этой же книги документ:

«Антропологический институт при Университете в Братиславе:

Господину старосте общины в... По согласованию с правительством Ваша община будет исследована с расовых позиций. См. публикацию господина ландрата... в официальном окружном вестнике №... от... В связи с этим Вам предлагается собрать всех постоянных коренных жителей, мужчин и женщин в возрасте от 20 до 50 лет, в указанные часы в гостинице (школе). Постоянными, коренными жителями считаются те жители, чьи предки, включая бабушку и дедушку, родились в этом ок-

руге. Мы просим Вас выделить для требуемого опроса достаточно светлое помещение, где можно будет измерять и фотографировать... В дополнение Вы получите повестки для членов Вашей общины, которым надлежит расписаться в них — тем самым будет ясно, что они оповещены.

Хайль Гитлер

печать

подпись»

Но самая главная «работа» заключалась в том, чтобы составить каждому жителю «третьего рейха» специальный «паспорт», так называемый «родословный паспорт», подтверждавший его «арийское происхождение».

Со свойственной немецким фашистам сентиментальностью и любовью к красотам они окрестили этот паспорт «шкатулочкой для сокровищ предков». В «шкатулочку» вносились данные о матерях, отцах, дедушках и бабушках по материнской линии и отцовской с указанием их «расы». Так как мертвых нельзя было обследовать и сфотографировать «по форме» (впрочем, такие попытки тоже делались), в удостоверении писалось просто «немец», «немка». Но иногда возникали недоразумения. Допустим, бабушка была приезжей и кому-то из начальства показалось «подозрительным» ее имя. В церковной книге, где был зарегистрирован брак дедушки с бабушкой, она значилась евангелистка (или католичка), бабушкину метрику затеряли (или уничтожили намеренно) — тут-то внуков ждала чрезвычайно неприятная процедура: их соответствующим образом

«проверяли», так сказать, по экстерьеру. Ведь в «шка-тулочку» следовало что-то внести.

Если познакомиться с выводами «экспертов», становится очевидным — какого бы роста ни был «подопытный», какой бы цвет глаз и волос у него ни был — все равно вывод делался одинаковый — наличие неарийской крови не исключено. А если «эксперт» счел «подопытного» арийцем (это случалось в одном случае из тысячи) — результаты «экспертизы» оспаривались. Словом, установка была ясна: во всех случаях уничтожать ненадежных.

Иногда результаты «экспертизы» и впрямь означали смертный приговор. Насилие арийской крови (хотя бы одного арийского родителя) исключалось — и человеку грозил концлагерь и смерть в печах крематория.

Составление родословной, определение расы воистину охватило миллионы людей. Это стало повседневностью для жителей нацистской Германии.

Безумие стало повседневностью.

15 октября 1943 г. Гесс, тогдашний заместитель фюрера, создал специальное ведомство для изучения родства при НСДАП. В марте того же года оно получило официальное название «Имперское ведомство для изучения родства», в обиходе его звали «Ведомство по родству». И СС, и министерство юстиции руководили работой ведомства, не давая ему, так сказать, расслабиться. Если «эксперт» старался облегчить участь испыты-

емого, говоря, что он не нашел видимых примесей «неарийской» крови, его тут же «поправляли». Новый «эксперт» писал: «Примесь неарийской крови исключить нельзя» или «Одна восьмая еврейской крови совершенно ясно видна по глазам и носу» (таков был научный уровень «экспертиз»). Хотя испытуемые могли гораздо больше походить на так называемый «нордический тип», нежели любой из фюреров нацистского рейха.

На местах все решали суды (на основе «справок») — окружные, земельные, а также «партийный суд», если речь шла о члене НСДАП. У судов были свои «эксперты», а у ведомства — свои. Так, на общегерманской конференции по расовым вопросам в 1939 г. присутствовало 2800 судебных «экспертов» и 370 «экспертов» «Имперского ведомства по определению родства». В общем, была создана огромная бюрократическая машина.

В 1936 г. по указанию имперского министра юстиции было объявлено, что девяти специальным (антропологическим) институтам вменяется в обязанность определять расовую принадлежность испытуемых.

Вот перечень институтов: Берлинский (имени кайзера Вильгельма), институты во Франкфурте-на-Майне, в Братиславе (Вроцлаве), в Мюнхене, в Вене. Справка о расовой принадлежности, которая выдавалась отныне немцам, также получила определение: «фирменное» название «Наследственное и расовое заключение экспертизы Имперского института по изучению родства». При составлении «расовой справки» следовало учесть

от 120 до 130 «расовых признаков» — результаты обмеров и «морфологических» описаний. Плюс установление группы крови, которая (признавали сами нацистские «ученые»), была бесполезной: «широко распространенное мнение среди дилетантов, что по установленной группе крови можно определить расовую принадлежность испытуемого, ошибочно». Плюс фотографии головы, «сделанные при правильном положении» и «при сильном свете» (спереди, сзади, справа, слева). Плюс фотографии зубов, зрачка, языка, рук и ног, плюс отпечатки ладоней и ступней (их мазали специальным составом).

Параллельно с опросами, осмотрами и поголовной классификацией немцев по принципу «чистый», «нечистый», шла и законодательная деятельность гитлеровцев, направленная на все большее ущемление прав «нечистых» на их изоляцию.

Уже в 1935 г. был издан закон об «имперском гражданстве». В нем прямо говорилось, что гражданином рейха может быть лишь тот германский подданный, у кого в жилах течет «немецкая или родственная кровь...» И уже в первом, изданном два месяца спустя указе на основе закона было зафиксировано: «Еврей не может быть гражданином рейха. Ему не положено иметь право голоса в политических вопросах, он не может занимать административный пост...»

Куда важнее было то, что в окончательной формулировке закона о «Восстановлении профессионального статуса чиновничества» (сентябрь 1933 г.) говорилось,

что все «нечистокровные чиновники, служащие и рабочие в пределах рейха подлежат увольнению». Сперва еще делались кое-какие исключения для участников первой мировой войны (их выводили на пенсию), а также для детей, чьи отцы погибли на фронте. Но расовое безумие скоро смело и эти крохотные преграды на пути тотального преследования всех неарийцев (это произошло уже в 1935 г.)

С чрезвычайной помпой был принят закон «О запрещении евреям вывешивать флаг со свастикой». Разумеется, он играл чисто символическую роль. Зато чудовищные практические последствия имел так называемый «запрет на браки», категорически не разрешавший браки между: 1) арийцами и евреями, 2) «евреями на одну четверть» и евреями, 3) «евреями на одну четверть» и «евреями на одну четверть». В запрете «специально оговаривалось, что немец может жениться на немке, если она была до этого замужем за евреем и разошлась с ним или овдовела. Знаменательное разъяснение: стало быть, еврей не навек «осквернял» арийскую кровь.

Но этого еще мало: запрещались и внебрачные связи между арийцами и неарийцами. В параграфе 11, в пункте втором того же указа говорилось: «За преступление, выражающееся в расовом позоре, ответственен мужчина».

«Расовый позор!» Вот такое новое юридическое понятие изобрели нацисты! Сожительство с негром, к примеру, считалось «расовым позором» и каралось концлагерем. В годы войны как «расовый позор» клеймилась также

связь немки с поляком, с русским... Неарийца вешали, немку упрятывали в концлагерь...

Неарийцам запретили посещать концерты, доклады, театральные спектакли.

Запрещено им было также работать на частных предприятиях, торговать вразнос, на рынках, на ярмарках... А с января 1939 г. — и заниматься ремеслом.

В 1938 г. был издан приказ, согласно которому «евреи должны были иметь только еврейские имена и фамилии». С 1939 г. «неарийцев» начали выгонять из домов и квартир, в 1940 г. их еще «уплотнили», поскольку «смешанные» дома стали столько же нежелательны, как и «смешанные» браки.

И наконец, все это венчал указ «о желтой звезде». В нем было три пункта. В последнем говорилось, что евреям запрещено покидать свои дома, даже нацепив желтую звезду, но не имея при себе специального разрешения местных властей на выход. А переезд из одного населенного пункта в другой и вовсе запрещался.

Приведем письмо некоего верноподданного Гитлера, который, испугавшись насмерть, пишет в 1944 г.: «При сборе документов для выяснения родословной я узнал страшный факт, до сих пор совершенно не известный ни мне, ни моим родителям. Половина моих предков (со стороны отца) были евреями.

Согласно Нюрнбергским законам, моя кровь считается немецкой, так что как чиновника это меня не затрагивает. Но как быть с членством в НСДАП и НСКК... И что будет с моими детьми, если они появятся на свет? У них неарийской крови будет 1/16 часть?..»

ТЕОРИЯ «ВЫСШЕЙ РАСЫ»

Что касается расовой теории в целом, то она, как это уже было отмечено, должна была служить обоснованием права Гитлера и нацистской Германии господствовать над всеми другими государствами. Расовая теория давала не только чувство превосходства сравнительно узкому слою фюреров, причисленных к «арийскому» ядру внутри страны, но и нордической или арийской расе в целом.

Уже в 1930 г. Розенберг заявлял в своей книге «Миф XX века»: «Через пятьдесят лет сила цветных возрастет... Поэтому человек нордической расы должен позаботиться о том, чтобы в его государстве не осталось ни одного негра, желтого, мулата, ни одного еврея».

Из директивы Управления питанием и сельским хозяйством «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности»:

«...За последнее время наблюдается значительный рост деторождаемости у женщин не немецкой национально-

сти. Вследствие этого возникают трудности не только при использовании на работах, но и еще в большей степени появляется опасность социально-политического характера, которую нельзя недооценивать...

Простейшей борьбой с этими трудностями явится то, чтобы возможно скорее оповестить о беременных женщинах не немецкой национальности те учреждения, которые их используют на работе...»

В «Майн кампф» Гитлер писал: «Он (еврей) не только планомерно портит женщин и девушек, но и не останавливается перед тем, чтобы распахнуть двери, куда хлынет чужая кровь. Не кто иной как еврей привлекает негров к Рейну и всегда с той же дальней мыслью и ясными целями: с помощью «бастардизации» разрушить ненавистную ему белую расу, сбросить ее с культурной и политической высоты и самим превратиться в ее господ».

В нацистской Германии была принята такая классификация европеоидов: 1) арийская раса, 2) фельская (палеолитская — гунны), 3) восточно-балтийская, 4) восточная раса (альпинская), 5) динарская, 6) западно-средиземноморская.

Представители фельской расы, наиболее близкой к германской, были хоть и смелые, но скрытные, тугодумы, к тому же «вросшие в землю».

Еще меньше достоинств было у восточно-балтийской расы. К ней принадлежали «слабые люди», подверженные несчастьям, фаталисты, вечно всем недовольные и беспокойные.

Альпины (восточная раса) были трезвыми работягами и скупердяями, в общем типичными мелкими обывателями, а также честолюбцами и карьеристами. Зато динарская раса отличалась, по мнению нацистов, любовью к родине и хорошими солдатскими качествами, музыкальностью и надежностью.

Больше всего недостатков было присуще представителям средиземноморской расы: непостоянство (при живом уме), нетерпение, болтливость, отсутствие творческих способностей.

Из расовой теории непосредственно вытекал тезис о «недочеловеке» как крайней форме представителя низшей расы. Одним из ярких сторонников этого тезиса был руководитель германских СС Генрих Гиммлер.

«Недочеловек, — заявлял он, — это на первый взгляд полностью идентичное человеку создание природы с руками, ногами, своего рода мозгом, глазами и ртом. Но это совсем иное, ужасное создание. Это лишь подобие человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь. В душе этих людей царит жестокий хаос диких, необузданных страстей, неограниченное стремление к разрушению, примитивная зависть, самая неприкрытая подлость. Одним словом, недочеловек. Итак, не все то,

что имеет человеческий облик, равно. Горе тому, кто забывает об этом».

Из этого логически вытекало, что изоляция «недочеловеков» и даже их уничтожение не нарушают принципов, на которых основано общество, и даже наоборот, способствуют их реализации, поскольку ликвидируется то, что препятствует нормальному существованию действительно ценных человеческих особей.

Расовое безумие в нацистской Германии прошло несколько стадий. Первую надо считать теоретической, подготовительной. Как говорили сами гитлеровцы, они проводили «отбор», а точнее, разделение всего народа на расово «полноценных» и «неполноценных» особей. После того, как «полноценных» отобрали и «неполноценных» отделили, этих последних стали поэтапно лишать всех гражданских прав, превращать в изгоев. Ну а потом настал и последний этап — пресловутое «окончательное решение» — поголовное уничтожение, ликвидация евреев. В беседе с Раушнинггом Гитлер сказал как-то, что не будь в Германии евреев, их следовало бы выдумать».

Затем расовое безумие распространилось на многие народы. Из «теории высшей расы» вытекало, что немцам, вследствие их принадлежности к ней, присвоено «право» строить свое благополучие на костях других рас и народов. Эта «теория» объявила немецко-фашистских захватчиков не связанными ни законами, ни общепризнанными правилами человеческой морали. «Расе господ» все дозволено. Все действия этих господ, сколь бы

отвратительны и бесстыдны, жестоки и чудовищны они ни были, обосновывались «идеей» превосходства этой расы.

«Мы хотим, — говорил Гитлер, — произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет установить и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой».

Эта расовая «теория» должна была вместе с тем служить «научным» обоснованием подготовки гитлеровцами нападения на другие страны, оправданием агрессивных войн, к которым гитлеровцы лихорадочно готовились в течение всего времени своего господства в Германии.

Распоряжениями немецко-фашистских властей «расовое учение» введено было в учебные планы как важнейший и обязательный предмет. Школы и университеты были опаснейшими для цивилизации центрами умственного и морального уродования людей. Все науки были военизированы. Все виды искусства подчинены целям агрессии.

«Мы идем к науке свободные от бремени знания и научного образования, — говорилось в журнале «Политише виссеншафт» № 3 за 1934, — студент должен приходиться в высшую школу с требованием, чтобы наука была такой же солдатской, как его собственная выправ-

ка, а профессор обладал качествами вождя и солдатской выправкой».

«Мы снова хотим оружия, — говорил Гитлер, — поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая доска для объявлений должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии».

География служила орудием пропаганды «преимущественного» значения в мире немцев, их «права» на «господство» над другими народами. Молодежи внушали чувство расового превосходства, высокомерия, человеконенавистничества, презрения и жестокости по отношению к другим народам.

В немецкой песне пелось:

«Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать.
Мы все равно будем маршировать дальше,
Потому что сегодня нам принадлежит Германия,
Завтра — весь мир».

Фашисты возвели в принцип произвол, насилие, надругательство над людьми, они объявили опасными для «расы господ» идеи свободы, идеи просвещения и требования гуманности.

«Я, — говорил Гитлер, — освобождаю людей от отягчающих ограничений разума, от грязных и унижаю-

щих самоотравлений химерами, именуемыми совестью и нравственностью, и от требований свободы и личной независимости, которыми могут пользоваться лишь немногие» (Г. Раушнинг, «Голос разрушения», изд. 1940 г., Нью-Йорк, стр. 225).

В духе таких «принципов» была построена вся фашистская система воспитания немцев, приспособленная к тому, чтобы подготовить их к беспрекословному выполнению планов и целей, поставленных гитлеровскими правителями перед Германией. Угар шовинизма и человеконенавистничества систематически отравлял сознание немцев в результате фашистской пропаганды и всей системы мероприятий, культивировавшихся гитлеровским государством.

«Наследие предков, германская научная миссия, аванпост Фландрия, оберштурмфюрер СС, доктор Августин.

Годовой отчет.

Цель работы — оказать влияние на широкие слои интеллигенции во Фландрии и Валлонии. Следуя германской линии, которая представлена только в лице СС, необходимо: 1) Прорвать фронт либерально-гуманистического просвещения путем привлечения на свою сторону лиц, занимающих основные посты в интеллектуальной жизни страны. 2) Выступить против великогерманского мифа с идеей создания великогерманского культурного и национального самосознания с помощью весьма эффективных, замаскированных под нейтральные, средств политической пропаганды в науке, перед

лицом французских притязаний на культуру и комплекса неполноценности у фламандцев».

Из книги Германа Раушнинга «Голос разрушения», издания 1940 г.:

«Он (Гитлер, прим. авт.) продолжал: минимально, что мы можем делать, — это предотвратить поднятие чужеземной крови в теле нашей нации.

Я признаю, что угроза этого чужеземного засилья не ослабнет, если в недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. Подумайте об Австрии, о Вене. Разве в них осталось что-нибудь немецкое?

Мы обязаны истреблять население, — продолжал он, возбуждаясь, — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц.

Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, — грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить мил-

лионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви.

Под словами «уничтожить» я не имею в виду непременно истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения. Например, я могу на несколько лет отделить мужчин от женщин. Вы помните, насколько упал процент деторождаемости во время мировой войны? Почему бы нам в течение нескольких лет не проводить сознательно то, что тогда явилось неизбежным следствием продолжительной войны?

Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уж во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов. Кстати, — добавил он, — я без всякого колебания заявляю об этом открыто.

После войны французы жаловались, что немцев на двадцать миллионов больше, чем нужно. Мы соглашались с этим заявлением. Мы приветствуем существование регулирования по плану численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих веков хныканья о защите бедных и забитых для нас пришло время решить защищать сильных перед низшими.

Одна из основных задач германского государственного

управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал исключительное право уничтожать целые племена, целые народы. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы проявляем гуманность. Нам не нужно забывать, что мы поступаем с другими только так, как они сами поступили бы с нами...»

В октябре 1943 г. Гиммлер писал:

«Детей славян, из которых можно воспитать хорошую расу, надо перевезти в Германию. Если ребенок будет сопротивляться, мы его уьем, ибо он опасен. 120 — 130 млн. германцев будут править сотнями миллионов недочеловеков».

Из директивы начальника Верховного командования германскими вооруженными силами от 16 сентября 1941г.:

«...Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости...»

Подписано: Кейтель»

Из замечаний и предложений Ветцеля (Э. Ветцель — начальник отдела колонизации 1-го главного политического управления министерства по делам оккупирован-

ных восточных областей) по генеральному плану «ОСТ»

«27 апреля 1942 г.

Совершенно секретно,
государственной важности

К вопросу о будущем обращении с русским населением.

Необходимо коснуться еще одного вопроса, который совсем не упоминается в генеральном плане «ОСТ», но имеет большое значение для решения вообще всей восточной проблемы, а именно: каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа. Поэтому надо кратко рассмотреть вопрос об отношении к русским, о чем почти ничего не сказано в генеральном плане.

Теперь можно с уверенностью сказать, что наши прежние антропологические сведения о русских, не говоря уже о том, что они были весьма неполными и устаревшими, в значительной степени неверны. Это уже отмечали осенью 1941 представители управления расовой политики и известные немецкие ученые. Эта точка зрения еще раз была подтверждена профессором доктором Абелем, который по поручению верховного главнокомандования вооруженных сил проводил подробные антропологические исследования русских...

Абель видел только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той части, которая имеет явные признаки нордической расы. Эти очень серьезные положения Абеля заслуживают большого внимания. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической, точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ.

Предложенный Абелем путь ликвидации русских как народа, не говоря уже о том, что его осуществление едва ли было бы возможно, не подходит для нас также по политическим и экономическим соображениям. В таком случае нужно идти различными путями, чтобы решить русскую проблему. Эти пути вкратце заключаются в следующем:

а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие. Пока можно оставить открытым вопрос о том, следует ли учредить имперский комиссариат на Урале или здесь надо создать отдельные районные управления для проживающего на этой территории нерусского населения без специального местного

центрального органа управления. Однако решающее значение здесь имеет то, что эти районы административно не подчинялись немецким верховным властям, которые будут созданы в русских центральных областях. Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар...

Как на Урале, так и на Кавказе существует много различных народностей и языков. Будет невозможно, а политически, пожалуй, и неправильно делать основным языком на Урале татарский или мордовский, а на Кавказе, скажем, грузинский язык. Это могло бы вызвать раздражение у других народов этих областей. Поэтому стоит подумать о введении немецкого языка в качестве языка, связывающего все эти народы... Тем самым немецкое влияние на Востоке значительно увеличилось бы... Следует также подумать об отделении Северной России в административном отношении от территорий, находящихся под управлением имперского комиссариата по делам России...

Нет сомнения в том, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа.

б) Вторым средством, еще более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте «а», является расслоение русского народа в расовом отношении. Онемечивание всех русских для нас невозможно и нежелательно

с расовой точки зрения. Что, однако, можно и нужно сделать, так это отделить имеющиеся в русском народе нордические группы населения и произвести их постепенное онемечивание...

Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот для германского руководства. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история областей, в руководстве. Если германскому руководству удастся не допустить сближения с русским населением и предотвратить влияние немецкой крови на русский народ через внебрачные связи, то вполне возможно сохранение германского господства в этом районе при условии, если мы сможем преодолеть такую биологическую опасность, как чудовищная способность этих примитивных людей к размножению.

в) Есть много путей для подрыва биологической силы народа...

Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем частично и к Украине. Пока мы заинтересованы в том, чтобы увеличить численность украинского населения в противовес русским. Но это не должно привести к тому, что место русских займут со временем украинцы. Для того, чтобы избежать в восточных областях неже-

лательного для нас увеличения численности населения, настоятельно необходимо избегать на Востоке всех мер, которые мы применяем для увеличения рождаемости в империи. В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т. п., мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей...

Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии мешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями...

Рассмотренные выше проблемы огромны по своим масштабам. Но было бы очень опасно отказаться от решения их, объявив их неосуществимыми или фантастическими. Будущая немецкая политика по отношению к Востоку покажет, действительно ли мы преисполнены воли обеспечить прочную основу длительного существования третьего рейха. Если третий рейх должен существовать тысячи лет, то наши планы должны быть разработаны на целые поколения. А это означает, что расово-биологическая идея должна иметь решающее значение в будущей немецкой политике. Тогда мы сможем обеспечить будущее нашего народа.

Д-р Ветцель»

Из передовой статьи газеты «Дас шварце кор» «Германизировать ли?» г. Берлин, 20 августа 1942 г.:

«В номере журнала «Немецкий труд», посвященном задачам колонизации Востока, опубликовано следующее предисловие рейхсфюрера войск СС:

«Наша задача заключается в том, чтобы германизация Востока не в прежнем смысле этого слова, т. е. не в том, чтобы побудить живущих там людей усвоить немецкий язык и немецкие законы, а в том, чтобы населить Восток людьми с подлинно немецкой, германской кровью».

Отказ от всех тенденций к германизации отнюдь не нов. Он по меньшей мере того же возраста, что и национал-социализм. В устах рейхсфюрера войск СС как рейхскомиссара по укреплению немецкой национальности этот отказ становится приказом. Именно в этом заключается смысл вышеприведенных слов.

Здесь выражается не точка зрения, наряду с которой могут быть признаны законными и другие взгляды; здесь излагается лишь одна-единственная программа человеком, который претворяет в действие волю фюрера.

Воля фюрера нашла свое выражение еще в его книге «Моя борьба». С постоянным восхищением мы читаем в ней, как этот в то время еще одинокий, понятый лишь немногими ефрейтор эпохи первой мировой войны сумел пророчески проникнуть в решающую проблему германской судьбы. Так, в одном месте своей книги он говорит об «усиленной работе немецкого плуга, которому меч должен предоставить землю».

Эту мысль претворил в действие в наши дни немецкий меч, поскольку неспособный к государственному мышлению большевистский колосс намеревался жить на развалинах Европы. Эта мысль нашла свое завершение в нижеприводимом месте из «Политического завещания немецкой нации», написанного невидимыми буквами на всех наших победных знаменах:

«Империя не может считать себя обеспеченной до тех пор, пока она не даст на столетия вперед каждому отпрыску нашего народа свой собственный кусок земли! Нельзя забывать, что самым священным правом нашего мира является право на землю, ту самую землю, которую люди хотят возделывать сами, а самой священной жертвой является кровь, которую проливают за эту землю!»

Следовательно, победа на Востоке является лишь предпосылкой для обеспечения нашего будущего; это обеспечение само по себе осуществится лишь тогда, когда земля, приобретенная в результате священной кровавой жертвы, в той мере, в какой она вообще пригодна для колонизации, станет немецкой, немецкой по людям, которые живут на ней и возделывают ее, немецкой в результате «усиленной работы немецкого плуга»...

Народное государство Адольфа Гитлера считает своей задачей сохранение, развитие и стимулирование народности, что ему поручено самой судьбой. Будущее немецкого народа может быть обеспечено лишь великодержавным положением империи, а также тем, что он «на столетия вперед сумеет предоставить каждому от-

прыску нашего народа свой собственный кусок земли». Вот почему вновь завоеванное пространство должно быть заполнено немецкой кровью и немецкой жизнью, но отнюдь не онемеченными людьми.

Германизация в прежнем смысле этого слова повлекла бы за собой гибель нашего народа, каким мы его знаем ныне. Любая примесь чужой или даже отдаленно родственной крови принесла бы вред и тем и другим... «

ПОЛЬША — «ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ» ГЕНОЦИДА

Указ о назначении Гиммлера «Имперским комиссаром по укреплению германской расы» был издан Гитлером 10 октября 1939 г., вскоре после того, как гитлеровская Германия оккупировала Польшу. Задачей нового ведомства была, согласно указу, «борьба с враждебными элементами, создающими угрозу германскому народу». Под этой формулой скрывались конкретные указания Гитлера о биологическом истреблении населения оккупированной Польши и заселения «польского пространства» немецкими колонистами за счет «вытеснения» коренного польского населения.

Воплощалась в жизнь чудовищная программа «освобождения» Польши от наиболее активной части ее коренного населения и превращения сотен тысяч людей в рабов германской военной промышленности. Шла германизация поляков — женщин, мужчин и детей.

Естественно, что пальма первенства при в проведении всех этих «мероприятий» принадлежала карательному аппарату нацистов. Впрочем, и нацистская администрация во главе с Франком делала свое дело исправно.

Переселение поляков на предназначенные для них территории на востоке страны в своего рода гетто шло полным ходом. Одновременно ни на минуту не прекращалась отправка на принудительные работы в Германию десятков тысяч поляков. Были спешно разработаны специальные «Правила обращения с поляками», насильственно увезенными в Германию. Они были рассчитаны на то, чтобы превратить польских рабочих в «домашний скот», арийских рабов.

В этих правилах содержалось 15 параграфов. Первый из них предусматривал, что никто из поляков не имеет права жаловаться на своего хозяина в какую-либо вышестоящую инстанцию: всем ведомствам рейха было запрещено принимать к рассмотрению подобного рода жалобы.

С 20 часов до 6 часов утра зимой и с 21 часа до 5 часов утра летом поляки не имели права покидать помещение. Полякам было запрещено пользоваться велосипедом для поездки на работу, посещать кинотеатры, слушать концерты и даже ходить в церковь. Строжайшим образом запрещалось посещение ресторанов, запрещалось всякие «сходки, собрания и манифестации». Наконец, поляк не имел права пользоваться городским транспортом. Можно упомянуть и такой параграф, как запрещение полякам переходить на работу к другому

хозяину без получения на то специального разрешения. Немецким хозяевам было дано право подвергать поляков телесному наказанию, «если уговоры не помогут» (именно так было написано в инструкции, разработанной гестапо).

Женщины и девушки, угнанные из Польши, часто использовались в немецких семьях в качестве прислуги, при этом члены НСДАП имели преимущество при получении польской служанки перед беспартийными. Число польских женщин, переданных в качестве бессловесных слуг немецким хозяевам, оценивается в 400–500 тыс. человек. Разумеется, никакой зарплаты прислуга не получала.

25 января 1940 г. Франк объявил, что собирается «в кратчайшее время» депортировать миллион поляков для работы на немецких военных заводах. Эту программу можно было выполнить лишь путем устройства массовых облав на юношей и девушек в польских городах. И Франк добился, по его собственным словам, «полного успеха». Он смог уже в августе 1940 г. отпортовать фюреру о вывозе в Германию 800 тыс. польских рабочих.

В 1939–1940 гг. нацисты начали специальную операцию, направленную против польской интеллигенции. Она получила кодовое название «Акция АБ». Непосредственное руководство акцией взял на себя РСХА, назначив своими уполномоченными обергруппенфюрера и верховного руководителя полиции и СД в «генерал-губернаторстве» Фридриха Крюгера, а также бригаденфюрера

полиции Бруно Штреккенбаха, руководителям отдела кадров первого ведомства безопасности была передана группа эсэсовцев, присланных из Берлина.

Уже в начале 1939 г. гестапо арестовало нескольких профессоров Краковского университета. Это было началом «Акции АБ». За первыми арестами последовали другие. Франк распорядился, чтобы арестованных профессоров не отправляли в Германию, а уничтожали на месте.»

«Нам совершенно нет смысла, — сказал он во время разговора с Крюгером и Штреккенбахом 30 мая 1940 г., — перевозить их туда, а затем обратно и потом опять в польский концентрационный лагерь. Это вызовет лишь ненужные осложнения и переписку с родными. Поэтому надо с ними поступить так, чтобы до предела упростить процедуру, то есть уничтожить быстро».

Для того, чтобы закрепить подобного рода практику, Франк отдал следующее распоряжение судебным инстанциям «генерал-губернаторства»: «Любая попытка судебных органов вмешиваться в дела лиц, арестованных в порядке проведения «Акции АБ», будет рассматриваться как предательство. Комиссия по рассмотрению ходатайств об амнистии не должна принимать заявлений от родственников арестованных».

После окончания «Акции АБ» Франк устроил прием по случаю отъезда Штреккенбаха, на котором выразил благодарность ему за проделанную «работу» (в ходе

этой работы без суда и следствия были расстреляны 17 тыс. польских граждан). Франк провозгласил при этом следующее: «То, что вы, бригаденфюрер Штреккенбах, и ваши люди сделали здесь, в генерал-губернаторстве, никогда не будет забыто немецким народом. Вы вправе не стыдиться этих дел».

Немало потрудились в Польше и «расоведы». Одновременно с уничтожением части польского народа началась и массовая ликвидация евреев.

«Мы должны полностью уничтожить евреев, — сказал Франк на приеме во время совещания руководящих работников своего штаба. — Мы должны их истребить везде, где только найдем».

В июне 1940 г. в порядке выполнения этого наказа, утвержденного самим Гитлером, на болотистой территории недалеко от Кракова был создан лагерь истребления Освенцим.

В течение последних лет правления нацистских убийц туда были свезены несколько миллионов евреев и поляков. Вскоре к этому лагерю прибавились еще два — в Майданеке и Трешлинке. Последний считался «моделью», образцом для подражания.

ИНДУСТРИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

Из доклада обергруппенфюрера СС Поля рейхсфюреру СС о местонахождении концентрационных лагерей:

«...Рейхсфюрер, сегодня я докладываю о положении в области лагерей и о мерах, которые я принял для того, чтобы выполнить ваш приказ от 3 марта 1942 г.

1) В начале войны существовали следующие концентрационные лагеря:

а) Дахау: 1939 г.: — 4000 заключенных, сегодня — 8000;

б) Саксенхаузен: 1939 г. — 6500 заключенных, сегодня — 10 000;

в) Бухенвальд: 1939 г. — 5300 заключенных, сегодня — 9000;

г) Маутхаузен: 1939 г. — 1500 заключенных, сегодня — 5500;

д) Флоссенбюрг: 1939 г. — 1600 заключенных, сегодня — 4700;

е) Равенсбрюк: 1939 г. — 2500 заключенных, сегодня — 7500...

2) В период с 1940 по 1942 г. было создано еще девять

лагерей, а именно: а) Освенцим, б) Нейенгамме, в) Гузен, г) Натцвейлер, д) Гросс-Розен, е) Люблин, ж) Нидерхаген, з) Штутхоф, и) Арбейтсдорф.»

Узники концлагерей были разбиты на множество категорий, каждая из которых была либо на ступеньку ниже в лагерном аду, либо на ступеньку выше и имела... свой цвет.

Ойген Когон перечисляет следующие категории узников:

- «политические»;
- представители «неполноценных» рас и «расово-биологически неполноценные»;
- уголовники;
- так называемые «антисоциальные элементы»;
- гомосексуалисты.

Группа «расово-неполноценных» заключенных была чрезвычайно многочисленной. К ней принадлежали на первых порах цыгане и евреи. А в годы войны еще и поляки, русские, украинцы, белорусы.

«Расово-неполноценные» стояли на самой нижней ступеньке лагерного ада. Их больше всего унижали, истязали, убивали.

Группа «расово-неполноценных» делилась, в свою оче-

редь, на подгруппы: «политические», «уголовники», «антиобщественные» и т. д.

Каждая из перечисленных категорий и групп имела, как уже сказано, свой цвет, свой ярлык. Кроме того, заключенный сразу же после прибытия в лагерь получал номер. (В Освенциме номера заключенных вытатуировывались у них на предплечье). В других лагерях номер пришивался к одежде. К одежде — полосатым лохмотьям — пришивался и соответствующего цветы треугольник. Узник обязан был носить этот треугольник на левой стороне груди и на правой штанине.

«Политическим заключенным» полагался красный треугольник (люди, попавшие в концлагерь во второй раз за политические «преступления», кроме красного треугольника имели на одежде чуть выше еще красную черту).

Уголовники были «украшены» зеленым треугольником. Если они принадлежали к рецидивистам, то в треугольник было вписано латинское S.

«Свидетели Иеговы» получали лиловый треугольник.
«Антисоциальные элементы» — черный.
Цыгане — коричневый.

Евреи кроме треугольника, причисляющего их к какой-либо группе (скажем, «политических», уголовников и т. д.), обязаны были нашивать еще один треу-

гольник — желтого цвета. Он укреплялся таким образом, чтобы получилась шестиконечная звезда.

Лагерное начальство непрерывно подчеркивало, что любой грабитель, любой член гитлеровского «народного сообщества» выше нежели «политический» — предатель и изменник, и уж тем паче, чем «расово-неполноценный».

В Люблине на Майданеке был создан огромный комбинат смерти. Немцы его называли «Фернихтунгслагер», т. е. лагерь уничтожения.

Захваченные в плен служившие в этом лагере немцы показали (по материалам Нюрнбергского процесса):

Ротенфюрер СС Шолен Тео: «Этот лагерь носил название «Лагерь уничтожения» — «Фернихтунгслагер» именно потому, что здесь истреблялось колоссальное количество людей».

Кампфполицай Штальбе Гейнц: «Основной целью этого лагеря было истребление как можно большего количества людей, поэтому он носил название «Фарнихтунгслагер», т. е. «лагерь уничтожения».

Лагерь «Майданек» расположен в двух километрах от г. Люблина и занимает площадь в 270 гектаров. Строительство его началось в конце 1940 г.

К началу 1943 г. было закончено строительство 6 полей лагеря. На каждом поле было 24 барака, а всего 144 барака (не считая всяких построек под склады, мастерские и пр.), вмещавшие каждый до 300 человек и более. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки. Сверх того все 6 полей были отделены внутри лагеря целой системой проволочных заграждений, с отдельным караульным помещением при входе на каждое поле. Через эти проволочные заграждения проходил ток высокого напряжения.

По всему лагерю были расположены большие вышки, на которых постоянно находились часовые с пулеметами. Лагерь сильно охранялся войсками СС. Сверх этого было 200 немецких овчарок, составлявших очень важный элемент в охране лагеря, и вспомогательная полиция, кампфполицай, формируемая из уголовных элементов.

Освенцимский лагерь был построен в 1939 г. по приказу рейхсфюрера СС Гимmlера специально для уничтожения порабощенных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь был расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял собой целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовице, Нейдакс, Блемахер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектарах и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

Ограбления заключенных в лагере гитлеровцы возвели в систему. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцим, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосуатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды.

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей.

Газовые камеры немцы называли «баними особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной — «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения», то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

Из совершенно секретного отчета унтерштурмфюрера СС доктора Беккера от 16 мая 1942г., адресованного оберштурмбаннфюреру СС Рауффу в Берлин, Принцальбрехтштрассе, д. 8:

«Осмотр газовых автомобилей группами «Д» и «С» окончен. В то время, как газовые автомобили первой серии могут использоваться также, когда погода не слишком плохая, автомобили второй серии (Заурер) совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то газовый автомобиль нельзя использовать, потому что он буксует. Его можно использовать только при абсолютно сухой погоде.

Вопрос заключается теперь в том, может ли газовый автомобиль использоваться только тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, автомобиль следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Место казни обычно находится в 10—15 километрах от шоссе, и к нему трудно добираться. В грязь или сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они немедленно понимают, что происходит. Они начинают беспокоиться, чего следует избегать насколько возможно. Остается один только способ — грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашину «Д» под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен на каждой стороне больших автомо-

билей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно наблюдать в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками», как только появится хотя бы одна такая автомашина.

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но даже и замаскировать его...

Ввиду пересеченной местности, ужасных дорог и шоссе со временем в машине отходят заклепки и появляются щели. Меня спросили, надо ли в таких случаях направлять автомобили на ремонт в Берлин. Перевозка в Берлин была бы слишком дорога и требовала бы слишком много горючего. С целью избежать этих затрат я приказал запаивать небольшие щели, а если это, в конце концов, окажется невозможным, то немедленно информировать Берлин по радио, что автомобиль неисправен. Затем я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашины с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа, который может иногда выходить наружу.

Я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы обратить ваше внимание на тот факт, что некоторые команды должны были произвести разгрузку после применения газа своими силами. Я обратил внимание командира С. К. на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые эта работа может иметь для них если не сра-

зу, то, по крайней мере, позднее. Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каждой разгрузки. Тем не менее они не хотят уклоняться от выполнения приказа потому, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать удобный момент для того, чтобы совершить побег.

Я прошу вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба их здоровью...

Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посету группу «Б», где я смогу получить дальнейшие сведения.

Подписано: Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС.»

Письмо начальника полиции безопасности и СД Остланд гауптштурмфюрера Трюгеса по вопросу газовых автомобилей, адресованное в главное имперское управление безопасности в Берлине:

«Тема: Газовые автомобили.

Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем (две — Диамонд, одна — Заурер), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ.

Подписано: Начальник полиции безопасности и службы безопасности Остланд.»

Из показания Эдислава Лукашевича, судьи окружного суда в Лодзи:

«...Нагих мужчин, женщин и детей отправляли дорогой, ведущей к камерам, причем объявляли, что все они идут купаться. В первое время даже было приказано держать в руке один злотый, как плату за вход в купальню, чтобы возбудить у людей доверие...

Для того, чтобы в камерах поместилось большее число жертв, людей загоняли с поднятыми руками, а на головы им бросали маленьких детей.

Эсэсовец Зепп Гейтрейдер был специалистом по убиванию младенцев, которых сам хватал за ножки и уби-

вал, ударяя головкой о забор. По показанию свидетелей, умерщвление в камерах продолжалось 15 минут...

Характерно, что в лагере находились учреждения, имеющие целью обмануть жертвы относительно предназначения лагеря. Для этого, например, был построен фиктивный вокзал... там были надписи «буфет», «станционный зал», «кассы», путевые столбы, знаки, указывающие узловую станцию и путь на «Восток».

В 1941 г. в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», т. е. газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 г. Летом 1942 г. рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать.

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности, их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Флякс София Исааковна, из города Кракова:

«...У многих женщин, прибывших в августе 1944 г. в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они, по прибытии в лагерь, вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 63 таких женщин. Через три дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребенка, которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Из показаний Шмаглевской, гражданки Польши, в заседании Международного военного трибунала:

«Я могу рассказать о детях, которые родились в концентрационном лагере, о детях, которые были привезены в лагери с еврейскими транспортами и которых вели прямо в крематории, а также о детях, которые были привезены в лагери как интернированные.

Я была в лагере Биркенау. Это часть лагеря Освенцим. Там я заметила женщину, которая была на последнем месяце беременности. Это было видно по ней. Эта женщина вместе с другими шла 10 км. к месту своей работы и там трудилась весь день с лопатой в руках на раскопке траншеи. Она уже была больна и попросила мастера-немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это не согласился, смеялся и вместе с другим эсэсовцем начал бить ее. А потом стал строго следить за ней и за ее работой.

Таково было положение всех беременных женщин. Только в последнюю минуту им разрешалось не идти на работу. Дети, которые были рождены, если это были еврейские дети, немедленно посылались на смерть.

Через несколько минут после рождения ребенка отрывали от матери. Мать никогда больше не видела своего ребенка. После нескольких дней перерыва она опять шла на работу. В 1942 г. не было еще отдельных блоков для детей. В начале 1943 г., когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в лагере, были также татуированы. Номер был татуирован на ноге, так как ребенок очень мал и номер, состоявший из пяти цифр, не поместился бы на маленькой ручонке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые, иначе говоря, порядковые номера.

Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель увозились из лагеря. Нам никогда не удавалось узнать, куда увозили этих детей. То не были исключительно польские дети, так как в Биркенау были женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет.»

...По указанию рейхсминистра Германии Гимmlера и генерал-майора полиции СС Кацмана в июне 1943 г. были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, военнопленных и «расово неполноценных».

В Львове немцами была создана зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гаупштурмбаннфюрер Шерляк, его заместителем — гаупштурмбаннфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их...

Из показаний свидетеля Д. Ш. Манусевича (Манусевич был заключен немцами в Яновский лагерь, расположенный во Львовской области, где работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов. После сожжения 40 000 трупов умерщвленных в Яновском лагере команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу):

«...В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других, из каких — не могу вспомнить. Фамилии курсантов не знаю, но это были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей. Дальше Шаллок объяснял, как разровнять яму, просеять и посадить деревья на этом месте, как рассыпать и прятать пепел. Такие курсы были на протяжении длительного времени. За время моего пребывания, т. е. за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов...»

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Но мало было убить, уничтожить — было создано целое производство по переработке трупов...

На территории анатомического института Медицинской академии находилось каменное здание, небольшое по площади, но с разного рода приспособлениями — «Фармакологический институт Медицинской академии», по существу организованный в полупромышленном масштабе для производства мыла из человеческих тел и дублирования человеческой кожи, сдираемой с умерщвленных людей.

Руководил этим делом уроженец города Киля директор анатомического института профессор Рудольф Шпаннер, заместителем его был доцент Вольман, офицер СС, ассистентом — фон Барген. Трупы подносили Рейхарт и Борктан. В должности препаратора работал Мазур, поляк, принявший немецкое подданство в 1944 г.

Мазур давал показания на Нюрнбергском процессе: «Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 г. было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов, вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов, сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943 — 1944 г. профессор Шпаннер

приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 г. профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир 5 кило с 10 литрами воды и 500 или 1000 г. каустической соды — все это варить 2 — 3 часа, затем дать остыть. Мыло всплывает вверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах. К смеси прибавлялось еще пригоршня поваренной соли и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2 — 3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы.

Мыло получалось неприятного запаха. Для того, чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальдегид.

Работа по изготовлению мыла из человеческого жира началась в январе 1944 г. Непосредственным начальником фабрики мыла был старший препаратер фон Барген. Все оборудование было взято из анатомического института.

Первая партия трупов была доставлена из Конрадштейна из психиатрической больницы, количество не помню.

Кроме того, был большой запас трупов в анатомическом институте в количестве около 400. Значительная часть

трупов была обезглавлена. Обезглавленные трупы были доставлены после гильотинирования в тюрьме г. Кенигсберга, а в 1944 г. гильотина была установлена в тюрьме г. Данцига. Эту гильотину я видел в одной из комнат тюрьмы и видел я ее, когда ездил в тюрьму г. Данцига за трупами. Схему гильотины прилагаю.

Когда я приезжал в тюрьму за трупами, то трупы были свежие, только что после казни, и брали мы их в комнате, соседней с той, где находилась гильотина. Трупы были еще теплые.

К каждому трупу была прикреплена карточка с указанием фамилии и года рождения, и эти данные в анатомическом институте вписывались в особую книжку.

Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт. Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7 дней. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70 — 80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил лично у себя.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения

Конти, гауляйтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей, для туалета и стирки, употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла четыре килограмма.

Так как эта работа по производству мыла производилась по приказанию профессора Шпаннера, то я считал это нормальным явлением».

Из заключения судебно-медицинской экспертизы, произведенной в Освенцимском лагере:

... Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми.

1. Массовое иссечение тканей шейки матки или даже полную ампутацию последней.
2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсхютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих опытов.

Из показаний свидетеля, бывшего заключенного Штерна Самуила Абрамовича, жителя г. Бухареста:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию оберфельдфебеля Кошуба я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень...

Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи.

Для этой цели применялся 80-процентный раствор уксусно-кислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков...»

Из письма доктора медицины С. Рашера от 17 февраля 1945 г. на имя Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС:

«...Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с племянником в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмороживаний, происшедших на суше. Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Потом, это будет меньше при-

влекать к себе внимания (испытываемые кричат, когда замерзают).

Если, уважаемый рейхсфюрер, в наших интересах ускорить важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер!
Вам всегда преданный С. Рашер».

КОЛЛЕКЦИЯ СКЕЛЕТОВ И ЧЕРЕПОВ

В Страсбурге обществом по изучению наследственности «Аненэрбе» создавалась коллекция скелетов и черепов евреев. Перед вами запись стенограммы заседания Международного военного трибунала от 8-9 августа 1946 г.:

«Допрос свидетеля Зиверса

Элвис Джонс: Вы — Вольфрам Зиверс, и с 1935 г. вы были имперским директором «Аненэрбе» (общество по изучению наследственности), не так ли?

Зиверс: Я был управляющим делами общества «Аненэрбе».

Э. Д.: Вы когда-нибудь слышали о коллекции скелетов, имевшихся у профессора Хирта?

З.: Да, слышал об этом.

Э. Д.: Вы принимали весьма активное участие в создании этой коллекции скелетов?

З.: Нет.

Э. Д.: Я хочу, чтобы вы прежде всего взглянули на документ № ВВ-573. Сейчас мы проверим, насколько правильно то, что вы не имели ничего общего с этой коллекцией. Это письмо Брандта в главное управление имперской безопасности, датированное 6 ноября 1942 г. Брандт был адъютантом Гиммлера, не так ли?

З.: Он был личным референтом.

Э. Д.: Итак, в этом письме сказано:

«Содержание. Создание коллекции скелетов в анатомическом институте в Страсбурге.

Рейхсфюрер СС приказал, чтобы все, что необходимо для исследовательской работы капитана СС (гауптштурмфюрера) профессора доктора Хирта, который в то же время является директором одного из отделов военно-исследовательского института специального назначения в управлении по вопросам наследственности, было предоставлено в его распоряжение. По приказу рейхсфюрера СС я прошу вас организовать запланированную коллекцию скелетов. Подполковник СС (оберш-

турмбаннфюрер) Зиверс свяжется с вами для выяснения подробностей».

Этот Зиверс — это вы, не так ли? Откуда вы собирались получить эти скелеты?

З.: Мы должны были получать их из Освенцима.

Э. Д.: Теперь взгляните на письмо, направленное вами Брандту в ответ на его запрос, в котором вы советуете ему, где именно можно достать эти скелеты. Это письмо озаглавлено: «Общество по изучению наследственности», от 9 февраля 1942 г. помечено: «Секретно». Письмо адресовано Брандту, адъютанту Гиммлера. Я прочту его. «Дорогой Брандт! Отчет профессора доктора Хирта, который вы затребовали в вашем письме от 29 декабря 1941 г., приложен к настоящему письму. Я не имел возможности направить вам его ранее, так как профессор Хирт был тяжело болен». Затем следуют подробности его болезни. «Поэтому профессор Хирт смог написать только предварительный отчет, который я, однако, хотел бы Вам представить».

Вот отчет Хирта:

«Содержание: Коллекционирование черепов еврейско-большевистских комиссаров с целью исследования в имперском университете в Страсбурге.

Мы имеем полную коллекцию черепов всех рас и народов. Что касается еврейской расы, то мы имеем лишь очень немного экспонатов черепов, вследствие чего невозможно прийти к каким-либо определенным выводам

в результате их исследования. Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел.

Лучшим практическим методом для получения и отбора этой коллекции черепов явится распоряжение вооруженным силам немедленно передавать живыми полевой полиции всех захваченных еврейско-большевистских комиссаров. В свою очередь полевая полиция должна получить соответствующие директивы регулярно сообщать определенному учреждению относительно количества и места заключения захваченных евреев и тщательно за ними следить до прибытия специального уполномоченного, которому будет поручен сбор материала. Он должен предварительно заснять их на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем.

После того, как эти евреи будут умерщвлены, — причем надо следить за тем, чтобы голова не была повреждена, — уполномоченный отделит голову от тела и пошлет ее в герметически закрытом жестяном ящике, специально сделанном для этой цели и наполненном консервирующей жидкостью, в назначенный для этого пункт. По прибытии в лабораторию можно приступить к фотографированию, сравнениям и анатомическим исследованиям черепа, а также к исследованиям по установлению принадлежности к расе, относительно патологических явлений, формы черепа, формы и объема мозга и т. д. Основой для этого изучения послужат фотографии, измерения и другие данные о голове и, наконец, исследование самого черепа. Самым подходящим местом для хранения и исследования полученных та-

ким образом коллекций черепов является новый имперский университет в Страсбурге в силу своего призвания и стоящих перед ним задач».

Э. Д.: Каким образом проходило такое коллекционирование черепов живых людей?

З.: Это вытекает из отчета. По распоряжению Гиммлера выполнение этой задачи было поручено соответствующим лицам.

Э. Д.: Я прошу вас взглянуть на документ № 086. Это еще одно из ваших писем, написанное вами снова адъютанту Гиммлера; оно помечено «секретно» и датировано 2 ноября 1942 г.

«Дорогой Брандт! Как вам известно, рейхсфюрер СС приказал, чтобы гауптштурмбаннфюреру СС профессору Хирту было предоставлено все необходимое для производства его опытов. Для некоторых антропологических опытов — я уже докладывал о них рейхсфюреру СС — необходимы 150 скелетов военнопленных или евреев, которые должны быть поставлены концентрационным лагерем Освенцим. Единственное, что остается сделать, это, чтобы главное управление имперской безопасности получило официальную директиву от рейхсфюрера СС. Это, однако, может быть сделано также вами от имени рейхсфюрера СС».

Вот письмо Брандта, адресованное в главное имперское

управление безопасности, датированное 6 ноября 1942 г., помеченное: «Секретно. К сведению оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана из Главного имперского управления безопасности. Содержание: Создание коллекции скелетов для анатомического института в Страсбурге». «...Рейхсфюрер СС издал директиву для того, чтобы гауптштурмбаннфюрер СС профессор доктор Хирт, который является директором анатомического института в Страсбурге и главой одного отделения института военно-научных исследований общества по вопросам наследственности, получил все, что ему необходимо для исследовательской работы. Поэтому в соответствии с приказом рейхсфюрера СС я прошу вас сделать все возможное для создания коллекции. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс установит с вами связи с тем, чтобы договориться о подробностях и деталях».

Э. Д.: Одну минуту, свидетель. Сколько человеческих существ было убито для того, чтобы создать эту коллекцию скелетов?

З.: В этом отчете речь шла о 150 лицах.

Э. Д.: Обратитесь, пожалуйста, к документу № 087, чтобы освежить вашу память. Это — еще одно из ваших писем. Оно озаглавлено: «Общество по изучению наследственности, институт военно-научных исследований». Оно датировано 21 июня 1943 г. и обозначено: «Совершенно секретно. Главному управлению имперской безопасности. Отдел IV Б-4. Лично оберштурмбаннфюреру СС Эйхману. Содержание: Создание коллекции скелетов».

«Ссылаясь на письмо от 25 сентября 1942 г. отдела IV

Б-4 и личные разговоры, которые с того времени имели место на эту тему, я хочу информировать вас, что сотрудник местной инстанции гауптштурмфюрер СС доктор Бруно Хаген, который выполнял вышеупомянутое специальное задание, 15 июня 1943 г. прервал свои опыты в концентрационном лагере Освенцим в связи с возникшей опасностью эпидемии. Всего 115 лиц были подвергнуты опытам, в том числе 79 евреев, 2 поляка...

Дальнейшие опыты над этими отобранными заключенными потребуют перевода их в лагерь Натцвейлер. Этот перевод должен быть проведен как можно скорее, так как в Освенциме существует опасность эпидемии. Список отобранных лиц прилагается.

Просим издать соответствующие директивы, поскольку этот перевод заключенных сопряжен с некоторой опасностью перенесения эпидемии в Натцвейлер; просим также, чтобы из Натцвейлера в Освенцим немедленно была выслана дезинфицированная чистая одежда для 80 мужчин и 30 женщин. В то же время для 30 женщин надо приготовить в концентрационном лагере Натцвейлер временное жилище».

Э. Д.: Какова дальнейшая судьба этой коллекции скелетов? Где ее собирали?.. Посмотрите на документ № 088. Это — еще одно ваше письмо Брандту, адъютанту Гимmlера; оно направлено в личную ставку рейхсфюрера СС, отдел по вопросу наследственности? Тема письма — «Коллекция скелетов евреев».

«Согласно предложению от 9 февраля 1942 г. и с вашего одобрения 23 февраля 1942 г., штурмбаннфюрер СС профессор Хирт собрал коллекцию, которой прежде не существовало. Из-за большой работы научно-исследовательского характера, связанной с этой коллекцией, превращение тел в скелеты еще не закончено. Поскольку потребовалось бы еще некоторое время для 80 скелетов, Хирт запросил директив, касающихся обращения с коллекцией, собранной в морге анатомического института, в том случае, если Страсбург подвергнется опасности.

От тел сложно отделить мясо, и, таким образом, нельзя будет определить, кто были эти люди. Однако это означало бы, что часть всей работы была бы сделана напрасно и что необыкновенная коллекция будет потеряна для науки, так как после этого будет невозможно сделать гипсовые слепки. Коллекция скелетов может остаться незаметной. Можно было бы заявить, что мясо с костей было оставлено французами в то время, когда мы взяли у них анатомический институт, для того, чтобы предать его кремации. Пожалуйста сообщите, какое из следующих трех предложений должно быть проведено в жизнь: 1) коллекция в целом должна быть сохранена; 2) коллекция должна быть уничтожена частично; 3) коллекция должна быть целиком уничтожена».

Следующий документ от 26 октября 1944 г. Это тоже записка Берга доктору Брандту.

«Во время моего посещения оперативного штаба, 21 ок-

тября 1944 г., штандартерфюрер СС Зиверс сообщил мне, что за это время коллекция в Страсбурге полностью уничтожена в соответствии с той директивой, которая была получена в свое время. Он придерживается того мнения, что лучше всего поступить именно так, принимая во внимание создавшееся положение»:

АМЕРИКА ПРОТИВ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

Последние два-три десятилетия в длительной исторической эволюции коренных народов Северной Америки составляют особый период. Как бы ни были драматичны пять столетий послеколумбовых контактов с европейской цивилизацией, вторая половина XX в. впервые поставила перед аборигенными этносами вполне отчетливую дилемму: выживание и сохранение в будущем их социально-культурной целостности и специфики или же скорее завершение давно и далеко зашедшей трансформации и ассимиляции в доминирующей евроамериканской и евроканадской среде в рамках существующих государственных образований — США и Канады?

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Основным направлением индейской политики американских властей в послевоенные годы была терминация, или же ликвидация особого статуса коренного населения США и обязательств федерального правительства относительно общин индейцев.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что коренной американец обладал статусом не как индивид: с 1924 г. все индейцы считались полноправными американскими гражданами. Статус указывал на принадлежность к ин-

дейской общине, которая, согласно принятому в годы администрации Ф. Рузвельта закону Уилера-Ховарда 1934 г., признавалась правительством США в качестве особой формы местного самоуправления коренного населения. Власти страны взяли на себя обязательства содействовать социальному прогрессу общин, что нашло отражение в прямом государственном финансировании нужд индейцев в области образования, здравоохранения и т. п.

Управление индейскими делами осуществлялось через специальное агентство-БДИ при министерстве внутренних дел страны. В 1946 г. положение общин стало еще более автономным: получив право предъявлять правительству США земельные иски, они как бы вступили в непосредственный контакт с высшим эшелонном власти страны. Другими словами, особый статус общин давал индейскому населению ряд льгот, препятствуя расхищению индейских земель и гарантируя их жителям хотя бы минимум финансовой помощи, способствовали облегчению положения коренных американцев.

Однако формально провозглашая содействие развитию индейских этносов, терминация имела цель — «полную, подлинную, но почетную, проходящую на самом высоком уровне интеграцию индейцев в основной поток американской жизни», как подчеркивал Д. Коллиер, возглавлявший БДИ с 1933 по 1945 г. Именно в этом и проявлялась двойственность подхода к проблеме индейцев: «признавая на личностном уровне их право на культурную самобытность», правительство «считало ассимиляцию положительным результатом в стране, которая являлась плавильным котлом.»

Проведение терминации в жизнь началось в 1954 г., когда был ликвидирован статус общин алабама-коушатта, кламатов и еще 60 мелких племен Орегона, меномини, пайюте и так называемых «метисов» резервации Юинта-Оурей. В 1956 г. их число пополнили оттава, еория и виандот, в 1958 г. — 2-035 ранчерий Калифорнии, а в 1959 г. — катауба. Общее число населения этих общин превысило 13 тыс. человек, а площадь их резерваций — 1,4 млн. акров.

Несмотря на отдельные отличия, все эти законы содержали в себе следующее. Они упраздняли общинную организацию: в течение 2-6 лет ликвидировались членство в общинах и полномочия их советов; упразднилась общинная форма собственности на резервационные земли, которые переходили в частное владение отдельных индейцев; прочая недвижимость и денежные фонды в переходный период считались корпоративным владением с последующим разделом их и передачей частным лицам.

В административном отношении территории резерваций, перестав быть особой категорией земель, входили в состав округов; естественно, теперь они подлежали федеральному и местному налогообложению. В связи с утратой статуса бывшие члены общин автоматически выходили из сферы федеральной опеки. Они теряли право на социальную помощь, предназначенную для индейцев. Здравоохранение в резервациях по закону от 1 июля 1955 г. передавалось в ведение министерства здравоохранения страны. Образование индейцев переходило под контроль соответствующих инстанций штатов. К собственно терминационным законам органичес-

ки примыкал и закон №280 от 15 августа 1953 г. о распространении гражданской и уголовной юрисдикции штатов Калифорния, Миннесота, Небраска, Орегон и Висконсин на территории расположенных там резерваций. Формально не упраздняя общины, этот закон также представлял терминаторные меры, ликвидируя особые права индейцев.

Если для сторонников правительственного курса в индейских делах терминатория была «уничтожением остатков официальной сегрегации» и «эмансипацией индейцев, дающей им, наконец, возможность занять подобающее место в американском обществе», то для коренного населения она стала началом тяжких испытаний. Особенно трудным оказалось положение жителей упраздненных общин, которое прекрасно иллюстрирует ситуация в резервации кламатов.

Лесные ресурсы (площадь лесов кламатов в 1954 г. была равна 800 тыс. акров) и собственная лесопильня, казалось, позволяли надеяться, что после прекращения государственной помощи индейцы будут иметь хороший источник доходов. Но неподготовленность их к участию в конкуренции на рынке наемного труда стала непреодолимым препятствием действенного использования этих ресурсов. Приглашенный индейцами менеджер оказался авантюристом, незнакомым с организацией лесозаготовок, и неудивительно, что и без того невысокие прибыли индейского предприятия сократились в 2-3 раза. Вследствие этого, по данным БДИ, доля лиц бывшей резервации, нуждавшихся в социальной помощи, к 1957 г. составила около 40%, увеличившись по сравнению с 1954 г. в 5 раз.

В подобных условиях практически единственным способом поправить положение для индейца стала продажа своего участка.

Вот что рассказывал один из жителей резервации — Кроу: «В резервации нет работы и многие из нас не имеют денег. Я один из таких людей. Я — старик, старику редко удается найти работу... Поэтому я решил попытаться продать свой аллот — возможно, это скорейший путь добыть деньги».

Распродажа индейских земель приобрела большой размах: ежегодно в руки белого населения переходило в среднем по 0,6 млн. акров. И без этого недостаточной земельной базе резерваций был нанесен серьезный удар. Комментируя ситуацию, сложившуюся в индийских делах после ликвидации статуса резерваций, конгрессмен-демократ Л. Меткаф отметил: «Единственная заслуг правительства в решении индейского вопроса — предоставление коренным жителям права покупать спиртное и возможности быть арестованным федеральной или штатной полицией... Если это и есть законное место индейцев в нашем обществе, то пусть лучше никто из них его не займет».

Активизировалась борьба индейцев. Своим острием она была направлена прежде всего на сохранение индейских земель: «Если существующие темпы отчуждения собственности индейцев останутся прежними, — говорилось в послании в сенат общины блэкфутов — у нас не останется угодий даже для ведения подсобного хозяйства... Те, кто поощряет это, не принимают во внимание дальнейшее существование отдельных индейцев

и общин... Как только индивид продает свой участок, он попадает в зависимость от помощи своей общины, экономика которой, однако, не может развиваться из-за отчуждения ее земельной базы».

Одной из наиболее важных акций, предпринятых коренными американцами, стало проведение в июне 1961 г. в Чикаго конференции представителей 67 общин. В принятых на ней основных документах открыто провозглашалось «неотъемлемое право... сохранять свой дух культурные ценности».

КАНАДА. «БЕЛАЯ КНИГА» ПЬЕРА ТРЮДО

Уже с конца 50-х гг. начались первые открытые выступления представителей индейских общин, особенно из западных провинций, с заявлениями, что именно индейцы в действительности являются первооткрывателями страны и их права должны быть не менее оговорены и признаны, чем у франкоканадцев. Необходимость пересмотра политики и действующих правительственных программ все больше ощущали и правительственные чиновники, подвергавшиеся довольно резкой критике со стороны индейцев и канадской общественности.

С середины 60-х гг. федеральные власти начали проводить политику «совещательного федерализма», предполагавшую осуществление совместных федерально-про-

винциальных ассигнований на индейские программы прежде всего в сферах образования и медицинского обслуживания. Стремление федеральных властей частично переложить ответственность и расходы на провинциальную администрацию представители последней встретили без всякого энтузиазма. Правящие круги в провинциях предпочитали придерживаться провозглашенного еще в 1867 г. принципа ответственности центральных властей за коренное население и его нужды.

В целом, как считает С. Уивер, 60-е гг. показали усиление недоверия к попыткам правительства решить индейскую проблему как со стороны аборигенов, так и со стороны общественности страны. «Стремление правительства ограничиться в конце 60-х гг. лишь пересмотром некоторых положений Закона об индейцах, считавшегося образцом расистского законодательства, давало этим силам еще одно доказательство беспомощности департамента сколько-нибудь серьезно изменить ситуацию к лучшему».

Возглавивший в 1968 г. правительство либералов П. Э. Трюдо в принципе оставался приверженцем старого курса. Новый канадский лидер был убежденным противником каких-либо специальных прав для индейцев, эскимосов и метисов, полагая, что обеспечение «равных возможностей» для всех канадцев независимо от их расовых, этнических или религиозных различий — это единственный путь обеспечения равноправия и демократии. Фактически Трюдо выступил сторонником все той же ассимиляции, но только не в ее постепенной и более естественной форме, а в ее наиболее радикальном и скорейшем осуществлении.

Новая позиция федеральных властей была обнародована в 1969 г. в виде Белой книги по индейской политике, в основу которой лег тезис о том, что всякие особые права и статус индейцев только усиливают сегрегацию и дискриминацию последних в канадском обществе и поэтому стоят на пути ассимиляции. Предлагаемая политика исходит из той простой реальности, что особый правовой статус индейцев и проистекающая из этого политика держит индейский народ в приниженном и отчужденном от других канадцев положении. Правительство заявляло: а) в течение 5-летнего периода прекратить деятельность министерства по делам индейцев и развития Севера, б) отменить Закон об индейцах и принять новый закон о статусе индейских земель, которые должны были попасть под провинциальное налогообложение, в) передать все осуществляемые федеральным министерством программы в руки провинциальных органов и других федеральных министерств, г) отказаться от признания за индейцами исконных прав на землю. Что касается заключенных с индейцами договоров и обязательств властей по ним, то на этот счет П. Трюдо высказался следующим образом: «Я считаю неприемлемым, что в обществе одна его часть имеет договор с другой его частью. Мы должны быть все равны перед законами, и мы не должны подписывать между собой договора... Я не думаю, что нам следует поощрять индейцев в их чувстве, что эти договоры должны существовать вечно в Канаде... Они должны стать канадцами, как и все остальные канадцы».

Заявление правительства было встречено коренными жителями безоговорочно отрицательно. Более того, оно вызвало настоящую политическую бурю и дало значи-

тельный импульс движению канадских индейцев за свои права. Критика индейцами Белой книги сводилась к трем главным моментам: а) правительство осуществило выработку новой политики в строгой секретности, изолировало индейцев от участия в этом и не учло рекомендаций индейских организаций и общин; б) индейцы решительно против упразднения резерваций и территорий, на которые у них имеются особые права, и никогда не примирятся с утратой этих земель; в) индейцы не согласны с передачей полномочий по осуществлению политики в отношении аборигенов в руки провинциальных органов, которые еще менее способны учитывать интересы коренного населения.

В 70-е гг. одним из важных моментов в эволюции федеральной политики по отношению к индейцам и в официальном статусе последних стал вопрос о юридическом признании так называемого аборигенного права, проистекающего прежде всего из факта первожителства на континенте. Это право касается в первую очередь вопросов владения землями и самоуправления.

Хотя в канадских официальных документах можно найти много случаев, подтверждающих, что власти, как колониальные, так и доминиона, исходили из факта существования у аборигенных народов прав на занимаемые земли вплоть до 70-х гг. XX в. вопрос об этом праве ни разу не стоял в формально-правовом аспекте. Впервые канадские индейцы обратились в суд с иском о нарушении их аборигенного права на владение землей только в 70-е гг. Это было известное «дело нишга» (по названию индейского племени в Британской Колумбии), когда вождь нишга Кэлдер при поддержке адвокатов и

ученых-антропологов сформулировал иск о нарушении договорных обязательств правительством и о праве индейцев на занимаемые ими земли в Британской Колумбии, которые никогда формально не уступались колонизаторам.

Суд Британской Колумбии отказался признать за нынешними нишга права на землю на том основании, что их предки к моменту контакта с европейцами были слишком примитивным обществом и не обладали законами, которые английская метрополия была бы способна признать. Однако Верховный суд Канады в 1973 г., пересматривая дело, хотя и отклонил иск по ряду формальных причин, но по сути признал существование особых аборигенных прав. За этим последовали судебные решения по признанию аборигенных прав эскимосов Бейкер-Лейк и индейцев кри залива Джеймс. В то же время судебные власти всячески старались ограничить признаваемые ими аборигенные права. Так, например, в 1977 г. суд Британской Колумбии постановил, что на индейцев распространяются все законы и правила, регулирующие охоту и трапперство в стране. «Короче говоря, суды, с одной стороны, согласились с существованием аборигенного права, но, с другой стороны, ограничили его настолько, что оно ничем не стало отличаться от обычных прав, которыми обладают все граждане.

Как отмечалось в заявлении, основа политики правительства в вопросе о земельных исках — «это обменять неопределенные права» аборигенов на землю, на конкретные права и привилегии, которые будут гарантироваться достигнутыми соглашениями».

По сути этот принцип означал не что иное, как смягченный вариант политики «терминации», то есть ликвидации национальных прав индейцев и эскимосов в обмен на разного рода конкретные уступки, прежде всего материальные компенсации. Этот подход получил затем определение как «политика современных исков».

В 1981 г., правительство объявило, что главная цель разрешения основных проблем — «дать коренным народам возможность жить таким образом, как они хотят... Договоренности по искам должны помочь защищать и развивать чувство самосознания у индейских и эскимосских народов. Это чувство идет дальше удовлетворения простых человеческих потребностей в пище, одежде и жилье. Канадское правительство желает видеть своих перво жителей получившими сатисфакцию и от этого расцветшими социально, культурно и экономически».

Для достижения этой цели правительство предложило на сей раз преобразовать или «разменять» общие аборигенные права на ряд особых преимуществ, закрепленных формальными договоренностями.

Власти пока с трудом сдают свои старые позиции. По крайней мере, сегодня уже признаются две важные вещи. Во-первых, право аборигенных народов на сохранение и развитие своих культур и право на некоторые формы самоуправления в рамках канадской конституции. Что касается политических прав, то правительство считает, что индейские общины могут иметь только

«делегированную» власть, подобную той, какую имеют обычные муниципальные власти Канады.

В 1985 г. парламентом были внесены важные изменения в Индейский акт. После многолетней борьбы и настойчивых требований аборигенов было устранено дискриминационное для индейских женщин положение, по которому они и их дети лишались права сохранять индейский статус и членство в общине в случае вступления в брак с не индейцем. Лишившиеся в прошлом статуса женщины и их дети могут теперь восстановить свои права и членство в общинах, а общинные советы получили право решать вопросы о составе общины. И все же нынешний статус аборигенов в Канаде и осуществляемая властями политика в отношении коренного населения продолжают вызывать острое недовольство и протесты со стороны индейцев, эскимосов и метисов. На лозунгах, которые держали многочисленные демонстранты перед зданием в Оттаве, где 26-27 марта 1987 г. проходила последняя министерская конференция, можно было прочитать такие слова, как «геноцид», «расизм», «бесправие»: такую оценку дают сегодня этой политике сами аборигены.

(Коренное население Северной Америки в современном мире. М. 1990)

«ХОРОШИЙ ИНДЕЕЦ — МЕРТВЫЙ ИНДЕЕЦ»

Почти 50 лет тому назад малоизвестный тогда голливудский актер Рональд Рейган снялся в роли бравого генерала Кастера, беспощадно истреблявшего краснокожих.

«Хороший индеец — мертвый индеец» — этим печально известным лозунгом руководствовался отнюдь не один только генерал Кастер. Из нескольких миллионов индейцев, проживавших к моменту появления европейских конкистадоров на территории нынешних Соединенных Штатов, по данным последней переписи населения, осталось лишь около 850 тысяч. Некогда многочисленное племя ирокезов, насчитывавшее до полутора миллионов человек, в наше время едва ли наберет в своих рядах более 90 тысяч. Историческая судьба других племен еще более трагична — многие из них вообще исчезли с лица земли. А ведь это коренные жители Американского континента...

В чем же причины трагедии этого некогда многочисленного народа, создавшего одну из крупнейших цивилизаций прошлого, обогатившего мировую культуру выдающимися произведениями искусства?

«Горы — мой дом. Когда я был маленьким, я играл в горах. Индейцы ловили там рыбу и охотились на оленя. Но пришел чужеземец и отнял у меня мой дом. Теперь я не могу охотиться, не могу ловить рыбу. Я смотрю на

горы и вижу чужеземца, и мне становится больно. Мой родной дом и родные горы — не мои. И я закрываю глаза, чтобы не видеть».

Так поется сегодня в песне индейцев некогда могучего, а ныне крошечного племени пайютов.

Земля — необходимое условие существования человека, тем не менее ее безжалостно рвут из-под ног индейцев. Племена пенобекот и пасса-макуодди объявили, что власти незаконно отторгли у них 12 миллионов акров земли; племена анейда и кейуга претендуют соответственно на 200 тысяч и 65 тысяч акров. Если в конце минувшего века индейцы США владели 130 миллионами акров земли, то к 80-м гг. века нынешнего ее у них осталось не более 50 миллионов акров. Площади пока еще существующих резерваций неуклонно сокращаются; причем захвату подлежат, как правило, не просто лучшие, а жизненно необходимые земли — сельскохозяйственные угодья, пастбища, источники воды...

Как следует из официальных материалов Бюро по делам индейцев на территории одной из крупнейших резерваций Пэйн-Ридж 90 процентов всех пригодных к земледелию площадей не принадлежат более ее жителям.

Политика геноцида в отношении коренных жителей страны породила мощное движение социального протеста. Активную роль в ней играет Национальный совет

индейской молодежи. Все больший авторитет приобретает созданная в 1964 г. на съезде представителей различных племен «Ассоциация по выживанию американских индейцев». Трудно найти аналог по глубине трагизма и отчаяния, которыми исполнено само название этой организации.

Разуверившиеся в справедливости администрации и судебных властей, коренные жители Америки пытаются собственными силами отстоять свое право на жизнь. В конце 1960-х — начале 1970 гг. они предприняли целый ряд попыток привлечь внимание американского и международного общественного мнения к своему бедственному положению. Крупнейший общественный резонанс имели захват индейцами острова Алькатрас в бухте Сан-Франциско, массовые выступления за возврат земель в Форт-Лоутоне в штате Вашингтон, у горы Рашмор в штате Южная Дакота, на острове Эллис в штате Нью-Йорк.

В 1973 г. весь мир с напряженным вниманием следил за драматическими событиями на территории резервации Пэйн-Ридж (штат Южная Дакота).

Вооруженные индейцы племени оглала сиу захватили поселок Вундед-Ни и предъявили правительству ряд требований в защиту своих гражданских прав. 71 день продолжалась беспримерная эпопея в Вундед-Ни. Белый дом вынужден был пойти на переговоры. Молодой лидер повстанцев Рассел Минс был принят в Вашингтоне. Здесь его официально заверили в том, что некоторые основные требования индейцев будут удовлетворены. Желая предотвратить кровопролитие, индейцы со-

гласились на компромиссные условия и сдали поселок полиции и национальным гвардейцам.

И тогда началась расправа. Агенты ФБР расстреливали каждого, кто «пытался оказать сопротивление». Засучила рукава и американская Фемида — 550 арестованных, 185 обвинительных актов — таковы масштабы ее деятельности только в одной индейской резервации. Все руководители выступления индейцев подверглись жестоким репрессиям.

Рассел Минс, вождь восстания, после упомянутых событий 12 раз подвергался арестам. Против него неоднократно выдвигались самые различные обвинения — от «вооруженного сопротивления представителям власти» до «нарушения порядка в помещении суда». За сравнительно короткий период времени было организовано четыре покушения на его жизнь.

Неоднократно подвергался судебным преследованиям и другой руководитель индейского движения сопротивления — Деннис Бэнкс. На первом судебном процессе обвинения, связанные с его участием в восстании в Вундед-Ни, провалились.

Против Денниса Бэнкса было сфабриковано новое уголовное дело. На этот раз он предается суду за организацию мирной манифестации в знак протеста против безнаказанности белого убийцы, от рук которого пал индеец. Бэнкс был осужден к 15 годам тюремного заключения. Из-под стражи ему удалось совершить по-

бег, но 12 сентября 1984 г. его снова арестовали. Однако и в этих условиях Деннис Бэнкс продолжает борьбу. «Угнетение индейцев стало еще более грубым, — заявил он, — все более быстрыми темпами отчуждаются их земли. Ужесточились полицейские и судебные репрессии, жертвами которых стали сотни коренных жителей Америки».

На территории штатов, где расположены резервации, число индейцев среди заключенных в 10–350 раз превышает пропорцию индейского населения. Так, в штате Монтана численность жителей резерваций составляет не более 3,7 процента, а в тюрьмах доля индейцев доходит до 35 процентов. В Миннесоте это соотношение составляет 0,4 и 12,5 процента, в Северной Дакоте — 0,05 и 17,5 процента.

Трагедия в Вундед-Ни отнюдь не исключительный факт современной американской действительности. Это еще раз подтвердили события, разыгравшиеся во время зимних Олимпийских игр 1980 г. в Лейк-Плэсиде. Под предлогом строительства спортивных сооружений недалеко от столицы Белой Олимпиады были изъяты земли, несколько столетий принадлежавшие племени мохаук. Индейцы обратились в суд. Напрасно они искали здесь защиты своего исконного права проживать на земле предков. Вместо рассмотрения иска суд выдал ордер на арест 22 организаторов индейского движения протеста. Опасаясь международного скандала, власти распорядились на время Олимпийских игр блокировать резервацию индейцев. Была ограничена доставка продовольствия, медикаментов, топлива. Дело не обошлось без человеческих жертв.

От рук полиции и поощряемых ею уголовных и расистских элементов пали участники борьбы за гражданские права индейцев Кларенс Кросс, Джозеф Станз, Байрон Десерса, Стэйси Кортъе, Джеймс Литл... Нет пощады даже женщинам и детям. Убита Эдит Игл-Хокс, вместе с нею погибли и двое ее детей — старшему было три года, а младшему — четыре месяца.

По данным, опубликованным в американской прессе, физически уничтожено около тысячи членов организации «Движение американских индейцев».

Во время второй мировой войны специальная подкомиссия палаты представителей американского конгресса опубликовала заявление:

«Окончательное решение индейской проблемы состоит в том, чтобы стараться ликвидировать эту проблему, а не обречь соответствующее федеральное ведомство возиться веки вечные с постепенно возрастающим индейским населением».

Не менее остро стоит проблема выживания индейцев в Канаде. И здесь они неизменно оказываются людьми «второго сорта». В настоящее время на территории страны существует 2242 резервации, в которых нищета, голод, болезни стали столь же характерными признаками индейцев, как и красный оттенок кожи.

...Вокруг тихого некогда озера Любикон в канадской

провинции Альберта сотни буровых установок, строительных и дорожных машин не прекращают работу ни днем, ни ночью. Нефтяная лихорадка. Ныне ей здесь подчинено все. Ежедневно в этих местах выкачивается нефти на 1 миллион долларов. Но ни цента не достается исконным владельцам этой земли — индейцам. Более того, огромные масштабы нефтяных разработок нарушили экологическое равновесие природной среды. В окружающих озеро лесах исчезли звери, охота на которых составляет основу питания местного населения. Тем самым подрываются устои индейского образа жизни, да и само существование их общины ставится под угрозу.

В этих условиях в 1982 г. индейцы решили обратиться в суд для защиты своих прав. Они потребовали судебного запрета на геологическую разведку и разработку нефтяных и газовых месторождений на площади в 2400 квадратных километров до тех пор, пока не будет решен вопрос о праве собственности на землю.

Почти год продолжалось судебное расследование. Наконец, в сентябре 1983 г. суд в Калгари вынес решение: местная община не является индейской этнической группой, и ее права на землю давно утрачены.

«Индейцы с берегов озера Любикон не прекратят борьбу», — заявил их лидер Бернард Оминак. И далее добавил: «Если только индейская община не перестанет существовать раньше, чем закончится судебная волокита».

Пока что многочисленные попытки индейских племен вернуть свои исконные земли через суд имеют один лишь финал — категорический отказ. Поэтому стоящие на грани физического истребления люди объединились в организацию «Братство индейцев Канады».

А теперь от северных озер мысленно перенесемся к южным прериям.

В Колумбии судебной защиты права на жизнь практически лишены коренные жители страны — 300 тысяч неассимилированных индейцев, многие из которых до сих пор находятся едва ли не на первобытном уровне развития. Летом 1972 г. общественность страны потряс судебный процесс по делу о зверском убийстве индейцев из племени куиба в департаменте Мета. Фабула дела поразительна по злодейству замысла и жестокости исполнения.

Группа индейцев получила приглашение отобедать за деревенским столом в поместье крупного латифундиста-скотовода. Простодушные приглашенные пришли как на праздник — с женами и детьми. Но не пиршество ожидало их... Едва лишь расселись индейцы за господским столом, как засвистели пули наемных убийц. Здесь нашли свою кончину 16 индейских мужчин, женщин и детей.

В суде города Вильявисеньо подсудимые — охранники латифундии — полностью признались в содеянном. Однако, как тут же выяснилось, это признание отнюдь не

означало раскаяния. Подсудимые заявили, что всегда считали индейцев «животными» и поэтому даже не предполагали, что их уничтожение является преступлением.

Трагическая страница в истории индейского населения Гватемалы — события весны 1985 г. в деревне Санта-Анита лас Каноас. Однажды ясным апрельским утром сюда ворвались каратели. По имевшимся у них сведениям, деревенские жители поддерживали партизанское движение. За это в Гватемале не судят — в лучшем случае расстреливают на месте, а чаще всего умерщвляют после изощренных издевательств и садистских пыток. На этот раз всех молодых и способных носить оружие мужчин и женщин согнали за околицу и приказали рыть «братскую могилу». Когда работа была окончена, застрочили пулеметные очереди, и 125 мертвых тел доверху наполнили ров...

О другом случае рассказывает Ригоберда Менчу, 26-летняя индейская крестьянка из Гватемалы:

— Один из моих братьев был секретарем деревенского кооператива — это было его единственным преступлением. Солдаты похитили его и зверски пытали 16 дней, хотя ему было только 14 лет. Они страшно его изуродовали — вырвали ногти, отрезали язык, изрезали ступни ног. Потом военные власти разослали по всем общинам приказ собраться в одной из деревень, чтобы присутствовать при казни партизан. Мы пошли туда вместе с отцом и матерью. В 8 часов утра прибыл военный грузовик. Из него выгрузили десятка два изуродованных людей, среди которых был мой брат. Мы уви-

дели, какие ужасные страдания вынесли наши товарищи, и поняли, что власти называют партизанами обыкновенных людей — крестьян и батраков с плантаций.

Никогда в жизни не забуду того, что я видела. Заключенных выстроили в шеренгу, и капитан, командовавший отрядом, произнес речь, прерывая ее, чтобы отдать приказание солдатам удерживать пленников стоя. Их поднимали ударами прикладов, но они снова падали. В заключение своей речи капитан пообещал всем мятежникам такую же участь. Когда он отдал приказ раздеть осужденных, одежду на них пришлось разрезать, так как она была в крови и присохла к телу. Их связали... облили бензином и подожгли. Мой брат и многие другие погибли не сразу...

В подобных случаях вопрос об ответственности карателей за массовые убийства мирных жителей без суда и следствия в Гватемале даже не возникает. Кровавый террор реакции только за последние четыре года унес по меньшей мере 25 тысяч человеческих жизней. Свыше 100 тысяч детей, лишившись родителей, превратились в маленьких бродяг.

В 1984 г. правительство Мехиа Виктореса потребовало от мексиканских властей убрать подальше от границы лагеря гватемальских беженцев под тем предлогом, что эти лагеря используются партизанами в качестве убежища. Гватемальцам предложили новые районы для поселения в мексиканских штатах Кампече и Кинтана-Роо на Атлантическом побережье. Это известие вызвало волнение в лагерях, так как климатические и географические условия на побережье значительно отлича-

ются от условий Гватемальского нагорья — родины индейцев. Поэтому большинство беженцев предпочли остаться на месте.

В других случаях уцелевшие после армейских и полицейских облав индейцы, испытав голод и лишения в отдаленных районах, где они укрывались от репрессий, фактически становятся пленниками армии в «образцовых» деревнях. Для индейцев жизнь в такой деревне не в последнюю очередь сложна тем, что в подобных поселениях происходит насильственное смешивание различных индейских народностей, разрушение общинных уз и традиций. Ясно, что община, лишенная своей земли, привычного уклада жизни, обречена на распад.

О четко выраженной политике этноцида в отношении индейцев, проводимой бывшими военными режимами, свидетельствует кампания массовой стерилизации, которая неофициально осуществлялась продолжительное время в индейских поселениях. По словам архиепископа Гватемалы Пенадоса, он лично убедился в том, насколько безнравственно обращаются военные власти с индейцами женщинами, которых насильно заставляют участвовать в программе «планирования семьи». Всю ответственность за осуществление подобных проектов, подчеркнул он, несут частные и государственные учреждения США, навязавшие Гватемале столь «хитроумный» способ снижения рождаемости среди индейцев.

С точки зрения международного права насильственная стерилизация населения может квалифицироваться как намерение военных добиться резкого сокращения

численности индейского населения. Цель такой политики довольно откровенно обрисовал газете «Нью-Йорк таймс» один из гватемальских генералов: «Повстанческое движение приобрело множество союзников среди гватемальских индейцев, поэтому индейцев надо уничтожать как пособников подрывных элементов».

Но, несмотря на голод и лишения, притеснения и репрессии, в сердце каждого индейца не умирает мечта о свободе. Ей посвящены стихи индейского поэта Джо Лафферти:

Как ветер свободно гуляет по прериям,

Так буду свободен и я.

Как кровь горячая красна моя,

Так красен буду и я.

Как щедро землю поит весна,

Так буду щедр и я.

Как ясны солнце и луна,

Так ясен буду и я.

Как любит сына каждая мать,

Так буду любить и я.

Как воздух упруг, когда спит земля,

Так буду упруг и я.

Как крона старого дуба сильна,

Так буду силен и я.

Как свободно песня льется моя,

Так буду свободен и я.

(В. Ковалев Досье репрессий. М. 1987)

«ГЕНОЦИД ПУТЕМ ЗАБВЕНИЯ НУЖД И ИНТЕРЕСОВ...»

Положение коренного населения Австралийского континента, включая жителей островов Торрессова пролива (на этих островах, входящих в состав Австралии, живет около 7 тыс. островитян, относящихся к меланезийской группе народов), борьба за ликвидацию его дискриминации и достижение им гражданского и социально-экономического равенства — все это обычно определяется как «проблема аборигенов».

Правящие круги страны столкнулись с необходимостью пересмотра проводившейся на протяжении десятилетий политики дискриминации и сегрегации коренного населения. Эта политика основывалась на концепции «расовой неполноценности» аборигенов. Один из «ученых» апологетов расизма, профессор Мельбурнского университета Т. Стреллоу, заявил в конце 40-х гг.: «Аборигены не только примитивная, но и вырождающаяся раса. Туземцы — народ слишком слабый, чтобы суметь приспособиться к европейской цивилизации. И посему им, как было со многими другими народами, уготовано исчезнуть с лица земли».

В это время была провозглашена «новая» политика — политика «ассимиляции». Федеральные министры и

министры штатов на конференции по проблеме благосостояния коренного населения в сентябре 1951 г. заявили: «Ассимиляция является целью мер по повышению благосостояния коренного населения. В практическом плане ассимиляция означает, что по прошествии определенного времени все чистокровные аборигены или лица смешанной крови будут жить так же, как белые австралийцы».

На конференции по проблеме благосостояния коренного населения в 1961 г. это было выражено еще более четко: «Политика ассимиляции означает, что... все аборигены и лица смешанной крови в конце концов придут к тому образу жизни, который свойствен остальным австралийцам, и будут жить как члены единого австралийского общества, пользуясь теми же правами и привилегиями, беря на себя ту же ответственность, соблюдая те же обычаи и разделяя те же верования, надежды и приверженности, что и остальные австралийцы».

Ясности в отношении того, как далеко должна была зайти подобная политика и как она будет реализовываться, не было. Правительственные заявления порой были противоречивы и отличались большой амплитудой колебаний — от рассуждений о социальной трансформации аборигенов и их вращении в белое австралийское общество с сохранением всей или части их культуры (по сути дела, рисунков на кофе, корробори и бумерангов для туристов) до предложений об их полном физическом поглощении, предположительно через смешанные браки. Сами аборигены называли это «культурным геноцидом».

На деле же происходил процесс насильственной ассимиляции, в ходе которого старые формы отношений между аборигенами рушатся, а сами они рассеиваются среди белого населения, особенно в больших городах. В Австралии этот процесс принимает форму пролетариации — превращения аборигенов в низкооплачиваемых рабочих. Ассимиляция является продолжением под новым названием старой политики удержания аборигенов под контролем.

Правительство также встало на путь постепенной отмены дискриминационных мер в отношении коренного населения и признания за ним гражданских прав. Важнейшей вехой на этом пути была отмена ст. 51-й и 127-й австралийской конституции — результат специального общественного референдума (май 1967 г.). Конституцией, принятой после многолетних споров шестью австралийскими колониями и приведшей к созданию в 1901 г. Австралийского Союза, предусматривалось, что федеральное правительство не осуществляет контроля над делами, касающимися аборигенов. Ст. 51 гласила:

«Парламент в соответствии с данной конституцией обладает полномочиями по принятию законов в целях обеспечения мира, порядка и справедливого управления Федерацией, распространяющихся... на лиц любой расы, кроме представителей аборигенной расы в любом штате; что касается последних, то считается необходимым издание для них специальных законов».

В ст. 127 говорилось: «При подсчете численности населения Союза, штата или какой-либо части Союза аборигенов не считаются».

ригены не учитываются». В соответствии с статьей 127-й чистокровные аборигены не учитывались во время переписей. Смысл ее сводился к тому, что аборигены не являлись гражданами страны, а следовательно, не обладали никакими гражданскими правами. Они именовались «лицами, находящимися под опекой государства».

К концу 60-х гг. была отменена подавляющая часть дискриминационных ограничений. Аборигены были признаны «гражданами Австралии». Однако формальное признание за аборигенами гражданских прав не означало, разумеется, достижения ими действительного равенства в рамках австралийского общества.

«ВЕРНИТЕ НАМ ЗЕМЛЮ»

В 60-х гг. представители аборигенов выдвинули требование возврата «традиционных («племенных»)» земель (лозунг «Верните нам землю» стал главным лозунгом движения коренного населения) или компенсации за отчужденные земли. В апреле 1965 г. Федеральный совет содействия прогрессу аборигенов на своей ежегодной конференции принял резолюцию, в которой потребовал выплаты компенсации за отчужденные у аборигенов земли в размере 150 млн. австрал. ф. (300 млн. австрал. долл.).

Гуринджи первыми потребовали признания за ними права на землю. 1 мая 1966 г. рабочие-аборигены ско-

товодческой «станции» Ньюкасл-Уотерс забастовали, и многие из них вместе с семьями покинули «станцию». Вскоре их примеру последовали рабочие Уэйв-Хилла и других «станций» скотоводческой компании «Вести». Большинство забастовщиков были из племени гуринджи. К концу месяца основная часть бастующих разместилась во временном лагере на берегу реки Виктория, неподалеку от поселка Уэйв-Хилл.

Гуринджи так рассказывают о первых днях забастовки: мужчины, женщины и дети двигались колонной, помогая друг другу, старшие дети и взрослые несли младенцев, уставших маленьких детей, одеяла, пищу и те немногие вещи, которые они смогли взять с собой. Шумная колонна из взволнованных, счастливых и испуганных людей миля за милей двигалась по труднопроходимой, покрытой жестким кустарником и редкими деревьями местности.

Лили Пунаи гладила белье в фермерском доме в Уэйв-Хилле, где она служила прислугой. В этот момент вошел белый рабочий и, объявив ей, что все аборигены уже ушли, спросил, собирается ли она остаться. Она ответила, что тоже уйдет. Оставив утюг, собрав пожитки в одеяло, эта пятидесятипятилетняя женщина пустилась в путь одна и прошла около пятнадцати миль, чтобы присоединиться к своим сородичам.

Примерно с октября 1966 до марта 1967 г. наблюдалось затишье в борьбе между гуринджи и скотоводческими компаниями. Во время влажного сезона занятые в животноводстве аборигены обычно не работают, и поэтому ожидалось, что конфликт снова разразится в апреле.

мае 1967 г. Совет защиты прав аборигенов Северной Территории грозил организовать забастовку рабочих-aborигенов на всех «станциях» в северной части страны и, таким образом, полностью парализовать их в апреле.

Бастовавшие гуринджи отказались вернуться к работе на старых условиях. Некоторые владельцы «станций» в охваченном забастовкой районе пошли на уступки. В январе-феврале 1967 г. (с началом работ, связанных с уходом за крупным рогатым скотом) некоторые бастовавшие гуринджи покинули лагерь в Уэйв-Хилле и приступили к работе на двух небольших «станциях», где им предложили зарплату лишь на 1,5-2 долл. ниже полных ставок.

Однако в марте 1967 г. гуринджи предприняли шаг, который не только привел к коренным изменениям в их собственной борьбе, но и явился серьезным вкладом во всеавстралийское движение в защиту аборигенов. Забастовщики и их семьи двинулись в Уотти-Крик (на языке аборигенов — Дагу-Рагу). Выбранное ими место расположено в районе, который издавна занимали гуринджи. Неподалеку от него находятся несколько их важных мест, а также источники питьевой воды.

В апреле 1967 г. гуринджи направили петицию генерал-губернатору (в то время этот пост занимал лорд Кейси) с требованием вернуть им 500 кв. миль их традиционных земель в районе Уэйв-Хилл — Лимбунья. Через несколько месяцев пришел решительный отказ.

Некоторые молодые мужчины трудились на скотоводческих «станциях», чтобы заработать деньги для всей этой группы аборигенов, другие строили примитивные жилища на месте нового лагеря. Действия гуринджи стали довольно широко известны и привлекли внимание политических кругов. Шесть членов Законодательного собрания Северной Территории посетили их лагерь.

После окончания влажного сезона 1967/68 г., когда вновь стала возможно транспортная связь, произошло другое важное политическое событие. 8 апреля 1968 г. Уотти-Крик посетил федеральный министр по делам аборигенов У. Уэнтворт. Он встретился и беседовал с лидерами гуринджи, и, по-видимому, на него произвели большое впечатление их чувство собственного достоинства и твердая решимость добиться возвращения земли. У самих гуринджи и общественности сложилось впечатление, что министр готов предоставить им достаточно земли для постройки деревни, огородов и загонов для лошадей и других домашних животных. Назывался возможный минимум — 8,5 кв. миль. Выбор, естественно, склонялся в пользу земель вокруг Дагу-Рагу: эти земли были пригодны для земледелия рядом с постоянным источником воды и священными местами и, что важнее всего, место было выбрано самими гуринджи.

Но компания «Вести» решительно выступила против. 10 июля 1968 г. право аборигенов на землю было отвергнуто. Федеральное правительство столкнулось с такой бурной волной протеста, что оказалось вынуждено искать какой-то выход из положения. Поэтому оно высту-

пило с планом постройки деревни для гуринджи на земельном участке, известном под названием «Пустошь погонщиков», рядом с поселком Уэйв-Хилл.

Но участок был пыльным и бесплодным. Он не подходил ни для обработки, ни для выпаса скота и к тому же был расположен слишком близко к священным местам, чтобы на нем могли находиться женщины. (По верованиям аборигенов, пребывание женщин вблизи священных мест недопустимо). Во влажный сезон его заливало водой, а в остальную часть года здесь не было воды, помимо плохой, с большим содержанием солей из единственной артезианской скважины. Участок соседствовал с местным аэродромом, поселком и полицейским кордоном. Кроме того, он был расположен совсем не в том месте, которое выбрали гуринджи. Они затратили много времени, терпения и выдержки, на протяжении года обосновывая свой выбор, свое неотъемлемое право на землю и решение оставаться на ней отныне и навсегда с такой убежденностью и постоянством, что правительству, прислушайся оно к этим аргументам, должно было сразу стать ясно, что гуринджи не согласятся ни на что иное. До настоящего времени подавляющее их большинство отказывается жить в новых домах.

После отказа федерального правительства признать права аборигенов на землю и после обнародования плана строительства новой деревни лидеры гуринджи призвали мужчин, которые к этому времени приступили к работе на различных «станциях», вернуться в Дагу-Рагу. Этот «исход» продолжался три месяца.

Дагу-Рагу оставалось для гуринджи центром, где многие члены этой (племенной) группы жили постоянно и куда молодые мужчины возвращались на время отпусков или для участия в религиозных церемониях. Незаконность (согласно законам белых) пребывания гуринджи на земле, взятой компанией «Вести» в аренду у государства, совершенно их не волновала, за исключением тех случаев, когда это мешало им обзавестись стадом коз или же зарегистрировать клеймо, которым они метили своих лошадей.

Пинчер Намиари, один из лидеров гуринджи, так обрисовал сложившееся положение: «Земля наша, название ее наше, и никто никогда не сможет ее у нас отнять. «Сновидения» на этом месте наши».

Гуринджи в последующие годы занимались благоустройством поселения, зарабатывали и организовывали сбор денег для этого, учились строить дома, душевые и туалеты, разводили сады, ставили заборы, покупали и выращивали лошадей и крупный рогатый скот. Они также разрабатывали планы на будущее.

Выступление гуринджи было важным моментом в борьбе за возврат аборигенам земель, которые оказались к этому времени арендованными скотоводческими монополиями.

Первая попытка вернуть находящуюся в руках государства землю имела место на полуострове Гов, в северо-восточной части Арнемлендского резервата для аборигенов.

ригенов. Швейцарско-австралийский консорциум «Набалко» планировал израсходовать 310 млн. долл. на создание на полуострове Гов комплекса по добыче и обогащению боксидов и поселка на тысячу белых рабочих. Аборигены-ирркала, жившие на полуострове Гов, в 1963 г. направили федеральному правительству в Канберре написанную на коре эвкалипта петицию, в которой протестовали против притязания на их землю, осквернения и уничтожения их священных мест. Это был политический протест, современный по содержанию, но все еще традиционный по форме.

Министр либерально-аграрного правительства Пол Хэзлак отверг большинство содержащихся в этом обращении требований. Но на стороне аборигенов было общественное мнение, а также лейбористская оппозиция в парламенте, и поэтому была создана комиссия по рассмотрению их жалоб. Хотя аборигены добились некоторых уступок, консорциум «Набалко» тем не менее продолжал разработку недр в резервате. Ирркала же продолжали протестовать против этого.

Тогда правительство изменило свою тактику и в 1970 г. предоставило ирркала денежную субсидию, дабы они могли передать свое дело в высшую инстанцию суда в Дарвине. Попытка суда в 1970 г. сразу же отклонить разбирательство дела не удалась, в марте 1971 г. суд вынес окончательное решение, — как и следовало ожидать, не в пользу аборигенов. Кого такого рода юридическое крюкотворство должно было убедить в справедливости и беспристрастии правительства, не совсем ясно, но на жителей полуострова Гов оно не произвело впечатления. Они продолжали отстаивать свои требо-

вания об изменении законов относительно права аборигенов на землю.

Показательно, что в процессе развития политического движения, в которое после второй мировой войны были вовлечены аборигены и их сторонники, вопрос о праве на землю вначале не играл заметной роли, а если и поднимался, то обычно только в отношении государственной земли. Все австралийцы, и черные и белые, знали, что первые британские колонисты просто отняли у аборигенов их землю и что последние не получили никакой компенсации. Тем не менее на протяжении многих лет в своей политической деятельности ни аборигены, ни белые не уделяли должного внимания этим фактам.

После Дагу-Пагу все изменилось. Показательно, что первые настойчивые требования возвращения земли аборигенам прозвучали не на юге, а на севере, то есть их выдвинули аборигены, чей традиционный образ жизни был уничтожен совсем недавно.

Правительство было вынуждено «проявить внимание» к коренному населению. В 1969 г. оно выдвинуло план «содействия социальному и экономическому равенству аборигенов». Однако в нем даже не ставилась задача достижения аборигенами действительного равенства, речь шла лишь о некоторых мерах «содействия» улучшению их положения.

В последние годы проблема аборигенов приобрела еще большую остроту. Коренные жители Австралии оста-

ются гражданами «второго сорта». Видный политический деятель, бывший (лейбористский) премьер-министр Э. Уитлем прямо обвинил правительство в полном забвении интересов коренного населения. Он подчеркивал, что по уровню жизни аборигенов можно приравнять лишь к жителям «бантустанов» в ЮАР и что они — одни из самых обездоленных и в наибольшей степени страдающих от болезней людей на земле. По приводимым им данным, детская смертность среди аборигенного населения в 1973-1977 гг. составляла 63 человека на 1000, тогда как среди белых австралийцев — 15.

В 1981 г. австралийский профессор Ф. Холлоуз, руководитель центра по борьбе с трахомой среди аборигенов, подал в отставку, возложив на правительство ответственность за состояние здоровья коренного населения. Он заявил, что на Северной Территории каждый двадцать восьмой абориген болен проказой, 30 процентов аборигенов в возрасте от 15 до 49 лет заражено сифилисом, случаев слепоты среди них в 7 раз больше, чем среди белых австралийцев. Продолжительность жизни аборигенов на двадцать лет ниже средней продолжительности жизни в Австралии.

Группа представителей Всемирного совета церквей, посетившая страну в 1981 г., пришла к заключению, что в отношении коренного населения там осуществляется «геноцид путем забвения его нужд и интересов».

В дополнение к сохраняющейся фактической дискриминации, к исключительно тяжелому социально-экономическому положению аборигенов в настоящее время

началась новая волна захватов горнорудными транснациональными, в первую очередь американскими, монополиями только что открытых месторождений природных ископаемых (алмазов, урана, нефти) на землях, где живут аборигены, то есть новая волна вытеснения аборигенов с «традиционных» земель.

Необходимо отметить, что положение аборигенов различно в зависимости от того, в каком штате они живут. Жесткую линию против коренного населения, и прежде всего против требования признания его права на «традиционные» земли, проводят правительства Западной Австралии и Квинсленда. В то же время правительство Южной Австралии в ноябре 1981 г. заключило первое в истории страны соглашение с аборигенами племени питджантджатджара, согласно которому за ним признана «неотчуждаемая собственность» на десятиую часть территории штата (на площадь, примерно равную Венгрии и Австрии, вместе взятым). Горнорудные компании отныне могут действовать на землях племени только с согласия питджантджатджара и на условиях, одобренных представителями племени.

Правительство также согласилось на переговоры с представителями коренного населения (Национальной конференцией аборигенов) о заключении договора — «макаррата» (это слово на одном из языков аборигенов означает «конец спора и восстановление нормальных отношений»). По «макаррата» должны быть признаны права аборигенов как «бывших собственников Австралийского континента» и определены размеры и формы «надлежащей компенсации».

(по матер. кн. Х. Миддлтон Теперь пусть нам вернут землю. М. 1983)

КИТАЙ

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

То, что в Пекине называют «великой культурной революцией», было задумано в 1965 г. 17 июня 1966 г. агентство Синьхуа сообщило:

«В сентябре 1965 г. на рабочем совещании Центрального Комитета Коммунистической партии Китая председатель Мао подчеркнул необходимость подвергнуть критике реакционные буржуазные идеи».

Эта кампания должна была затронуть все сферы жизни страны. Вот что писал журнал «Хунци» 3 июля 1966 г.:

«Мы должны в первую очередь разоблачать, критиковать и бороться с представителями буржуазии, пробравшимися в партию, в правительство, в армию и во все области культуры».

Историками «культурная революция» справедливо оценивается как прежде всего политический переворот,

как борьба за власть в партии и государстве. Но фактом является и то, что «культурная революция» началась формально серией критических кампаний именно в сфере литературы и искусства и глубоко затронула каждого, кто имел к этой сфере хоть малейшее отношение. Культурная жизнь страны была опустошена, культурная политика подвергалась коренному пересмотру.

Китайская творческая интеллигенция вынесла широчайшее по масштабам гонение, творческая деятельность в стране остановилась на годы, писатели умолкли: кого затравили, кого выслали без права на творчество. Издание художественной литературы было прекращено вплоть до 1972 г., выпуск игровых кинофильмов — до 1974 г. Целью было провозглашено создание «новой пролетарской литературы и искусства», которые не должны были иметь ничего общего с литературой и искусством предшествующего периода — «семнадцати лет черной линии».

Программным документом «культурной революции» стал «Протокол совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии, созданного т. Цзян Цин по поручению т. Линь Бяо». Совещание состоялось в Шанхае со 2 по 20 февраля 1966 г., сам протокол был впервые опубликован 29 мая 1967 г., затем в течение четырех лет его роль была определяющей в культурной политике.

Творческими принципами отвергнутой «черной линии» объявлялись установки: «писать правду», «открыть широкую дорогу реализму», «углубить реализм», «отказ от

решающего значения темы», теории «среднего героя», «долой запах пороха», «смешанного духа времени».

Все перечисленные в «Протоколе», теории, установки или крылатые словечки вроде «долой запах пороха» уже подвергались проработке в китайской печати в первой половине 60-х годов. Совсем новым было заявление «Протокола», что хороших произведений литературы и искусства за все семнадцать лет «было немного». Это означало, что помимо уже раскритикованных печатью уклонов, взглядов и произведений отрицаются вообще все достижения китайской культуры в годы развития Китая по пути к социализму.

«В некоторых произведениях извращались исторические факты, вместо правильной линии в них отображалась одна лишь ошибочная линия. В других хотя и имеются положительные герои, но их или изображают нарушителями дисциплины, или же заставляют умереть, искусственно создавая трагическую развязку. В третьих вместо положительных героев преподносятся только средние герои, фактически же отсталые элементы. Образы рабочих, крестьян и солдат уродуются, а враги, вместо того, чтобы разоблачать их классовую природу как эксплуататоров и угнетателей народа, приукрашиваются.

Наконец, есть низкопробные произведения на сугубо любовные сюжеты. Проповедуется, что «любовь» и «смерть» — это-де вечная тема. Все это буржуазный ревизионистский хлам, против которого необходимо вести решительную борьбу».

«Протокол» призвал «покончить со слепой верой в китайскую и зарубежную классическую литературу», «разрушить старое и создавать новое». В качестве достижений в нем утверждались успехи Цзян Цин в революционизации китайского театра, массовая деятельность непрофессиональных писателей из рабочих, крестьян и солдат, «творческий метод сочетания революционного реализма с революционным романтизмом». Провозглашалась необходимость «перевоспитывать» всех работников литературы и искусства Китая, необходимость «идти в гущу жизни, сливаться с рабочими, крестьянами и солдатами».

Так была отчетливо сформулирована платформа «культурной революции».

«Культурной революции» предшествовала проработочная кампания. Базой для развертывания критики стал Шанхай.

КАЗАРМА — ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

«Культурную революцию» стали проводить и в армии. Руководил ею сам маршал Линь Бяо, а его газета «Цзефанцзюнь бао» играла при этом первую роль.

Восемнадцатого ноября 1965 г. Линь Бяо объявил

«пять пунктов», в которых, между прочим, говорилось:

«Изучать и творчески применять произведения председателя Мао, в особенности делать все, что в наших силах, для их претворения в жизнь. Рассматривать произведения председателя Мао как наивысшие указания во всей деятельности нашей армии.

Руководителей надлежит направлять в низовые подразделения, наладить их деятельность и добиться хорошего стиля руководства.

Смело выдвигать на главные ответственные должности лучших командиров и руководителей».

За этими сдержанными словами скрывалось намерение осуществить ряд важных перестановок в руководстве армией.

Доклад Сяо Хуа, опубликованный 24 января 1966 г., дал первое представление о смысле этих перемен. Заклеймив позором тех военных работников, которые не ставят политику и идеи Мао Цзэ-дуна превыше всего, Сяо Хуа заявил: «Мы должны смело ломать все условности и действительно выдвигать тех командиров и бойцов, которые политически благонадежны».

Речь шла о преодолении сопротивления теориям руководящей пекинской группы, о смещении с занимаемых

постов «строптивых» офицеров, выступающих против этих теорий, и замене их надежными людьми. Прежде чем атаковать партию, взялись за армию. Чтобы легко сломить это сопротивление, в 1965 г. решено было отменить все воинские звания и знаки различия.

Кто же были эти офицеры, недостаточно благонадежные с точки зрения Линь Бяо и Сяо Хуа? Не те ли военные работники, которые хотели следовать решениям 8 съезда КПК? На этом съезде с речью выступил тогдашний министр обороны маршал Пын Дэ-хуай, уволенный в 1959 г. в отставку и замененный Линь Бяо за то, что не одобрял внутреннюю политику Мао Цзэ-дуна в своей речи на 8 съезде КПК в 1956 г.

Об изучении военного опыта иностранных государств Пын Дэ-хуай сказал:

«...У нас встречаются некоторые товарищи, проявляющие элементы зазнайства и самоуспокоенности в учебе и считающие, что поскольку... опыт, накопленный нами, уже достаточен на случай любых возможных неожиданностей как в настоящее время, так и в будущем... поэтому нам якобы не следует изучать положительный опыт других. Такое отношение к учебе является ошибочным...

...даже наш прошлый правильный опыт может оказаться неправильным или не совсем правильным в будущем ввиду изменения обстановки».

Третьего сентября 1966 г., отмечая первую годовщину со дня опубликования статьи Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!», газета подчеркивала:

«Лучшее оружие — это не то или иное смертоносное оружие вроде самолета, пушки, танка или атомной бомбы, но идеи Мао Цзэ-дуна, а самой большой силой в бою является народ, пробужденный и вооруженный идеями Мао Цзэ-дуна, а не мощь какого-либо нового оружия».

Понятно, что многие офицеры, знающие, что такое современное оружие, хорошо осведомленные о серьезности современного положения в мире и о разрушительной силе ядерного оружия, втайне или даже открыто отвергают утверждения Линь Бяо, предпочитая им точку зрения Пын Дэ-хуая.

Шестого июня 1966 г. армейская газета «Цзефанцзюнь бао» предостерегала:

«Если идеология людей, которые держат в руках винтовки, изменится, то эти винтовки будут служить другой цели, другому хозяину. Было бы глупо забывать об этом...»

Итак, «великая пролетарская культурная революция» проводилась в течение нескольких месяцев в армии, чтобы прежде всего была обеспечена «поддержка винтовкой». Но против кого же? Против «ревизионистов»,

которые «в партии, в правительстве, в армии, во всех культурных организациях плетут нити заговоров».

Чтобы пояснить, как китайские руководители дошли до всего этого, придется набросать хотя бы беглую картину развития борьбы в КПК, ставшей относительно острой с 1957 г. и приведшей в 1966 г. к прямому столкновению между группой Мао Цзэ-дуна, Линь Бяо и их хунвейбинов, с одной стороны, и значительной частью Коммунистической партии Китая — с другой.

В мае 1958 г., выступая на второй сессии 8 съезда КПК, Лю Шао-ци заявил:

«В результате борьбы против правых элементов антикоммунистические, антинародные, антисоциалистические буржуазные правые элементы были окончательно изолированы в массах, и они начали расслаиваться...»
И далее: «Мы очистили партию от находившихся в ее рядах правых элементов. Они занимались ревизионистской и другой антисоциалистической и антикоммунистической деятельностью...»

30 марта 1960 г. заместитель премьер-министра Ли Фучунь в докладе об экономическом плане на текущий год заявил:

«В партии горстка правых оппортунистов сопротивлялась генеральной линии партии, большому скачку в области производства и движению народных коммун. Они

объединялись в группы и занимались подрывной деятельностью с целью расколоть партию, предпринимали ожесточенные атаки изнутри партии против ее большинства».

В сентябре 1962 г. X Пленум Центрального Комитета отмечал, что «борьба между социалистическим путем и капиталистическим путем» будет продолжаться «несколько десятилетий или даже еще больше»; что в классовой борьбе бывают «приливы и отливы и порой она принимает весьма ожесточенный характер»; что она «неизбежно найдет свое отражение внутри партии».

В 1966 г. дело дошло уже до необходимости «бороться и раздавить тех, кто пробрался на руководящие посты, но идет капиталистическим путем». Этого требовало постановление Центрального Комитета от 8 августа, где, кроме того, говорилось:

«Будучи революцией, культурная революция неизбежно встречает сопротивление. Источником этого сопротивления являются главным образом те облеченные властью, которые пролезли в партию и идут по капиталистическому пути... В настоящее время это сопротивление все еще является довольно большим и упорным».

В сентябре 1959 г. Линь Бяо, только что сменив на посту тогдашнего министра обороны маршала Пын Дэ-хуа, написал статью, в которой напомнил, что на второй сессии 8 съезда ЦПК в мае 1958 г. было отмечено:

«Народно-освободительная армия является защитником, а также строителем социализма».

«После освобождения всей континентальной части страны, — писал Линь Бяо, — задачи нашей армии изменились: до этого главное место занимали боевые операции, а после — боевая подготовка. От распыленного размещения в деревнях армия перешла на казарменный режим. Сократились возможности непосредственных контактов между армией и народными массами. В то время некоторые товарищи считали, что, поскольку есть разделение труда на экономическое строительство и оборонное строительство и к тому же на армию возложены очень сложные и тяжелые задачи по боевой подготовке армии, мол, необязательно принимать участие в революционной борьбе масс и в государственном экономическом строительстве, необязательно, дескать, принимать участие в «местных» делах. Мы своевременно осудили и решительно исправили такой ошибочный взгляд... Народно-освободительная армия является орудием политической борьбы... А практика массовых движений, практика общественной борьбы как раз и насыщена политикой...» Поэтому, требовал Линь Бяо, армия должна «активно и инициативно участвовать... в массовых движениях».

Здесь необходимо подчеркнуть одно важнейшее обстоятельство: в Китае нет воинской повинности. Солдат — это доброволец, обязующийся служить не менее трех лет, но обычно остающийся в армии, шесть, девять, двенадцать, пятнадцать или даже больше лет.

В Китае всеобщая воинская повинность, бесспорно, неприменима из-за огромной численности населения этой страны.

От китайских офицеров, занимающихся отбором добровольцев, требуют оценивать последних по одному-единственному критерию — безоговорочной преданности «идеям Мао Цзэ-дуна». Значит, в меру применения этого критерия армия превращается в инструмент «группы по делам культурной революции».

«С 1964 г. весь народ в ответ на великий призыв товарища Мао Цзэ-дуна ведет широкую и полную энтузиазма кампанию, суть которой состоит в том, чтобы следовать примеру Народно-освободительной армии...», — писала «Жэньминь жибао» 1 августа 1966 г.

Народу в качестве примера показали целую плеяду героев: Лэй Фэн, Цян Хай, Ван Цзе, Май Сянь-дэ и так далее. Все это были военные.

Рабочим было предложено следовать «образцово организованному» предприятию — нефтяному центру в Дачине, крестьянам — брать пример с производственной сельскохозяйственной бригады в Дачжае. И в том и в другом случае вся работа регламентирована как в армии, трудящиеся живут как солдаты, в силу чего им выплачивают меньшую зарплату, чем на других предприятиях. Об этом газеты пишут почти ежедневно. На заводах и в деревнях, в учреждениях и школах многие соревнуются, стремясь подражать образу жизни, уста-

новленному в Дацине и в Дачжае. Кадровые или недавно демобилизованные военнослужащие во все больших количествах направляются на заводы и в народные коммуны для «организации труда».

Четвертого января 1965 г. Всекитайское собрание народных представителей утверждает новый состав Государственного совета. Портфели получает ряд военных, в том числе Линь Бяо. Министр общественной безопасности генерал Се Фу-чжи становится заместителем премьера. Три других заместителя премьера — маршалы. Пять из восьми недавно созданных машиностроительных министерств также передаются под начало военных.

В состав Постоянного комитета Политбюро, который вопреки Уставу КПК фактически стал ее руководящим органом, входят семь человек, одновременно являющихся членами Военного комитета ЦК КПК, то есть руководящего политоргана армии.

Первого августа 1966 г. смещен со своего поста министр культуры Лу Дин-и. Его заменил генерал Сяо Ван-дун, бывший его заместителем с 1965 г.

Как видим, роль армии не ограничивается ее влиянием в области идеологии. Ей предоставляются руководящие посты, включая самые высокие. Именно такую армию Линь Бяо и стремится прибрать к рукам. В 1959 г. среди военных кадров была проведена жесткая «чистка».

«Главные члены антипартийной группировки, разоблаченные на Лушаньском пленуме партии, злоупотребляя своим важным служебным положением в армии, они всячески стремились ликвидировать безраздельное руководство партии армией, отменить политическую работу, аннулировать задачу армии участвовать в социалистическом строительстве и вести работу среди масс». Им нужна была «ревизионистская» армия, как заявила «Цзефанцзюнь бао» в номере от 1 августа 1966 г.

«В 1960 г. под председательством товарища Линь Бяо созвано расширенное заседание военного комитета ЦК КПК, — говорится в той же статье. — Это совещание еще радикальнее покончило с влиянием буржуазной военной линии. Третье крупное сражение имело место совсем недавно. Разоблаченные в этой борьбе представители буржуазии, пробравшиеся на важные посты в армии, — это важные участники антипартийной, антисоциалистической, контрреволюционной группировки, раскрытой нашей партией в последнее время. Они выступают против Центрального Комитета партии, против идей Мао Цзэ-дуна и двурушничски отнеслись к указанию товарища Линь Бяо о выдвигании политики на первое место. На словах они кричали, что политика — командная сила, а на деле ставили на первое место военное дело, технику и профессионализм».

После этих трех последовательных «чисток», позволивших назначить на командные должности «благонадежные элементы», Мао Цзэ-дун и Линь Бяо считают, что в их руках идеальный инструмент, которым можно «изменить духовный облик трудящихся».

Первого августа 1966 г. газета «Цзефанцзюнь бао» опубликовала один из самых важных в этом смысле материалов:

«Наш великий вождь председатель Мао недавно дал чрезвычайно важное указание о строительстве нашей армии.

Председатель Мао говорит: «Народно-освободительная армия должна быть великой школой. В этой школе овладевают политикой, военным делом и культурой, и в то же время занимаются сельским хозяйством, организуют средние и мелкие промышленные предприятия, призванные выпускать некоторые виды продукции, предназначенной для удовлетворения собственных нужд, а также производить эквивалентный обмен с государством. Эта школа ведет работу среди масс и принимает участие в движении за социалистическое воспитание на заводах и фабриках и в деревне... Она в любое время принимает участие в такой борьбе, как критика буржуазии, культурная революция... Отдельная воинская часть может взять на себя по совместительству одну или две, но не все одновременно, из следующих трех задач: сельское хозяйство, промышленность и работа среди масс».

Председатель Мао указал: «Таким образом, многомиллионная армия будет играть огромную роль».

Этот текст и в самом деле «чрезвычайно важен», а посему заслуживает внимания.

Указания Мао предусматривают, чтобы армия, эта чисто военная сила, стала одновременно и автономной экономической силой, чтобы у нее были свои заводы, фабрики и фермы, которыми она сама будет руководить, пользуясь при этом правом продавать соответствующую продукцию государству и самостоятельно распоряжаться полученной прибылью. Участие солдат в труде, в строительстве социализма на их родине — вполне нормальное явление, особенно в такой стране, как Китай, который вынужден прилагать величайшие усилия для создания современной экономики. Но надевать армию в целом какими-то особыми экономическими полномочиями — значит в известном смысле создать государство в государстве.

Но и этого мало: будучи военной и экономической силой, армия становится вдобавок еще и политической организацией, призванной непосредственно вмешиваться в политическую жизнь страны, причем не в целях самовоспитания, а для воспитания других — рабочих и крестьян. Кроме того, там уточняется, что некоторые соединения будут работать на заводах, фабриках и в деревне, а другим предстоит специализироваться в области политической работы среди масс.

Первого августа 1966 г., «Жэньминь жибао» выступает со следующим призывом:

«Освободительная армия является наилучшей великой школой овладения идеями Мао Цзэ-дуна. Все заводы и фабрики, сельские народные коммуны, учебные заведения, магазины и предприятия бытового обслуживания

ния, партийно-правительственные учреждения нашей страны должны брать пример с Народно-освободительной армии, стать великими школами идей Мао Цзэ-дуна».

Назначение Линь Бяо на пост, который, по существу, делает его преемником Мао Цзэ-дуна, говорит о том, что тенденция превратить армию в самую главную, самую «передовую» часть народа восторжествовала. Это и есть победа «военного коммунизма», победа «военной линии» Мао Цзэ-дуна.

Двадцать первого августа 1966 г. агентство Синьхуа сообщило, что в ответ на призыв Линь Бяо «...большая группа командиров из Гуанчжоу, Пекина, Цзинани, Ланьчжоу, Чжэнчжоу, Уханя и других китайских городов пошла в массы, чтобы пропагандировать идеи Мао Цзэ-дуна. Они обязались изучать произведения председателя Мао и распространять его идеи в течение всей своей жизни, чтобы 700 миллионов китайцев глубоко усвоили великие идеи Мао Цзэ-дуна».

Другие подробности о роли, которую сыграли военные в 1965 г., были опубликованы 17 октября 1966 г. в «Пекин энформасьон»:

«В течение истекшего года в соответствии с указаниями председателя Мао командиры и солдаты ходили в массы, чтобы распространить идеи Мао Цзэ-дуна; они побывали на шахтах, на промышленных предприятиях и в народных коммунах, где участвовали в движении по

социалистическому воспитанию; они отправлялись в места, где классовая борьба была особенно ожесточенной; они находились там в порядке «политической закали» и занимались разнообразной деятельностью».

Семнадцатого октября 1966 г. агентство Синьхуа, снова напомнив об «указаниях товарища Линь Бяо относительно необходимости начать новый этап массового движения за изучение и творческое применение произведений Мао Цзэ-дуна», сообщило:

«Партийные комитеты военных округов в Шэньяне, Пекине, Цзинани, Нанкине, Гуанчжоу и Ухане приняли энергичные меры, чтобы быстро довести эти указания до подразделений и полностью претворить их в жизнь». В некоторых районах офицеры и солдаты «уже покинули казармы, аэродромы, посты на границах или на побережье», чтобы практически осуществлять эти указания среди народа.

Руководство КПК все еще находилось в плену «военного коммунизма», который помог ему захватить власть.

Мао Цзэ-дун и его сторонники в Коммунистической партии Китая видели все того же, прежнего врага, который будто бы появляется вновь и вновь и с которым необходимо бороться. А если он не появляется, что ж, тогда его «воссоздают». Коль скоро буржуазия устранена, значит теперь уже «ревизионисты» хотят «реставрировать капитализм».

«Борьба... по необходимости будет продолжаться долго», — гласило «Постановление из 16 пунктов» о развертывании «культурной революции», принятое Центральным Комитетом КПК в августе 1966 г. Она будет продолжаться «из поколения в поколение», писала «Жэньминь жибао».

«КРАСНАЯ ОХРАНА»

В один из майских дней 1966 г. семь аспирантов философского факультета Пекинского университета в кинозале студенческого городка вывесили дацзыбао — прокламацию, написанную от руки крупными иероглифами. В прокламации ректор университета Лу Пин был объявлен «антипартийным черным бандитом».

Текст прокламации появился в газете «Жэньминь жибао». Вся пресса КНР открыла шумную кампанию подстрекательства учащихся страны к аналогичным действиям. Дацзыбао (в университете их количество достигло 100 тысяч) появились на улицах столицы, крупных городов Китая. Загремели гонги и барабаны. В обыденный лексикон втиснулись понятия: «черная банда», «собачьи головы», «современный ревизионизм» и т. д.

В календарь «великой пролетарской культурной революции» день 18 августа 1966 г. вошел как день рождения «красной охраны». Выход Мао Цзэ-дуна на трибуну площади Тяньаньмынь был обставлен, словно явление Будды. Не сказав ни единого слова неистовствующим

щему морю «революционных учащихся», он долго позировал перед кинокамерами. Затем несколько подростков поднялись на трибуну и вручили Мао Цзэ-дуну красную повязку с иероглифами «хунвейбин» («красный охранник»). Он надел ее и выбросил руку вверх.

«Группа хунвейбинов, — писало агентство Синьхуа, — в восторге воскликнула: «Председатель Мао надел нашу красную повязку! Он утвердил создание нашей красной охраны!»

В действительности первые отряды «красной охраны» сформировались несколько раньше. Прокламации, расклеенные на улицах Пекина, свидетельствуют, что еще 1 августа Мао Цзэ-дун в письме к учащимся пекинской средней школы при институте «Цинхуа» поощрял их на «ниспровержение реакционеров и ревизионистов». Но его появление к «революционным учащимся» 18 августа как бы окончательно санкционировало создание «красной охраны».

18 августа площадь Тяньаньмынь, по определению агентства Синьхуа, «напоминала море красных знамен». Когда митинг окончился, это «море» разлилось по городским улицам.

С этого дня Пекин стал походить на город, куда съехались сотни тысяч молодых людей.

По улицам стали водить людей с шутовскими колпака-

ми на голове и черными табличками «бандит», «контр-революционер», «преступник», первое время это были преподаватели школ и вузов. Под неистовые вопли хунвейбины ставили их на колени и били головой о землю. Это называлось «коу тоу» («поклон раскаяния»). Вот как описал все это китайский школьник:

«Я несчастный ученик средней школы. В этом году мне исполнилось 18 лет. В «дни избиений» отряд хунвейбинов ворвался в нам в дом. Хунвейбины, подстрекаемые соседями, устроили у нас обыск, перевернули все вверх дном. Затем они вызвали мою мать с работы. Когда она пришла домой, устроили ей незаконный допрос и, как фашисты, избили. (Это я перенес тяжелее всего. Они действовали, как стая диких зверей. Каждый из них был вооружен ремнем. Они били мою мать ремнями, и каждый удар, как игла, вонзался в мое сердце). Они заставили мою мать встать на колени на два кирпича, поставленных стоймя, и били ее больше часа. В результате моя мать потеряла человеческий облик.

Затем хунвейбины погрузили на грузовик и увезли почти все вещи из нашего дома. На чем же нам спать, на чем сидеть, как жить? Но разве им есть дело до того, будешь ли ты жить или умрешь! Вечером мой отец вернулся из учреждения. Увидев все это, он внешне ничем не вызывал своих чувств. Вероятно, желая тем самым успокоить мать, меня и брата. Он только прикрепил на стене по бокам от портрета председателя Мао два изречения Мао Цзэ-дуна. Затем расспросил нас о случившемся.

Однако в тот же день вечером наши соседи (все они хунвейбины) снова набросились на моих родителей. Они грозили им смертью. Хотели той же ночью устроить «собрание борьбы». И только когда моя мать встала перед ними на колени, а отец долго молил, они согласились перенести эту «борьбу» на завтра. В ту же ночь из соседнего двора донеслись крики, свидетельствующие еще об одном избиении.

В «период избиений» каждый день убивали десятки, а то и сотни людей. Трупы перевозили автомашинами. Некоторые были убиты, иные сами покончили с собой. Тем же, кто был избит до полусмерти, больницы не решались оказывать помощь и в лучшем случае проводили освидетельствование. В то время считалось: если забили до смерти плохого человека, то так ему и надо, а если забили до смерти хорошего человека, то это лишь недоразумение. И вот в таких чрезвычайных обстоятельствах мои несчастные родители, написав завещание «лучше умереть от своей руки, чем от рук хунвейбинов», решили покончить с собой.

Обманом выпроводив меня с братом из дому, мои несчастные родители решили умереть, прикоснувшись к электрическим проводам! Однако из-за того, что напряжение было не слишком большим, моя мать не умерла. Тогда она вскрыла себе вены на руке и перерезала вены на шее. Увидев это, хунвейбины стали ругаться и смеяться. Моей матери опять не удалось покончить с собой. Но, потеряв слишком много крови, она впала в забытие. Я видел, как мои родители лежали на кровати, они были в крови, и одеяла пропитались их кровью.

Прошло очень много времени, прежде чем хунвейбины отправили, наконец, мою мать в больницу, чтобы там зашили ей раны. А когда раны были зашиты, они заставили моего брата немедленно отнести ее домой. Дома один из полицейских сказал мне: «Твою мать отправили в больницу не для того, чтобы спасти ей жизнь, а для того, чтобы иметь рот, способный говорить, и чтобы мы могли разобраться».

Меня хунвейбины отправили в школьную тюрьму. В то время в ней уже забили до смерти больше десяти человек! Когда я хотел вернуться домой, они стали угрожать мне и говорить, что я стою на реакционной платформе! Моя несчастная мать все время плачет и страдает, комнаты, в которых мы жили, опечатаны хунвейбинами. Когда хунвейбины узнали, что я вернулся домой, они стали опять орать и ругаться. Потом решили отправить меня, как и некоторых других учащихся нашей школы, в деревню на трудовое воспитание.

Как они относились к нам! Хуже, чем к собакам. Они били нас, когда хотели. Помимо того, что мы каждый день по восемь часов работали под их надзором, они заставляли нас работать еще и еще. По ночам мы не могли спокойно спать, потому что в любой момент тебя могли поднять и выгнать в темноту, во двор, а там заставить «делать упражнения» или трудиться. Душевные страдания и физические муки постепенно подорвали мои силы, но все-таки я все вынес!

Я не мог спокойно думать о трагической судьбе моих родителей. Мой доведенный до самоубийства отец был

объявлен «контрреволюционером», а мою несчастную мать хотели либо понизить по службе, либо отправить в деревню. У меня больше нет сил терпеть все это! Я не могу не обратиться к богу с вопросом: «За какие грехи мы попали в такое положение? Почему так трагична судьба моих родителей? Почему эти хунвейбины, которые принесли нам столько горя, пользуются защитой закона, а мы ее лишены? Почему в ходе этого движения меня едва не убили? Почему все это?!

И сейчас у хунвейбинов нет никаких материалов, подтверждающих, что мои родители контрреволюционеры, что они кончали жизнь самоубийством, чувствуя якобы за собой вину. Почему же все так происходит? В ходе движения было убито столько людей, что эти цифры поражают, но что значат цифры в сравнении с 700 миллионами людей? Ведь китайцев слишком много! Пусть умрут сотни, тысячи, десятки тысяч... Ничего не случится.

Чем больше я думаю о своем будущем, тем более безнадежным кажется оно мне, и я спрашиваю себя: есть ли вообще будущее у таких, как я, молодых людей, выросших в новом обществе? Передо мною тупик. Умереть? Нет! Я еще молод! Я хочу жить! Мне всего восемнадцать».

Правящая группировка звала всех «бунтарей» причаститься к «революционному делу» в столице. Началось невиданное паломничество в Пекин за опытом столичных хунвейбинов. В терминологии «культурной революции» это называлось «революционной смычкой».

О том, сколько значительным было число этих экскурсантов, свидетельствует, например, специальное уведомление ЦК КПК и горсовета КНР от 5 сентября 1966 г., расклеенное на улицах города. Там, в частности, указывалось, что в Пекин для участия в «революционной смычке» могут ехать абсолютно все учащиеся высших учебных заведений страны. Для приезда была установлена норма — один человек на пятьдесят студентов. Что касается учащихся средних школ, то они «ввиду того, что их общее количество очень велико», должны были посылать по одному представителю от каждой десяти тысяч. Преподаватели, служащие и рабочие имеют право посылать одного человека на каждую сотню выехавших в Пекин учеников.

Беспорядочный вихрь хунвейбинов внес сумятицу в напряженный ритм жизни больших и малых городов.

Хунвейбины и цзаофани объединены в батальоны, роты, взводы, звенья. Они имеются в провинциях, городах, университетах, школах. С самого первого дня было заявлено, что «красные бунтари» должны стать резервом Народно-освободительной армии.

День «красного охранника» разбит на две части. Первая — так называемая учеба. Точнее, это неоднократно возобновляемая зубрежка цитат Мао плюс многочасовой рейд по центральным улицам, площадям, бульварам, где уже с рассвета вывешены свежие дацзыбао. Сидя на корточках, стоя в толпе, лежа на тротуаре, хунвейбины старательно переписывают с них все подряд в свои толстые тетради и блокноты. Это главный

капитал, который юные «миссионеры маонизма» должны унести на периферию и с его помощью склонять к исповеданию той же «религии» полуграмотную, а то и вовсе неграмотную массу в деревне.

Вторая половина «рабочего дня» хунвейбина, как правило, начинается двухчасовой военной подготовкой.

Агентство Синьхуа сообщало: «Каждый день хунвейбины проходят военное обучение, отрабатывая штыковой бой, стрельбу по мишеням, метание гранаты и другие основные упражнения». Как сообщала печать, для организации военной подготовки «красных охранников» было выделено свыше 100 тысяч советников из числа военнослужащих.

Ни днем, ни ночью не смыкают глаз города, оккупированные шумным воинством. «Красные охранники» уже не прочь попросить и оружие. Но пока сам премьер вещевает пылких революционеров: «Вы правильно говорите, что вы резерв нашей Народно-освободительной армии. В вашей среде раздаются голоса, чтобы дать вам оружие. Мы не можем этого сделать».

В Пекине вывешены дацзыбао с текстом «приказа N76 военного комитета ЦК КПК» об участии армии в «культурной революции». Командирам и солдатам приказано поддержать действия хунвейбинов и цзаофаней. Согласно этому приказу армейские части могут самостоятельно производить аресты, обыски и подвергать людей физическим наказаниям.

Юнцы с красными повязками разрушили множество ценнейших памятников культуры — древних скульптур, древних архитектурных сооружений, созданных гением народа.

В древней столице Тибета — Лхасе хунвейбины разрушили и разграбили бесценные сокровища храмов, в том числе уничтожили и растащили по кускам статую тибетского «Бога бесконечного милосердия». Это одна из самых знаменитых скульптур Востока — фигура с одиннадцатью головами и тысячью рук, в ладонь каждой руки был вложен глаз Будды. Согласно легенде глина для этой скульптуры была собрана в разных местах Индии и смешана с водой Ганга. Поколения паломников покрыли эту статую листами узорного золота...

Разрушена могила крупнейшего китайского художника Ци Бай-ши, снесен бюст Пушкина в Шанхае, загажены уникальные галереи императорского дворца в Пекине.

Впрочем, хунвейбины не просто разоряют исторические и художественные ценности, принадлежавшие народу. Их руками сознательно уничтожают культуру те, кому она мешает. При этом группа Мао Цзэ-дуна не останавливается только на разрушении памятников культуры. Инакомыслящие должны быть унижены и подавлены.

Одним из первых в черных списках «великой пролетарской культурной революции» был ректор, секретарь

парткома Пекинского университета Лу Пин, которого ныне в Китае именуют не иначе, как «черным бандитом, контрреволюционером, агентом советских ревизионистов». Его преступления состоят в том, что он придерживался принципов обучения принятых в СССР. В том, что студенты философского факультета изучали философию, исторического — историю, физического — физику вместо того, чтобы заниматься лишь зубрежкой цитат Мао Цзэ-дуна. Добавим к этому, что, помимо ректора, в черном списке оказалось несколько десятков профессоров и преподавателей Пекинского университета и что подобной участи не избежало почти ни одно высшее учебное заведение КНР.

В конце июня 1966 г. «Чжунго цинняньбао» в передовице «Ученики могут помочь революционизации учителей» давалась следующая установка школьникам: «В рядах учителей имеется часть пролетарских, революционных, смелых элементов. У большинства учителей пролетарское мировоззрение еще не окончательно заменило буржуазное. Имеется еще и группка, нечисти, настроенной против партии, против социализма, против идей Мао Цзэ-дуна. Мы должны под руководством партии, опираясь на левые элементы, имеющиеся среди учителей, в процессе упорной работы постепенно сплотить большинство учителей до конца обнажать, до конца критиковать, до конца уничтожать всю нечисть».

Последние годы в Китае велась массовая пропаганда новых «героев» китайской молодежи, в основном из числа бойцов Народно-освободительной армии.

Лично Мао Цзэ-дун в 1963 г. отдал команду «учиться у Лэй Фэна», который после своей гибели оставил дневник, исписанный цитатами из его произведений.

Дневник издан с предисловием Мао цзэ-дуна: «Учитесь у товарища Лэй Фэна. Мао цзэ-дун», и Линь Бяо: «Вся молодежь должна учиться у товарища Лэй Фэна быть верным солдатом председателя Мао. Линь Бяо».

Вот отрывок из дневника Лэй Фэна:

«1959 г.

Председатель Мао — это мой отец.

Идеи председателя Мао как солнце!»

«1959 г. Октябрь.

Вчера я слушал товарища, который вернулся с большого митинга в Пекине. Он рассказывал, что председатель Мао встречался с ними... В эти минуты мое сердце билось так, что готово было выскочить из груди. Я думаю, что однажды я тоже, как и он, увижу Мао, о котором думаю день и ночь... О, вчера вечером я заснул и во сне увидел председателя Мао».

«1960 г. 8 января.

Я обязательно должен стать хорошим солдатом эпохи Мао Цзэ-дуна».

«1960 г. 21 ноября

... Необходимо добросовестно изучать труды председателя Мао, слушать председателя Мао... Руководствоваться в делах указаниями председателя Мао, только

тогда можно стать хорошим солдатом председателя Мао».

«1960 г. 18 декабря.

Каждое слово председателя Мао, каждый иероглиф Мао прибавляют мне безграничные силы и глубоко учат меня».

«1961 г. 22 февраля.

... Когда я погрузился в сон, я увидел во сне председателя Мао... Я действительно стану хорошим солдатом председателя Мао».

В дневниках других героев та же фанатичная преданность Мао Цзэ-дуну, клятвы громить всех, кто выступает против председателя Мао.

Раньше у китайской молодежи были другие любимые герои. Теперь в музеях целые стенды посвящены «новым» героям.

Эти герои совершали подвиги и умирали уже и с именем Мао Цзэ-дуна на устах.

... От неосторожного обращения с миной погиб солдат Ван Цзе. Пресса возвела его в ранг героя. Газета «Чжунго цинняньбао», орган ЦК КСМК, писала: «Ван Цзе — герой, возвращенный на идеях Мао Цзэ-дуна. Моральные качества Ван Цзе являются концентрирован-

ным выражением революционного духовного облика широких масс молодежи нашей страны. Такой образец, подобно Лэй Фэну, является духовной атомной бомбой, этот пример, безусловно вызовет мощный отклик среди молодежи страны».

Группа Мао Цзэ-дуна, Главпур НОАК обратились к китайской молодежи с призывами: «Учиться революционному духу Ван Цзе, не бояться трудностей, не бояться смерти!»

В «дневнике» Ван Цзе — сплошные цитаты из Мао Цзэ-дуна и собственные «сочинения». Вот одно из них: «В настоящее время империализм, реакционеры всех стран и современные ревизионисты организовали большой антикитайский хор. Я, революционный боец с винтовкой в руках, приложу все усилия для боевой подготовки, буду в любое время готов разгромить все новые происки врага».

В мае 1965 г. он сделал другую запись: «Сегодня в 10 часов утра успешно испытана вторая атомная бомба нашей страны, это еще одна важная победа нашей науки, это еще одна победа под руководством партии и председателя Мао Цзэ-дуна, еще один тяжелый удар по империализму и ревизионизму».

Среди студентов-иностранцев, которым правительство КНР предложило покинуть Китай, был 23-летний студент Дашдава из Монголии, обучавшийся на последнем курсе Шанхайского текстильного училища. Местные

революционные учащиеся устроили ему весьма своеобразные проводы.

2 октября 1966 г. Группа подростков с красными повязками среди бела дня забросала монгольского студента камнями, в результате чего Дашдава был вынужден потребовать защиту в полицейского, наблюдавшего за этой сценой с полным безразличием.

3 октября. Решив, что поскольку до отъезда остались считанные дни, а появляться на улице небезопасно, Дашдава остался в общежитии. В тот момент, когда он сидел у себя и слушал пластинки, дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвались несколько парней. С некоторыми из них Дашдава был знаком, еще недавно встречался в студенческих аудиториях. Но сейчас они кричали, словно впервые его видели: «Кто такой?», «Как смеешь слушать контрреволюционную музыку?»

Вести диспут об эстетике было бессмысленно, и Дашдава попытался ответить непрошенным оппонентам их же излюбленной формулой. «Эта музыка болгарская, — сказал он. — Болгария — социалистическая страна, значит, музыка не контрреволюционная». Его слова вызвали еще больший гнев. «Это ревизионистская музыка! Запрещаем ее слушать!»

Впрочем, самые серьезные испытания были впереди.

5 октября. Вынужденный выйти в город для выполнения формальностей в связи с отъездом, Дашдава вечером возвращался в свое училище. На улице Янаньсилу,

метрах в 500 от училища, он остановился при виде большой толпы хунвейбинов, окруживших седую женщину и заставлявших ее кланяться так, чтобы лбом касаться земли. «Мы с тебя собьем буржуазную спесь!» — кричали они модный в «культурной революции» лозунг. Вдруг кто-то из подростков увидел остроносые ботинки Дашдава. Последовал приказ: «Разувайся!» Вероятно, благоразумнее всего было бы разуться и идти в общежитие босиком, как это приходилось уже делать некоторым иностранным студентам, обучающимся в КНР.

Однако Дашдава отказался выполнять это требование. Тогда вся толпа, оставив женщину, переключилась на него. Ему стали выкручивать руки, рвать одежду, волосы. Дашдава отбивался как мог. Его свалили на землю и хотели убить. Но тут среди хунвейбинов возникли разногласия. Одни были готовы линчевать «враждебного элемента» на месте, другие сочли более целесообразным отвести ее в полицию. И только в полиции Дашдава стало страшно. Если Хунвейбины могли принять его за какого-нибудь китайского эмигранта, который вернулся на родную землю, не продумав предварительно свой туалет, то полицейские прекрасно знали, что перед ними иностранный гражданин.

Но перед монгольским студентом не подумали извиниться. Ему устроили многочасовой допрос, шантажировали: «Ты долго дома не увидишь, останешься здесь, в тюрьме, будем тебя судить». За что?» Ну, например, за то, что ты... избил восемь хунвейбинов, — сказал ему полицейский не моргнув глазом. — Это очень серьезное преступление — избить восемь человек...» Наконец, его принудили подписать протокол допроса, содер-

жавший, в частности, «признание», что он, Дашдава, «нанес троим хунвейбинам удары рукой и пяти хунвейбинам — ногой». Лишь шестого утром измученный и избитый Дашдава вернулся в общежитие.

Прощаясь на вокзале у поезда «Пекин — Улан-Батор», он сказал:

«Напишите все как было, но не раньше, чем я пересеку китайско-монгольскую границу».

(Г. Елисеев, А. Крушинский, В. Милотенко Кричащие батальоны. М. 1967)

Новое обострение борьбы в руководстве КПК произошло в 1961-1962 гг.

Как бы то ни было, но имелись все основания для того, чтобы 1966-1967 годы стали годами «реванша»: авторов политики «урегулирования» сразу же обвинили в том, что они «буржуазные академические авторитеты», что они «противятся идеям Мао Цзэ-дуна» и хотят «реставрировать в Китае капитализм», — одним словом, что они «ревизионисты».

Сунь Е-фан, директор Института экономики Академии наук КНР, арестованный в конце 1966 г., «в течение длительного времени распространял большое количество нелепостей, заимствованных у современных ревизи-

онистов Советского Союза», — писал в начале ноября 1966 г. журнал «Хунци».

«В течение трех лет стихийных бедствий Сунь Е-фан действовал заодно с внутренними и внешними классовыми врагами, свирепо атаковавшими партию и социализм, и выдвинул насквозь ревизионистскую экономическую программу, тщетно надеясь добиться реставрации капитализма в Китае... Он цинично заявил, что его взгляды «согласуются» со взглядами ревизионистского советского экономиста Либермана».

Роспуск в конце декабря 1966 г. Всекитайской федерации профсоюзов, арест 3 января 1967 г. Бо И-бо, руководившего планированием в Китае, обвинение в «экономизме», выдвинутое в начале 1967 г. против тех, кто «увеличивает заработную плату и продажу товаров широкого потребления», кто «применяет засахаренные снаряды, то есть разговорами о благосостоянии обманывает массы», — все это показывает, каков характер разногласий.

Статья «Да здравствует мятежный революционный дух пролетариата!», написана хунвейбинами пекинского университета «Цинхуа» и опубликована в журнале «Хунци» 10 ноября.

Вот что можно было прочитать в этом центральном органе КПК:

«Тысячи и тысячи положений марксизма в конце концов сводятся к одному: «Бунт — дело правое». В этом сама душа идей Мао Цзэ-дуна. Основным и самым драгоценным качеством революционных пролетариев является отвага. Они должны смело думать, говорить и действовать, чтобы преодолеть все преграды и завершить революцию. В этом и заключается основа партийного духа пролетариата. Уклоняться от бунта — значит попросту погрязнуть в ревизионизме.

Вот уже семнадцать лет, как наше образование находится под влиянием ревизионизма. Если мы не восстанем против этого сейчас, то когда же еще?

Кое-кто из тех, кто открыто противился нашему бунту, теперь прикидываются робкими и сдержанными. Они желчно причитают, что мы слишком пристрастны, слишком дерзки, слишком грубы и заходим слишком далеко. Все это сплошная глупость. Если вы против нас, скажите об этом прямо. Зачем бояться?

Но поскольку мы полны решимости бунтовать, то вам ничто не поможет. Мы, конечно же, не боимся запаха порохового дыма. Разглагольствования о «человечности» и «беспристрастии» не дают ровным счетом ничего, и с ними надо покончить.

Вы говорить, что мы пристрастны. Но какой же вид беспристрастности устроил бы вас? Уж не та ли эклектическая беспристрастность, когда две точки зрения сливаются в одну?

Вы полагаете, что мы чрезмерно дерзки. Но как раз такими мы и хотим быть. Председатель Мао говорит: «Тех, кто занимает высокие посты, следует ценить дороже, чем пыль». Мы намерены нанести удар не только по реакционерам нашего университета, но и по реакционерам всего мира. Преобразование мира — вот задача революционера. Как же нам в таком случае не быть дерзкими?

Вы говорите, что мы грубы и жестоки. Но именно такими мы и хотим быть. Как можем мы быть мягкими и покладистыми в отношении ревизионизма или проявлять к нему какую-то особенную умеренность? Проявлять умеренность к врагу — значит быть жестоким к революции.

Вы утверждаете, что мы заходим слишком далеко. Откровенно говоря, ваш совет «не заходить слишком далеко» выражает всего лишь реформистскую концепцию о «мирном переходе». Что ж, мы собьем вас с ног и не дадим подняться».

Далее хунвейбины из университета «Цинхуа» заявляют, что намерены «перевернуть старый мир вверх тормашками, разнести его в щепки, создать хаос, сплошную неразбериху. И чем больше эта неразбериха, тем лучше... Мы хотим довести наш мятеж до конца, вызвать грандиозное восстание пролетариата и сотворить новый, пролетарский мир».

Стало также известно, что «первой обязанностью хун-

вейбинов является сформирование боевой армии, готовой защищать и охранять председателя Мао» и окончательно устранить «лиц, которые все еще находятся у власти в партии, но идут по капиталистическому пути».

Новый первый секретарь Пекинского комитета КПК Ли Сюэ-фэн, 3 июня сменивший на этом посту Пын Чжэня, в середине октября в свою очередь подвергся резким нападкам, как, впрочем, и весь новый горком, членов которого стали называть «черными бандитами», плетущими коварные интриги» против Мао Цзэ-Дуна и «группы по делам культурной революции Центрального Комитета», руководимой Чэнь Бо-да, членом постоянного комитета Политбюро, и Цзян Цин, супругой Мао Цзэ-дуна.

Ван Куан, заведующий отделом пропаганды Центрально-Южного бюро ЦК (провинции Гуандун, Гуанси, Хубэй, Хуанань и Хэнань) и второй секретарь партийного комитета провинции Гуандун, были отстранены от должности «как ревизионисты, сторонники буржуазной линии и враги идей Мао Цзэ-дуна... сообщники Чжой Яна, противники большого скачка и народных коммун».

Популяризацию цитат из произведений председателя Мао в газетах, плакатах и по радио Ван Куан назвал «прагматической и упрощенной вульгаризацией».

Северо-Западное и Юго-Западное бюро Центрального Комитета, а также секретари партийных комитетов провинций Хубэй, Хунань, Шаньдун, Шэнси, Анхой,

Гуйчжоу и так далее примкнули к организациям и руководителям, выступающим против «идей Мао Цзэ-дуна», то есть к «антипартийным элементам».

Появились плакаты с требованием «сжечь живьем» Ван Энь-мао, первого секретаря комитета КПК Синцзян-Уйгурского автономного района, и «разбомбить» этот комитет за подстрекательство масс к дурному обращению с хунвейбинами.

Снова несколько китайских писателей, в частности Ша Тин и Вань Юань-чжэнь, были внесены в «черные списки». Хэ Лун, член Политбюро ЦК КПК, Тань Чжэнь-линь, член Политбюро, секретарь ЦК КПК и заместитель премьера Государственного совета, Бо И-бо, кандидат в члены Политбюро, заместитель премьера Государственного совета и председатель Комитета по народному хозяйству, Чэнь Чжэн-жэнь, один из министров машиностроительной промышленности, Чжао Хуаминь, заместитель министра торговли, — все они подверглись нападкам или были арестованы; Хэ Чан-гун, заместитель министра геологии, был снят с поста за то, что, как говорили, якобы «сообщил советским геологам о недавних открытиях их китайских коллег». Заодно его обвинили в «пацифизме». Хэ — ветеран Великого похода; в двадцать четыре года он командовал полком и в бою лишился ноги. Лю Синь-цюань, заместитель министра иностранных дел, был также снят с работы.

В конце октября восемь из шестнадцати заместителей председателя Государственного совета, в том числе Лу Дин-и и Ло Жуй-цин, подверглись нападкам хунвейби-

нов. Около двадцати министров и заместителей министров и четырнадцать министерств в целом были объявлены противниками «культурной революции».

В кругу руководящей пекинской группы царила атмосфера неустойчивости. С одинаковой быстротой одно за другим следовали выдвижения и смещения. Самой сенсационной оказалась судьба Тао Чжу, которого вдруг, ни с того ни с сего, причислили к «черной банде» и тут же убрали. Сяо Хуа, начальник Главного политического управления армии, считавшийся одним из ближайших людей Линь Бяо, внезапно подвергся нападкам со стороны Чэнь бо-да и Цзян Цин, после чего на его защиту неожиданно встал Чжоу Энь-лай. Тан Пин-чжу, назначенный 13 января 1967 г. главным редактором «Жэньминь жиабо», заведующим отделом пропаганды Центрального Комитета (вместо Тао Чжу) и членом Военного комитета «культурной революции», через четыре дня, как утверждалось в широковещательных плакатах, оказался «ревизионистским буржуазным элементом».

Множились аресты. Начиная с 16 января в Пекине стали появляться плакаты, иллюстрированные фотографиями арестованных руководителей, которые присутствовали на митингах, где против них выдвигались обвинения. Под солидной охраной хунвейбинов и солдат, низко опустив головы, они стояли перед своими обвинителями на коленях. Так во время аграрной реформы обходились с крупными помещиками-феодалами.

На фотографиях, расклеенных в столице, люди узнава-

ли Пын Чжэня, мэра Пекина и члена Политбюро; Линь Фэна, заместителя председателя Всекитайского собрания народных представителей; генерала Ло Жуй-цина, начальника генерального штаба армии; Лу Дин-и, кандидата в члены политбюро, заведующего отделом пропаганды Центрального Комитета, министра культуры; Линь Мо-ханя, заместителя министра; У Лэн-си, главного редактора «Жэньминь жибао» и генерального директора агентства Синьхуа; Чжоу Яна, заместителя заведующего отделом пропаганды; историка У Ханя и г-жу Фань Цзинь — заместителей мэра Пекина; Лу Пина, ректора Пекинского университета; Ян Шан-куня, кандидата в члены секретариата Центрального Комитета, и т. д. и т. п.

Во второй половине дня 20 января появились плакаты с сообщением о самоубийстве арестованных Бо И-бо (кандидат в члены Политбюро и председатель экономической комиссии Государственного совета КНР) и Ло Жуй-цина (секретарь ЦК и начальник Генерального штаба). Согласно тем же сообщениям, генеральный секретарь КПК Дэн Сяо-пин и Ян Сюфэн, председатель Верховного народного суда, пытались покончить с собой. Через несколько дней Дэн Сяо-пин повторил такую попытку и был отправлен в больницу.

В феврале 1967 г. более двух третей членов Центрального Комитета подверглись нападкам и публичным унижениям, их снимали с постов. Вот каким образом меньшинство, которое поддерживало Мао Цзэ-дуна, устранив своих противников, стало большинством.

«НАРОДНЫЕ КОММУНЫ»

В 1958 г. в Китае началась очередная всенародная кампания. На этот раз ее объектом стали мухи, комары, воробьи и крысы. Каждая китайская семья должна была продемонстрировать свое участие в кампании и собрать большой мешок, доверху этими вредителями. Особенно интенсивными было наступление на воробьев. Его стратегия заключалась в том, чтобы не давать воробьям есть, держать их все время в воздухе, в полете, пока не упадут в изнеможении. Тогда их убивали. Прекрасно!

Но неожиданно все это обернулось экологической катастрофой. Жители Китая стали наблюдать что-то невероятное: деревья покрылись белой паутиной, вырабатываемой какими-то червями и гусеницами. Вскоре миллионы отвратительных насекомых заполнили все: они забирались людям в волосы, под одежду. Рабочие в заводской столовой, получая обед, находили в своих тарелках плавающих там гусениц и других насекомых. И хотя китайцы не очень-то избалованы, но и у них это вызвало отвращение.

Природа отомстила за варварское обращение с собой. Кампанию против воробьев и насекомых пришлось свернуть.

Зато полным ходом разворачивалась другая кампания. Ее объектом стали люди — 500 млн. китайских крестьян, на которых ставился невиданный эксперимент при-

общения к неведомым им новым формам существования. На них решили опробовать идею, которая запала в сознание вождя. Это была идея «большого скачка» и «народных коммун». Как началось дело?

Выступая на пленуме ЦК КПК в Лушане (23 июля 1959г.) уже после провала политики «народных коммун», Мао так объяснял возникновение самой идеи: «Когда я был в Шаньдуне, один корреспондент спросил меня: «Народные коммуны — это хорошо?» Я сказал: «Хорошо», а он сразу же поместил это в газете, в чем также проявилась некоторая мелкобуржуазная горячность. Потом корреспондент должен был уехать».

Дело, конечно, обстояло куда сложнее. Фактическая сторона его выглядела следующим образом. В начале 1958 г. Мао Цзэ-дун отправился в провинцию Хэнань. Во время этого вояжа и появилась первая китайская «коммуна». Она родилась в апреле 1958 г., когда 27 коллективных хозяйств численностью 43,8 тыс. объединились в первую коммуну, которая была названа «Спутник».

Именно так началась кампания по осуществлению социальной утопии Мао Цзэ-дуна.

По инициативе Мао в мае 1958 г. 2-я сессия VIII съезда КПК одобрила так называемый курс «трех красных знамен» («генеральная линия», «большой скачок», «народные коммуны»). Его суть формулировалась так: «упорно бороться три года и добиться перемены в ос-

новном облике большинства районов страны», «несколько лет упорного труда — десять тысяч лет счастья».

В августе 1958 г. по предложению Мао было принято решение Политбюро ЦК КПК о создании «народных коммун», и через 45 дней появилось официальное сообщение, что практически все крестьянство — 121 936 350 семейств, или более 500 млн. человек — вступили в «коммуны».

Какие конкретно цели ставили перед собой китайские руководители?

Обратимся прежде всего к упомянутому решению Политбюро ЦК КПК от 29 августа 1958 г. Оно состоит из шести пунктов, которые содержат попытку теоретического обоснования этого шага. Здесь утверждается, что «народные коммуны» «являются неизбежной тенденцией развития общества». В решении указывалось далее, что создание «народных коммун» будто бы позволит значительно ускорить экономическое развитие страны. Это-де произойдет потому, что удастся высвободить и использовать больше рабочей силы для проведения агротехнических мероприятий в широких масштабах, высвободить и перевести в сферу промышленного производства рабочие руки с фронта сельскохозяйственного производства. В конечном счете создание «коммун» явится «основным курсом руководства строительства, в деле досрочного построения социализма и постепенного перехода к коммунизму».

Иными словами, политика «коммунизации» преследо-

вала, по замыслу ее организаторов, цели как экономические — повышение эффективности общественного производства, так и социальные — ускорение строительства социалистического и коммунистического общества.

Что касается методов ускорения темпов экономического строительства, то на этот вопрос проливают свет массовые пропагандистские кампании, которые проводились в тот период. Газеты, журналы, дацзыбао (газета больших иероглифов), развешанные на стенах домов, содержали стереотипные призывы: «боритесь за каждую минуту и секунду ночью и днем, в солнце и дождь», «ешь и спи на полях и борись день и ночь», «работай, как муравей,двигающий гору». На этом последнем лозунге стоит остановиться особо.

Организаторы «коммун» ставили задачу приобщить народ Китая к совершенно новым формам трудовых отношений, общественной жизни, быта, семьи, морали. Предполагалось, что «коммуна», которая впоследствии должна была распространяться на городское население, станет универсальной производственной и бытовой единицей существования каждого человека. Все существовавшие до этого общественные и личные формы отношений были обречены на разрушение: кооперативная собственность и приусадебные участки, распределение по труду и сохранение дворового дохода, участие в управлении кооперативными делами и т. п.. Даже семья — этот высокочтимый испокон веков в Китае институт — должна быть разрушена, а взаимопонимания внутри ее подчинены жесткому контролю со стороны властей.

Вот что можно было прочесть в ту пору в китайских газетах: «Народная коммуна — вот наша семья, не следует уделять особого внимания созданию собственной небольшой семьи...», «Родители — самые близкие, самые любимые люди в мире, и все же их нельзя равнять с Председателем Мао и Коммунистической партией», «Личная жизнь — дело второстепенное, вот почему женщины не должны требовать от своих мужей слишком большой отдачи энергии...»

Исполнители на местах не только ухитрились осуществить в течение нескольких месяцев «коммунизацию» всего сельского населения страны, но и двинулись решительно вперед, огосударствив собственность кооперативов, личную собственность крестьян, военизируя их труд и быт.

Члены «коммун» отказывались не только от своего пая в качестве кооператоров, но и отдавали сады, огороды, мелкий домашний скот и даже предметы домашнего обихода.

В конце 1959 г. стали возникать городские «коммуны». Вскоре движение за «коммунизацию» в городах усилилось, оно проводилось под лозунгом «все принадлежит государству, за исключением зубной щетки».

Другая черта «коммун» — военизация труда, создание трудовых армий и отказ от социалистического принципа распределения по труду. Крестьян — мужчин, женщин — обязали проходить военную подготовку, они бы-

ли объединены в роты, батальоны, нередко отправлялись вооруженные в строю, солдатским шагом на полевые работы. Кроме того, их перебрасывали с места на место, в другие районы и даже провинции, где возникала потребность в рабочей силе.

Корреспондент пекинского агентства Синьхуа писал в ту пору: «...Через какие-то четверть часа крестьяне выстраиваются. По команде командира роты или взводного держа развернутые знамена, они отправляются на поля. Здесь уже не увидишь людей, которые, собравшись группами по два, по три человека, курят или бродят лениво по полю. Слышны только размеренные шаги и военные песни. Неорганизованные формы жизни крестьян... ушли навсегда».

Во многих «коммунах» стали применять так называемую оплату по потребностям. Члены «коммуны» получали за свой труд тарелку супа в общественной столовой и пару матерчатых тапочек. В некоторых более состоятельных «народных коммунах» декларировались «гарантии» бесплатного распределения товаров и услуг. К числу таких гарантий относились питание, одежда, медицинская помощь, организация свадеб, похорон, обучение детей в школе и т. п.

Особенностью «коммун» было также включение их в систему государственного управления. Как заявило агентство Синьхуа (31 августа 1958 г.) «коммуны должны сочетать промышленность, сельское хозяйство, торговлю, образование, ополчение в одной единице и, таким образом, облегчить руководство».

Наконец, «коммунизация» зашла так далеко, что распространилась на семейную и личную жизнь крестьян. Вот что писали в ту пору китайские газеты по этому поводу: «Коллективная жизнь полностью освобождает женщину и таким образом ликвидирует семью как экономическую единицу общества». «Детей нужно отдавать воспитывать в коммуне, как только их можно будет отделить от матерей».

Печать сообщала, например, что в 500 селениях провинции Цзянсу дома крестьян были разрушены, чтобы построить новые 10 тыс. общежитий и столовых из их материала. Подчеркивалось, что концентрация домов в одном месте позволит осуществить «организацию по военным образцам, выполнение задач в боевом духе и коллективную жизнь... В каждом центре крестьяне собираются за 15 минут и направляются немедленно на поля, повышая производительность труда».

В столице рабочие спали на фабриках. Их лозунгом было: «Не оставляй поле боя, не победив врага».

В Хунани «люди сражались день и ночь, оставив все свои занятия — сон, работу, собрания и даже детей — ради полей». В той же провинции в женском батальоне «ни один его член не оставил свой пост 10 дней и 10 ночей».

Крестьян объединяли в военизированные бригады и направляли то на полевые работы, то на строительство плотин; вместо работы на заводах люди лили металл

в плавильных печах, сооруженных во дворах домов. Под неумолкаемый призыв лозунгов и агитаторов люди работали круглосуточно ради экономического чуда. «За одну ночь можно достичь такого результата, что он превзойдет то, что сделано за тысячелетия, — говорилось в обращениях. — Большой скачок открыл новую историческую эпоху, свидетельствующую о том, что Китай обгоняет Советский Союз в переходе к коммунизму».

После провала политики «большого скачка» и «народных коммун» Мао говорил: «...Я не претендую на право автора идеи создания народных коммун, я только внес предложение о них... Я виновен в двух преступлениях: первое — призывал к массовой выплавке 10,7 млн. т. стали, и если вы одобряли это, тоже можете разделить со мной часть вины, но стал погребальной куклой все-таки я, никуда не денешься, главную ответственность несу я. Весь мир против опыта народных коммун. Может быть, мы потерпели полное поражение? Мы потерпели только частичное поражение, раздули поветрие коммунизма, что послужило уроком для всей страны».

Так говорил Мао Цзэ-дун на Лушаньском совещании Политбюро ЦК КПК 23 июля 1959 г. Говорил, как видим, довольно самокритично. Погребальной куклой, однако, сделали вовсе не его, а многих кадровых работников и руководящих деятелей, которые осмелились выступить с критикой линии «скачка» и «коммун»...

Мао замечает: «Говорить неосторожно невелико искусство, нужно быть осторожнее. Хорошо еще, что креп-

кое здоровье позволяет нести бремя ответственности. Это лучше, чем какая-то скорбь и безутешность. Но выдвижение обвинений по важным вопросам требует осторожности. Кое-кто также выдвинул три крупных обвинения: по народным коммунаам, выплавке стали и генеральной линии... Я действительно иду напролом, как Чжан Фэй (легендарный герой из классического произведения «Троецарствие»), но я умею и лавировать. Я говорю, что в народных коммунах существует система коллективной собственности, что для процесса перехода от системы коллективной собственности к системе коммунистической, общенародной собственности период двух пятилеток слишком короток, возможно, потребуется 20 пятилеток».

Итак, раньше для построения «коммунизма» в деревне достаточно было 45 дней, а теперь — не меньше 100 лет (20 пятилеток). «Маятник» сознания Мао снова резко качнулся в другую сторону.

В апреле 1958 г. Мао с большой горячностью говорил: «Нет ничего плохого в том, чтобы стремиться к величю и успеху. Нет также ничего плохого... в том, чтобы немедленно получить вознаграждение за усилия. Надо ковать железо, пока оно горячо. Лучше одним рывком добиться чего то, чем прозябать. Революция должна следовать за революцией...»

Во многих выступлениях того времени Мао повторяет, что главное — это поддерживать на высоком уровне энтузиазм народных масс. «Я был свидетелем потрясающей силы и энергии масс. На таком фундаменте можно

решить любую задачу», — восторженно говорил Мао в сентябре 1958 г.

Первые симптомы поражения политики «скачка» и «народных коммун» появились очень быстро. Это позволило противникам экстремистской линии активизировать свои действия. На 6-м пленуме ЦК КПК, который состоялся в Ухане (в ноябре — декабре 1958 г.), была принята пространная резолюция «О некоторых вопросах, касающихся народных коммун». Внешне она, как это принято в КПК, где тщательно заботятся о сохранении «лица», всю трубила о победах: «В 1958 г. над бескрайним горизонтом Восточной Азии взошло солнце, солнце новой формы организации общества — народной коммуны...» Но на самом деле уханьская резолюция была отбой и давала сигналы к отступлению. Всем своим содержанием она была направлена против «забегания вперед», подвергая критике людей, которые «переусердствовали, думая, что построение коммунизма — дело совсем несложное». Резолюция подтверждала постепенность процесса перехода к коммунизму, указывая, в частности, что процесс «насаждения коммун» займет не меньше 15-20 лет.

(Ф. Бурлацкий Мао Цзе-дун и его наследники. М. 1979) Руководство народной коммуны — этого огромного целого, объединявшего в среднем три десятка прежних кооперативов, от 20 до 60 тысяч человек (а некоторые коммуны объединяли даже до 400 тысяч человек), — организовывало и распределяло рабочую силу в централизованном порядке. В тот период каждый китаец был обязан в той или иной мере трудиться у маленьких примитивных домен, выплавлять чугуны и сталь. Во вре-

мя осенних уборочных работ «эра маленьких домен» достигла своей кульминации.

«На юго-западе провинции Хэнань, — писал французский журналист Ж. Видадь (кн. Куда ведет Китай группа Мао Цзе-дуна. М. 1967), — в уезде Ю, у подножия одной горы, мне довелось осмотреть такой «центр производства стали». Из соседних коммун сюда стянули 20 тысяч крестьян, чтобы они добывали руду и по «местному способу» превращали ее в чугун, а затем в сталь. Издалека на сотнях тачек и лошадей доставлялся уголь. Все эти люди и транспортные средства были нужны на полях. В 1959 г. официально объявили, что произведенная таким образом сталь непригодна для промышленного использования. Ее даже не стали учитывать в показателях выполнения плана. Часть металла пошла на изготовление лопат и мотыг, себестоимость которых оказалась непомерно высокой.

На обратном пути из уезда Ю, следуя по провинции Хэнань, я пересек огромные хлопковые поля. Урожай гнил на корню».

Во всем Китае на строительство и эксплуатацию «маленьких домен» было мобилизовано около 60 миллионов человек. Таким образом, сельское хозяйство полностью лишилось этой крайне необходимой ему рабочей силы.

В декабре 1958 г. Центральный Комитет КПК, собравшись в Учане, принял резолюцию «О некоторых вопро-

сах, касающихся народных коммун». Подтвердив положения августовской резолюции, этот документ все же содержал некоторые важные уточнения.

«Основываясь на обильных урожаях, — говорилось в последней резолюции, — многие народные коммуны применяли систему вознаграждения, сочетающую бесплатное снабжение с денежной оплатой... Семьи, для которых вопрос ежедневного пропитания некогда был предметом весьма серьезных забот... отныне могут «есть и ничего не платить». Иными словами, теперь к их услугам самая значительная и надежная общественная помощь».

Увы, эта помощь продолжалась всего несколько месяцев. 1959, 1960 и 1961 годы прошли под знаком тяжелых недородов. В резолюции вновь говорилось о «коммунистических факторах, значение которых по необходимости должно постепенно нарастать. Разумеется, нельзя игнорировать или тем более задерживать этот ход развития и отодвигать коммунизм в какое-то далекое будущее». Однако несколько дальше в резолюции отмечалось:

«В целях поощрения трудового энтузиазма членов коммун, а также более полного удовлетворения совокупности всех их повседневных нужд коммуны должны постепенно увеличивать своим членам заработную плату. Всякая преждевременная попытка отойти от принципа «каждому по труду» и заменить его принципом «от каждого по потребностям», то есть попытка прийти к коммунизму, когда условия для него еще не созрели,

является, безусловно, утопической концепцией, которая не может привести к успеху».

В период 1958-1962 годов народные коммуны, хотя и сохранившие свое название, не были полностью реорганизованы. Произошла эволюция, совершенно противоположная той, какую предсказывали в пору их образования.

В 1958 г. народная коммуна и даже более того. Газета «Жэньминь жибао» ставила в пример коммуны «Чанчжэнь» (провинция Аньхой), где «все крестьянские дома принадлежат коммуне». В начале осени 1958 г. такая «коммунизация» личного имущества была проведена во многих районах страны.

«Временный устав коммуны «Вэйсин», который приводился в качестве типового образца, предусматривал, что «члены сельскохозяйственных кооперативов, переходящих в коммуны, передают последней все участки земли, находящиеся в их личном пользовании, а также сдают ей в общественную собственность все принадлежащие им средства производства... строительные участки и так далее».

В провинции Хэнань коммуны стали владельцами швейных машин, некогда приобретенных крестьянскими семьями. В районе Баодин (провинция Хэбэй) крестьян обязали сдать в коммуны личные велосипеды.

Тогда крестьян призывали искать и находить свое сча-

стве в «великой семье», то есть в коллективной жизни коммуны, построенной по образцу военных организаций, но отнюдь не в «малой семье», то есть в родном семейном очаге.

В январе 1959 г. печать сообщала о дискуссиях, вызванных подобными представлениями о «семейной жизни». «Жэньминь жиабо» опубликовала 8 января 1959 г. статью «О связи между коллективной жизнью и личной свободой после основания народных коммун».

В ходе дискуссии, состоявшейся в коммуне «Наньван» (провинция Шаньси), «один крестьянин заявил, что народная коммуна принесла с собой коллективную жизнь, но оставила мало места для личной свободы в связи с «военизированной организацией» и так далее. Некоторые люди разделяют это мнение, писала «Жэньминь жиабо».

Тринадцатого января та же газета сообщала о другой дискуссии, происходившей в коммуне «Суньхуа» (тоже в Шаньси):

«Вначале слово взял крестьянин Цзань Се-дун. Он сказал, что сейчас все питаются вместе. Существует ли еще семья? По-моему, моя семья уже не моя семья, а только спальня, потому что каждый день я прихожу домой, только чтобы лечь спать...»

«Жэньминь жиабо» пространно разъяснила, что кол-

лектив, являющийся «великой семьей», разрушал старую семью, где царил феодальный патриархат (это само по себе верно), что после создания народных коммун все стали лучше питаться, лучше одеваться и что через «три года напряженных усилий» и труда, «организованного по военному образцу», народ достигнет известного уровня изобилия и обретет счастье.

Менее чем через год после появления народных коммун поневоле пришлось приступить к исправлению утопической политики «коммунизации». 9 июня 1959 г. газета «Хэбэй жиабо», отвечая одному читателю, писала:

«Велосипеды, которые были источником существования, возвращены их бывшим владельцам. Если эти велосипеды были повреждены или проданы, владельцам выплатили соответствующую компенсацию».

В 1959 г. крестьянам вернули приусадебные участки и предложили вновь выращивать свой домашний скот и птицу. Благодаря этому быстро увеличилось поголовье свиней. В трудные годы (1960-1962) продукция этих приусадебных участков в значительной мере обеспечила снабжение сельских и городских рынков овощами, птицей и мясом (с 1958 г. и до указанного периода эти рынки были закрыты).

Частичное восстановление принципа материальной заинтересованности и оплаты по количеству и качеству выполненных работ стимулировало производительность труда. «Зародыши коммунизма», которые были

декретированы в 1958 г., разумеется, исчезли. Но меры, принятые под давлением реальных фактов жизни, сыграли положительную роль, и с 1963 г. стал восстанавливаться объем продукции. Эти меры привели к постепенному восстановлению резко снизившегося жизненного уровня населения городов и деревень.

ЖЕРТВЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

1 января 1966 г. газеты опубликовали доклад Чжоу Яна 29 ноября 1965 г. на Всекитайском слете молодых непрофессиональных писателей. В докладе Чжоу Ян признал чуть ли не все те обвинения, которые впоследствии привели к осуждению его самого. Он говорил о «попятном течении» в китайской культуре 1961-1962 гг., критиковал принцип изображать «среднего человека» и восхваление «традиции 30-х годов».

«Это наступление буржуазии в области литературы и искусства мы осознали сравнительно поздно и противодействовали ему недостаточно сильно. Как и в случаях с другими движениями борьбы в области литературы и искусства, на этот раз тоже товарищ Мао Цзэ-дун первым забил тревогу... Согласно указаниям ЦК партии и товарища Мао Цзэ-дуна мы разобрались в своих недостатках и ошибках, провели кампанию исправления стиля в литературе и искусстве, осуществили суровую критику разнообразной буржуазной и ревизионистской идеологии в области литературы, искусства и науки...» Далее Чжоу Ян обрушился на интеллигенцию, «получившую буржуазное воспитание».

Обращаясь к молодым непрофессиональным писателям, Чжоу Ян самоуничижался: «Я по сравнению с вами отсталый элемент. Я хочу учиться у вас. Вы с самого начала возвышены партией и идеями Мао Цзэ-дуна, а старые писатели не совсем такие».

Ближайшее будущее показало, что попытка Чжоу Яна уцелеть самому, сохранить свое положение и аппарат в целом, выдав на расправу творческую интеллигенцию, не удалась.

В докладе Чжоу Ян выдвинул новый принцип творческого решения современной темы: «сочетание трех». Он имел в виду партийное руководство, помощь масс и работу автора. Отметим, что для «идей» Мао Цзэ-дуна в этом перечне не было выделено места. Чжоу Ян унижался, отступал, но не капитулировал полностью.

4 июля того же года в газетах были опубликованы материалы с критикой Чжоу Яна, которому не удалось отвести от себя удар. Первым обвинением ему было «злонамеренное извращение истории» — по воле Чжоу Яна в шестом томе сочинений Лу Синя было помещено благоприятное для Чжоу Яна примечание по поводу дискуссии о лозунге «литературы национальной обороны» тридцатилетней давности. За первой статьей последовала широкая проработанная кампания, которая завершилась арестом Чжоу Яна 2 января 1967 г. по обвинению в участии в заговоре.

В статье от 4 июля указана причина, которая, возмож-

но, была одним из подлинных мотивов критики: «Чжоу Ян действовал самовольно... В политическом смысле Чжоу Ян является главным представителем черной линии». Вероятно, относительная самостоятельность Чжоу Яна, проявившаяся в годы «урегулирования», раздражала Мао Цзэ-дуна и его окружение.

Деятельность Чжоу Яна была очернена полностью. Его активная борьба с «правыми элементами» в 1957 г. была квалифицирована как карьеризм; ему были зачтены выступления против гипертрофии «классовой борьбы», высказывания за «всемирную литературу и искусство». Его прямо обвинили в заимствовании советских идей и методов руководства, в «поощрении абсурдных теорий... «писать правду», изображать «среднего человека», «отказаться от решающего значения темы». Статья утверждала, что Чжоу Ян — «глава черного притона», создал вокруг себя «черную банду своих учеников, ветеранов буржуазной литературы, феодалов, национальных предателей, изменников и реакционных авторитетов». Министерство культуры КНР было официально объявлено «орудием диктатуры буржуазии против пролетариата», а творческие союзы стали называть «ревизионистскими организациями типа венгерского клуба «Петефи».

Зимой 1966-67 гг. центральная пресса перешла к публикации хунвейбиновских материалов об осужденных деятелях китайской культуры. Так стали известны обвинения, предъявленные Тянь Заню, Ся Яню, Оуян Шаню, Ша Тину, Чжао Шу-ли, Хуа Цзюнь-у и др. Осужденные очерняются от начала до конца, о них не говорится ни единого доброго слова. Обвинения тоже

стандартны: антипартийная, антисоциалистическая деятельность, буржуазная идеология, ревизионизм. За всем этим стояла единственная реальная причина: сопротивление в той или иной форме насаждению культа личности Мао Цзэ-дуна и его политическому курсу.

В июле 1966 г. языком «культурной революции» стала площадная ругань. Печать непрерывно прорабатывала осужденных деятелей культуры, причем наибольшая доля критики досталась так называемым «четырем молодчикам»: Чжоу Яну, Тянь Ханю, Ся Яню и Ян Ханьшэну, которые практически осуществляли руководство творческими союзами в КНР.

Ни возраст, ни положение не могли защитить деятелей культуры от хунвейбиновского произвола. Трагическая участь постигла Лао Шэ. Против него кампании в печати не было, в Пекине постарались замолчать обстоятельства его гибели. В начале сентября на углу небольшой площади перед универсамом по улице Ванфуцзи висело рукописное сообщение одного из хунвейбиновских боевых отрядов: «Буржуазный элемент Лао Шэ черным самоубийством доказал свою контрреволюционность».

В настенном листке говорилось, что боевой отряд хунвейбинов прочесывал один из районов столицы: В доме Лао Шэ они испытали «возмущение и революционный гнев». Образ жизни писателя показался им «смесью феодализма и капитализма». В квартире Лао Шэ стены были увешаны картинами мастеров китайской национальной живописи, но среди этого, по выражению хун-

вейбинов, «феодалного мусора» не нашлось места для портрета Мао Цзэ-дуна. В доме была выставлена коллекция китайского фарфора — и «ни одной чашки с изображением красного знамени». Наконец, в доме «до сих пор хранились ядовитые книги на русском языке». Писатель не проявлял раболепия перед налетчиками, и поэтому с ним решили «бороться в духе культурной революции». Хунвейбины перешли к решительным действиям: порвали коллекцию старинных картин и перебили редкий фарфор.

Лао Шэ произнес речь, которую хунвейбины сочли «контрреволюционной». Лао Шэ сказал, что они сами не ведают, что творят, но когда вырастут, то раскаются. Последнее было воспринято хунвейбинами как неслыханная дерзость. Они предложили писателю сейчас же самому сжечь все книги прямо на полу комнаты. Лао Шэ отказался. Апофеозом враждебности «был его следующий поступок: «ослепленный классовой ненавистью», старый писатель покончил с собой.

Самоубийства в Китае в 1966 г. были частыми и обычными. И все-таки в принципе хунвейбины были против самоубийства, а потому в случае с Лао шэ сообщение о самоубийстве сомнительно. Писатель был в руках целого боевого отряда, и привыкшие к насилию юнцы могли лишить его жизни. Даже из хунвейбиновской листовки ясно, что старый писатель не склонил головы перед штурмовиками «культурной революции».

Репрессии «культурной революции» отличались необыкновенной даже для Китая массовостью и масштаб-

ностью, особой свирепостью морального подавления. Практически все слои интеллигенции подпали под их действие. Во всех государственных учреждениях, в системе органов образования — от начальной до высшей школы, в творческих союзах, редакциях и научных учреждениях, в аппарате государственного управления — пострадали практически все, хотя и в разной степени.

Главной целью, которая достигалась жестокими мерами морального унижения, был подрыв репутации интеллигенции и образованности в глазах народа. Необходимо было показать, что прежние знания, прежняя наука и культура — всего лишь «старье», «хлам», а их носители недостойны звания человека. Врагов официально именовали «уродами и чудовищами».

Хунвейбины из Педагогического университета Пекина врывались в квартиры и уничтожали предметы «старой культуры»: книги, картины, фарфор и т. п. — и затем изолировали задержанных от семьи, помещая их в старое складское помещение. Осужденные жили там под предлогом «охраны от гнева масс», дескать, в интересах сохранения их жизни. Их кормили полугнилой капустой, заставляли заниматься физическим трудом, если не тяжелым, то унижительным, непрерывно оплевывали и били. Ежедневно устраивались «выставки», где осужденные стояли с позорными надписями на груди и громким голосом перечисляли свои «преступления», или же их водили по улицам в колпаках, исписывая одежду грязными ругательствами, а лицо замазывая белой краской (грим отрицательных персонажей в китайском театре).

Некоторые по многу часов проводили на помостах перед митингами хунвейбинов, где каждый участник имел возможность выступить с обвинением в их адрес, издеваясь над беспомощными жертвами. Многие люди пожилого возраста, проводя целые дни под жарким солнцем с непокрытой головой, не выносили издевательств и умирали «от болезни», как например, Ли Да — ректор Народного университета Пекина.

Обычной пыткой было заставлять осужденных публично стоять с поднятыми вверх руками в течение долгого времени; когда же они теряли сознание, их подвергали избиениям. Изобретательность и изуверство хунвейбинов, пользовавшихся полной безнаказанностью, не знали границ. Считалось, что гораздо лучше попасть в тюрьму, чем оказаться в руках хунвейбинов, которые месяцами издевались над жертвами.

Долгое время жизнь осужденных в ходе «культурной революции» лиц висела на волоске, но затем было принято решение выслать основную массу их в деревню на «перевоспитание ручным трудом». Наиболее видных партийных активистов направляли в так называемые «школы 7 мая», которые были созданы согласно директиве Мао Цзэ-дуна, датированной 7 мая 1966г.

Первая волна высылаемых в деревню направлялась туда без указания срока и без надежды на возвращение.

Масштабы этих мероприятий по «перевоспитанию», ко-

торые одновременно помогали разгружать китайские города от лишних ртов, были грандиозны: В 1969 г. около 25 миллионов человек, или 15% городского населения, были отправлены в деревню и тем самым сняты с государственного продовольственного снабжения.

В ходе «великой пролетарской культурной революции» в Китае уничтожались национальные культурные ценности и были отвергнуты национальные традиции. Старая китайская культура — все, что наличествовало до «культурной революции», независимо от классового содержания, — была отвергнута в числе «четырех старых», т. е. вместе со старыми идеями, нравами и обычаями.

Чтобы обосновать уничтожение этого «старого», писателей прошлого объявляли «покойниками». Логика осуждения была прямолинейна: всякий живущий в феодальном или буржуазном обществе тем самым оказывается представителем культуры буржуазного или феодального общества, т. е. культуры старой, вредной и ненужной для будущего.

22 сентября 1966 г. «Жэньминь жибао» поместила подборку материалов, осуждающих бывшего заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Линь Мо-ханя. Прежде Линь Мо-хань неоднократно выступал с руководящими статьями по вопросам теории и литературной политики. Его обвинили в совместной деятельности с Чжоу Яном, в «клевете на великие идеи Мао Цзэ-дуна», в том, что он выступал против массовых тиражей сочинений Мао Цзэ-дуна, против песен о Мао

Цзэ-дуне, против «революционной» литературы, что он «пропагандировал советскую литературу и искусство».

В августе 1967 г. в печати был осужден бывший заведующий отделом пропаганды ЦК КПК Лу Дин-и, которого называли «владыкой ада». 25 августа «Гуанмин жибао», сообщила о «преступлениях Лу Дин-и. Так, о выступлениях Мао Цзэ-дуна в Яньани в 1942 г. он говорил, что это «устные выводы», и добавил: «Могут ли литература и искусство играть столь важную роль? Я не верю, это пустословие».

В 1953 году Лу Дин-и рекомендовал литературно-художественной общественности КНР читать книгу И. Эренбурга «О работе писателя»: «Он хотел, чтобы работники литературы и искусства Китая поступали согласно установленным Эренбургом принципами. За десять с лишним лет Лу Дин-и не удосужился распорядиться, чтобы литературно-художественная общественность изучала «Выступления на совещании работников литературы и искусства в Яньани» и другие лучезарные сочинения председателя Мао, напротив, он возвел в ранг классики черный товар Эренбурга».

Из статьи стало известно, что именно Лу Дин-и в 1962 г. выдвинул в КНР лозунг «общенародной литературы и искусства» и говорил в докладе, который не был тогда опубликован: «Литература и искусство должны просвещать народ все страны, а в народ входят рабочие, крестьяне, интеллигенция, прочие патриотические деятели, вплоть даже до заключенных в тюрьмах». Лу

Дин-и отстаивал лозунг «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто ученых» и заявил: «Тематика литературы и искусства должна быть необычайно широкой. В произведениях можно выводить не только все в мире сущее или исторически существовавшее, но и то, чего никогда не бывало, например небожителей или говорящих животных и птиц».

Лу Дин-и инкриминировались «ненависть» к «отважной» знаменосце великой культурной революции Цзян Цин» и симпатии ко многим осужденным в КНР литераторам. Он якобы четырежды ходатайствовал об освобождении из заключения Ху Фэна и просил об освобождении Дин Лин.

Критические кампании распространились на все области культурной жизни страны. Кинематография пострадала, пожалуй, даже больше, чем другие виды искусства. Фильмы КНР выпуска прошлых лет были в большинстве своем раскритикованы, их изъяли из прокатного фонда, совершенно прекратилась демонстрация иностранных кинокартин. Выпуск новых фильмов резко упал: с мая по октябрь 1966 г. появился только один новый художественный фильм на военную тему и один сусальный фильм о «процветании» национальных меньшинств в Синьцзяне. Кинематографы стали снимать хунвейбиновские парады, испытания атомного оружия, торжественные приемы у Мао Цзэ-дуна, массовые собрания участников «культурной революции» в присутствии высших руководителей и т. п. Жизнь страны и народа исчезла с китайского экрана.

Та же политика национальной изоляции и шовинистической исключительности проводилась и в театре и в музыке.

Еще совсем недавно старая пекинская опера мирно сосуществовала с классическим мировым наследием — на театральных сценах с неизменным успехом ставились «Евгений Онегин», «Бахчисарайский фонтан», «Травиата», а симфонические оркестры регулярно исполняли произведения Чайковского и Рахманинова, Бетховена и Баха.

Но вот уже итальянская газета публикует интервью с одной из китайских актрис, которая заявляет: «Балет — это западная форма искусства, но мы можем принять его, если он становится инструментом революции. Только не должно повторяться то что было в прошлом, когда ставили «Лебединое озеро» и публика скучала. Мы, актеры, должны коренным образом переделать нашу идеологию, читая произведения председателя Мао».

Впрочем, такая трактовка не случайна. Ведущие художественные ансамбли Китая переданы армии. Ими сейчас занимается Цзян Цин — жена Мао Цзэ-дуна, проводившая в свое время реформу пекинской оперы. Эта форма, как известно, явилась фактическим запретом любимого китайским народом театрального жанра. Древний мир символических масок, мелких шажков по мосткам, подвешенным над рекой, блистательных хореографических представлений в декорациях традиционного Китая — все это полностью отвергается.

В так называемой «новой опере» уже в прологе актеры в солдатской форме то выступают вперед, что отодвигаются в глубь сцены и повторяют: «Учите наизусть произведения председателя Мао». По ходу представления в качестве комментария к действию в кульминационные моменты за кулисами раздается голос, читающий изречения Мао.

На гигантской панораме, каждая фигура которой в 10 раз больше человеческой, есть сцена «суда» в Хуашанской коммуне провинции Гуандун. Человек поставлен коленями на битый кирпич, на шее табличка: «ревизионист», под дулом винтовки он читает разложенные перед ним труды Мао Цзэ-дуна. Подобные скульптурные группы и картины можно было встретить на фронтонах домов и площадях многих городов Китая.

Уже накануне «культурной революции» в декабре 1965 г., была осуждена пользовавшаяся успехом у китайского зрителя постановка опера «Травиата». Когда летом 1966 г. была поднята молодежь на «борьбу со старым», то борьба повелась прямолинейно: насилием. Студенты консерватории с энтузиазмом выбрасывали из окон классов рояли и пианино: они поверили, что фортепьяно — «буржуазный инструмент» и его следует уничтожить. За «иностранный происхождение» ломали скрипки. В магазинах грампластинок полы покрылись толстым слоем битого шеллака: кроме записей песен о Мао Цзэ-дуне, все было уничтожено.

Творческий союз работников музыкальной культуры был разогнан. Директор Центральной консерватории в Пекине Ма Сы-цун вместе с семьей подвергся издева-

тельствам и был вынужден бежать за границу. Председателя союза Люй Цзи схватили в Шанхае. Его позорили перед толпой на стадионе и подвергли побоям. Несколько недель подряд издевались над композитором и директором Шанхайской консерватории Хэ Лу-тином.

В одном из номеров газеты «Цзэфан жибао» была помещена статья, посвященная крупнейшему китайскому композитору, еще недавно занимавшему пост директора Шанхайской консерватории.

«Антипартийный и антисоциалистический элемент Хэ Лу-тин долгое время занимал руководящий пост в области музыкального творчества, сыграл много антипартийных и антисоциалистических черных песен. Сейчас мы должны окончательно сорвать с него маску, окончательно разоблачить все его происки».

Далее идет анализ одной из его последних хоровых песен — «Ночь над рекой Синьцзян»: «Под ширмой воспевания социалистического строительства Хэ Лу-тин злобно распространял отраву. Во-первых, он написал мотив этой песни бессильным и вялым, он даже употребил размер «шесть восьмых», наподобие колыбельных песен и танцевальной музыки европейской буржуазии XVIII-XIX веков. Во-вторых, он сделал пометку «с тонким чувством».

В чем крылось его намерение? Разве еще не ясно, что он тем самым пытался представить боевой пафос нашего рабочего класса как стремление к покою и праздню-

сти! Разве он хотел через эту песню воспевать героев, нашего рабочего класса, занятых строительством гидростанций, их революционный энтузиазм, выражающийся в духе опоры на собственные силы? Нет, вовсе не так! Он искажал героический образ нашего рабочего класса, он разнузданно выступал против нашего большого скачка!

Но еще более преступно то, что во всей песне с начала до конца Хэ Лу-тин использовал гармонию, употребляемую на Западе для церковной музыки. Что он хотел, кроме того, как осквернить революционный дух нашего большого скачка? Это ли не яркое свидетельство того, что Хэ Лу-тин питал лютую ненависть к генеральной линии и большому скачку».

Свой «музыкальный анализ» газета завершает тем, что обвиняет Хэ Лу-тина в стремлении «при помощи своих черных вредительских песен расчистить дорогу для реставрации капитализма».

Поэта Хэ Цзин-чжи не спасло то, что он написал слова для массовой песни о Лэй Фэне: его обвинили в лицемерии...

С разгоном творческого союза прекратили существовать журнал «Чжунго иньюэ» и другие музыкальные издания. Всех, кто выучился играть на фортепьяно, ждала принудительная высылка в деревню на физическую работу, причем предварительно брали подписку об отказе когда — либо прикасаться к «буржуазному инструменту».

В годы «культурной революции» китайское радио не-престанно передавало мелодию песен о Мао Цзэ-дуне «Алеет восток». Толпы хунвейбинов распевали на ули-цах «В открытом море полагайся на кормчего, Мао Цзэ-дун подобен солнцу...» Гимн КНР не исполнялся, кон-цертов не было совсем. Постепенно стали появляться новые массовые песни, которые сочинялись боевыми группами хунвейбинов в погромном стиле:

Мы Хунвейбины председателя Мао,
Авангард культурной революции!
Мы сплавиваем массы и ведем их на борьбу,
Дочиста истребляем уродов и чудовищ!

(Судьбы культуры КНР. М. 1978)

ВОЙНА, ПОХОЖАЯ НА КОШМАР

В 1976 г. в Хане вторым изданием вышла книга известных государственных деятелей Вьетнама Фам Ван Батя и Нгуен Тхань Виня под названием «Агрессивные неокOLONиалистические преступления империалистов США во Вьетнаме». Ниже дается сокращенное изложение этой книги.

«Война, которую вели Соединенные Штаты почти четверть века против вьетнамского народа, вспыхнула не случайно, как неожиданно налетевший тайфун, разразившийся среди бела дня, а явилась реализацией заранее и всесторонне подготовленного плана. Этим планом предусматривалось превратить Вьетнам, прежде всего его южную часть, в колонию нового типа и военную базу американцев, которая стала бы частью общей системы военных баз США на Дальнем Востоке.

Идею о важности Вьетнама для интересов США ясно выразил в газете «Санди глоб» 28 февраля 1965 г. бывший посол США в Сайгоне Кэбот Лодж: «В чьих руках будет влияние во Вьетнаме, тот будет держать в своих руках и будущее Филиппин и Тайваня на Востоке; Таиланда и Бирмы, очень богатых рисом, — на Западе; Малайзии и Индонезии, очень богатых каучуком и другими минеральными ресурсами, на Юге...»

8 мая 1950 г. США приняли решение оказать военную и экономическую помощь Франции в Индокитае в размере около 10 млн. долларов. Это был первый шаг. Затем последовали новые решения правительства США о предоставлении военно-экономической помощи Франции. С одной стороны, США толкали французских колонизаторов на продолжение войны, а с другой — постепенно вытесняли их из Индокитаея, намереваясь собственными силами продолжать войну. Они стремились всячески ограничить роль Франции, пытались превратить правительство императора Бао Дая в свою марионетку путем подписания с ним ряда соглашений. На завершающем этапе войны французских колонизаторов во Вьетнаме (1953-1954 гг.) американская помощь составляла более 80 процентов всех французских военных расходов.

Подписание Женевских соглашений в 1954 г. ознаменовало победу вьетнамского народа над французскими колонизаторами и крупное поражение американской политики в отношении Вьетнама.

Особенностью американской политики во Вьетнаме в тот период было то, что США использовали сайгонский марионеточный режим и его вооруженные силы для подавления борьбы южновьетнамского населения. Сайгонская армия и полиция развернули жестокий террор против патриотов, выступавших за строгое соблюдение Женевских соглашений, за воссоединение страны. Проводилась кампания «по уничтожению коммунистов», включавшая крупномасштабные карательные операции, массовые аресты, жестокие пытки и истязания патриотов, в том числе женщин и детей, вплоть до бомбардировок с американских самолетов даже напалмо-

выми бомбами освобожденных районов, разрушение деревень, уничтожение имущества крестьян.

Только в западных провинциях Южного Вьетнама в результате карательных операций «по уничтожению коммунистов» в период с начала 1959 г. до конца 1960 г. американцами и марионеточными вооруженными силами, по неполным данным, было убито 3848 человек, искалечено 5622, арестовано 16 539, заключено в концлагеря 24 000 человек, разрушено 10 тыс. домов, убито или украдено 20 тыс. буйволов.

В ходе карательных операций десятки тысяч патриотов вместе с семьями были согнаны в «зоны процветания» и другие подобные поселения, которые в действительности представляли собой концентрационные лагеря, откуда жители не имели права уезжать и где они подвергались всяческому притеснениям и унижениям. В целом за указанный период, по неполным данным, американско-сайгонский режим подверг пыткам 527 тыс. человек, число заключенных в тюрьмы (многие из них убиты) составило 77,5 тыс.

Южновьетнамское население поднимается на борьбу за защиту своего права на жизнь. Восстания, ставшие мощным ответом на преступления американо-дъемовской клики в 1955-1960 гг., вспыхивали то в одной провинции, то в другой.

Потерпевшая поражение стратегия была заменена другой. Основной формой ее были крупномасштабные карательные операции с использованием танков, самолете-

тов, крупнокалиберной артиллерии, боевых кораблей. В 1962 г. было проведено 27 тыс. таких операций, а в 1963 г. — 37 тыс. Чтобы запугать народ и тем самым вынудить его уходить в «стратегические деревни», американцы подвергли ожесточенным бомбардировкам с применением напалмовых и фосфорных бомб крупные населенные пункты — города и деревни. Одним из многих серьезных преступлений США во Вьетнаме является то, что в эти годы они начали применять в широких масштабах ядохимикаты, то есть, по существу, развернули химическую войну против южновьетнамского населения. Только за период с августа 1961 г. по май 1964 г. американцы, по неполным данным, опрыскали ядохимикатами и погубили 330 тыс. гектаров риса и других продовольственных культур, отравили более 20 тыс. человек, 118 из них умерло.

По плану Стейли-Тэйлора предполагалось построить 16322 «стратегические деревни» и согнать в них до 10 млн. человек, чтобы «вырвать корни партизанской войны».

Вскоре наступил очередной этап в политике США в отношении Вьетнама — этап осуществления доктрины президента Р. Никсона и «вьетнамизации» войны. Этот этап продолжался с 1969 по 1973 г.

Суть «вьетнамизации» войны состояла в том, чтобы заставить вьетнамцев воевать против вьетнамцев американским оружием, за американские деньги, а вооруженные силы США постепенно вывести из войны. В более широком смысле эта доктрина была направлена на

то, чтобы заставить азиатов воевать против азиатов представляя войну во Вьетнаме как «гражданскую войну».

Одной из важнейших составных частей этой стратегии было «умиротворение» южновьетнамской деревни.

Широкое наступление народных вооруженных сил и массовые восстания во многих районах Южного Вьетнама в марте-апреле 1972 г., в ходе которых были разгромлены основные силы марионеточной армии — становой хребет стратегии «вьетнамизации» войны и сорваны планы «умиротворения».

Потерпев очередное поражение, Никсон вынужден был 27 января 1973 г. подписать Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира признавали национальную целостность Вьетнама, перед всем миром обещали не вмешиваться в его внутренние дела, обещали в короткий срок вывести все свои войска и военный персонал из Южного Вьетнама (что было выполнено в марте 1973 г.) Впервые США официально признавали свою ответственность за причиненный двадцатилетней войной ущерб и заявили о своей готовности «внести вклад в залечивание ран войны и в послевоенное строительство ДРВ и всего Индокитая» (ст. 21 Соглашения).

В годы агрессии против Вьетнама США совершили массу преступлений в отношении вьетнамского народа. Одним из них является геноцид, который международным

правом рассматривается как тягчайшее преступление против человечества. США стремились уничтожить не только вьетнамский народ, но и окружающую его природную среду. Всему миру известно высказывание американского генерала, заявившего, что массовые бомбардировки нужны, чтобы «загнать Вьетнам в каменный век». Не зря американские солдаты соревновались между собой, кто больше убьет вьетнамцев, рассматривая их, независимо от пола и возраста, как своего потенциального врага. У них была даже своя «поговорка», широко распространенная в американских войсках, — «лишь тот вьетнамец хорош, который мертв».

О зверствах американских солдат, не желавших рассматривать вьетнамцев как равных себе людей и не считавших их убийство за преступление, писал и известный американский журналист Ричард Хаммер. США, по сути, вели во Вьетнаме тотальную войну, в которой не было ни фронта, ни тыла, не различали ни гражданских, ни военных лиц, не ставили никаких ограничений на применение средств уничтожения людей и окружающей природной среды.

Наряду с систематическими бомбардировками американские войска и их сайгонские марионетки в ходе карательных операций и в тюрьмах подвергли самым жестоким и унижительным пыткам арестованных и заключенных — мужчин и женщин. Истязания, расстрелы, массовые убийства, отравления — вот удел заключенных южновьетнамских тюрем, где царили ужасающие антисанитария и бесчеловечный режим, а также жителей «стратегических деревень», «зон процветания» и тому подобных концентрационных лагерей.

Мир никогда не забудет преступления в концлагере Фулой, где 1 декабря 1958 г. в результате отравления пищей умерло более 1 тыс. человек; преступления в тюрьме Киенфонг, где 20 июня 1960 г. тюремщики вывели на берег реки Меконг 52 заключенных, отрубили им головы и обезглавленные трупы сбросили в реку; преступление в тюрьме Тэйнинь, где 19 июня 1969 г. гранатами было убито 100 заключенных, и множество других еще более страшных преступлений.

И, наконец, химическая война, которую США начали в 1961 г. Только за восемь лет (1961-1969 гг.), по американским данным, на Южный Вьетнам было сброшено более 100 млн. английских фунтов ядохимикатов (1 англ. фунт = 453 грамма), то есть в среднем на каждого южновьетнамского жителя по 6 фунтов. А в 1974 г. Академия наук США информировала конгресс, что США сбросили на Южный Вьетнам 75 млн. литров ядохимикатов. В результате опрыскивания ядохимикатами пострадало 13 тыс. кв. км., или 43 процента, обрабатываемых площадей Южного Вьетнама. От этих химикатов пострадало около 1,3 млн. человек, погибли десятки тысяч голов домашнего скота, миллионы голов домашней птицы. Нанесен огромный ущерб лесам площадью 25 тыс. кв. км., или 44 процента от общей площади южновьетнамских лесов. Широкое применение ядохимикатов и газов, на что не решились даже гитлеровцы, является примером самого жестокого геноцида».

Доктор Эрих Вульф, проработавший два года в университете крупного южновьетнамского города Хюэ, по возвращении оттуда сделал следующее заявление для пе-

чати: «Прежде всего меня поразили диким террором... В психиатрическое отделение медицинского факультета в Хьюэ мне регулярно приводили политических заключенных, которых длительное одиночное заключение привело на грань сумасшествия. Я обратил внимание, что все заключенные без исключения подвергались избиению и пыткам».

По словам французского журнала «Экспресс» (номер от 7 августа 1966 г.), для интервентов, бесчинствующих в Южном Вьетнаме, «противник считается мертвым тогда, когда по его трупу пройдет какой-нибудь солдат, а раненым считается тот, кто на протяжении 300 метров оставит после себя кровавый след, когда его протащат по земле».

Американские бандиты, как правило, добивают раненых на поле боя. «В одном месте, — сообщал корреспондент агентства Рейтер 18 ноября 1965 г. после сражения в долине Ядранг, — американцы нашли трех раненых. Один лежал под деревом и улыбался. «Ты больше не будешь улыбаться, — сказал американский солдат и всадил в него несколько пуль. Двое других разделили ту же участь».

«Я знаю о случае, когда двух пленных вьетконговцев со связанными руками и ногами американцы перевозили на вертолете. Пленные думали, что их отправят в лагерь для военнопленных. Но нет. Перед самым прибытием на базу эти два человека были выброшены из вертолета и разбились насмерть...» (из заявления канадского офицера Джона Поуэла, работавшего с июня

1964 г. по июнь 1965 г. в Международной комиссии по контролю и наблюдению во Вьетнаме).

Пытки пленных и «подозрительных лиц» сайгонскими и американскими солдатами и офицерами — это общеизвестный факт.

«Каждый, кто пробыл достаточно много времени в сражающихся частях сайгонских войск, — пишет Уильям Туохи, корреспондент журнала «Ньюсуик», — видел, как пленных опускают головой в воду, как к горлу приставляют острие штыка. В некоторых случаях жертвам загоняют под ногти бамбуковые щепки или присоединяют провода полевого телефона к рукам и соскам груди» («Нью-Йорк таймс мэгэзин», 28 ноября 1965 г.).

Дональд Уайз, главный заграничный корреспондент лондонской газеты «Санди миррор», писал, что американские офицеры закрывают глаза на такие пытки или руководят ими.

Вот некоторые широко распространенные виды пыток, о которых рассказал Уайз: «Людей сначала опускают головой в баки с водой и затем полосуют их ножами, их бьют по вискам шелковыми носками, набитыми песком, присоединяют людей к проводам электрогенераторов» («Санди миррор», 4 апреля 1965 г.).

Многие американские корреспонденты были очевидцами пыток. Беверли Дип, сайногский корреспондент га-

зеты «Нью-Йорк геральд трибюн», писала 25 апреля 1965 г.

«Одна из самых гнусных пыток, применяемых в Южном Вьетнаме, состоит в «поджаривании» электрическим током, как называл эту пытку один американский советник. Ваш корреспондент присутствовал однажды при применении этой пытки. К большим пальцам рук пленного партизана присоединяли по проводу. К противоположным концам проводов был подключен полевой электрогенератор. Запустили двигатель, машина дала ток, который обжег пальцы пленного и вызвал у него шок».

Применяются также еще более изуверские методы. Беверли Дип пишет: «Другой метод, обычно преследующий цель заставить пленных говорить, заключается в том, что одному из них на глазах остальных вырываются ногти, отрезают пальцы, уши и половые органы. Иногда стену помещения сайгонских войск украшает связка ушей. В одном американском учреждении сохраняется заспиртованное ухо вьетконговца».

Пытка электрическим током применяется во Вьетнаме повсюду, даже на поле боя. Небольшой американский полевой генератор, используемый для питания переносной радиостанции, часто «приспосабливается» для пыток и ценится за его высокую мобильность. Он вырабатывает ток, напряжение которого достаточно, чтобы вызвать сильный, а иногда и смертельный удар.

Вот что пишет Малькольм Браун, корреспондент Ассошиэтед Пресс в своей книге «Новое лицо войны»:

«При допросе по методу «динг-а-линг» электроды генератора присоединяют к вискам или другим частям тела. Когда пытаются пленных женщин, электроды присоединяют к соскам. Результаты ужасающие, боль нестерпимая...»

В той же книге Браун пишет: «Многие корреспонденты и американские военные советники видели конечности рук, отрубленных у военнопленных с помощью мачете. Иногда военнопленных кастрируют или ослепляют. В ряде случаев вьетнамцев, которых подозревали в том, что они партизаны, привязывали к транспортеру и волокли по рисовому полю. Это самая мучительная смерть». пытка редко используется для получения чисто военных разведывательных сведений — чтобы узнать диспозицию вражеских войск или место намеченной засады; она стала самоцелью, средством терроризирования населения и даже просто развлечением озверевших американских и сайгонских солдат.

«Многие солдаты, — пишет Малькольм Браун, — испытывают удовольствие, избивая вьетконговских пленных. Допрашиваемые так часто умирают на допросе, что получение разведсведений кажется делом второстепенным...»

В начале 1968 г. французский журнал «Нувель обсерватор» опубликовал показания бывшего американского военнослужащего Петера Мартинсена.

«Полевой телефон». Через несколько дней после того, как мы обосновались в лагере, мне доверили пленного. Я абсолютно ничего не знал о нем и начал допрашивать его спокойно. Он мне говорил и повторял, что он не вьетконговец и что он не знает, где находятся солдаты Вьетконга.

Что касается первого пункта, то я не знал, лжет ли он. Что касается второго пункта, то я был уверен: он знает, где солдаты Вьетконга. Тогда я начал его бить, давал ему пощечины и бил кулаком, но это ничего не дало.

И вот, как это часто бывает в таких случаях, меня заменил другой специалист по допросам, лейтенант. Он действовал как и я: сначала ставил вопросы, потом бил. Поскольку и он ничего не добился, лейтенант подверг этого военнопленного пытке (электрическим током), именуемой «полевой телефон». Сначала он поставил электроды на руки пленного, потом он их прикладывал к его половым органам...

В другой раз, во время операции «Сайдер-фоллс», был взят в плен капитан... Мне поручили его допрашивать, и мои начальники говорили и повторяли, что им нужно получить сведения, и притом немедленно. Пока ставил вопросы, мой командир взвода пытал вьетнамца «полевым телефоном». Капитан все же ничего не сказал, и меня заменил лейтенант. Поскольку вьетнамец по-прежнему ничего не говорил, лейтенант разъярился и начал забивать ему под ногти бамбуковые щепочки.

Командир нашей части упрекнул его за это: пытка с применением бамбуковых щепочек оставляет следы, тогда как электричество никаких следов не оставляет. У нас же допускалось делать с пленными все, что мы пожелаем, только при условии, что на их телах не останется следов. Я лично не убивал пленных, но многие другие специалисты по допросам убивали...

«Деревянный молоток»... Всех жителей собрали и подвергли сортировке. Из одной ямы вытащили человека с оружием. Я узнал таким образом, что он вьетконговец. Но мне предстояло еще установить, какое у него звание. Я начал его допрашивать. Тем временем мой переводчик бил его деревянным молоточком по коленным чашечкам и по лопаткам. Он ничего не говорил.

Поскольку при допросе присутствовали мои офицеры, я разнервничался и испытал другое средство. Я приставил мой пистолет к затылку пленного и заставил его рыть себе могилу, отсчитывая громким голосом по-вьетнамски, сколько секунд ему осталось жить. Так же по-вьетнамски я объяснял ему, как он сейчас умрет. Пока он рыл свою могилу, мой переводчик продолжал его бить.

Пытка электричеством была абсолютно повседневной практикой. К концу моего срока службы ее стали применять немного реже, но при каждом допросе военнопленного избивали. Один специалист по допросам мне сказал: «У меня болит кулак: слишком долго пришлось бить по морде этого типа...»

Это ложь — утверждать, что пытками занимаются только сайгонские солдаты. Лично я ни разу не видел, чтобы им поручали допрос военнопленного. Я не знаю, как они этим занимаются, но у меня есть все основания считать, что они делают те же вещи, что и мы, с той разницей, что им безразлично — остаются на допрашиваемых следы или нет».

В тюремных камерах Южного Вьетнама с женщинами обращаются так же зверски, как и с мужчинами. Австралийский журнал Уилфред Бэрчетт писал в газете «Нейшнл гардиан»:

«Так же как арест кого угодно вообще здесь означает немедленную пытку, так и арест любой женщины в возрасте от 15 до 50 лет означает, что она будет изнасилована, а ее детородные органы искалечены пытками («чтобы не могла плодить вьетконговцев», — говорят истязатели)».

Бэрчетт взял интервью у одной их жертв дикого произвола, двадцатилетней Чан Тхи Ням из деревни Дьенхонг. Девушка показала Бэрчетту правое плечо. «Мне стало дурно, — пишет он. — Кожу покрывали небольшие, сморщенные как цветная капуста, ямки — там, где мясо было вырвано раскаленными щипцами. На предплечье было с полдюжину шрамов от ожогов...»

ТРАГЕДИЯ СОНГМИ

На американской тактической карте масштабом 1:100 000, изданной в 1967 г., рядом с кружком, отмеченным красным карандашом, имеется надпись: «Район действия 2-й бригады корейской морской пехоты с I-1967 по 31-12-1967. Передан в распоряжение тактической группы Баркера с 1-I-1968 г.». Другой кружок, поменьше, охватывает деревню Сонгми. Именно здесь, на маленьком клочке земли, ранним мартовским утром 1968 г. и было совершено преступление.

Тактическая группа Баркера, непосредственно учинившая бойню в Сонгми 16 марта 1968 г., входила в состав 11-й бригады 23-й дивизии армии США (дивизия «Амерткэн»). Эта бригада была в спешном порядке сформирована на Гавайях и в декабре 1967 г. переброшена во Вьетнам.

Тактическая группа Баркера была сформирована непосредственно с целью заменить южнокорейские подразделения в районе северо-востока провинции Куангнгай. Не успев прибыть на место, группа сразу же приступила к проведению карательных акций.

Из показаний отдельных американских солдат во время процесса над лейтенантом Колли: «Во время одной из акций мы увидели женщину с коромыслом на плечах. На окрик остановиться она продолжала двигаться. Раздались выстрелы, женщина упала. Подойдя ближе, мы увидели, что она с обычными покупками возвращалась с рынка».

Другое свидетельство: «Мы вступили в деревню. Я увидел в поле мужчину. Схватил его и отвел к лейтенанту Колли. Вдруг услышал чей-то голос: «Посмотрим, умеет он держаться на воде или нет». Его бросили в колодец. Услышав крики, я обернулся и увидел, как Колли разряжает обойму в колодец. Посмотрев вниз, я вместо воды увидел лишь кровь».

Еще один солдат из той же группы в письме своим родителям писал: «По пути на базу мы увидели женщину, работающую на рисовом поле. Меня заставили выстрелить в нее, и она упала, раненная. Затем они заставили меня добить ее насмерть. Они расстреливали также всех детей, которые им встречались на пути. Они играли в охоту на дичь. Это преступление, и я ничего не мог сделать, чтобы помешать ему».

Подобные преступления совершались ежедневно. Солдаты из тактической группы Баркера, следуя указаниям начальства — генерала Кэстморленда, рассматривали этот район как «зону свободного огня», между собой называя ее «землей краснокожих», то есть любое движущееся тело здесь являлось объектом прицельного огня. Здесь они могли убивать, жечь, разрушать по собственному усмотрению, без видимой на то причины, зачастую лишь для пристрелки оружия.

Именно полковник Хендерсон, командир 11-й бригады, и подполковник Баркер разработали эту акцию. «Найти и уничтожить» — такова была ее цель. На судебном процессе Колли показал, что получил следующий конкретный приказ: «Окружить, стремительно атаковать

противника и уничтожить его полностью». Подполковник Баркер конкретизировал понятие «противник»: «Каждый в Пинквиле считается противником и будет уничтожен... Нельзя допустить, чтобы кто-либо выжил после того, как там пройдем мы».

Врагом был каждый вьетнамец — и стар и млад. Понятие «гражданское население» не признавалось. Все были «вьетконговцами», которых надо убивать.

Среди американских солдат бытовала поощряемая командованием так называемая игра «в копилку мертвых вьетконговцев». Шли целые соревнования по убийству людей. Больше убьешь. — значит, больше «трофеев», значит — повышение, награды.

Сам Колли признавал впоследствии: «Во Вьетнаме вошло в практику, что если ты не даешь постоянный отчет о количестве убитых вьетнамцев, то начальство начинает обращать на тебя внимание и относиться с прохладцей. Одно дивизионное начальство поощряет свои подразделения убивать как можно больше вьетнамцев, с тем чтобы обскакать по количеству убитых другие дивизии. Следовательно, подразделения упорно соревнуются друг с другом в игре «в копилку». Колли также признавал, что после акции в Сонгми, несмотря на сотни мирных вьетнамских граждан, уничтоженных им и его подразделением, ему ни разу не было предъявлено никаких претензий, нареканий или же напоминаний об этом. Наоборот, вскоре после этой чудовищной резни он был награжден медалью «Пурпурное сердце» и получил чин лейтенанта.

В тот же день, 16 марта 1968 г., после обеда, когда солдаты смывали на морском побережье копоть, пот и кровь, офицер разведки уже готовил телеграмму начальству. В ней говорилось: «Рейнджеры армии США из 11-й бригады дивизии «Америкэн» при поддержке артиллерии и вертолетов рано утром 16 марта 1968 г. начали наступательную операцию на деревню Сонгми. Бой продолжался до второй половины дня. В результате убито 128 человек противника, 13 подозрительных взято в плен, захвачено 3 единицы стрелкового оружия».

А как же отнеслось к расправе в Сонгми марионеточное правительство Нгуен Ван Тхиеу? Ведь здесь было совершено преступление против их же соотечественников, людей той же крови, что и они? На все вопросы, касающиеся этой акции, у него был уже заранее подготовлен ответ: «Любые сведения о репрессиях являются пропагандой Вьетконга».

С другой стороны, в стане самой марионеточной администрации появились первые признаки, косвенно признававшие это преступное злодеяние. В своем докладе от 30 апреля 1968 г. губернатор провинции Куангнгай писал, что «провинциальные власти не вправе комментировать действия армии США в этой операции». Нгуен Ван Тхиеу, несмотря на верноподданнические чувства к своим хозяевам, вынужден был осторожно сказать: «Некоторое количество деревенского населения погибло от артиллерийского огня... Это всего лишь обычная военная операция... Любые обвинения американских солдат в массовых убийствах являются полностью ошибочными...»

БОМБЫ, БОМБЫ, БОМБЫ...

Кхам Тхиен — старинная улица, расположенная в центре Ханоя, история которой восходит к династии Ли, правившей более десяти веков назад.

Налет происходил в 10.30 вечера 26 декабря 1972 г., то есть в ночь после рождества.

В эту ночь было приказано подразделению стратегической авиации США нанести удар стальным кулаком бомбардировщиков Б-52 по району Кхам Тхиен и смести его с лица земли. Американские «летающие крепости» с большой высоты методично сбросили громадное количество бомб, обладающих колоссальной разрушительной силой, превосходящей все виды когда-либо использованных бомб, кроме атомных.

Нападение было в высшей степени варварским. Тридцать вылетов бомбардировщиков Б-52 были осуществлены глубокой ночью, когда люди были дома. На небольшой густонаселенный район Кхам Тхиен тысячи фугасных и вакуумных бомб весом от 250 до 2000 фунтов обрушились плотным дождем, вызывая цепную реакцию, разрушая дома (включая и железобетонные корпуса), вырывая деревья и срывая крыши.

Налет длился до рассвета. Многие районы города и его пригороды были разрушены одновременно, что вызвало очень большие жертвы среди населения и помешало осуществлению спасательных работ, извлечению из-

под обломков домов жертв бомбардировки и эвакуации раненых...

Район, подвергавшийся бомбардировке, — 1200 метров в длину и 300-400 метров в ширину — проходил через улицу Кхам Тхиен от ее пересечения с проспектом Нам Бо до улицы Ханг Бот. В одно мгновение густонаселенная и оживленная улица была превращена в развалины: дома полностью снесены, двухэтажные железобетонные дома рухнули на землю, вытянув скелеты стальных балок. Повсюду кучи цементных обломков и кирпичей, смешанных с искореженной стальной арматурой железобетонных конструкций, разбитая вдребезги мебель, одежда, постельное белье и противомоскитные сетки, детские колыбельки, златокудрые куклы, пропитанные кровью клочья детских и женских рубашек. Повсюду валялись изорванные книги. Дороги были завалены, деревья и столбы электропередач лежали сломанные, опутанные проводами, как локонами волос. Неуклюже застыли обгорелые каркасы машин.

Обширная зона была превращена в безжизненную пустыню. 534 дома были уничтожены дотла, 1200 других были серьезно повреждены. Все 18 кварталов были варварски разрушены. 45-й, 46 и 47-й кварталы были сровнены с землей. Тысячи семей были лишены крова.

Сорокаметровый участок Конг Чанга (Белый канализационный коллектор) Кхам Тхиена — общественной системы для отвода излишков воды и нечистот из района тоже был разрушен тоннами бомб. Осколки кирпичей и черепицы от разрушенных домов завалили канал, что

привело к скапливанию жидких нечистот, которые стали заливать улицу.

Нгуен Тхи Ман, проживавшая в доме номер 320 по Кхам Тхиен, оставшаяся в живых после бомбардировки, рассказала следующее: «Из подземного убежища я видела падающие бомбы, которые разрывались с ужасным грохотом. Места взрывов озарялись яркими вспышками, опалая невыносимым жаром весь район, повергая дома, деревья и превращая все в щебень и щепки. Взрывная волна подхватила все это, перемещала со столбами дыма, подняла вверх. Я была ранена и лежала без сознания.

Когда я пришла в себя, я увидела, что лежу на носилках. Я огляделась вокруг: земля была усеяна телами людей, извлеченных из-под обломков, телами моих соседей, убитых американскими бомбами. Над ними, проливая горькие слезы, стояли их родственники. Я увидела детей, внезапно лишившихся своих родителей. Они стояли растерянные, как цыплята, застигнутые ненастьем. А как много детишек в возрасте от трех до семи лет лежали бездыханные около воронок от бомб! Я увидела также раненых, истекающих кровью малышей, изуродованных или обожженных. Невозможно было сдержать слезы, глядя на все это».

Как много судеб были внезапно оборваны, как много дел осталось незавершенными!

Вернувшись домой после второй смены, Нгуен Тхи Ли-

ен готовила к отправке в эвакуацию маленькую Ха, когда завывли сирены.

Тетушка Лиен прислонила свой велосипед к дереву напротив дома и отвела свою дочку в погреб тетушки Хай. Затем она направилась в другое убежище. В это время воздух наполнился душераздирающим свистом, и земля начала содрогаться. Вокруг летали обломки кирпичей и камней. Она выглянула из своего убежища и увидела, что ее дом рушится. Погреб, где пряталась ее маленькая Ха, был засыпан. Тетушка Хай была убита взрывной волной и выброшена из убежища.

Заваленная внутри убежища, маленькая Ха кричала: «Мама! Спаси меня! Забери меня отсюда! Мама!» Лиен отчаянно отбрасывала один камень за другим, ее руки кровоточили, но все было тщетно. Соседи и спасательная команда бросились ей на помощь, но было уже слишком поздно. Когда проход в убежище был расчищен, Ха уже умерла. Лиен, рыдая, взяла своего ребенка на руки...

Ни один из участвовавших в извлечении из-под обломков жертв бомбардировки в переулке Тоан Тханг в тот день не мог забыть двух братьев: 13-летнего Хоанг Минь Кьонга и 10-летнего Хоанг Нгия Хая, оказавшихся в разрушенном убежище. Освобождая завалы, в подземелье подавали кислород и давали детям воду. Кьонг взял бутылку, но не стал пить сам, а протянул ее своему младшему брату, не зная еще, что тот уже умер.

После налета бомбардировщиков Б-52 на Кхаим Тхиен, совершенного 26 декабря 1972 г., не могли найти даже следов многих убитых, а найденные тела были изуродованы до неузнаваемости. У раненых, как правило, все тело было покрыто кровоподтеками, повреждены внутренние органы, что трудно поддается лечению.

Соотношение между числом убитых и раненых после налета Б-52 носит характер геноцида и нарушает основополагающие принципы международного права о ведении военных действий, трактующие различие между военными и гражданскими целями.

ОБЛАКА СМЕРТИ

«Никогда еще в истории человечества ни одно государство не вело войну с окружающей средой другого государства, а Соединенные Штаты приступили к этому беспрецедентному экологическому эксперименту без надлежащего исследования того, будут ли применяемые химические вещества приводить к опасным последствиям для людей и всех форм существования растительности и животных... Это государство (США), по всей видимости, установило экологический взрыватель замедленного действия во Вьетнаме, который будет влиять на всю жизненную цепь, широко разрушая формы существования растительности, животных и подводного мира, которые никогда не могут быть восстановлены, а также причиняя людям, проживающим там, такой вред, который не может быть оценен, пока не пройдет определенное время».

Эта цитата из выступления в американском сенате сенатора Нильсона была приведена в докладе Эгберта Пфейффера, профессора зоологии университета штата Монтана (США). Доклад был сделан еще в 1970 г. в Париже на первой международной научной конференции по химической войне во Вьетнаме.

Применение химического оружия должно было — по планам американского командования — нанести массовые поражения бойцам Освободительной армии и местному населению, уничтожить урожай и продовольствие в освобожденных районах, сломить волю народа к сопротивлению, заставить его отказаться от вооруженной борьбы.

В ходе войны было обнаружено, что наиболее эффективной боевой рецептурой оказалась так называемая «оранжевая». Самолеты ВВС США рассеяли над землей Вьетнама, как теперь подсчитано самими американцами, не менее 57 тысяч тонн «оранжевой смеси» («эйджент орандж»), содержащей примесь высокотоксичного и чрезвычайно стабильного вещества, обычно называемого диоксином. Это один из самых сильных и коварных ядов, известных в настоящее время. Он отличается высокой и острой токсичностью при одноразовом введении в организм и вместе с тем способен накапливаться в организме, проявляя еще более высокую токсичность при медленном и продолжительном поступлении в него. При несмертельных, даже ничтожных дозах диоксин поражает человека и теплокровных животных, вызывая заболевания, в том числе раковые, нарушает генетический аппарат людей.

Наблюдаемые сейчас во Вьетнаме частые случаи бесплодия и аномальных беременностей, рождения мертвых детей и уродцев, прогрессирующих опухолевых заболеваний и лейкемии — все это результаты прямого и косвенного воздействия диоксина на генетический аппарат людей. Особенно опасно то, что этот яд может вызывать врожденные пороки у потомства.

Вьетнамские врачи исследовали случаи патологии беременности в провинции Бенче (в дельте реки Меконг), где многократно рассеивались гербициды. Частота самопроизвольных выкидышей здесь возросла вдвое, а частота врожденных пороков плода повысилась с 0,14 процента до 1,78 процента, то есть более чем в 10 раз. По данным гинекологической больницы города Хошимина, частота внематочной беременности резко увеличилась, достигая 4,6 процента против 0,6 процента в Северном Вьетнаме и 0,5 в других странах Юго-Восточной Азии.

Во Вьетнаме американцы также широко использовали напалмовые бомбы. «Напалм» является легковоспламеняющимся веществом, продуктом смеси бензина с 4-6-процентным алюминиевым или натриевым мылом, которое придает ему студенистый вид. Он использовался отдельно или же с добавлением фосфора в течение многих лет в Южном Вьетнаме, а с начала 1965 г. и в Северном Вьетнаме. Им начиняются бомбы различных типов.

Напалм представляет собой страшное оружие, потому что он прилипает к коже и долго горит: 5-15 минут,

крупные капли его создают температуру в 800 и даже 1200,1500 и 2000 градусов, когда он применяется вместе с некоторыми металлами, такими, как магний, алюминий и т. п. Тогда мясо воспламеняется и превращается в уголь...

Белым фосфором начиняются артиллерийские снаряды. Он выбрасывается, когда снаряд разрывается. Соединяясь с кислородом воздуха, он самовоспламеняется...

Фосфор может глубоко проникать в раны, где он медленно сгорает. Он может вызвать тяжелое отравление.

Напалм был превращен американской армией в эффективное оружие массового уничтожения.

Вот как это делается...

«Мы пролетели над целью, и я увидел охваченные пламенем тростниковые крыши. Я закрыл глаза и не мог открыть их, пока мы не поднялись на несколько тысяч футов. Внизу хижины были окутаны густым облаком черного удушливого дыма.

Когда мы пролетали через него, взорвалась вторая напалмовая бомба. На земле быстро вырастал большой огненный шар оранжевого цвета». Так описывает корреспондент газеты «Сан-Франциско хроникл» свой полет на военном американском самолете «Фантом», который подверг бомбардировке напалмом южновьетнамскую деревню в дельте Меконга. А вот что пишет в

мартовском номере за 1967 год французского журнала «Монд дипломатик» его специальный корреспондент в Южном Вьетнаме Бернар Куре:

«В провинции Контум американские бомбардировщики систематически обрушивают на леса зажигательные бомбы и напалм. Деревни местных жителей и горный рис, произрастающий на склонах, уничтожены, потому что в высоких сферах решили, что нужно прежде всего обречь на голод Вьетконг (так западная печать называет Национальный Фронт освобождения), который получает продовольствие у местного населения. Из кабины вертолета я видел обуглившиеся хижины лесных жителей, почерневшие от пожара деревья. Тысячи этих жителей разбрелись, многие погибли...

Двухместный самолет, который везет меня из Контума в Плейку, летит над лесом на высоте менее 500 метров... В ложбине, несколько левее от нас, появилась деревня. Пилот совершает вираж и пикирует на опушку леса. Менее чем в 200 метрах от земли он выравнивает самолет, сбавляет газ и описывает круги. Закончив разведку, он набирает высоту, продолжая связь с базой.

Не прошло и 10 минут, как появились американские вертолеты. Они совершают первый заход и сбрасывают бомбы на занавес из деревьев, прикрывающий деревню. Я вижу, как люди бегут из деревни. Занавес из деревьев буквально снесен бомбами. Все хижины пылают. Операция закончена. Вертолеты удаляются. В деревне не осталось ни одной живой души. Наш самолет спускается на высоту 100 метров. Близ хижин, которые

догорают, я различаю множество трупов».

«Наши войска, — пишет журнал «Феллоушип», издающийся одной пацифистской организацией штата Нью-Йорк, — во Вьетнаме широко используют фосфорные бомбы, (которые, по свидетельству одного новозеландского врача, страшнее напалма, «так как они рвут тело до самых костей, подобно зубам крысы»), бомбы замедленного действия и новые, более стойкие виды напалма.

В большинстве случаев жертвами всего этого становится беззащитное гражданское население Южного Вьетнама. Потери среди гражданского населения никогда не подсчитываются; их цифра была бы способна привести в ужас. Согласно одному медицинскому сообщению, число южновьетнамских жителей (в большинстве своем гражданских лиц), у которых пришлось ампутировать конечности, достигло 35 тысяч».

Вот такую историю рассказал мальчик Хо Ван бот со шрамами на руках и на обеих сторонах лица. Он был в школе, когда появился американский самолет. Дети немедленно спрятались в глубоких убежищах, вырытых вокруг школы. К несчастью, напалм проник в убежище. В нем было 63 школьника, и все они начали гореть.

В ужасе, с громкими криками бросились они к своим матерям. Каждый из них был подобен факелу. Когда матери попытались помочь своим детям, они также оказались охваченными огнем. Погибло более 40 детей.

Мальчик, рассказывавший об этом происшествии, был одним из счастливчиков, которым удалось выжить.

Рассказывают очевидцы: «Я — Нгуен Тхи се, 35 лет, живу в Фо, деревня Чьонг Ксуан, район Омон, провинция Кантхо.

Моя семья — одна из бесчисленных жертв варварских средств ведения войны американцами против населения Южного Вьетнама. Я хочу рассказать о трагедии, постигшей мою семью.

6 марта 1965 г. мой муж, пятеро детей и я — обычная крестьянская семья — были у себя дома. В 3 часа дня отряд истребителей-бомбардировщиков прилетел из Кантхо и сбросил напалмовые бомбы, которые причинили нам тяжкие ожоги.

Мой старший 14-летний сын, на руках у которого была 5-месячная сестренка, выскочил из дома, крича: «Папа, спаси сестру, спаси меня, жжет, я умираю». Муж поспешно схватил малютку. Обгоревшая кожа ее слезала от прикосновения его рук.

Бомбардировка и обстрел с бреющего полеты продолжались.

Муж сказал старшему сыну, чтобы он скорее перебрался на другую сторону реки. Но тот продолжал кричать.

«Жжет, я умираю». 10-летняя дочь переплыла реку и, подбежав к одной старой женщине, сказала: «Моя мать, брат и сестра горят, они погибнут. Наша лодка и все вещи тоже горят».

Только мой муж чудом уцелел после этой бомбардировки. Наши пятеро детей и я получили тяжелые ожоги. Самая маленькая, пятимесячная, дочь была слишком мала, чтобы выдержать ожоги, и тут же умерла. Десятилетняя дочь, покрытая брызгами напалма, хотя и переплыла реку, умерла часом позже. Старший сын был перевезен в Так Кади и вскоре тоже умер. Оставшиеся две дочери, трехлетняя и 12-летняя, перевезенные в больницу, умерли спустя два дня.

У меня было сожжено лицо, руки, ноги, спина. Меня долго лечили. Теперь мои раны зажили, но я осталась инвалидом. Все имущество нашей семьи уничтожено... Моя трагедия — одна из тысяч трагедий.

Нгуен Тхи Се
30 июня 1966 г.»

Еще факты:

«8 июля 1964 г. отряд «Скайрейдеров» сбросил около 50 напалмовых бомб на начальную школу Линфунг (уезд Лонгми, провинция Бенче), которая занимает участок примерно в 3 гектара. Почти все школьники были обрызганы горящим напалмом. Объятые пламенем, зывая о помощи, несчастные дети бросились в беспорядке бежать к своим родителям.

Дорога, ведущая к деревне, была усеяна их обуглившимися телами. Взрослые, бросившиеся спасать детей, были расстреляны «Скайрейдерами» из пулеметов. Погибло 32 школьника, 100 было ранено. Много убитых и раненых было среди взрослых, десятки домов превращены в пепел...

3 октября 1964 г. американцы разбомбили школу в Дукхоа (провинция Шолон), погибло 40 школьников, много было и раненых. 16 марта 1965 г. бомбардировке подверглась начальная школа в Хоатлен, недалеко от Дананга, 45 ее учеников было убито, около ста ранено...

КАМПУЧИЯ

Кампучия — древняя страна трудолюбивых кхмеров, страна многовековой культуры, высокой цивилизации. Родина талантливого народа, создавшего одно из чудес света — величественные храмы Ангкора. В течение многих лет Кампучию называли азиатской Швейцарией.

После трех лет существования полпотовского режима Кампучию называют не иначе как «огромным концентрационным лагерем», «гигантской тюрьмой», «государством казарменного социализма», где рекой течет кровь и безжалостно и планомерно осуществляется политика геноцида в отношении собственной нации.

Народное восстание в январе 1979 г. смело с многострадальной земли Кампучии кровавое правительство, возглавляемое Пол Потом. 1300 дней Кампучия утопала в крови своих граждан. Около трех миллионов кампучийцев были уничтожены, экономическая и социальная структуры разрушены, очаги культуры ликвидированы.

Взявший власть народ потребовал привлечь к ответу виновных. И Народно-революционный трибунал 19 августа 1979 г. вынес им приговор — Пол Пот и Иенг Сари (приговорены к смертной казни заочно) были осуждены за то, что, узурпировав государственную власть в Кампучии, сделали ее орудием совершения преступлений.

За годы их правления были совершены кажущиеся невероятными злодеяния...

Говорят, что вскоре после прихода к власти премьер-министр Пол Пот заявил: «Из восьми миллионов жителей Кампучии нам нужен только один». Видимо, руководствуясь этой директивой, власти расправляются со всеми, кто кажется им неудобным. Сотни тысяч простых кампучийцев уничтожаются по любому поводу. За просьбу об улучшении жилищных условий — смерть, за три опоздания на работу — смерть, за жалобу на плохие условия труда — смерть. Смертный приговор обычно приводится в исполнение палками из твердой древесины, мотыгами и топорами в целях экономии боеприпасов.

Полпотовцы готовили убийц, вербуя 14-17 летних подростков, которым внушалось, что если они не согласятся убивать, то после мучительных пыток будут убиты сами. Кроме того, отобранных подростков заведомо растлевали, приучая к убийствам, спаивали смесью пальмового самогона с человеческой кровью. Им внушалось, что они «способны на все», что они стали «особыми людьми», потому, что выпили человеческую кровь.

НАЧАЛО ТРАГЕДИИ

Многие считали, что, захватив столицу, «красные кхмеры» могут учинить расправу над бывшими лидерами лонноловского правительства, но их отношение к ос-

тальным жителям будет разумным и справедливым. Ведь все они воспитаны в духе одной религии — буддизма, который проповедует терпимость, уважение и сострадание к ближнему.

«В тот день мы кричали: «Победы, победы» — вспоминает 23-летний студент экономического факультета Пномпеньского университета Унг Сок Чоеу, — не потому, что любили «красных кхмеров», а от радости, что ненавистное правительство Лон Нола наконец пало и кончилась война, в которой кампучийцы убивали друг друга».

К 8.30 утра основные подразделения «красных кхмеров» вошли в столицу, и уже тогда появились первые симптомы будущей трагедии. Хотя новые власти приостановили грабежи, начатые было бандами уголовников и недобитых лонноловских солдат, объявив, что мародеры будут расстреляны или повешены на месте, они ничего не предприняли, чтобы предотвратить разграбление города своими же солдатами.

Вскоре «красные кхмеры» уже рыскали по торговым кварталам городка, взламывая и взрывая запоры магазинов, срывая замки с помощью тросов, привязанных к «джипам». Солдаты в черной форме перекрыли движение и приступили к конфискации автомобилей, мотоциклов, велосипедов. При этом они произносили одну и ту же фразу — «ангка», что можно перевести приблизительно как «организация». С неизменной «учтивостью», но весьма недвусмысленно направляя дуло автомата или пистолета в сторону жертвы, «освободитель» бесцеремонно заявлял: «ангка» требует, чтобы ты пре-

доставил мне свой мотоцикл, «ангка» хочет, чтобы ты отвез меня туда-то. Большинство пномпеньцев никогда не слышали о пресловутой «ангке», но дуло автомата — аргумент, который не требует долгих разъяснений.

За грабежами последовали убийства. 18-летний Сар был свидетелем пномпеньской трагедии. «Тем же утром в 8.45, — рассказывает он, — «красные кхмеры» убили нашего соседа Кима. Ему было 42 года. В 1971 г. его призвали в лонноловскую армию рядовым — у него не было одной ноги...» Приблизительно в это же время несколько десятков бывших лонноловских солдат и служащих попытались незаметно покинуть правительственную резиденцию, но были расстреляны из пулемета поджидавшими их «красными кхмерами». Чуть позже у здания министерства информации «освободители» окружили одного прохожего, который чем-то вызвал их недовольство, несчастного сбили с ног и тут же прикончили ударами ножей. А рядом стояли потрясенные пномпеньцы и с ужасом смотрели, как в предсмертной агонии корчился их соотечественник.

В 9 часов утра доктор Ван Хэй пришел, как обычно, в свою частную клинику, которая находилась против военного госпиталя. Он сразу направился в операционную, где лежал раненый полковник, которому при последнем обстреле осколок мины попал в живот. «Я был в операционной, — рассказывает Ван Хэй, — когда вошла сестра и сказала, что внизу стоят «красные кхмеры» и требуют, чтобы все немедленно покинули помещение. Я спустился вниз, чтобы поговорить с ними. Их было человек 20, молодые парни лет 16-18. Никакие

мои увещевания не помогли, они повторили приказ очистить клинику.

«Но в палатах много тяжелобольных и раненых, — пытался возразить я. — Они не в состоянии даже подняться, не то чтобы идти». «Ни для кого нет исключений, — заявил один из солдат. — Город должен быть полностью очищен. Всем убраться немедленно».

Стреляя в воздух, колотя в двери прикладами автоматов, через мегафоны и громкоговорители «освободители» предложили всему населению столицы незамедлительно покинуть город, при этом ничего не принималось во внимание — ни пол, ни возраст, ни физическое состояние. Тем, кто расспрашивал о причине столь странного приказа, «красные кхмеры» давали противоречивые ответы: «Американцы собираются бомбить город» или «Таков приказ «ангки». Но самое точное объяснение, как показали события, было то, которое дали представители новой власти иностранным католическим священникам: «Отныне, если люди хотят есть, они должны сами добывать себе пропитание на рисовых полях. Город — обитель порока. Здесь властвуют деньги и коммерция, а это оказывает на человека тлетворное влияние. Вот почему мы должны ликвидировать города».

Солдаты пришли за Анг Сок и ее семьей после полудня. 22-летняя Анг, как и большинство молодых пномпеньцев, поначалу восторженно приветствовала «освободителей», но, когда началась стрельба и грабежи, поспешила укрыться в доме своей сестры. И вот они стоят

перед солдатами в черной форме, которые пришли, чтобы выгнать их на улицу. Куда им идти? «Подальше от города, — отвечали солдаты. А сколько предстоит там оставаться? Довольно продолжительное время.»

«На дороге творилось что-то невообразимое, — рассказывает Анг, — женщины, старики, дети брели в страшной толчее. Я видела, как двое мальчиков вели под руки дряхлого старика, который еле передвигал ноги».

Людское море захлестнуло город. В эту ночь тысячи людей спали под открытым небом. На следующее утро группы солдат по пять-шесть человек прочесывали Пномпень, выгоняя новые тысячи несчастных на дорогу, «ведущую в никуда». Теперь уже «красные кхмеры» не церемонились — они почувствовали себя полными хозяевами положения. Перед жителями столицы был выбор — либо быть убитым, либо покинуть родной город, впрочем, второе нередко завершалось убийством. Дост Мохаммед, торговец, с женой и шестью детьми попытался проехать сквозь толпу беженцев на своей машине. На одном из перекрестков солдат, регулировавший движение, крикнул ему: «Не заезжай на левую сторону дороги». Мохаммед не услышал приказа и был тут же убит очередью из автомата.

Из окна французского посольства наблюдали следующую картину. Патруль «красных кхмеров», пробираясь сквозь вереницу людей с узлами и чемоданами, оттеснил отца мать от детей, которых тут же направили в другую колонну. В отчаянии родители бросились за ними, но были убиты в упор выстрелами из пистолета.

Вскоре дорога была буквально усеяна трупами, которые начали быстро разлагаться под жаркими лучами солнца. Их никто не убирал.

В городе прекратилась подача воды. Люди пили из озера в городском парке, из зловонных сточных канав. Это привело к вспышке дизентерии, которая унесла еще тысячи жизней. Люди медленно и мучительно умирали от жажды, голода, ран и болезней, от пуль озверевших победителей.

Еа Тан, 27-летний библиотекарь, покинул свой дом 18 апреля. «Весь Пномпень ринулся на юг, — рассказывает он. — Это был сущий ад — за трое суток мы прошли каких-то две мили. То и дело солдаты стреляли в воздух и кричали: «Вперед, пошевеливайтесь». Я видел, как обезумевшая мать несла труп своего маленького сына, старательно укрывая его тельце от палящего солнца».

Через несколько дней Пномпень превратился в город — призрак, в котором остались только трупы, стаи бродячих собак, голодных и затравленных, да свиньи, куры, утки, брошенные их несчастными хозяевами. На всех дорогах, ведущих в столицу, стояли посты «красных кхмеров». 23 апреля новый режим предпринял аналогичные действия во всех городах Кампучии. «Выселение» было осуществлено за 24 часа. По дорогам страны тянулся бесконечный поток беженцев, которые теперь повиновались одному хозяину — «ангке» — «верховой организации», жестокосердечной и бесчеловечной.

Таким образом, одной из первых мер, направленной на массовое уничтожение народа, было принудительное выселение жителей городов в сельские и горные районы.

Это была заранее продуманная политика. Например, в документе, служившем пособием по «повышению квалификации» высших полпотовских кадров в 1975 г., говорилось, что политика перемещения населения была определена решением руководства полпотовской партии еще в 1970 г. Согласно этому решению, войска «перемещают» население городов по мере вступления в них.

Применительно к населению столицы в документе говорилось, что желательно выселить из Пномпеня 95 процентов его жителей. Они должны были быть отправлены в отдаленные районы, причем личную собственность выселенных предлагалось довести до минимума.

Полпотовцы «объясняли» свои действия по выселению жителей Пномпеня, во-первых, необходимостью избавить жителей города от голода, поскольку, мол, у правительства нет необходимого запаса продуктов, и во-вторых, потому, что там был якобы раскрыт заговор, направленный на свержение правительства.

С захватом власти Пол Пот — Иенг Сари разделили все население страны на три категории — по степени лояльности к режиму. К первой категории, так называемому «старому населению», относились лица, проживавшие в отдаленных горных и лесных районах Кампу-

чии. Во второй категории — «новое население» — оказались лица, проживавшие в районах, контролируровавшихся предыдущим режимом. Третью категорию составляли военнослужащие, сотрудники свергнутой администрации, члены их семей, а также жители города Пномпеня. Население третьей категории подлежало поголовному уничтожению. Население второй категории подлежало «чистке», к которой полпотовцы прибегали настолько часто, что эта часть населения практически также уничтожилась. Первая категория населения, вначале пользовавшаяся некоторыми преимуществами (могла жить, меньше опасаясь за свою судьбу), с 1977 г. также стала объектом чисток. В этой группе населения были уничтожены многие тысячи людей.

Жители Пномпеня были отнесены к третьей категории населения — к категории, подлежащей уничтожению.

В первые же дни после 16 апреля 1975 г., когда в столицу вошли полпотовские войска, из города было изгнано свыше двух миллионов человек. В соответствии с приказом город были обязаны покинуть все жители. Продукты и вещи брать запрещалось.

Тех, кто отказывался подчиниться приказу или медлил, избивали или расстреливали. Этой участи не избежали ни старики, ни инвалиды, ни беременные женщины, ни находившиеся в госпиталях больные. Люди должны были идти пешком, несмотря на дождь или палящее солнце. Их подвергали обыску на каждой остановке, чтобы по прибытии на место у них не осталось ничего. Во время следования им не давали ни пищи, ни

лекарств. Санитарные условия были ужасающими. Если кто-либо пытался обменять у местных жителей одежду или другие вещи на рис, рыбу или соль, в них стреляли.

Только на берегах Меконга, когда пномпеньцев переправляли в отдаленные районы страны, погибло около пятисот тысяч человек.

В одном из документов, распространявшемся в высших кругах полпотовцев, об итогах переселения говорилось: «Жители ушли с пустыми руками и будут находиться в коммунах. Это означает, что мы полностью уничтожили государственный строй, загнали людей в деревни. Это приведет, в конечном счете, к их полному уничтожению».

«КОММУНЫ» — ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Политика полпотовцев по созданию так называемых «коммун» была в свое время одобрена Мао Цзэдуном. В беседе с Пол Потом в июне 1975 г. Мао Цзэдун заявил: «Вы одержали блестящую победу. Одним ударом вы покончили с классами. Народные коммуны в деревне, состоящие из бедных и средних слоев крестьянства, по всей Кампучии — вот наше будущее».

Что же представляли собой такие «коммуны»? Их отличало прежде всего то, что людей, независимо от воз-

раста и состояния здоровья, привлекали к принудительному труду по 12-16 часов в сутки. Дети старше 10 лет, старики и больные работали наравне со взрослыми. Детям, достигшим шестилетнего возраста, жить с родителями запрещалось.

За свой труд работавшие в коммунах получали лишь голодный паек. Помимо обычной работы, члены коммун привлекались к так называемой «социалистической» работе, которая выполнялась в перерывах между обычной. За обитателями коммун устанавливалась слежка с помощью секретных служб. Те, кто проявлял независимость, жаловался при протестовал, заносились в списки «сомнительных элементов», «оппозиционеров» и подлежали ликвидации.

Жесточайший полицейский контроль распространялся на чувства и мысли людей. Им запрещалось думать, страдать, смеяться, плакать. Крик отчаяния, сострадание, просьба рассматривались как проявление недовольства и оппозиции. Агенты следили даже за мимикой людей. Выражение грусти или возмущения могли служить достаточной причиной, чтобы отправить человека на тот свет.

В «коммунах» планомерно разрушались общественные связи. С этой целью разлучались дети, супруги, запрещались конфликты между соседями. Было ликвидировано все, что вело к установлению отношений между людьми: рынки, средства коммуникации, почта, телефон и т. п.

Разрушение семьи и внутрисемейных отношений совершалось методично, с помощью разнообразных средств. Усилия режима прежде всего были направлены на то, чтобы уничтожить чувства любви между супругами, между родителями и детьми. Супругов заставляли жить порознь, работать вдали друг от друга; им запрещалось видеться и помогать друг другу в горестях и тревогах, а также проявлять чувства привязанности, даже оплакивать умершего.

Люди боялись прийти на помощь друг другу из страха за свою жизнь. Боялись, например, поддерживать детей, родители которых были уничтожены, так как можно было тем самым навлечь на себя обвинение в сочувствии врагам. Поэтому многие сироты в коммуны не принимались, и жили как бродяги. Если этих детей заставляли за выпрашиванием милостыни, их нередко забивали до смерти.

Достигших четырнадцати-пятнадцатилетнего возраста насильно направляли в так называемые «мобильные производственные бригады» или в армию. Полпотовцы считали, что именно в таком возрасте из них легче всего сделать солдат, слепо и бездумно исполняющих приказы.

Изнурительный труд и постоянное недоедание способствовали распространению болезней. Однако никакой медицинской помощи никто не получал. Медицинская служба была уничтожена. Из 683 врачей и фармацевтов в живых осталось 69. Болезнью признавалась лишь малярия или ранения. Других больных объявляли

«лентяями» и «бунтовщиками», что нередко влекло за собой физическое уничтожение. Беременность рассматривалась как стремление уклониться от труда. Беременных ограничивали в питании. Отпуск по беременности и родам считался недоступной роскошью. Через месяц после родов женщина обязана была выходить на работу. Если она задерживалась, ее рассматривали как саботажницу.

«Врачами» при полпотовском режиме чаще всего были лица, не имевшие медицинской подготовки и нередко не умевшие даже читать. Основными лекарствами были — кокосовое молоко, кора деревьев и всевозможные химические растворы. Нетрудно представить, какую «помощь» получали истощенные больные от таких «врачей» и «лекарств».

За нарушение многочисленных предписаний работавшие в «народных коммунах» подвергались суровым наказаниям.

Установленная система наказаний включала только две меры: одна — увеличение обычной нормы в 2-3 раза, сопровождаемое сокращением пайка и избиением; вторая — смертная казнь.

ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ АД

О трагедии обычной семьи, жившей в «коммуне» Псот из провинции Свайриенг повествует журналист М. Озеров («Октябрь», 1979, № 3).

«Все трое были похожи на скелеты — кожа да кости. У мальчика рука висела, как плеть. Тело девочки покрыли кровоподтеки. Они из провинции Свайриенг, что на юге Кампучии. Раньше жили в городе. Отец работал на текстильной фабрике, мать — на почте. После смены правительства фабрику закрыли, почту тоже, а их семью отправили в джунгли. Там создали «народные коммуны», — по сути дела, концентрационные лагеря. В каждой коммуне — плетеная вышка. Жителям запрещали покидать территорию, даже посещать родственников.

В «коммуне» Псот 5 тысяч человек с рассвета до темноты работали на поле — выращивали рис. Люди падали от усталости, каждый день кто-то умирал. Есть было нечего: миску риса и немного соли давали лишь два раза в сутки, а дикие овощи и фрукты собирать не разрешали. В перерыве между работой, по вечерам, с семи до девяти часов, проводили собрания: речь обычно шла об «агрессивности» Вьетнама.

— В «коммуне» категорически запрещали читать, — говорил старший из детей. Этого шестнадцатилетнего юношу звали Ком.

Ночью он вставал, пробираясь к кокосовой пальме, которая росла неподалеку, и доставал из дупла обмотанный тряпками сверток.

Что же прятал Ком? Оружие? Взрывчатку?

Еще более опасный, по мнению властей, предмет — книги. Солдаты убили одного из жителей «коммуны» только за то, что он держал в руках лист бумаги — решили, что это письмо. Если же находили журнал или книгу — расправлялись со всей семьей. Поэтому, прижав к груди сверток, Ком спешил в джунгли. Там при свете карманного фонарика он разворачивал тряпку и читал, читал... В драгоценном свертке хранились «История Кампучии» и еще четыре книги. Их удалось спрятать после того, как школу, где он учился, закрыли. Преподавателей тогда сразу арестовали. Заодно арестовали и старшеклассников: те тоже могли распространять «крамолу». А учебники, другие книги отобрали и сожгли.

Но потом мне стало не до чтения, — заметил юноша. — Заболела Лам, моя сестренка. Отец сказал, что попробует найти лекарство. Ушел и не вернулся. От соседей мы узнали, что солдаты казнили отца, осмелившегося попросить лекарство: велели ему выкопать яму и забросали — живого — землей. Спустя два дня маленькая Лам — ей было всего шесть лет — умерла.

Ком прервал рассказ: брат и сестра рыдали в полный голос. Он сам едва сдерживал слезы. Трудно представить себе, что все это происходило в наши дни...

Ком показал фотографию. Мать стоит у порога дома — того, где они раньше жили. Нежный овал лица, миндалевидные глаза, мягкая улыбка. «Наша красавица Си», — называли ее соседи. А как она пела!

После гибели мужа и смерти дочери Си стала выглядеть на все шестьдесят, хотя ей было тридцать пять. Целыми днями молчала сидела, уставясь в одну точку. «Сошла с ума», — решили люди.

Как-то утром, увидев проходившего мимо офицера, Си выбежала из хижины и плюнула ему в лицо. К их дому согнали всех жителей «коммуны». Возле матери стоял Ком, два брата и сестра.

«Пой! Говорят, ты хорошо поешь», — приказал офицер. Она молчала. Тогда солдаты схватили ее трехлетнего сына, потянули за руки и за ноги и разорвали. «Если не запоешь, всех прикончим!» — закричал офицер и ударил прикладом автомата другого ребенка. С тех пор Ньям не может двигать рукой. А солдаты набросились на дочь, повалили ее на землю и стали избивать.

И тут мама запела. Запела песню, которая так нравилась мужу: влюбленные сидят у ручья, смотря на звездное небо и мечтают о счастье...

Солдаты облили Си бензином и сожгли.

«В то утро, когда казнили маму, — продолжал свой горестный рассказ Ком, — меня заставили рыть могилу.

Не ей — ведь маму сожгли, — а брату. Рыть ножом. Я долбил твердую землю, солдаты смеялись. И повторяли: «Если заплачешь, будешь рыть еще одну могилу — для себя». Я боялся, что не выдержу и брошусь на них. Но на мне остались сестренка и маленький Ньям! К тому же оба искалеченные!»

Не проходило дня, чтобы в «коммуне» кого-нибудь не убивали. За что? «За то, что пожаловался на недомогание, или опоздал на работу, или подобрал с земли банан. Убивали просто для того, чтобы убить, — пояснил Ком. — Нашего соседа убили, когда он отказался жениться». «Жениться?» — «Да». На шестидесятилетней монахине». «Почему он должен был это сделать?» «Во имя борьбы с религией. — Помолчав Ком добавил: — Моего товарища казнили за то, что он влюбился». Любовь считалась в Кампучии серьезным преступлением. Молодым людям не разрешалось даже разговаривать друг с другом.

В «коммуне» Псот расправа обычно происходила следующим образом: человека закапывали по шею в землю и били мотыгами по голове. Стрелять не стреляли — берегли пули для «главного врага» — Вьетнама.

«А когда вы решили бежать?» — спросил журналист Кома. «После казни мамы. К нам вот-вот должны были явиться солдаты, чтобы покончить с «семьей преступников».

Спросили Кома, были ли в их «коммуне» китайские

эмигранты. «Около пятидесяти человек. А потом никого не осталось. Всех убили. Обвинили в заговоре и сожгли. Два уцелевших китайца бежали вместе с нами».

Перед вами рассказ «хуацяо» — китайского эмигранта, которому удалось бежать во Вьетнам.

«Меня зовут Лам Тхань. Я жил в Кампонгсаоме, на западе Кампучии. В нашем квартале были в основном китайцы. Однажды ночью в нам ворвались солдаты, это произошло сразу после переворота. Они будто бы искали оружие. А сами избивали каждого, кто попадался под руку. И не только избивали. На моих глазах выбросили из окна женщину. А соседку-школьницу изнасиловали. Когда ее отец кинулся на помощь, солдаты застрелили его. Это была страшная ночь. Самая страшная ночь в моей жизни!

Утром нас выгнали из домов и построили в колонны. Вещи брать не разрешили, нам сказали, что они отныне принадлежат государству. В горах нас разделили на группы. Всех, кто раньше служил в государственных учреждениях и в армии, отвели в сторону и забросали камнями. Так же поступили и с врачами, студентами, инженерами. В третью группу попали те, кто имел свое дело, торговал. Их вначале раздели и обыскали. Если находили золото, деньги — убивали всю семью. Моему другу китайцу Тет Суку и его детям вбили гвозди в затылок.

В тот день я потерял еще одного давнего товарища, его

звали Хиа Пхет. В отдельную группу согнали всех, кто был не в состоянии работать: стариков, больных, инвалидов. Хиа Пхет был здоровым, сильным человеком. В Кампонгсаоме солдаты сломали ему ногу. Он хромал, и с ним расправились так же как с другими.

Тех, кто уцелел, отправили строить канал. Мы таскали землю в огромных тяжелых корзинах. Надсмотрщики были нас бамбуковыми палками и кричали «Шевелись, лентяи!» Если в этот момент застонешь — убивали на месте. Они вообще предпочитали убивать, а не избивать: меньше возни!»

ТРАГЕДИЯ НА ПЛАНТАЦИИ ЧУП

Кампучийское информационное агентство СПК передало 5 февраля 1979 г. следующий комментарий о преступлениях клики Пол Пота — Иенг Сари на плантации Чуп:

Каучуковая плантация Чуп расположена в уезде Тхобум Комонг провинции Кампнгям, где на протяжении нескольких последних лет существовало мощное движение сопротивления режиму Пол Пота — Иенг Сари. Здесь же учинялись жестокие кровавые расправы над рабочими и крестьянами. В соответствии с планом, разработанным центральными властями, в середине 1978 г. сюда были подтянуты войска из других районов, которые начали методично уничтожать деревню за дерев-

ней, убивать без разбора мужчин и женщин, стариков и младенцев.

Корреспондент агентства СПК приехал на плантацию Чуп после ее освобождения, встретился в уцелевшими, видел своими глазами вскрытие захоронений, колодцы, доверху заполненные трупами, ужасающие кладбища в рощах каучуконосов. Поиски свидетельств не закончены. Но в уже известных местах, где учинялись зверства над людьми, обнаружены десятки тысяч трупов.

«Мы приехали в лес у деревни Сресеам Кхумтире, примерно в 1100 метрах от дороги N7. На площади приблизительно в три гектара, где пасется скот, недалеко от предприятия обнаружено 30 круглых ям диаметром около 5 метров и глубиной свыше 10 метров. Под слоем земли в толщину не более 30 сантиметров покоятся человеческие тела, в каждой яме по несколько десятков трупов, в основном женщин и детей.

Чам Саун, 21 года, плача рассказывает: пять из восьми членов ее семьи погибли. В первую ночь были схвачены и уничтожены старший брат Чам Кхоан и младшие братья Чам Кран (10 лет) и Чам Чран (2 года). В семье Чам Саун остались отец, мать и три сестры. Пятеро оставшихся в живых людей молча лежат в доме, опасаясь даже громко вздохнуть или заплакать. В следующую ночь солдаты схватили отца и мать, которая была на шестом месяце беременности. Зная, что родителям грозит расправа, сестры заплакали, умоляя пощадить отца и мать. Но солдаты в черных рубашках в ответ из-

били их до полусмерти. Сейчас Чам Саун не знает даже, где тела ее близких.

Она рассказала также, что солдаты врываются в дома и убивали всех мужчин, включая мальчиков, чтобы, как они объясняли, «уничтожить даже корни тех, кто выступал против анки». После этого они принялись за женщин и стариков. Население деревни Сресеам было почти полностью уничтожено. После освобождения из джунглей возвратилось лишь около 200 человек, которым удалось скрыться.

В той же деревне Сресеам около двух старых воронок от бомб валяются кучи детских шляпок, одежды, сандалий. Как рассказывают местные жители, солдаты сгоняли сюда детей, связывали их в цепочку, сталкивали в залитые водой воронки и заживо хоронили.

Недалеко от деревни Сресеам в лесу Пиенг Ченг около лагеря для раненых солдат правительственных войск еще 12 больших воронок от бомб, в которых захоронено около трех тысяч человек. По указанию клики Пол Пота — Иенг Сари сюда были присланы два бульдозера. Канавокопателем были вырыты траншеи шириной 3 метра, длиной 6 метров и глубиной 2 метра. Людей подгоняли к краю траншеи, наносили лопатой или мотыгой удар в затылок, и сталкивали вниз.

Когда ликвидации подлежало слишком много людей, их собирали в группы по нескольку десятков человек, опускали стальной проволокой, пропускали ток от гене-

ратора, установленного на бульдозере, а затем сталкивали потерявших сознание людей в яму и засыпали землей. Один из двух бульдозеров до сих пор стоит здесь. При вскрытии захоронений было обнаружено, что у многих жертв раздроблен череп, сломаны позвоночник и кости ног, руки связаны.

В самом лагере для раненных под бананами закопано множество трупов. Только на поверхности земли торчат останки нескольких десятков человек. Как рассказывают местные жители, клика Пол Пота — Иенг Сари послала сюда солдат из разных частей для тайного уничтожения раненных, чтобы не заботиться об их лечении. Чаще всего трупы здесь сбрасывались в колодцы с питьевой водой и сверху заваливались камнями.

По совету жителей журналисты посетили деревни Тхонот Тотоунг, Сле Кодьонг, Локдап Пран, Черойко, Чупкрау, Трап Эранг, Крауко и повсюду находили колодцы, заполненные человеческими телами. В деревне Тхонот Тотоунг они увидели три колодца с черной пенящейся водой, над поверхностью которой выступали три черепа. В каждом колодце было по несколько десятков трупов.

В пяти километрах восточнее плантации Чуп у дороги N7 находятся город Суонг, центр уезда Табаунг Кхомум. Город образован девятью деревушками, раньше в каждой из них насчитывалось от одной до двух тысяч жителей. За месяц террора было уничтожено свыше трех тысяч человек.

Кхой Сум, председатель деревни Тон, устроил журналистам встречу с Нонг Ха, в семье которого погибло трое. Нонг Ха рассказал: «В деревне нет, пожалуй, ни одного дома, где не было бы жертв. В семьях Кат Соуна, Чан Мона, Чин Кана, Кхат Неапа, Танг Сокхима было убито от пяти до девятнадцати человек. В семье Танг Сокхима, например двенадцать человек были уничтожены в течение лишь одного вечера».

В июне 1978 г. клика Пол Пока — Иенг Сари направила в деревню роту солдат в черных рубашках. С наступлением ночи они стали врываться в дома и убивать жителей. В одной из могил мы увидели тела со связанными нейлоновой веревкой руками, перед убийством с них была сорвана одежда, а из кучи трупов торчала мотыга.

Нужно еще длительное время, чтобы сосчитать всех погибших. Здесь есть и местные жители, и согнанные издалека. Их убили лишь за то, что они проживали в районе, где нарастало движение сопротивления. Клика Пол Пота — Иенг Сари отдала приказ об уничтожении всех жителей 203-й военной зоны, так как, по мнению властей, «если против режима выступает военная зона, за ней поднимутся и уезды, за уездами — общины и деревни, а затем и все население».

Плантация Чуп всего лишь одна из капель в море крови, пролитой кликой Пол Пота — Иенг Сари на земле Кампучии.

ТОТАЛЬНЫЙ ГЕНОЦИД

Опустошив и разграбив города, лидеры «ангки» объявили о рождении новой, «демократической» Кампучии. Кумиром и «идеологической» вывеской для «красных кхмеров» был небезызвестный принц Нородом Сианук, который из Пекина руководил их действиями. Именно там была выработана программа построения новой Кампучии, где будет осуществлена «тотальная социальная революция». Что под этим имелось в виду, показали последующие события.

Прежде всего новые правители приступили к уничтожению «разложившихся элементов». В Баттамбанге, во втором по величине городе Кампучии, «красные кхмеры» приказали бывшим лонноловским солдатам и офицерам взять свои вещи из казарм и явиться к зданию школы на центральной площади города. На следующий день около тысячи бывших офицеров и трех тысяч солдат собрались в указанном месте. Им выдали по чашке риса и разрешили повидаться с родными. Пленные немного успокоились — с ними пока обращались учтиво. Войне конец, кампучийцы теперь не будут убивать друг друга, полагали они.

На следующий день город облетела весть — принц Сианук возвращается в Пномпень! Бывшие офицеры поедут в столицу и будут приветствовать нового главу правительства. Ком Кири, 52-летний майор пехотного полка, был среди тех, которых назначили в конвой почетного эскорта. Впереди колонны двигались джипы и бронированные лэндроверы, за ними шел автобус с че-

тырьмя десятками до зубов вооруженных «красных кхмеров», пять грузовиков с солдатами, и замыкал колонну бронетранспортер. В автомобиле, на котором находился Ком, царило радостное оживление. Один из «красных кхмеров» пустил слух, что после приветственной церемонии всем бывшим офицерам будет выдана официальная бумага о помиловании и им предоставят свободу.

Три часа колонна двигалась по направлению к Пномпеню по шоссе N5, а потом резко свернула в сторону к железной дороге. Смех и шутки среди пленных офицеров смолкли. В двухстах метрах от дороги они увидели цепь «красных кхмеров» с автоматами наизготовку. Машины остановились, и пленным приказали построиться. Ком спрыгнул с грузовика и огляделся — по правую сторону от дороги выстроились солдаты, заняли свои места пулеметчики. Слева тянулось поле, за которым виднелся лес. Нельзя было терять ни минуты — Ком бросился бежать. Ему вдогонку раздались выстрелы. Добежав до канавы, заполненной водой, Ком упал ничком на землю. В течение трех часов слышалась пальба у дороги — «красные кхмеры» убивали лонноловских офицеров. Из 400 человек уцелели только четверо — Ком и три его товарища.

Это один из многочисленных эпизодов кровавой бойни, учиненной «красными кхмерами» сразу же после прихода к власти. Были уничтожены все представители бывшего государственного аппарата, чиновники, экономисты, учителя, писатели, видные общественные деятели. Только в монастыре Ват Ек к северо-западу от Баттамбанга томилось в заключении свыше двух тысяч

преподавателей средних школ. Шофер, которому повезло бежать в Таиланд, поведал, что в мае 1975 г. на его глазах «красные кхмеры» убили топорами 17 бывших учителей. Это было в Ват Еке.

В первые месяцы после апреля 1975 г. новый режим развернул кампанию массовых убийств «интеллектуалов», к которым относили всех мало-мальски образованных людей.

В мае в деревне Кал Кабей округа Тмар Пуок появился взвод «красных кхмеров». Жителям приказали: «Ночью не выходить из домов». Встревоженные крестьяне опасливо косились на телегу, которую тащил трактор. В ней находились женщины от 18 до 25 лет. Наутро все поняли, почему им не разрешали выходить на улицу. «Несчастных женщин закопали по шею в землю, — рассказывает житель этой деревни, — а потом всем перерезали горло». Целую неделю крестьянам не разрешали хоронить их останки.

В ту весну нещадно палящее солнце высушило рисовые поля, арыки и каналы, заполненные гниющими трупами. Миллионы беженцев без воды и еды двигались по пяти главным дорогам. Спали где придется, ели что придется. Первыми умирали самые молодые и самые старые. Вот что вспоминает об этих страшных временах доктор Ван Хэй, который целый месяц скитался по дорогам, пока не представился случай бежать во Вьетнам: «Самое невыносимое было видеть как на твоих глазах гибнут дети. Многие из них умирали от инфекционных заболеваний. При мне была аптечка, и, пока в

ней были лекарства, я делал все, чтобы помочь больным ребятишкам, но я был один, а их было так много...»

Обычно колонну сопровождали вооруженные охранники, время от времени их меняли. Дисциплина была строжайшая: на глазах у Ван Хэя солдат убил шесть человек, которые настолько обессилели, что не могли поспевать за остальными. «Сначала они делают первое предупреждение, — рассказывает доктор, — потом второе, затем стреляют. Как правило, пристреливали пожилых людей...»

В Кампучии около 90 процентов населения исповедует буддизм. Для подавляющей части населения, в первую очередь для крестьянства, это не только религия, но и культура. В связи с этим уничтожение буддизма имело особый смысл: оно было направлено против культуры народа, его традиций.

В результате бесчинств, организованных режимом Пол Пота — Иенг Сари, из 2800 пагод в Кампучии не осталось ни одной. Многие пагоды были превращены в склады зерна и удобрений, в концлагеря и тюрьмы. Из 82 тысяч монахов выжили лишь немногие. Монахам запрещали носить культовую одежду, их принуждали работать в «народных коммунах». Согласно буддийским убеждениям, убивать и употреблять в пищу птицу — смертный грех. Полпотовские главари издали приказ, обязывающий монахов делать именно это. За отказ подчиниться их предавали смерти.

Уничтожению подлежали все буддийские книги. Населению запрещали молиться и вступать в монашеские ордена.

Были приняты меры по уничтожению ислама, который исповедовала главным образом народность чам, являвшаяся национальным меньшинством. В результате этих мер были разорены и разрушены все 115 исламских храмов. Часть из них была превращена в свинарники, другие взорваны или снесены бульдозерами.

Чамы были почти полностью истреблены. Из 20 тысяч человек, проживающих в пяти деревнях уезда Компонгсием провинции Компонгтям, в живых не осталось ни одного. Из нескольких десятков тысяч чамов, проживавших в семи деревнях уезда Компонгмеас этой же провинции, в живых осталось четверо.

Такая же судьба была уготовлена представителям других национальных меньшинств. Тринадцать этнических групп подвергались насильственной ассимиляции.

«Люди должны отказаться от своих имен и взять новые, близкие к кхмерской традиции. Убеждения, языки, этнические особенности, костюмы, обычаи, религия бывших национальностей подлежат решительному искоренению».

За невыполнение этих предписаний жестоко карали. Так, десятки тысяч людей, принадлежавших к нацио-

нальным меньшинствам Северо—Восточного района, были убиты вблизи города Стунг-Тренг. В их числе были почти полностью уничтожены работники этнической группы лао, включая военных и партизан, принимавших участие в борьбе против американской агрессии.

Поголовно уничтожалась интеллигенция: врачи, учителя, инженеры, артисты, ученые, студенты были объявлены смертельными врагами режима.

В директиве от 5 сентября 1977 г., распространенной в Восточном районе во исполнение решения руководства полпотовской партии, говорилось, что нужно удвоить революционную бдительность в отношении лиц, служивших в старом аппарате власти: техников, преподавателей, врачей, инженеров... поскольку партия приняла решение не использовать их. Считалось, что, если использовать опыт и знания этих людей для развития техники, враг при их посредничестве может проникать в государственный аппарат, что создает серьезную опасность для власти.

Эвакуируя городское население, полпотовцы заставляли представителей интеллигенции селиться в деревнях для... «перевоспитания». Интеллигентам приходилось скрывать происхождение и образование, чтобы избежать уничтожения. При этом интеллигентом считался всякий, кто носил очки, читал книги, знал иностранный язык, носил приличную одежду, в частности европейского покроя.

Интеллигентов, живших за границей, полпотовцы пригласили вернуться в Кампучию для участия в восстановлении страны. На этот призыв откликнулось около тысячи человек. Все они были направлены на каторжные работы и поголовно уничтожены.

Одновременно была уничтожена вся материальная база национальной культуры кампучийского народа. Были снесены такие центры культуры и искусства, как театр в Пномпене и театры провинциальных центров, музеи и кинотеатры; уничтожены телевидение и стадионы, университет изящных искусств и консерватория, библиотеки. Музыкальные инструменты, традиционные театральные костюмы, вся литература по искусству были преданы огню. Школы либо разрушались, либо превращались в тюрьмы, места пыток, в склады зерна и удобрений. Книги из библиотек, институтов, научно-исследовательских центров, имущество музеев уничтожалось, а ценнейшие предметы древнего искусства — похищались.

Была уничтожена половина исторических памятников, в том числе 1225 памятников архитектуры. Погибли всемирно известные архитектурные ансамбли Ангкорват, Ангкортхом и др.

Тюрьмы были превращены в фабрики смерти. Особо зловещую репутацию имела тюрьма Туолслент в Пномпене, где было истреблено около 10 тысяч человек. Перед отступлением полпотовцы успели уничтожить узников, содержащихся в этом лагере смерти. В живых осталось восемь человек, четверо из них — дети.

Массовой резней отметил режим Пол Пота — Иенг Сари последние часы своего существования. Кровавый заключительный аккорд чудовищной трагедии, которая в течение трех лет разыгрывалась на кампучийской земле.

(Использованы книги: Кампучия: от трагедии к возрождению. М. 1979; Геноцид! М. 1985)

ИРАК

КУРДЫ ЗАГНАНЫ В УГОЛ

Положение курдского народа в Ираке освещают журналисты Аза Авдали и Муафак Даргалаи. Их статью «Курды загнаны в угол» поместил журнал «Новое время», 1991, №16.

«Один из курдских руководителей сказал: «Если политика уничтожения нашего народа будет продолжаться такими темпами, то скоро все курды вымрут, и на земле их предков им поставят памятник. А делегации из дружеских стран, в том числе и из Советского Союза, будут приезжать к этому монументу и возлагать к его подножию цветы. Так не лучше ли сейчас подарить курдскому народу цветы, чем потом тратиться на ничемную гранитную глыбу?»

В 1920 г. между странами Антанты и Турцией был заключен Севрский мирный договор, который оформил раздел Османской империи. Некоторые пункты договора предусматривали, что курды центральной и южной частей Курдистана смогут обрести независимость. Но в 1923 г. Севрский мирный договор был отменен на Лозаннской конференции.

С тех пор курды с оружием в руках пытались добиться независимости. В 1970 г. был подписан договор с иракским правительством, согласно которому они получали право на долгожданную автономию. К сожалению, этот договор так и остался клочком бумаги...

Курды не могли смириться с этой исторической несправедливостью, усугубленной Алжирским соглашением между Ираном и Ираком (1975 год), которое лишало их даже иллюзорного права на автономию. Согласно этому соглашению, между границами двух государств создавался «пояс безопасности». Это означало насильственное выселение курдов из районов, расположенных в 30-40 километрах от границы. В курдские деревни и города привезли арабов, предоставив каждый семье по 20 тысяч динаров. Народ лишился национального очага.

В Ираке, где правит фашистский режим Саддама Хусейна, жизнь курда ничего не стоит. Иракский диктатор насильственно проводил политику арабизации курдского населения. Язык был запрещен. Национальные школы закрыты. Курдов не принимали на учебу в университеты, лишь вступившие в правящую партию Баас имели право на работу. Курдской молодежи был

закрывает доступ в республиканскую гвардию, в элитные части ВВС. Фактически государство вынуждало курдов выезжать за рубеж в поисках работы и пристанища.

Курдам было запрещено селиться во многих районах страны, особенно там, где были расположены нефтяные скважины. Одним словом, курды, испокон веков живущие в богатых нефтью районах, не имели никаких прав на главное богатство региона. На социальное развитие Курдистана не выделялось государственные средства. Унижение чести и достоинства народа — вот составные части национальной политики Саддама Хусейна.

Хусейн публично заявил о том, что он сделает все, чтобы в Ираке больше не звучало слово «курд».

25-миллионный народ с богатой историей, но не имеющий своей государственности, лишенный элементарных человеческих прав, заслуживает, чтобы его голос был услышан в мире. Почему милосердие так избирательно, почему о палестинской проблеме всегда так много говорилось в СССР, но не уделялось и малой толики внимания трагедии курдского народа? А ведь гражданами Советского Союза являются более 150 тысяч курдов, а не палестинцев.

В октябре 1989 г. в Париже состоялась международная конференция, проходившая под лозунгом защиты прав курдского народа. После подробного обсуждения курдской проблемы был сделан вывод о дискриминации прав курдского народа в Ираке. Участники конферен-

ции ознакомились с обращением академика Сахарова. Сам Андрей Дмитриевич не смог приехать по болезни, поэтому обращение произвела Елена Боннэр. Вот что в нем говорилось:

«...Считаю, что конференция должна обратиться к Генеральной Ассамблее ООН с предложением об обсуждении курдского вопроса. Результатом этого обсуждения должна стать резолюция, обязывающая государства, на территории которых проживают курды, осуществить создание в населенных курдами районах национально-автономных курдских областей с предоставлением курдам должной самостоятельности... Должны быть осуждены все факты жестокости и беззакония по отношению к курдам в прошлом и приняты меры к недопущению их в будущем».

Потерпевший поражение в войне Саддам Хусейн вымещает свое унижение на курдах. Аморально в данной ситуации говорить о невозможности вмешательства во внутренние дела другого государства. Ведь речь идет о жизни миллионов людей, о судьбе целого народа.

Курды считают, что план английского премьера Дж. Мейджора о создании «зоны безопасности» для курдских беженцев на севере Ирака мог бы спасти жизни сотен тысяч наших соотечественников.

Гуманитарная помощь, которую сегодня многие страны стали оказывать беженцам, крайне необходима, но она не может прекратить трагедию.

Курды загнаны в угол, они идут на самые крайние меры: громят посольства Ирака в разных странах, устраивают демонстрации протеста, проводят голодовки. Мир должен осознать: пока будет существовать курдская проблема, спокойствие и безопасность в регионе невозможны. Хочется надеяться, что памятник курдам все же не понадобится...»

Член руководства фронта Иракского Курдистана доктор Махмуд Осман, совершивший поездку в Москву, отвечает на вопросы корреспондента «Нового времени» Александра Чудодеева. Это интервью напечатано в журнале № 19 за 1991 г.

«Новое время». Как изменилась ситуация в северном Ираке после ввода туда многонациональных сил?

Махмуд Осман. После того как Саддам Хусейн в очередной раз развязал геноцид курдов, международное сообщество решило не закрывать глаза на преступления багдадского диктатора. Гуманитарная помощь нам абсолютно необходима: ведь и сегодня от голода и болезней ежедневно гибнет до 100 человек. Детская смертность в десять раз превышает довоенный уровень. Реальна угроза распространения эпидемии холеры, которая грозит обернуться подлинной катастрофой.

Тем не менее поступают тревожные сообщения о том, что у ООН не осталось средств для оказания помощи иракским беженцам. Представители этой международной организации утверждают, что страны мира неохот-

но откликнулись на призыв о создании фонда помощи для беженцев из Ирака.

Вслед за «Бурей в пустыне» американцы разворачивают новую операцию — «Убежище». На окраине города Заху, где разместились штаб-квартира морской пехоты армии США, спешно возводится палаточный городок для приема беженцев. На обширной равнине к востоку от Заху строится еще один лагерь — Баджир. Для установки каждой из 200 палаток четверым морским пехотинцам достаточно 15 минут. Поэтому «зона безопасности» для защиты курдских беженцев быстро растет — ныне она имеет размеры 120 километров в длину и около 60 километров в ширину.

Иракских войск в «зоне» уже нет — по требованию американцев они убрались. Недавно генерал Джей Гарнер, командующий американскими силами в северном Ираке, заявил журналистам: «Иракцы делают все, что мы хотим». Это действительно так.

Тем не менее курдские беженцы боятся возвращаться домой.

Пока вернулось всего 2 миллиона беженцев — в основном это старики и старухи. Мы опасаемся, что находящиеся в Турции курдские беженцы могут остаться там надолго, а их поселения превратятся в подобие «лагерей палестинских беженцев». Люди понимают, что американцы пришли в северный Ирак не навсегда. Поэтому беженцы опасаются, что после их ухода снова вер-

нется саддамовская армия и опять начнутся ужасные репрессии. Вот почему встает вопрос предоставления гарантий безопасности курдов.

«НВ». Кто же по-вашему, их должен представить?

М. О. Трагедия нашего народа не является уникальной. Судьбы палестинцев, камбоджийцев, афганцев очень схожи с участью курдов. У мирового сообщества уже есть опыт решения этих проблем, хотя и не очень успешный. Но так или иначе мир пытается как-то потушить пожар войны в этих горячих точках. Про курдов же все забыли, будто курдской проблемы и не существует. А между тем многие страны приложили усилия, чтобы ее еще более усугубить и запутать.

На протяжении всей своей многовековой истории курды постоянно становились объектом подавления со стороны более сильных соседей. В современную эпоху Турция, Ирак и Иран решительно сопротивлялись самой идее создания независимого курдского государства, а западные державы не видели никаких причин для того, чтобы помочь курдам обрести независимость.

Возможно, наконец пришло время и миру принять сильное участие в разрешении нашей судьбы. Тем более что в отличие от палестинцев, которые борются за создание собственного государства, мы не претендуем на независимый Курдистан, а выступаем в составе единого Ирака, где были бы гарантированы права и свободы курдов.

«НВ». Но ведь нельзя рассчитывать на то, что подразделения многонациональных сил на штыках принесут столь желанную курдам автономию. К тому же «зона безопасности» столь мала, что говорить о размещении всех курдских беженцев здесь нереально.

Получается парадокс. Если курды не возвратятся в родные края, то эти места неминуемо будут заселены арабами. Следовательно, курдам не уйти от заключения соответствующего соглашения с С. Хусейном. Ясное дело, ему доверять трудно. Может быть, следует воспользоваться британским планом решения конфликта?

М. О. Мы действительно сели за стол переговоров с Саддамом Хусейном. Хотя это и вызвало в лучшем случае удивление, а как правило — осуждение мирового сообщества. В западных средствах массовой информации задавался вопрос: что сегодня стоит за состоявшейся в Багдаде встречей непримиримых противников и как курдские руководители могли обниматься и целоваться со своим злейшим врагом? Должен сказать, что никаких иллюзий в отношении правителя Ирака у нас никогда не было и нет. Возможно, целоваться с ним и не следовало, хотя подобный жест в традициях нашего народа. Он означает не более чем приветствие.

Но дело в другом: мы считаем, что в нынешней трагической для нашего народа ситуации требуется полагаться на разум, а не на эмоции. Наш народ нужно срочно спасать. Ему нужна передышка, а не война, в которой силы явно неравны. Фронт иракского Курдис-

тана выступает за предоставление курдскому народу автономии, а также соглашается на проведение демократических реформ в стране.

Первый раунд переговоров в Багдаде прошел успешно — договоренность с Саддамом в принципе достигнута. Багдадский правитель обещал провести в Ираке в течение ближайших шести месяцев свободные выборы и упразднить Совет революционного командования. Он же согласился включить Киркук — центр нефтедобычи на севере Ирака — в состав Иракского Курдистана. Кроме того, Хусейн дал добро на освобождение из тюрем всех политических заключенных курдов.

Разумеется мы не впадаем в эйфорию. Руководство фронтом осознает, что лишь гарантии международного сообщества смогут предопределить, будут ли договоренности долговременными или же, как и многие предыдущие, будут нарушены иракским руководителем.

Теперь несколько слов о предложении министра иностранных дел Великобритании Д. Хэрда, сделанном на недавней встрече глав дипломатических ведомств стран — членов ЕС. Цель предложения заключается в замене охраняющих лагеря беженцев американских, британских, французских и голландских войск полицейским контингентом ООН. Эту идею следует расценивать позитивно. В пользу британского плана говорит и то обстоятельство, что для его реализации не надо принимать новую резолюцию СБ ООН. Юридическим обоснованием для него может стать резолюция N688,

которая позволяет ООН осуществлять «гуманитарные акции» на территории Ирака.

Но реализация предложения Лондона — это лишь первый, на наш взгляд, шаг на пути решения курдской проблемы. Мы в целом хотели бы, чтобы международное сообщество играло гораздо большую роль, нежели выполнение полицейских функций. Фронт Иракского Курдистана рассчитывает на участие представителей ООН в наших переговорах с Багдадом. Причем, чтобы эти представители выполняли функции не только наблюдателей и свидетелей, но и выступали как арбитры при решении тех или иных спорных вопросов.

Кроме того, мы предпринимаем усилия к тому, чтобы на повестке дня будущей международной конференции по Ближнему Востоку рядом с палестинским вопросом стоял и курдский.

«НВ». В чем заключалась цель вашей поездки в Москву?

М. О. Она как раз и состояла в том, чтобы донести до советского руководства весь пакет наших соображений и предложений. Здесь, в Москве, я имел встречу с членом Совета безопасности СССР Евгением Примаковым, разговаривал с ответственными сотрудниками МИДа...

«НВ». С Евгением Примаковым вы также обнимались и целовались в знак приветствия?..

М. О. Нет. После багдадских поцелуев мы сильно напуганы мировой реакцией на этот факт и стараемся на время отказаться от наших традиционных форм поведения. Хотя господина Примакова я давно знаю, глубоко уважаю и мне незазорно его обнять и поцеловать. Евгений Максимович — отличный собеседник, прекрасно разбирается в курдских делах. Это положительный момент нашей встречи. Отрицательный же состоит в том, что ее результативность крайне мала. Особенно если учитывать размах той трагедии, которая происходит сейчас в северном Ираке.

Мне вообще непонятна нынешняя политика вашей страны в регионе, в частности ваша позиция в курдском вопросе. Раньше вы вообще нас не замечали и разговаривать не желали. В этом отношении, несомненно, моя встреча с господином Примаковым — это определенный прорыв. Сейчас, когда весь мир вспомнил о курдах и решил нам помочь. СССР делают вид, что его это совсем не касается. Данное поведение выглядит по меньшей мере странным.

«НВ». Несколько дней назад на родине «мудрого правителя» в Тикрите широко отмечалось 54-летие Саддама Хусейна, которое было названо «днем рождения нового Ирака». Этим празднованием иракский руководитель стремился показать Западу, что он и руководимая им партия Баас останутся хозяевами в стране. Соответствует ли это действительности?

М. О. Полагаю, что это не совсем так. Если бы он был настолько силен, как это уверяют в Багдаде, то с нашим

народом он разговаривал бы только на языке автоматов. Что касается фарса с днем рождения, то он лишний раз характеризует этого человека. Страна лежит в развалинах. А «мудрый правитель» в это время заявляет о новом рождении страны. Все это мне напоминает известную историю с Марией Антуанэтой, женой французского короля Людовика ХУ1: когда голодный люд пришел к королевскому дворцу требовать хлеба, королева призвала народ есть пирожные. Как и французская королевская чета, Саддам Хусейн полностью утратил чувство реальности и стыда. Думаю, что, подобно Людовику ХУ1 и его жене, иракского диктатора ждет тот же бесславный конец.

ЮАР

АПАРТЕИД — «ОБОСОБЛЕНИЕ», «РАЗДЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ»

Единственной страной в мире, в которой принцип расового неравенства положен в основу конституционного устройства, является Южно-Африканская Республика — ЮАР, расположенная на самом юге Африки.

Южноафриканский премьер Х. Фервурд определил смысл политики государства следующим образом: «Если свести эту проблему к простейшей формуле, то она заключается в следующем: мы хотим, чтобы Южная Африка оставалась белой... Сохранить ее белой может

означать только одно, а именно — господство белых. Не «руководство», не «наставления», а «контроль», «превосходство». (Сегрегация в Южной Африке. Вопросы и ответы о политике апартеида. Нью-Йорк, ООН, 1970).

В настоящее время в ЮАР проживает более 30 миллионов человек, из которых 4,6 миллиона — белое население, обладающее всеми гражданскими и политическими правами. Африканцы же — а их более 21 миллиона — не имеют права голоса и поэтому не могут влиять на политику правительства.

Законы «О землях туземцев» и «О туземных землях и земельном фонде» — это юридическое закрепление определенной площади за определенной категорией населения в зависимости от расовой принадлежности. При этом 87 процентов территории страны закреплено за белым населением и 13 процентов — за африканцами.

В 1950 г. был принят закон «О расселении по расовым группам», устанавливающий определенные места проживания для каждой из расовых групп. Неукоснительное соблюдение властями этих законов привело к массовому переселению миллионов не белых жителей страны, сопровождавшемуся многочисленными трагическими событиями.

Жители местечка Дрифонтейн, приговоренные к насильственному выселению с земли, которая принадлежала им на протяжении многих лет обратились через газету «Нью-Йорк таймс» к мировой общественности со

следующими словами: «Когда мы предавали земле тех, кто ушел от нас навсегда, мы полагали, что им навечно уготованы мир и спокойствие. Мы заплатили за землю, на которой живем и намерены сохранить ее за собой. Мы не хотим владеть землями, на которые нас вытесняют. Мы скорее незаконно поселимся на незанятой земле, и (кто знает?) когда еще кому-нибудь придет в голову переселять нас вновь? Почему мы должны уезжать? Потому что правительству понадобились наши угодья? Ради скрытых в них полезных ископаемых? Решилось бы оно переселять белых — вывозить их автобусами в бесплодные районы, где нет ни дорог, ни воды, ни школ, ни магазинов — ничего?»

«Разделяя расы во всех, насколько это возможно, областях, — утверждает И. Г. Стрейд, один из приверженцев политики апартеида, — мы сумеем предотвратить столкновения и трения между белыми и африканцами. В то же самое время с точки зрения справедливости к африканцам им должна быть предоставлена возможность развития в обособленных, принадлежащих им районах под опекой белых и в соответствии с их природой и особенностями. Коль скоро их развитие происходит в условиях системы, наилучшим образом отвечающей их натуре и традициям, достигается их собственное самоуправление и представительство общин на всех уровнях национальной жизни».

Вступившая в силу в 1984 г. конституция ЮАР не только закрепила лишение африканцев политических прав, она отказала им в основном праве человека — иметь собственную родину. Создавая видимость признания прав африканцев на суверенное развитие в бантуста-

нах, а в действительности закрепляя контроль белых над основной частью страны, власти ЮАР по существу насаждают неокolonизм в отношении коренного народа Южной Африки. Иностранцы (белые), эмигрировав в ЮАР, имеют возможность стать ее гражданами. В отличие от них родившихся в ЮАР африканцам навсегда отказано в такой возможности.

Африканеры утверждают, что современные реформы де Клерка ведут к развалу южноафриканского государства. В чем же тут дело? Об этом рассуждает журналист Мидхат Зарипов в статье «Трансвааль, Трансвааль — страна моя...» (Новое время. 1991, №40).

«Каждое утро сотни тонн взрывчатки выдаются со складов горнорудных предприятий ЮАР. Проконтролировать расход динамита практически невозможно. Любой из рабочих, уходя со смены, может прихватить с собой две-три шашки: личные досмотры белых служащих здесь не практикуются. Недавно полиция в пригороде Йоханнесбурга обнаружила склад взрывчатки, похищенной с шахт. Здесь же был конфискован целый арсенал оружия, принадлежащего организации «Афганское движение сопротивления» (АРМ). Значит ли это, что белая община ЮАР готовится к войне?

Президент де Клерк ничего не скрывал. Наоборот, он все время говорил о своем намерении построить «новую Южную Африку», освобожденную от апартеида. Но белые южноафриканцы — племя», состоящее из 5 миллионов человек, которое живет среди 26 миллионов черных и 4 миллионов индийцев и метисов, — не слушали

его. И вдруг небеса обрушились на их голову — лидер АНК Нельсон Мандела вышел из тюрьмы, правительство вступило в диалог с «черными террористами». Конечно, для африканеров это шок. Либералы говорят, что они потрясены и взволнованы храбростью де Клерка. Сторонники апартеида возмущены и настроены в высшей степени враждебно.

Но все испытывают тревогу. Они осознают, что идет отсчет последних дней существования апартеида, что рано или поздно им придется отдать часть власти, а может быть, и всю ее черному большинству. Как это будет происходить? Быстро меняющаяся обстановка в ЮАР привела к тому, что белый человек оказался как бы во временном провале: старые идолы разрушены, а новые грозят хаосом и еще большими разрушениями.

Дело в том, что «белое племя» далеко не однородно. Крепость апартеида только со стороны казалось монолитной, фактически она давно дала трещины. Англофоны (их в ЮАР два миллиона) составляет костяк либеральной партии и группировки «ферлигт», выступающей против апартеида. С определенными оговорками они приняли «перестройку» де Клерка. Их символ хозяин южноафриканских золотых рудников Гарри Оппенгеймер, создатель империи «Англо-Америкэн корпорейшн», утверждает, что экономика страны не может выжить, если чернокожие остаются вне общества.

Деловые круги не слишком задумываются о расах и расовых конфликтах. Либералы хотят социал-демократии, которая сгладит бы различия между бедными и бога-

тыми, а не между черными и белыми. По их мнению, единственный выход из создавшегося положения — это правительство, представляющее большинство населения. В противном случае, говорят либералы, мы и впредь будем сидеть на пороховой бочке. Правда, демократически настроенных белых беспокоят междоусобные столкновения внутри черной общины ЮАР, дестабилизирующие ситуацию в стране. Надежды здесь возлагают на начавшийся диалог между соперничающими организациями черного большинства — АНК и «Инкатой».

Иначе мыслят правые силы, или, как их называют в ЮАР, «фекрампт» — «твердолобые». «Англофоны могут себе позволить быть либералами, — мрачно иронизируют африканеры. — У них у всех в левом кармане британский паспорт. А нам отступать некуда». И в этом буры правы. Ведь их предки — голландцы и гугеноты, бежавшие из Франции после отмены Нантского эдикта, стали первыми поселенцами Капской провинции. С Библией в кармане, ружьем в одной руке и киркой в другой они осваивали Трансвааль и Оранжевую, строили первые форты. Африканерам некуда возвращаться, они стали белыми африканцами.

Выживание во все времена было главной заботой буров. Долгие годы идеологи апартеида приучали белую общину к осадному мышлению. Поэтому неудивительно, что широкую поддержку в среде африканеров получила идея «государства буров — Бурестаат». Лидер Партии бурского государства (ПБГ) Роберт ван Тондер утверждает: «ЮАР — нежизнеспособный конгломерат. Здесь проживает не одна нация, а целых 15, белых и

черных. Если их и впредь вынуждать жить вместе, произойдет то же, что и в Советском Союзе — вспышка национализма. Мы требуем воссоздания бурского государства. Это будет убежище для белых».

Можно понять африканеров: их гложет тоска по Трансваалю — стране, аннексированной Британией в ходе англобурской войны 1900 г.

С ван Тондером блокируется и «Африканское движение сопротивления» во главе с Ю. Тербланшем. Этот импозантный, седобородый бур не любит говорить по-английски. «Я у себя дома. Если хотите побеседовать, приводите с собой культурного человека, который знает африканас», — отшивает он журналистов.

Сторонники АРМ утверждают, что сепаратистам сочувствует практически вся белая глубинка ЮАР. По крайней мере в городках трансваальского буша бытует четкое убеждение: де Клерк — предатель, а черные — приди они к власти — готовы всех белых перестрелять. Впрочем, скоро количество желающих отделиться станет известно — уже заказаны удостоверения личности гражданина Бурестаата с изображениям эмблемы государства: орел, лев, первопроходец и повозка, увенчанные девизом «В единстве — сила».

Как мыслится организация государства буров? По мнению ван Тондера, Южно-Африканская Республика станет конфедерацией нескольких государств чернокожих африканцев и белых. Страна буров помимо Трансвааля

и Оранжевой провинции должна включить в себя район Фрейхел, присоединенный к Наталу после поражения в войне с англичанами. Претория и Йоханнесбург останутся в границах бурского государства. Хотя в ЮАР все и перемешано, как в омлете, большинство африканеров уже сейчас живут на «своей» земле. Другим же белым придется переехать сюда.

Очень знакомая ситуация, не правда ли? Все расселяются по своим квартирам. И обоснование совсем как у нас: отношения между различными народами Южной Африки станут намного лучше. Черные будут смотреть на буров не как на угнетателей, а как на друзей. Зулу-сы избавятся от британского влияния и станут процветать. У буров и флаг свой уже готов: красная, белая и синяя полосы нидерландского стяга плюс зеленая полоса, символизирующая плодородие Трансвааля. И отряды «охраны края» практически сформированы.

Напряженность в южноафриканском обществе заметно возросла после обнародования «Белой книги» об аграрной реформе в стране. План правительства де Клерка предусматривает отмену расистских ограничений на владения землей. Если учесть, что 87 процентов земли в ЮАР принадлежит белым, неудивителен всплеск сепаратистских настроений в общине. Лидер Консервативной партии А. Треурнихт заявил в парламенте, что администрация не оставляет белому населению иного выбора, как начать борьбу за выживание. Правые потребовали распустить парламент, назначить новые выборы или провести референдум о будущем ЮАР. Их расчеты ясны.

В настоящее время Националистическая партия имеет 93 места из 166. 39 мест принадлежат консерваторам, сильны другие правые. Опросы общественного мнения в фермерских районах показывают падение популярности правящей партии. Пока центр удерживает власть в своих руках, но идеи сепаратизма охватывают все большую часть общества. Играет ли де Клерк в «русскую рулетку»? Ответ на этот вопрос покажет будущее. Пока же, к сожалению, прогнозы оптимизма не вызывают. Ведь в ЮАР достаточно тех, кто не желает поступаться принципами».

КОСА — ПРОТИВ ЗУЛУСОВ, БЕЛЫЕ — ПРОТИВ БЕЛЫХ

В Йоханнесбурге подписано очередное соглашение о мире. Но в стране сомневаются: положит ли оно конец войне черных против черных.

Н. Решетников, корреспондент «Нового времени», побывав в ЮАР, рассуждает о внутренних проблемах многонационального государства:

«Мне довелось побывать в Соуэто — черном пригороде Йоханнесбурга, населенном в основном племенем коса, на которое опирается Африканский национальный конгресс, затем в поселках Квазулу — на землях, где живут зулусы — сторонники «Иканти». Видел и сожженные жилища, и только что оплаканные могилы...

Каждый в отдельности зулус не держит зла на того, кто принадлежит к коса. То же самое наоборот. А между тем люди гибнут повседневно. За одну неделю до встречи в Йоханнесбурге, где 29 политических, государственных, профсоюзных и религиозных организаций подписали соглашение о мире, погибло 129 человек и свыше 600 было ранено.

Так кто же виноват в этой вакханалии насилия? На сей счет имеется несколько версий.

Первая и самая расхожая. Виноваты правые. В частности, руководители полиции и армии. Это, мол, они провоцируют столкновения, подогревают националистические чувства, трайбалистские разногласия...

Между тем, после личных встреч с бывшим министром законности и порядка А. Флоком я не склонен считать, что межплеменные конфликты инспирируются полицией. И, правда, зачем разжигать огонь, чтобы затушить его ценой собственных жизней?

Адриаан Флок однажды остроумно заметил: «Мы выступаем за то, чтобы наши оппоненты из черной общины как можно быстрее вошли в правительство. Потому что сейчас они критикуют нас извне. В противном случае они должны взять на себя ответственность за то, что происходит в стране, в том числе и за столкновения в черных общинах».

Другое дело — речи и призывы главы Консервативной партии Южной Африки доктора Треурнихта. Непримируемость его сторонников ведет к тому, что кровь льется теперь не только в столкновениях черных с черными, но и внутри белой общины. (В августе в результате «белой атаки» на президента и массовых столкновений с полицией в Вентередорпе погибло 8 буров). Доктор Треурнихт считает, что нельзя допускать черных до управления страной ибо это приведет не только к экономическому развалу, но и к гражданской войне.

Вот и вторая версия. Руководители двух основных враждебных группировок, еще не получив политической власти, приступили к ее разделу. Подоплека этих суждений ясна. АНК не скрывает, что претендует на главное место за столом переговоров о будущем безрасовом устройстве Южной Африки. Лидеры «Инкаты», в свою очередь, заявляют, что не хотели бы, чтобы кто бы то ни было представлял их интересы, поскольку они сами способны это сделать.

Третья версия связана с тем, что во внутриобщинной войне виновато правительство. Это формула удобна для всех: и левых, и правых, и центристов... Но я позволю себе заступиться за президента ЮАР Фредерика де Клерка. Он неоднократно встречался и с Нельсоном Манделой (АНК), и с Мангосуту Бутелези («Инката»). Президент убеждал их согласиться на проведение многопартийной конференции, на которой были бы сформулированы основные принципы безрасового, демократического устройства Южной Африки. Когда же все было готово к проведению форума, Нельсон Мандела неожиданно выдвинул ультиматум с требованием от-

ставки ведущих министров страны и тем самым фактически торпедировал конференцию.

Ф. де Клерк все-таки нашел в себе мужество пойти на разумный компромисс с АНК, хотя ему и пришлось выстоять перед ожесточенным натиском правой оппозиции среди белых. Они угрожали ему и сейчас. И все же он явился инициатором и последней конференции.

Так стоит ли строго судить президента? Может быть, лучше предложить ему сотрудничество и помощь в сложный период реформирования страны?

Значение последнего соглашения, несомненно, велико, однако рассчитывать на примирение в ближайшем будущем пока не приходится. Потому что по-прежнему дает о себе знать наследие апартеида. Как бы красиво ни выглядело братание Н. Манделы и М. Бутелези, они продолжают перетягивать политический канат, иногда втягиваясь в «войну слов», которая перерастает в реальную бойню между их последователями.

И все же остается место для хрупкой надежды: президент страны и его партнеры по политической ответственности за судьбу Южной Африки делают трудные шаги навстречу друг к другу.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

По инициативе венского журналиста Т. Герцля в конце августа 1897 г. в швейцарском городе Базеле состоялся I Сионистский конгресс, на котором присутствовало 197 делегатов из 17 стран мира. На Базельском конгрессе было фактически создано ядро организационной структуры международного сионизма — Всемирная сионистская организация, которую возглавил Т. Герцль.

Представители различных еврейских общин одобрили идею создания «еврейского национального очага» и приняли «Базельскую программу», в которой предусматривались конкретные шаги для осуществления этой цели.

«В своей книге «Еврейское государство», — писал сионистский историк Н. Сафран, — Герцль отдал предпочтение Палестине как месту для создания еврейского государства., но он был согласен и на какое-либо другое место. I Сионистский конгресс, однако, единодушно высказался за Палестину. Через несколько лет этот выбор подвергся испытанию, когда британское правительство предложило Герцлю территорию для расселения евреев в Восточной Африке. Герцль и многие другие сионисты были склонны принять это предложение,

но у сионистов из Восточной Европы сложилась твердая оппозиция любой альтернативе, кроме Сиона (название холма в Иерусалиме)...

Наконец, VII Сионистский конгресс, собравшийся в 1905 г., после смерти Герцля, отверг предложение о Восточной Африке и окончательно переориентировался на Палестину».

Между тем фактическая колонизация Палестины, которая в то время входила в состав Османской империи, началась гораздо раньше. Уже в 1882 г. там возникли первые поселения, основанные Палестинским еврейским колонизационным обществом, которое принадлежало банковской группировке Ротшильда. В самом конце XIX века во главе колонизации встала Всемирная сионистская организация, при которой вскоре были образованы экономические и финансовые учреждения, занимавшиеся скупкой земли у местных арабских и турецких помещиков.

«Освоение» Палестины в соответствии с положениями «Базельской программы» стало возможным благодаря тесному союзу, сложившемуся между ведущими сионистскими лидерами и правящими кругами Великобритании, давно стремившимися к установлению своего контроля над Ближним и Средним Востоком.

«Англия со своими владениями в Азии должна быть больше всего заинтересована в сионизме, — писал Т. Герцль, — так как кратчайший путь в Индию лежит

через Палестину. Великие политики Англии первыми поняли необходимость колониальной экспансии. Вот почему британский флаг реет на всех океанах. И поэтому, я надеюсь, в Англии идея сионизма, которая является колониальной идеей, легко и быстро будет воспринята в своей истинной и наиболее современной форме».

В годы первой мировой войны центром международного сионизма стал Лондон, где активно действовал президент Британской сионистской федерации (в будущем — первый президент государства Израиль) Хаим Вейцман. Установив доверительные отношения с такими политическими деятелями, как Ллойд Джордж, А. Бальфур, У. Черчилль, Г. Сэмюэль, Р. Сесил, лорд Мильнер и др., Х. Вейцман сумел убедить их в выгодах, которые Англия могла бы извлечь из сотрудничества с сионизмом.

Великобритания, стремившаяся к установлению своего контроля над Палестиной, рассчитывала на помощь сионистов в борьбе против национально-освободительного движения палестинцев. В ходе первой мировой войны к этим соображениям добавилось еще одно обстоятельство, которое, по-видимому, сыграло решающую роль в окончательном выборе Великобритании в пользу сионизма. Обратимся к документу. Вот выдержка из доклада специальной королевской комиссии, созданной английским правительством для изучения ситуации в Палестине, сложившейся во время первой мировой войны:

«В своих показаниях перед комиссией Ллойд Джордж, являвшийся тогда (т. е. в годы первой мировой войны) премьер-министром., указал на серьезное положение, в котором оказались союзники по Антанте. Румыния разбита, русская армия деморализована французская армия неспособна предпринять широкое наступление, итальянцы потерпели серьезное поражение при Капоретто. Британские суда общим водоизмещением в миллионы тонн пущены ко дну германскими подлодками. Ни одна американская дивизия так и не появилась в окопах. В этой критической ситуации возникло мнение, что симпатии или антипатии евреев могут изменить в ту или иную сторону положение союзников. В частности, симпатии евреев могли обеспечить странам Антанты поддержку американского еврейства...»

В докладе комиссии не указывалась еще одна причина, побудившая британское правительство к всемерной поддержке сионизма. Так, например, по мнению современного английского историка К. Сайкса, «перед ноябрем 1917 г. считалось, что открытая поддержка сионизма Англией оторвет русских евреев от большевистской партии».

2 ноября 1917 г. после длительных переговоров сионистских лидеров с английскими правящими кругами появилась на свет так называемая Декларация Бальфура, в которой правительство Великобритании обещало сионистам оказать помощь в создании еврейского «национального очага» в Палестине. Декларация, имевшая столь важное значение для последующего хода событий на Ближнем Востоке, имела вид частного письма, адресованного министром иностранных дел Англии Джейм-

сом Бальфуrom могущественному еврейскому магнату лорду Ротшильду.

«Министерство иностранных дел 2 ноября 1917 г.
Мой дорогой лорд Ротшильд!

Мне доставляет удовольствие довести до Вашего сведения от имени правительства Его Величества следующее заявление, свидетельствующее о симпатии к планам еврейских сионистов, которые были представлены на рассмотрение кабинета и одобрены им.

Правительство Его Величества благосклонно относится к идее учреждения в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели, причем само собой разумеется, что не будет предпринято ничего, что могло бы нанести ущерб гражданским и религиозным правам существующих в Палестине нееврейских общин или правам и политическому статусу евреев в любой другой стране.

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы довели эту декларацию до сведения Сионистской федерации.
Ваш А. У. Джеймс Бальфур».

Декларация Бальфура в течение трех десятилетий искусно использовалась сионистскими лидерами в их борьбе за реализацию одной из своих главных целей — создание еврейского государства в Палестине.

Еще до опубликования Декларации Бальфура в печати она была вручена американскому президенту Вильсону и одобрена им, а в начале 1918 г. ее официально поддержали правительства Франции и Италии. На конференции в Сан-Ремо 25 апреля 1920 г. державы Антанты одобрили Декларацию Бальфура и вынесли решение о ее включении в текст Севрского мирного договора между странами Антанты и Турцией, который был заключен 10 августа 1920 г.

Тогда же участники конференции в Сан-Ремо приняли решение о передаче Англии мандата на Палестину, снабдив его дополнительной статьей, где указывалось, что страна-мандатарий несет ответственность за выполнение Декларации Бальфура. В июле 1922 г. британский мандат был одобрен Лигой Нации и вступил в силу 29 сентября 1923 г. В преамбуле соглашения о предоставлении Англии мандата на Палестину содержалась ссылка на Декларацию Бальфура, а в третьем параграфе преамбулы было четко сформулировано признание «исторической связи» евреев с Палестиной и «оснований для возрождения его национального очага в этой стране».

За несколько лет до британского мандата, а именно в январе 1918 г., в Палестине появилась так называемая сионистская комиссия, наделенная британским правительством полномочиями по подготовке условий для создания «национального очага». Присвоив себе функции «параллельной администрации», сионистская комиссия, действовавшая по инструкции Всемирной сионистской организации (ВСО), пыталась создать в Палестине свой, независимый аппарат управления.

Ответом на притязания сионистской комиссии явились массовые волнения арабского населения Палестины. «Возмущение арабов было, в частности, спровоцировано требованием комиссии об участии евреев в военной администрации и о наделении комиссии правом развернуть подготовку еврейских сил обороны» — писал американский специалист по ближневосточным проблемам Д. Дэвис,

Последнее объяснялось тем, что по окончании первой мировой войны британские власти распустили еврейский легион, которым командовал известный сионистский лидер В. Жаботинский, рассчитывавший со временем создать из него регулярную армию. После роспуска легиона В. Жаботинский приступил к формированию нелегальных «частей самообороны», впоследствии составивших костяк полурегулярной армии сионистов «Хагана».

Военные приготовления сионистов до предела накалили обстановку. В марте 1920 г. произошли вооруженные столкновения между переселенцами и местными жителями в северной Палестине. Несколько недель спустя ареной кровопролитных столкновений стал Иерусалим, где было убито несколько евреев и арабов, а раненых оказалось более двухсот человек.

«Равновесие терпимости», складывавшееся в Палестине в течение веков, было нарушено первой волной еврейских колонистов, хлынувших на «землю обетованную» еще до первой мировой войны. Причину сразу же возникшей в Палестине напряженности, с годами раз-

вившейся в ближневосточный конфликт, нетрудно понять, если учесть, что многие переселенцы, усвоившие шовинистские установки сионистской доктрины, поступали в соответствии с предложенной еще Т. Герцлем программой «освоения» Палестины.

«Предположим, например, — писал Т. Герцль, — что нам необходимо очистить страну от диких зверей. Мы не будем решать эту задачу так, как это делали европейцы в V веке. Мы не будем метать стрелы и копья и преследовать медведей. Мы организуем широкую и энергичную охоту, мы выгоним зверей и сбросим на них мелинитовые бомбы».

Сионистская формула «народу без земли — землю без народа» способствовала распространению почти биологического расизма в отношении арабов. Вот что писал о сионисте, бывшем депутате кнессета Шмуэле Даяне (отце бывшего министра обороны, а позднее министра иностранных дел Израиля Моше Даяна) израильский журналист Шабтай Тевет: «Арабы были для него принадлежностью этой дикой местности, подобно москитам, насекомым и диким зверям. Поэтому они воспринимались как временное явление. Подобно тому как дикая трава и колючий кустарник подлежали сожжению, а болота — осушению, пораженные болезнями и голодающие племена бедуинов должны были исчезнуть».

Если на первых порах сионистские эмиссары скупали у местных арабских феодалов пригодные для земледелия участки, что неизбежно вело к разорению и изгнанию с земли тысяч палестинских крестьян-арендаторов, то

впоследствии, по мере укрепления позиций сионизма в Палестине, стали возрастать притязания евреев и на руководящую роль в промышленности и сельском хозяйстве.

План создания в Палестине сионистских вооруженных формирований родился еще в начале века, когда на «земле обетованной» возникли первые разрозненные поселения иммигрантов. Небольшие вооруженные группы, носившие название «Бар-Гиора», были сформированы еще в 1908 г. В апреле 1909 г. на их основе была учреждена террористическая организация «Гашомер». В 1921 г. Исполком ВСО объявил о наборе добровольцев в вооруженные отряды «Хаганы». В 1929 г. был сформирован штаб «Хаганы», в функции которого входили мобилизация и военная подготовка личного состава, нелегальное приобретение оружия, разработка тактики ведения боевых действий против арабских повстанцев.

В 1924 г. идеолог милитаристской концепции сионизма В. Жаботинский заявил: «Нацпа программа не сложна. Цель сионизма — еврейское государство. Территория — оба берега реки Иордан. Метод — массовая колонизация. Решение финансовой проблемы — национальный заем... Следовательно, требование времени заключается в проведении новой политической кампании и в военной подготовке еврейской молодежи...»

Если сионизм и идея превращения Эрец Исраэля («Земля Израиля»). Так сионисты называли всю территорию подмандатной Палестины) в еврейское государ-

ство являются нравственными, то есть справедливыми, то эта справедливость должна быть установлена вне зависимости от чьего-либо согласия или несогласия... И если кто-либо попытается помешать осуществлению справедливости, ему следует дать отпор при помощи силы... Другой морали не существует».

Вопрос о переселенцах по-прежнему оставался главной заботой руководящих органов международного сионизма. Ведь подготовка к созданию еврейского государства путем постепенного «огосударствления» «ишува» было бы невозможно без постоянного притока еврейских иммигрантов в Палестину. Особого размаха иммиграция достигла во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Сионистские эмиссары развернули активную деятельность в лагерях для перемещенных лиц на территории Западной Европы, призывая евреев, переживших ужасы гитлеровского геноцида, переселиться в Палестину.

«Арабы знали, что политика сионизма наносит им ущерб, — писал в 1945 г. палестинский общественный деятель Эмиль Гури, — и что эта политика приведет в будущем к изгнанию их из собственной страны, в которой они жили веками. Время показало, что их опасения были оправданы и политика сионистов в Палестине действительно угрожает интересам и существованию арабов. Эти опасения проявляются в трех основных аспектах:

1) Арабы в Палестине в 1918 г. составляли 93% населения, евреи — 6%, а ныне, в 1945 г., арабы составляют

67% населения, тогда как евреи — 32%. Если сионистская иммиграция в Палестину будет продолжаться, то арабы могут со временем стать меньшинством в своей собственной стране... а впоследствии им, возможно, вообще придется покинуть ее.

2) В 1918 г. арабы владели 95% всех земель в Палестине, а в настоящее время в их руках остается не более 70% земель. Остальное перешло в руки евреев, причем та часть земли, которой они овладели, составляет половину лучших обрабатываемых земель...

3) Жители Палестины лишены возможности управлять своей страной, они чувствуют себя иностранцами на родине. Лишенные прав и независимости, они сегодня пользуются лишь правом избирать городские советы. Однако и это право до сих пор не обеспечивается на деле...»

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН на своем пленарном заседании приняла резолюцию 181 (II) о разделе Палестины и создании на бывшей подмандатной территории Англии в Палестине двух государств — еврейского и арабского. Под территорию еврейского государства с населением 1 008 800 человек выделялось 14,1 тыс. кв. км., арабское государство с населением 758 520 человек должно было разместиться на территории площадью 11,1 тыс. кв. км.

Пункт «А» части III резолюции гласил:
«Город Иерусалим учреждается как отдельная едини-

ца, пользующаяся специальным международным статусом и состоящая под управлением Организации Объединенных Наций».

Стремясь во что бы то ни стало не допустить создания арабского государства, сионисты уже в конце 1947 г. начали необъявленную войну за овладение всей Палестиной.

К марту 1948 г. они разработали программу действий по вытеснению арабских жителей под кодовым наименованием «План Д».

В апреле 1948 г. сионисты «перешли к политике умышленного нажима на арабов, чтобы вынудить их к бегству, применяя широкий спектр средств от искусной психологической войны до безжалостного изгнания силой».

В ночь с 9 на 10 апреля 1948 г. две группы террористов из «Иргун цвей леуми» и «банды Штерна» окружили арабскую деревню Дейр-Ясин, расположенную неподалеку от Иерусалима, и учинили там жестокую расправу над мирными жителями. По свидетельству представителя Международного Красного Креста, в ту ночь сионисты вырезали 254 человека — мужчин, женщин и детей.

Вот как это происходило:

«Выведенные из дома жители, в их числе и новобрачные, чью свадьбу недавно отметила деревня, оказались

в числе первых жертв. Их выстроили вдоль стены и расстреляли...

Двенадцатилетний Фахми Зайдан, один из тех, кому удалось выжить, рассказывал: «Евреи приказали всей нашей семье встать у стены и начали стрелять. Я был ранен в бок, но большинство из нас, детей, сумели спастись, так как мы прятались за родителей. Пули попали моей сестренке Кадри (4 года) в голову, моей сестре Самии (8 лет) в шею, моему брату Мухаммеду (7 лет) в грудь. Все, кто был с нами у стены, погибли: папа, мама, бабушка и бабушка, мои дяди и тети и некоторые из их детей...»

«Халим Ид, тридцатилетняя женщина, принадлежавшая к одной из влиятельных семей в Дейр-Ясине заявила, что видела, как человек всадил пулю в шею ее сестре Салхи, которая находилась на 9-м месяце беременности. Затем он вспорол ей живот ножом... Рассказы выживших указывают на то, что женщины, действовавшие в составе банд, соперничали в жестокости со своими сообщниками-мужчинами. Постепенно Дейр-Ясин превратился в ад, наполненный воплями, взрывами ручных гранат, запахом крови, пороха и дыма. Бандиты убивали, грабили, насиловали...»

А вот отрывок из протокола дознания, проведенного офицером британской полиции на месте преступления: «Многие школьницы были изнасилованы, а затем зверски убиты... Рассказывают случай, когда маленькую девочку в буквальном смысле разорвали на части. Многих младенцев изрубили на куски...»

Первая арабо-израильская война началась сразу же после провозглашения Израиля. Стремясь положить конец зверствам сионистов в отношении мирных арабских жителей, войска шести арабских стран (Иордании, Египта, Сирии, Ирака, Ливана и Саудовской Аравии) вступили на территорию Палестины. Боевые действия продолжались с перерывами до 23 марта 1949 г.

В ходе войны Израиль оккупировал 6,7 тыс. кв. км. арабской территории (что составляло чуть меньше половины всей площади, отведенной еврейскому государству резолюцией ООН.), в том числе значительную часть Иерусалима.

«Результатом осуществления «Плана Д», — писал Д. Дэвис, — и жестокой практики изгнания, которая продолжалась в ходе войны, было то, что к сентябрю 1948 г. сотни тысяч арабских жителей лишились своих домов, владений и средств к существованию».

(Использованы материалы книги Игоря Ярославцева «В чем обвиняется сионизм».)

ТРАГЕДИЯ САБРЫ И ШАТИЛЫ

15 сентября 1982 г., на 102-е сутки вероломной агрессии против Ливана, израильские войска вошли в Бейрут, ранее покинутый отрядами Палестинского движения сопротивления. Захватив ливанскую столицу,

оккупанты блокировали лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила, расположенные на южных окраинах города неподалеку от аэропорта.

Утром 16 сентября 1982 г., как свидетельствуют очевидцы, в районе аэропорта появились люди в военной форме оливкового цвета без знаков различия. Их было около тысячи. 18 сентября мир узнал о кровавой расправе над мирными жителями Сабры и Шатилы.

27 сентября 1982 г. парижская газета «Матэн» опубликовала рассказ жительницы Шатилы по имени Лейла. 16 сентября в ее дом ворвались вооруженные люди. «Всем на улицу! — приказали они. — Если у вас есть грудные дети, возьмите их с собой». Угрожая оружием, они отводили мужчин и юношей в одну сторону, женщин и детей — в другую. По словам Лейлы, эти люди принадлежали к отрядам так называемой «армии свободного Ливана», возглавляемой известным головорезом майором Хаддадом. Кроме них, Лейла видела на улицах лагеря израильских солдат и бойцов из формирований фалангистов.

Все произошло в считанные секунды. Отойдя на несколько шагов, убийцы вскинули автоматы и открыли огонь по безоружным людям.

Мужчины и юноши (среди них муж и два сына Лейлы) были убиты все до одного. «Я видела женщину с младенцем на руках, — рассказывала Лейла. — Ее убили,

а ребенок чудом остался жив. Один из людей Хаддада сказал: «Его надо прикончить», и тут же задушил его собственными руками.

«Как вы определили, что среди солдат были израильтяне?» — спросил Лейлу корреспондент газеты. «Они объяснялись на иврите, — сказала она. — Один из них разговаривал по полевому телефону. Он докладывал о том, что творилось вокруг».

Солдаты из воинства Хаддада и фалангисты с повязками «МР» (военная полиция) на рукавах оттаскивали трупы, не забывая при этом обшаривать карманы в поисках денег и драгоценностей. «Всюду была кровь, — рассказывала Лейла, — и убийцы наскоро засыпали ее песком».

«Армия свободного Ливана». Так называются бандитские формирования, сколоченные бывшим майором ливанской армии Саадом Хаддадом на юге Ливана при помощи израильских спецслужб. Значительная часть этой «армии», насчитывающей по разным источникам от двух до четырех тысяч человек, состоит из фалангистов и других правохристианских элементов, как местных, так и перебросенных морем из порта Джуния на севере в Хайфу (Израиль) и оттуда по суше в южные районы Ливана», как ее представляет израильское командование, — борьба с отрядами ПДС и Национально-патриотических сил на юге Ливана.

«Это началось вечером 16 сентября, — сообщил журна-

листам один из жителей Шатилы Ибрагим Насер. — Мы с женой и детьми были у друзей в северной части лагеря и только поэтому остались живы. В тот день после длительного артобстрела израильские танки появились на главных улицах южной части лагеря и перекрыли все выходы. Мы слышали стрельбу, видели осветительные ракеты, но не придали этому особого значения, так как за долгие годы жизни в лагере привыкли к выстрелам. А ведь это было настоящее побоище — они уничтожали всех подряд».

Голос Ибрагима дрогнул, он стиснул кулаки. «Никого из тех, с кем я бок о бок прожил здесь почти сорок лет, не осталось в живых. Варвары не пощадили даже грудных детей».

«В Шатиле у меня много родных, но сам я живу в Бейруте, — начал свой рассказ учитель местной школы Аднан Мааруф. — В пятницу я решил навестить родственников. С трудом пробравшись через израильские кордоны, я вошел в лагерь и оказался одним из первых, кто увидел весь этот ужас. Убийцы пытались уничтожить следы бойни — засыпали трупы землей, утрамбовывая ее гусеницами танков. Дома сносили бульдозерами. Оставшиеся в живых в панике прятались в подвалах. Если бы они знали, что этим обрекают себя на еще более страшную смерть... Бандиты бросали в подвалы гранаты, а потом взрывали дома динамитом, погребая под развалинами живых и мертвых...»

Рассказывает Дэвид Грей, хирург из Великобритании, работавший в палестинском госпитале «Газа»:

«Уже в четверг 16 сентября до нас донеслись слухи, что в лагере беженцев ворвались какие-то солдаты и убивают всех подряд...» Поначалу врачи не придали этим слухам особого значения — чудовищная истина открылась им лишь через день.

Рано утром в субботу в госпитале появились вооруженные люди. Они разрешили остаться с больными одному врачу и одной медсестре, а остальных работников госпиталя, около 20 человек (среди них были англичане, американцы, норвежцы, шведы, датчане, финны, западные немцы и палестинцы), отвели на территорию Сабры.

Там врачи увидели чудовищные следы кровавой бойни — изуродованные трупы на улицах, забрызганные кровью стены. Двух палестинцев из медперсонала убийцы отвели в сторону и тут же расстреляли. Иностранным врачам они приказали снять с себя белые халаты и передники. «Не надо было обладать особым воображением, чтобы представить себе, для чего это делается», — сказал Грей.

К счастью, бандиты вовремя одумались, испугавшись ответственности за убийство врачей из западных стран. Один из фалангистов даже извинился перед ними за «причиненные неудобства». Грей и его коллеги спаслись только из-за нежелания убийц навлечь на себя гнев западных правительств», — заявил журналист Дж. Редден, интервьюировавший Грея.

В субботу 18 сентября журналисты, дипломаты и наблюдатели ООН, прибывшие в лагерь Шатила, оказались свидетелями ужасающих последствий кровавой бойни. Среди руин валялись окровавленные, облепленные мухами трупы мирных палестинских жителей, ставших жертвами преступления, заставившего содрогнуться весь цивилизованный мир.

В тот же день американское агентство ЮПИ передало из Бейрута срочное сообщение: «Репортеры видели сотни трупов мужчин, женщин и детей, уничтоженных в лагерях палестинских беженцев в Западном Бейруте».

«Лагерь палестинских беженцев Шатила на Южной окраине Бейрута фактически превращен в руины, — сообщил корреспондент ТАСС Ратмир Орестов. — В воздухе стоит удушающий трупный запах, земля усеяна стреляными гильзами. Повсюду валяются вещи, еще недавно принадлежавшие жившим здесь людям. Земля — и это не преувеличение — пропитана кровью. Везде работают бригады добровольцев и представителей Международного Красного Креста. Надев противогазы, они разгребают руины, извлекают оттуда сотни трупов».

А вот репортаж корреспондента ЮПИ Уолтера Висниевски, переданный в Нью-Йорк после полудня 18 сентября:

«У Ибрагима аль-Бурги (49 лет) не было никаких шан-

сов на спасение. Его и еще восемь убитых мужчин нашли неподалеку от главного входа в палестинский лагерь Шатила. Все они убиты выстрелами в упор. Смерть, видимо, наступила мгновенно. Их трупы — первое, что я увидел в лагере.

То, что мне довелось увидеть потом, было еще ужасней. Трупы женщин и детей уже раздулись от палящего солнца, над ними кружили тучи мух. Это было страшное зрелище. Только за 20 минут (за это время мы обошли лишь незначительную часть территории Шатилы) я насчитал 200 трупов. Большинство домов в лагере были разрушены бульдозерами. Немало трупов оказались погребенными под грудями щебня и обломков. Казалось, что убийцы задались целью уничтожить все живое... Девять мужчин у стены, чуть дальше еще 15 других были расстреляны из автоматов, а затем по трупам проехал грузовик. Рядом с телом Ибрагима аль-Бурги валялся пакет с хлебными лепешками. А чуть дальше — цветные фотографии двух мальчиков и двух девочек, видимо его детей, и несколько фотографий жены. В кармане у Ибрагима аль-Бурги обнаружили ливанский паспорт; возможно, он даже не был палестинцем. Его убили только потому, что в тот страшный день он оказался в лагере палестинских беженцев».

ТРАГЕДИЯ «СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РАЯ»

21 мая 1947 г. один из «отцов-учредителей» Израиля Давид Бен-Гурион записал в своем дневнике:

«Ахиллесовой пятой арабской коалиции является Ливан. Превосходство мусульман в этой стране искусственно и может быть легко ниспровергнуто. Там следует создать христианское государство с южными границами по реке Литани. Мы бы с таким государством подписали договор о союзе... Мы могли бы захватить Трансиорданию, после этого пала бы Сирия. А если бы Египет осмелился продолжить войну против нас, мы бы нанесли бомбовые удары по Порт-Саиду, Александрии, Каиру. Мы, таким образом, закончили бы войну, отплатив Египту, Ассирии и Халдее за наших предков».

В 1954 г. Бен-Гурион вновь выступил с идеей создания на территории Ливана христианского минигосударства. Для разжигания сепаратистских настроений и межобщинной розни в Ливане он предложил использовать деньги из фондов Еврейского агентства.

С годами, по мере развития Палестинского движения сопротивления, в обиходе израильской пропаганды появился провокационный тезис о так называемом «палестинском факторе».

«Палестинское присутствие» в Ливане, как известно, восходит к 1948 г., когда там появились первые палатки беженцев, пытавшихся спастись от сионистского террора. После 1970 г. в Ливан из Иордании переместилось командование ПДС и его боевые отряды, которым официальный Амман запретил ведение военных действий против Израиля с иорданской территории. Часть этих отрядов была переброшена в Южный Ливан. Под предлогом борьбы с «террористами» из ООП израильское ко-

мандование начало в широких масштабах применять на юге Ливана тактику карательных рейдов. Израильская артиллерия регулярно обстреливала ливанскую территорию; постоянные вторжения мелких подразделений, а иногда и крупных частей израильской армии нарушали суверенитет соседней арабской страны.

Так, за 7 лет фактической войны Израиля против Южного Ливана (1968-1975) сионисты совершили более 6200 мелких актов агрессии, более 4 тысяч раз бомбили с воздуха или обстреливали из артиллерийских орудий ливанские населенные пункты, 350 раз вторгались в его пределы силами от сотен до тысяч солдат. С 12 мая 1968 г. по 31 октября 1974 г. в результате этих террористических акций погибло более 500 мирных жителей, 765 были ранены, 151 похищены и уведены в Израиль. Ливанская армия потеряла 60 человек убитыми, 159 ранеными, 30 человек были похищены израильскими патрулями. За тот же период в южном Ливане агрессоры разрушили две тысячи домов, нанесли огромный ущерб поголовью скота и сельскохозяйственным посевам, вырубали много оливковых рощ.

Цель агрессора была ясна: заставить население бежать на север, освободив таким образом территорию для «людей без земли» — будущих израильских колонистов. Вот зарисовка об обстановке в Южном Ливане в начале 70-х годов, приведенная журналистом «Мидл Ист интернэшнл» со слов одного из жителей этого района: «Приграничные деревни по ночам освещаются израильскими прожекторами... Через громкоговорители передаются оскорбительные реплики в адрес ливанцев. Крестьянин, работающий на полях, рискует быть уби-

тым израильским снайпером. Чуть дальше от границы крестьяне и их дети могут быть изувечены или убиты бомбами замедленного действия, города в глубине ливанской территории также небезопасны. Около 70 процентов жителей Набатии по ночам покидают город и спят в близлежащих деревнях, боясь бомбежек и артобстрелов».

Изо всех сил раздувая назревавшие в Ливане внутренние противоречия и конфликты, сионисты стремились вбить клин между ливанцами и палестинцами, представить многострадальный народ, который они сами же лишили земли и родины, как непреодолимое препятствие благополучию Ливана. Разгорается гражданская война.

Перед вторжением в Ливан летом 1982 г., которое стало пятой за последнюю треть века ближневосточной войной, Израиль поставил определенные цели: разгромить организацию освобождения Палестины, утвердить в Ливане послушный режим, ослабить Сирию и вытеснить ее войска с ливанской территории, где они находятся под флагом Лиги арабских государств.

6 июня 1982 г. Израиль начал крупномасштабную агрессию против Ливана. Это было, по характеристике «Монд дипломатик», неравное противоборство между «гигантской военной машиной — одной из самых усовершенствованных и «обкатанных» в мире, с ультрасовременной техникой и сверхоснащенной авиацией, — и десятью тысячами партизан, имевших лишь легкое и среднее оружие...»

Прорутюжив гусеницами своих танков более 80 километров ливанской территории, войска агрессора вышли к южным пригородам Бейрута. 15 июня они приблизились к бейрутскому международному аэропорту, а их бронетанковые подразделения заняли позиции в пригороде ливанской столицы Баада, где находится резиденция президента республики.

Свидетельствует французский журналист Поль-Мари де Ла Горс:

«Живя в Бейруте, я почти каждый день шел пешком обычным маршрутом: либо к отделению агентства Франс Пресс, расположенному неподалеку от резиденции премьер-министра, либо к кварталу Верден, где жили мои друзья. Всякий раз я проходил мимо восьмиэтажного дома, который называли домом Авкара — кажется, по имени владельца. Размещался он на окраине квартала Саная. Как у любого городского дома, у него была своя жизнь, и я иногда замедлял шаг, приглядываясь к его обитателям — женщинам, болтающим у входа или переговаривающимся прямо из окон соседних квартир; молодым влюбленным, назначавшим здесь свидания, и, конечно, детям, целыми днями играющим в войну, как и все дети мира. Но для Бейрута это было обычное явление еще и потому, что с начала гражданской войны весной 1975 г. она стала частью повседневной жизни.

В этом доме жили палестинцы. В 1948 г. они покинули свои города и деревни, но были уверены, что когда-нибудь вернутся обратно — когда проведут новую грани-

цу, когда на помощь придут арабские государства, когда установится подлинный мир... Но они не вернулись. Они жили в лагерях на западном берегу реки Иордан. А в 1967 г., после «шестидневной войны», когда Израиль оккупировал Западный берег, они перебрались в Иорданию. Три года спустя палестинцам вновь пришлось сняться с места: они оказались на юге Ливана. В 1978 г., когда Израиль провел первые крупные операции на южном берегу реки Литани, они вновь были вынуждены уйти. Так они оказались в Бейруте.

6 августа 1982 г. исполнилось два месяца с начала новой ливанской войны. Я находился в Бейруте и жил, как обычно, в отеле «Бристоль». В течение нескольких последних дней израильтяне непрерывно обстреливали город, хотя уже были достигнуты договоренности между правительством Ливана, палестинским эмиссаром Филипом Хабибом о выводе сил ООП из Бейрута.

В 13.45 в дом Авкара попал первый снаряд, семью минутами позже — второй.

Израильтяне взорвали «вакуумную бомбу» американского производства. Вот что пишет о принципе ее действия военный обозреватель израильской газеты «Гаарец» Зеев Шифф: «Это своего рода гигантский распылитель, рассеивающий авиационное горючее. В момент попадания в цель специальное устройство распространяет вокруг себя облако горючей смеси, которая затем поджигается. Это вызывает «подлинный эффект взрыва, направленного вовнутрь в пространстве диаметром 15 метров». Возникающая пустота как бы притягивает

внешние стены к центру пострадавшего здания. Преимущество такого оружия заключается в том, что оно «разрушает исключительно запланированную цель». Действительно, всевозможные усовершенствования превратили «вакуумную бомбу» в своего рода самонаводящуюся ракету с гарантированным попаданием в цель.

В тот день израильская авиация применила «вакуумную бомбу» в порядке эксперимента — восьмизэтажный дом Авкара обрушился в мгновение ока. В течение четырех дней вооруженные лопатами спасатели тщетно пытались отыскать уцелевших людей. Следует добавить, что с объявлением воздушной тревоги многие жители соседних домов сбежали в укрытие — обширные подвалы дома Авкара. Не уцелел ни один». «Пари матч», 14 января 1983 г.

(Использованы материалы книги Ю. Тыссовского «Преступление без наказания». М. 1983)

Научно-популярное издание

ГЕНОЦИД И МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ

*Истребление
по национальным
и религиозным мотивам*

Подготовка текста

Ревяко Татьяна Ивановна, Трус Николай Валентинович

Корректор *Т. М. Никифорова*

Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.06.96. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. Печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,66. Тираж 21 000 экз. Заказ 435.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39-11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

**ГЕНОЦИД И
МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ**

**Истребление по
национальным
и религиозным
мотивам.**

Избиение христиан при Нероне
Избиение в Сирии и Египте в первом веке н.э.
Бегство христиан из Иерусалима
Репрессии второго столетия
Деяния мучеников
Последние гонения
Дело тамплиеров
Исламизация болгар
Крестовые походы
Черная смерть
Варфоломеевская ночь
Гайдамачина
"Двадцать четвертое августа"
Истребление индейцев
Работоторговля

**И сотни других трагических фактов
о массовом истреблении людей...**

ISBN 985-6274-98-2

90000

9 789856 274988

